

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 2 (117)

г. Иркутск

2026

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 2 (117) 2026

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836

Издается с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. П. Перетолчин, канд. юрид. наук, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р. Р. Мухина, главный редактор редакционно-издательской группы Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., ректор Байкальского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

В. И. Майоров, д-р юрид. наук, проф. проф. кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

И. В. Миннирес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Миннирес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника института по научной работе Сибирского юридического института МВД России

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 июня 2026 г. Дата выхода в свет 30 июня 2026 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 34

Тираж 1000 экз.

Первый завод 25 экз. Заказ № 13

Редакционно-издательская группа

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (117) 2026

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

110 Lermontov St., Irkutsk, 664074
Tel/fax (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2026

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. P. Peretolchin, candidate of legal sciences, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of internal affairs agencies of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R. R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Editorial and Publishing Group of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

B. Y. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

V. I. Mayorov, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor Head of the Department of Criminology, Forensic Science and Legal Psychology of Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Institute for Research Work of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.]

Passed for printing on 29 th June 2026. Publication date 30 th June 2026.

Price: free Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 34. Issue 1000 copies First issue 25 copies.

Order No. 13

Editorial and Publishing Group

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Авдеева О. А. Теория правотворчества: науковедческие и методологические аспекты.....	9
Бабурин В. В., Москаленко Г. Е. Юридикотехнические формы имплементации международных межведомственных договоров	23
Егоров А. А. Вопросы понимания права в политико-правовых воззрениях Л. Н. Толстого: современное прочтение	33
Завьялов А. Н., Горчаков Д. Е. Социальные и религиозные предпосылки формирования права на оружие: историко-правовой и сравнительный анализ	41
Юрковский А. В., Никонов П. В. Тенденции и предпосылки противодействия экстремизму и терроризму в Японии: особенности государственной политики	57

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Лянной Г. Г. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в эпоху цифровой экономики (на примере майнинговой деятельности).....	73
Самсонова Е. В. Основные вопросы, формирующие теорию миротворческого контингента МВД России.....	90
Сомиков К. А. Трансформация компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка	101

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Брянская Е. В. К вопросу об «иных доказательствах» в свете концепции внутреннего убеждения суда.....	115
Гафурова Э. Р. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений в сфере компьютерной информации	129
Вихарев Д. Д. Критерии разграничения административной и уголовной ответственности при незаконном сбыте сильнодействующих веществ в аптечных организациях.....	138
Казьмин В. В., Дашко Л. В. Роль экспертно-криминалистической службы МВД России в вопросах подготовки обучающихся по направлению пожарнотехнической экспертизы.....	151

Кузнецов Ф. А., Пархоменко С. В. Влияние семейной дисфункциональности на криминализацию подростков	172
Мингалимова М. Ф. Конфискация транспортных средств как доминирующий предмет кассационного обжалования	181
Михайлова Т. Н. Подотрасли уголовно-процессуального права: структурная значимость и предпосылки выделения	191
Молчанова М. С. Вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество родителем: социально-правовое обоснование концептуальной коллизии уголовного закона.....	202
Репецкая А. Л., Иванова А. Г. Безопасность на железнодорожном транспорте в России: понятие, современные угрозы, проблемы обеспечения	213
Реутская Е. А., Бархатова Е. Н. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконный оборот запрещенных в спорте веществ (субстанций) в Республике Беларусь и Российской Федерации	227
Усачева Е. А., Усачев С. И. Криминалистическое исследование мобильных телефонов: системный анализ проблем теории и практики	242
Шумакова Е. В. Доктринальные основы формирования учения о целях уголовного наказания.....	253
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	264

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Avdeeva O. A. Theory of law-making: scientific and methodological aspects.....	9
Baburin V. V., Moskalenko G. E. Legal-technical forms of implementation of international interdepartmental treaties.....	23
Egorov A. A. The concept of law in the political and legal views of L. N. Tolstoy: a contemporary reading	33
Zavyalov A. N., Gorchakov D. E. Social and religious prerequisites for the formation of the right to arms: historical, legal, and comparative analysis	41
Yurkovsky A. V., Nikonov P. V. Trends and prerequisites for countering extremism and terrorism in Japan: features of state policy.....	57

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Lyannoy G. G. Administrative and legal regulation of entrepreneurial activity in the digital economy: the case of cryptocurrency mining.....	73
Samsonova E. V. Theoretical foundations of the peacekeeping contingent of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	90
Somikov K. A. Transformation of the competence of local self-government bodies in the field of public order maintenance.....	101

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Bryanskaya E. V. On the issue of "Other Evidence" in light of the doctrine of judicial conviction	115
Gafurova E. R. Exemption from criminal liability in the field of computer information crimes	129
Vikharev D. D. Criteria for distinguishing between administrative and criminal liability for the illegal sale of potent substances in pharmacies	138
Kazmin V. V., Dashko L. V. The role of the forensic science service of the ministry of Internal Affairs of Russia in the training system of cadets and students in the field of fire-technical examination.....	151
Kuznetsov F. A., Parhomenko S. V. The influence of family dysfunctionality on the criminalization of teenagers	172

Mingalimova M. F. Vehicle confiscation as a dominant subject of cassation appeal.....	181
Mikhailova T. N. Sub-branches of criminal procedural law: structural significance and prerequisites for identification	191
Molchanova M. S. Involvement of a minor in vagabondism by a parent: social - legal justification of the conceptual conflict in criminal law.....	202
Repetskaya A. L., Ivanova A. G. Railway transport safety in Russia: concept, modern threats, and issues of ensuring	213
Reutskaya E. A., Barkhatova E. N. Comparative legal analysis of criminal liability for illicit trafficking of substances prohibited in sports in the Republic of Belarus and the Russian Federation.....	227
Usacheva E. A., Usachev S. I. Forensic examination of mobile phones: a systematic analysis of problems in theory and practice.....	242
Shumakova E. V. Doctrinal foundations for the formation of the doctrine of the goals of criminal punishment.....	253
INFORMATION FOR AUTHORS	264

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 9–22.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 9–22.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.1

ТЕОРИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА: НАУКОВЕДЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Авдеева Ольга Анатольевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
Avdeeva_O_A@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>

Введение. В статье исследованы актуальные вопросы, связанные с развитием отечественной теоретико-правовой юридической науки. К числу одного из ключевых направлений, заслуживающих внимания на доктринальном и правореализационном уровнях, отнесено повышение качества научного обеспечения правотворчества. Обозначены приоритетные направления науковедческого и методологического характера, способствующие совершенствованию правотворческой деятельности. Отражены социальные и юридические детерминанты правообразующего процесса, определяющие теорию правотворчества в качестве самостоятельной научной теории в общей теории государства и права. Определены перспективные направления развития теории правотворчества, связанные с совершенствованием правотворческой политики, повышением правотворческой культуры, обеспечением культуры правотворчества, осуществлением правотворческой деятельности, реализацией правотворческого процесса и развитием юридико-технических технологий.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, раскрывающие научные основы создания теоретических конструкций: исторический метод, направленный на воспроизведение последовательности хода развития правотворчества как предмета познания; логический метод, позволяющий установить сущностные свойства исследуемого объекта, внутренние и внешние причинные связи; системно-структурный метод, способствующий на основе теории систем определению закономерностей в развитии системных отношений в правотворческом процессе; метод правового эксперимента, предусматривающий конструирование правовой модели правотворчества с учетом ее реализации в определенных условиях правовой действительности; конструктивно-генетический метод, направленный на выявление «прогрессивных» и «регрессивных» результатов правотворческой деятельности; синергетический метод, в том числе системология, содействующие раскрытию системообразующих признаков правотворчества; алгоритмический метод, определяющий порядок построения правотворчества как юридической конструкции на основе познания правовой реальности, разработки и переработки правовой информации, использования техники и языка изложения правового материала.

Результаты исследования. Рассмотрена специфика двухобъектности и предмета исследования науки теории государства и права; показаны особенности реализации функций теории государства и права в системе юридического познания; отражена методология теоретико-правовых исследований с учетом традиционных и современных подходов; раскрыты науковедческие подходы к понятию научной теории; исследованы причины появления в общей теории государства и права частных юридических теорий; установлены социальные и юридические предпосылки формирования теории правотворчества; показано значение теории правотворчества в развитии отечественной теоретико-правовой юридической науки; показаны перспективные направления развития теории правотворчества с учетом современных реалий.

Выводы и заключения. Одним из направлений, имеющих особую значимость на современном этапе в контексте происходящих глобальных перемен, является интенсификация правотворческой деятельности государства. Осуществление правотворческой деятельности в новых политико-правовых реалиях связано с модификацией институтов национальной системы права на основе законодательных конструкций и юридических технологий, адаптированных к условиям их реализации. Повышение качества правотворческой деятельности требует научного обоснования методологических и организационно-процедурных начал правотворческой деятельности. Существенную роль в совершенствовании научных основ правотворческой деятельности играет разработанная в общей теории государства и права теория правотворчества на основе реализации специально-юридических, в том числе регулятивной, охранительной, компенсационной, восстановительной, ограничительной и общесоциальных функций, совокупность которых образуют методологическая, политическая, идеологическая, воспитательная, культурно-историческая, информационно-просветительская функции, а также функции социального контроля, правового моделирования и правового прогнозирования, содействует созданию теоретико-правовой конструкции правотворческой деятельности и правотворческого процесса. Новыми направлениями в развитии теории правотворчества в условиях современных правовых реалий являются правотворческая политика, правотворческая культура, культура правотворчества, правотворческая деятельность, правотворческий процесс и юридико-технические технологии.

Ключевые слова: правовая политика, правообразование, правотворческая политика, правотворчество, теория правотворчества, правотворческий процесс, правотворческая культура, культура правотворчества, юридическая техника

Для цитирования: Авдеева О. А. Теория правотворчества: науковедческие и методологические аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 9–22.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

THEORY OF LAW-MAKING: SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Olga A. Avdeeva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation,
Avdeeva_O_A@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>

Introduction. The article explores current issues in the development of domestic theoretical jurisprudence. A key area requiring attention at both doctrinal and law-enforcement levels is improving the quality of scientific support for lawmaking. The author identifies priority scientific and methodological directions that contribute to enhancing lawmaking activities. The paper also highlights the socio-legal determinants of the lawmaking process, which establish the theory of lawmaking as an independent scientific theory within the general theory of state and law. Finally, the article outlines promising avenues for the development of lawmaking theory, including the improvement of lawmaking policy, the advancement and promotion of lawmaking culture, the optimization of lawmaking activities, and the evolution of legal and drafting techniques.

Materials and Methods. In the course of the research, general and special scientific methods were used to reveal the scientific foundations for developing theoretical constructions. These include: the historical method, aimed at reproducing the evolutionary sequence of the object of knowledge; the logical method, which allows for establishing the essential properties of the studied objects and their causal relationships; the systemic-structural method, which helps identify patterns in the development of systemic relations based on systems theory; the method of legal thought experiment, which involves the mental construction of processes and states within a specific legal reality; the constructive-genetic method, aimed at identifying "progressive" and "regressive" outcomes of activity; the synergetic method, integrating systemology to determine the system-forming features of law-making; and the algorithmic method, which defines the procedure for building legal structures based on the cognition of legal reality, the processing of legal information, and the application of legal drafting techniques and language.

The Results of the Study. The article examines the dual nature and specific research subject of the general theory of state and law. It highlights how the functions of this discipline are implemented within the broader system of legal knowledge. Taking into account both traditional and modern approaches, the paper reflects upon the methodology of theoretical legal research and outlines scientific perspectives on the concept of a scientific theory itself. Furthermore, the author explores the prerequisites for the emergence of specialized legal theories within the general theory of state and law, and establishes the socio-legal factors behind the formation of law-making theory. Finally, the study demonstrates the significance of law-making theory in the evolution of domestic jurisprudence and analyzes current trends shaping its further development in contemporary conditions.

Findings and Conclusions. At the present stage of ongoing global transformation, the intensification of state legislative activity has acquired particular significance. Executing regulatory processes within these new political and legal realities requires the modification of

national legal institutions. This transformation must rely on legislative structures and legal techniques adapted to contemporary conditions. Furthermore, improving the quality of legislative work demands a rigorous scientific substantiation of its methodological, organizational, and procedural principles. The theory of law-making, developed within the general theory of state and law, plays a crucial role in enhancing these scientific foundations. This theory implements specific legal functions—including regulatory, protective, compensatory, restorative, and restrictive ones—alongside broader social functions. The latter encompass methodological, political, ideological, formative, cultural-historical, informational, and educational dimensions, as well as social control, legal modeling, and legal forecasting. Together, these functions establish a comprehensive theoretical and legal framework for legislative activities and the law-making process. In contemporary conditions, emerging areas within the theory of law-making include law-making policy, legislative culture, regulatory processes, drafting activities, and legal drafting techniques.

Keywords: legal policy, legal education, law-making policy, law-making, theory of law-making, law-making process, law-making culture, culture of law-making, legal technique

For citation: Avdeeva O. A. Teoriya pravotvorchestva: naukovedcheskie i metodologicheskie aspekty [Theory of law-making: scientific and methodological aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 9–22. (In Russ.).

Правовая политика, проводимая в Российской Федерации на современном этапе, характеризуется обозначением качественно новых стратегически значимых направлений, влекущих необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования деятельности как государственных и муниципальных органов государственной власти, так и иных участников правовой сферы, включая учреждения и предприятия различных форм собственности, общественные объединения и иные институты гражданского общества. Широкий спектр задач, поставленных в условиях новых угроз и вызовов, актуализирует также проблему, связанную с повышением качества процесса реформирования правовой сферы. В этой связи одним из направлений, имеющих особую значимость, является интенсификация правотворческой деятельности государства в контексте происходящих глобальных перемен.

Осуществление правотворческой деятельности в сложившихся на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях политико-правовых реалиях непосредственно связано с модификацией институтов национальной системы права, позволяющей создавать законодательные конструкции и технологии, адаптированные к условиям их реализации. При определении методологических и организационно-процедурных начал правотворческой деятельности существенная роль отведена научным основам их обеспечения, в том числе достижениям теоретико-исторической правовой науки в области познания правовой политики, правообразования и правотворчества.

Значение достижений теоретико-исторической правовой науки обусловлено реализацией наряду с регулятивной, охранительной, компенсационной, восстановительной и ограничительной таких основополагающих функций в системе юридических наук, как методологической, политической, идеологической, воспитательной, культурно-исторической, информационно-просветительской функций, функций правового моделирования и правового прогнозирования, способствующих на основе юридически грамотной вербализации и экспликации формированию в

концептуально-понятийной форме объективной системы знаний, позволяющей с учетом разработанного категориального аппарата создать правовые конструкции, подлежащие использованию на уровне отраслевых юридических наук.

Признание фундаментальной роли теории государства и права в системе юридических наук предусматривает разработку методологии юридического познания, предусматривающего сочетание двух уровней - теоретико-эмпирического и чувственно-рационального познания [1, с. 11-13]. Значение при разработке и построении теоретических моделей и конструкций имеют: исторический метод, направленный на воспроизведение последовательности хода развития объекта познания; логический метод, позволяющий установить сущностные свойства исследуемых объектов и причинные связи; системно-структурный метод, способствующий определению закономерностей в развитии системных отношений на основе теории систем; метод правового эксперимента, предусматривающий мысленное конструирование процессов и состояний, которые становятся возможными в определенной правовой действительности; конструктивно-генетический метод, направленный на выявление «прогрессивных» и «регрессивных» результатов в развитии как теоретического знания, так и практики его реализации.

Своеобразие методологии познавательного процесса на современном этапе состоит в эволюции структурализма к постструктурализму и постмодернизму, что позволяет раскрыть внутренние и внешние структурные связи явлений правовой жизни [2]. Особое внимание стоит сконцентрировать на методе создания систем. Следствием данного методологического подхода стало создание в общей теории государства и права частных теорий, в том числе теории правовой политики, теории правоотношений, теории правотворчества, теории правореализации, теории юридической ответственности и др.

Теория как продукт научной деятельности представляет собой «логически организованную», «концептуальную систему знаний», целостно, объективно и достоверно отражающую определенную область действительности [3]. К основным признакам научной теории относят: предметность познания, ориентированного на раскрытие общих и объективных закономерностей; системность полученного знания, предусматривающую создание системы знаний, основанных на внутренней взаимосвязи; полноту знаний, означающую раскрытие предмета познания в достаточном для познания предмета объеме; логическую обоснованность имеющихся о предмете знаний; отсутствие в системе знаний внутренних противоречий; достоверность знаний о предмете, подтверждаемую теоретической и практической апробацией; истинность знаний, предусматривающую объективный подход к получению знаний о предмете. Следовательно, признаками теории как формы рациональной мыслительной деятельности человека являются наличие целостной системы достоверных знаний, обоснованных, доказанных, не подлежащих сомнению положений, раскрывающих происхождение, развитие явлений и процессов с точки зрения причинной зависимости и взаимосвязи с иными внутренними и внешними явлениями и процессами. Структурными элементами теории являются: теоретическая модель (конструкция), категориальный аппарат (понятия, принципы), сформулированные положения, правила и способы их доказывания. По мнению Г. В. Атаманчука, теория характеризуется системой знаний, полученных на «доказательственных основаниях», подтвержденных фактами, событиями и явлениями, проверенных при решении проблем и сохраняющих ценность на протяжении длительного периода [4].

Обращаясь к анализу частных теорий в рамках общей теории государства и права, стоит привести мнение известного болгарского ученого Н. Неновски, который писал, что общая теория права с учетом специфики двухобъектности познания строится

из двух основных теорий как системы знаний о государстве и праве. Разграничивая объекты исследования теории государства и теории права, ученый отмечал наличие в каждой из них целостных систем знаний о предметах познания [5]. В. М. Сырых, в свою очередь, подчеркивает, что содержание данных теорий составляют понятия, категории, принципы и дефиниции, характеризующие предмет отрасли правовой науки и отражающие закономерности его возникновения и развития [6]. Появление частнонаучных юридических теорий обусловлено процессом конкретизации научного знания, сопровождающимся при сохранении целостности и взаимосвязи представлений разработкой специальных научных идей и категорий, способствующих углублению знаний. Как считает ведущий российский ученый в области правотворчества и юридической техники Н. А. Власенко, в теории права существует комплекс теорий, представляющих собой самостоятельные и высокоразвитые системы знаний, к числу которых стоит отнести теорию правотворчества, теорию толкования права, теорию систематизации юридических документов, теорию правоприменения и др. [7, с. 7].

С. В. Липень отмечает, что теорию правотворчества, как и другие теории, следует считать по отношению к общей теории государства и права частнонаучными юридическими теориями [8, с. 10].

Следовательно, научные теории в общей теории государства и права представляют собой систему объективных знаний о конкретном предмете познания, достоверно раскрывающих с помощью методологии рационального, теоретического и эмпирического познания закономерности его возникновения и развития посредством разработки специального понятийно-категориального аппарата в виде понятий, категорий, принципов, формирующих конструкцию (модель) концептуального обоснования и практической реализации.

Предпосылками формирования в общей теории государства и права теории правотворчества явились достижения отечественной правовой науки XIX - начала XX вв., способствовавшие формированию многовекторного подхода к его пониманию. Правотворчество рассматривали как правовое явление, которое:

- 1) возникает с образованием государства;
- 2) связано с реализацией уполномоченными органами государства деятельности по созданию нормативных правовых актов;
- 3) имеет ряд отличительных признаков по отношению к нормотворчеству, существующему с момента появления первичных форм самоорганизации общества.

Если нормотворчество признавалось свойством саморегулирующейся системы общественных отношений, то возникновение правотворчества было связано с утратой указанной системой внутреннего регулятивного потенциала, обеспечивающего упорядоченность данных отношений, и проявлением воли государства. Определяя «общие условия» законодательной деятельности, Н. М. Коркунов отмечал значимость юридических и технических правил, выделяя среди них: 1) учет «настоятельной потребности»; 2) «устойчивость» данной потребности; 3) «строгую обдуманность выработки» нормы права; 4) «определенность» в изложении нормы права [9].

Правотворчество по мере развития науки теории государства и права стали изучать как правовую категорию. Правотворчество исследовали как правовую модель, предусматривающую процедуру социально значимой юридической деятельности, которая формируется под влиянием политико-правовых факторов и предполагает синтезирование

интеллектуальных и волевых свойств субъекта данного вида деятельности. Правотворчество подлежало изучению с точки зрения регламентируемой компетентным органом государства правовой модели, определяющей организационные и функциональные начала создания нормативных правовых актов. На основе отраслевого подхода к строению системы права и определению государственного (конституционного) права как ведущей отрасли была разработана теоретическая конструкция правотворчества. Практическое предназначение теоретической конструкции правотворчества состояло в разграничении видов законотворческого процесса [10].

Создание теории правотворчества как самостоятельного направления в отечественной науке теории государства и права наметилось в советский период. Концептуальные признаки, свойственные правотворчеству и отличающие его от иных теоретических конструкций, получили отражение в работе известного правоведа А. М. Нашиц [11]. В последующем была издана коллективная монография, в которой О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева, А. С. Пиголкин, С. В. Поленина, Р. О. Хадфина обозначили подлежащие исследованию в рамках теории правотворчества перспективные научные направления, связанные с определением: 1) места правотворчества в правовой науке; 2) правотворчества как научно обоснованного целенаправленного процесса; 3) статуса субъектов законодательной инициативы; 4) влияния объективных факторов и соотношения социальных и политических детерминант при «выработке законодательной политики»; 5) методов познания объективных факторов и способов выявления потребностей при осуществлении правотворчества; 6) организационных и методических аспектов прогнозирования в правотворческой деятельности; 7) «рациональной модели структуры правотворчества»; 8) видов, форм и правил оформления нормативного акта; 9) «качественных и количественных параметров нормативных актов»; 10) языка законодательства; 11) закономерностей в развитии законодательства; 12) научных и организационных основ планирования законодательства; 13) законодательной техники; 14) юридической культуры правотворчества [12].

Развивая идею о выделении теории правотворчества в общей теории государства и права в целях обеспечения «органического единства» вышеуказанных научно-исследовательских направлений, ученые отмечали целесообразность углубления знаний о сущности и содержании данной правовой категории с точки зрения: 1) теории познания в определенной сфере правоведения; 2) теории познания правотворческой деятельности (субъектов, принципов, стадий); 3) теории познания результатов правообразования. Разработка теории правотворчества призвана была способствовать развитию понимания самого процесса правового творчества и «механизма правотворческого процесса» [13].

По мере развития теории правотворчества дальнейшему осмыслению подлежало место правотворчества в правообразовании. А. С. Пиголкин в этой связи отмечал, что правообразование стоит рассматривать как процесс формирования права, являющегося социальным образованием [14]. Правообразование, соотносимое с правотворчеством как общее и частное, предлагалось исследовать с точки зрения социальной его детерминированности совокупностью естественно-природных, материальных, идеологических, политических, субъектно-волевых и иных факторов, а также необходимости и целесообразности установления качественно новой формы воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения. Вследствие этого в теории

правотворчества стали разграничивать два взаимосвязанных аспекта – социальный и юридический. Социальный аспект в раскрытии правотворчества ориентировал исследователей на создание системы знаний, определяющих порядок формирования воли субъектов правотворческой деятельности. Что касается юридического аспекта правотворчества, то развитию подлежала система знаний, раскрывающих процедуру принятия, оформления и введения в действие юридических решений. Д. А. Керимов в ходе анализа вышеуказанных положений подчеркивал наличие в теории правотворчества «концептуальной целостности» и отмечал значимость изучения законодательства как «продукта творчества» и законодательной техники, аккумулирующей юридические технологии [15].

Активизация научных изысканий во второй половине XX в. в рамках теории правотворчества была связана с целесообразностью углубления знаний: об объекте и предмете правотворчества, о целях правотворчества, субъектах правотворческой деятельности, включая субъектов правотворческой инициативы; о принципах правотворчества, методах правотворчества и др. Основываясь на рациональном прагматическом подходе, исследователи пристальное внимание уделяли повышению качества проектов нормативных правовых актов, разработке новых юридических технологий и развитию методологии правотворческой деятельности. Развитие теории правотворчества характеризуется разработкой и совершенствованием категориального аппарата, разграничением понятий правотворческая деятельность и правотворческий процесс. При обосновании предлагаемых дефиниций С. С. Алексеев предлагал исходить из особенностей юридической деятельности, характеризующейся строго регламентированным последовательным организационно-техническим, «длящимся во времени» и юридически-результативным характером, связанным с созданием нормативных правовых актов [16]. В качестве признаков правотворчества были определены: 1) осуществление юридической деятельности, обусловленной наличием «двойственной» природы, предусматривающей совершение действий материального и процедурного характера; 2) системно-структурный характер процедуры осуществления данного вида юридической деятельности; 3) динамичность данного вида юридической деятельности. Указанный подход позволил ученым разработать положение о наличии у правотворчества внутренней и внешней форм организации деятельности, обусловленных совершением субъектом правотворчества действий по инициированию, созданию, изменению и отмене правовых норм.

Предпосылками дальнейшего развития теории правотворчества, по мнению И. П. Малиновой, стало рассмотрение данной категории с точки зрения философского и социологического мировоззрения, а также цивилизационного и социокультурного развития. В качестве актуальных направлений в развитии теории правотворчества исследователь отмечает признание ее роли в «программном» и «ментальном» аспектах. Если программный аспект ориентирует исследователей на рассмотрение правотворчества как процедурной деятельности, подлежащей оформлению и обязательному соблюдению, то ментальный контекст означает раскрытие правотворчества как процесса, обеспечивающего развитие культуры нормотворческой деятельности на основе социально-правовых идеалов [17]. Теоретическая конструкция правотворчества претерпевает модификацию с учетом «динамично развивающихся реалий практики». В результате исследованию подлежат

факторы, детерминирующие его развитие. Изменения претерпевает и методология познания правотворчества, основанная на изучении правотворческой деятельности государства как системного образования, отличающегося совокупностью признаков, свойственных конкретному периоду развития государственно-правовых отношений.

В настоящее время новый этап в развитии теории правотворчества связан с развитием методологии юридического познания, синтезирующей как накопленный в правоведении науковедческий и методологический потенциал, так и новые техники и технологии, способствующие углублению процесса юридического познания [18]. Использование синергетического метода, в том числе системологии как одного из направлений в теории систем, содействовало установлению в правотворческой деятельности государства системообразующих признаков. Применение алгоритмического метода при построении юридических конструкций способствовало рассмотрению правотворчества как единого механизма, действие которого предусматривает целостную систему действий, совершаемых в процессе: 1) познания правовой реальности; 2) разработки и переработки правовой информации; 3) использования техники и языка изложения правового материала.

Правотворческая деятельность подлежит изучению как макроструктура, имеющая многообразие уровней деятельности. В этой связи актуальным направлением в исследовании стало изучение таких функций правотворчества, как систематизация правовых норм, обновление правовых норм, устранение правовых коллизий, восполнение правовых пробелов и др. Вместе с тем дополнительного научного осмысления заслуживает правотворческая политика. Правотворческую политику, являющуюся одной из форм правовой политики, исследователи рассматривают в качестве организующего начала, обеспечивающего посредством выработки стратегии правового развития плановый процесс осуществления правотворческого процесса в целях создания системно-структурного законодательства, отвечающего консолидированному интересу субъектов правовой сферы. По мнению А. В. Малько и В. В. Трофимова, правотворческую политику необходимо изучать в контексте научно обоснованной системной деятельности, связанной с разработкой стратегии и тактики правотворчества, для принятия качественных и эффективных правовых решений [19]. А. П. Мазуренко и О. В. Дьяченко обоснованно отмечают целесообразность создания концептуальнозакрепленного механизма формирования и реализации правотворческой политики, обеспечивающего эффективность модернизации правотворчества в современных условиях [20, с. 27-28]. Одной из задач правотворческой политики признается разработка стратегии законотворческой деятельности, ориентированной на обеспечение своевременного и адекватного реагирования законодателя на изменяющиеся общественные отношения. Исследователи также акцентируют внимание на правовом прогнозировании возможности трансформации общественных отношений с учетом временных рамок осуществляемой нормотворческой деятельности и правовой оценки степени и качества данных изменений.

В современных условиях актуальным, как считает А. И. Брызгалов, является исследование правотворческой культуры как особого вида и результата творческой деятельности. Принимая во внимание точку зрения Д. А. Керимова, исследователь пишет, что изучение правотворческой культуры должно основываться на мировоззренческом потенциале правовой и общесоциальной культуры, исходить из соответствия ее «историческому и национальному духу народа» и обеспечения «адекватности законодательства» с учетом потребностей и интересов людей [21]. Правотворческая

культура призвана обеспечить сохранение и преемственность ценностного аспекта в продукте правотворческой деятельности.

Не менее важным направлением в теории правотворчества стоит считать изучение культуры правотворчества, под которой понимают культуру организации данного вида творческой деятельности [22]. В данном случае исследователь ориентирован на познание правотворческой деятельности с точки зрения соотношения совокупности материально-организационных, процедурно-процессуальных и юридико-технических правил. При раскрытии организационных аспектов культуры правотворчества предлагается исследовать на уровне правотворчества степень внедрения «общественных начал» и степень эффективности результатов правотворческой деятельности с учетом правореализационной практики.

Одной из первоочередных задач современной юриспруденции, как указывает А. П. Мазуренко, является научное обеспечение совершенствования правотворчества с помощью развития «технологии юридической деятельности» [23]. Ввиду недостаточной разработанности критериев системного упорядочения нормативных правовых актов с учетом увеличения их массива в условиях динамично развивающихся сфер правового регулирования необходимой признается актуализация знаний в области методологии систематизации, которая позволит устранить недостатки, связанные с противоречием норм на отраслевом и межотраслевом уровнях [24; 25]. Исследователи также отмечают целесообразность дальнейшего развития специальных юридико-технических технологий правотворческой деятельности [26; 27].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что одним из направлений, имеющих особую значимость на современном этапе в контексте происходящих глобальных перемен, является интенсификация правотворческой деятельности государства. Осуществление правотворческой деятельности в новых политико-правовых реалиях связано с модификацией институтов национальной системы права на основе законодательных конструкций и юридических технологий, адаптированных к условиям их реализации. Повышение качества правотворческой деятельности требует научного обоснования методологических и организационно-процедурных начал правотворческой деятельности. Существенную роль в совершенствовании научных основ правотворческой деятельности играет разработанная в общей теории государства и права теория правотворчества.

Целесообразность выделения в общей теории государства и права теории правотворчества состоит в необходимости создания единой теоретической конструкции, синтезирующей такие ключевые категории, как законодательная власть, правовое регулирование, правообразование, правовые нормы, нормативные правовые акты, правотворческая деятельность, правотворческий процесс, принципы правотворчества, стадии правотворческого процесса, акты правотворчества, коллизии и пробелы в праве, юридическая техника и т. д. Установление системообразующих связей между указанными правовыми категориями позволило рассматривать правотворчество как самостоятельный предмет теоретического исследования.

При построении теории правотворчества учету подлежат такие функции юридического познания, как синтетическая функция, позволяющая объединить отдельные достоверные знания о правовых категориях для создания единой, целостной системы правового знания, объяснительная функция, заключающаяся в раскрытии существенных характеристик правотворчества как правового явления, причинной обусловленности его происхождения и последовательной модификации, а также внешних связей с явлениями

окружающего (социального) мира, предсказательная функция (предвидение), предусматривающая разработку и формулирование новых понятий, позволяющих установить внутреннюю связь между правовыми явлениями и правовыми категориями, практическая функция, направленная на повышение качества правовой действительности посредством воплощения новых концептуальных знаний в правотворческую деятельность и правотворческий процесс.

Дальнейшее развитие теории правотворчества связано с реализацией как специально-юридических, в том числе регулятивной, охранительной, компенсационной, восстановительной, ограничительной функций, так и общесоциальных функций, совокупность которых образуют методологическая, политическая, идеологическая, воспитательная, культурно-историческая, информационно-просветительская функции, а также функции социального контроля, правового моделирования и правового прогнозирования, которые в совокупности содействуют совершенствованию теоретико-правовой конструкции правотворческой деятельности и правотворческого процесса. В качестве перспективных направлений развития теории правотворчества следует выделить: оптимизацию правотворческой политики, повышение качества правотворческой деятельности, правотворческого процесса и правотворческой культуры, обеспечение культуры правотворчества, развитие юридико-технических технологий.

Развитие теории правотворчества стоит рассматривать как условие создания эффективного законодательства, отличающегося качеством правовых норм, предопределяющим качество правовой жизни, а именно качество реализации, в том числе применения права. Совершенствование научных основ правотворческой политики, правотворческой деятельности с точки зрения правотворческой культуры и культуры правотворчества, правотворческого процесса, основанное на комплексном и системном учете потенциала юридических технологий, позволяющих достичь кумулятивный эффект путем сочетания принципов системности, целенаправленности, согласованности, предметности, последовательности, призвано обеспечить как разработку «опережающего» законодательства, так и создание «жизнеспособных» правовых норм. Развитие теории правотворчества должно способствовать обеспечению социализированности правотворческой деятельности и достижению социально-правового эффекта действия нормативных правовых актов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 2. Т. 1. С. 11–13.
2. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 260 с.
3. Организация, формы и методы научных исследований : учебник /А. Я. Черныш и др. / под общ. ред. А. Я. Черныша. М., 2011. 319 с.
4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. 3-е изд. М. : Омега-Л., 2013. 528 с.
5. Неновски Н. Право и ценности : монография. М. : Прогресс, 1987. 246 с.
6. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
7. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. 246 с.

8. Липень С. В. Идеи правотворчества и правореализации в политико-правовой мысли России XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. 52 с.
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. 9-е изд. СПб. : Изд. Н. К. Мартынова, 1914. 420 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М. : Издание Бр. Башмаковыхъ, 1910. 805 с.
11. Нашиц А. Правотворчество : теория и законодательная техника. М. : Изд-во «Прогресс», 1974. 252 с.
12. Гаврилов О. А., Колдаев Н. П., Пиголкин А. С., Поленина С. В., Халфина Р. О. Научные основы советского правотворчества : монография. М. : Изд-во «Наука», 1984. 317 с.
13. Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М. : Издательство ИГиП РАН, 1993. 127 с.
14. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. 42 с.
15. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. 560 с.
16. Алексеев С. С. Общая теория права : В 2-х т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
17. Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография. М. : Норма, 2023. 160 с.
18. Антонов М. В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12. № 4. С. 35–57.
19. Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2015. 484 с.
20. Мазуренко А. П., Дьяченко О. В. Современная правотворческая политика: основные подходы к исследованию // Magyar Tudomány Journal. 2020. № 41. С. 27–28.
21. Брызгалов А. И. Правотворчество в отечественной науке: становление доктрины и современные представления : монография. М., 2009. 104 с.
22. Самородов В. Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2023. 245 с.
23. Мазуренко А. П. Правотворческая политика в Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 213 с.
24. Кожокаръ И. П. Техничко-юридические дефекты в Российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.
25. Золотухина Т. А. Законотворческая деятельность в российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 42 с.
26. Матвеева М. А. Теория правотворчества: методологические и концептуальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 226 с.
27. Гаврюшкин К. А. Взаимосвязь категорий «правовые интересы», «правовые цели» и «правовые ценности» в правовом регулировании на современном этапе государственно-правового строительства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 9–19.

REFERENCES

1. Slavova, N. A. Yuridicheskaya nauka: ponyatie, vzniknoenie, razvitie, funkcii i sodержanie [Legal science: concept, origin, development, functions and content]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva- Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2019, vol. 1, no. 2, pp. 11-13. (In Russ.).
2. Tarasov, N. N. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: metodologicheskie problemy yurisprudencii [History and methodology of legal science]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2024, 260 p. (In Russ.).
3. Chernysh A. Ya. Organizaciya, formy i metody nauchnyh issledovaniy [Organization, forms and methods of scientific research]. Chernysha. M., 2011, 319 p. (In Russ.).
4. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of Public administration]. 3-e izd. Moscow : Omega-L., 2013, 528 p. (In Russ.).
5. Nenovski N. Pravo i cennosti [Law and values]. Moscow, Progress, 1987, 246 p. (In Russ.).
6. Syryh V. M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki [History and methodology of legal science]. Moscow : Norma: INFRA-M, 2012. 464 p. (In Russ.).
7. Vlasenko N. A. Normotvorcheskaya yuridicheskaya tehnika [Standard-setting legal techniques]. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF Moscow, 2013, 246 p. (In Russ.).
8. Lipen' S. V. Idei pravotvorchestva i pravorealizacii v politiko-pravovoj mysli Rossii XIX – nachala XX v. [The ideas of law-making and law-realization in the Political and Legal thought of Russia in the 19th and early 20th centuries : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2013, 52 p. (In Russ.).
9. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, 1914, 420 p.
10. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. [General theory of law]. Vypusk pervyj. Moscow, 1910, 805 p. (In Russ.).
11. Nashic A. Pravotvorchestvo : teoriya i zakonodatel'naya tehnika [Law-making : theory and legislative technique]. Moscow, 1974, 252 p. (In Russ.).
12. Gavrilov O. A., Koldaev N. P., Pigolkin A. S., Polenina S. V., Halfina R. O. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva. [Scientific foundations of Soviet lawmaking.]. Moscow, 1984, 317 p. (In Russ.).
13. Gavrilov O. A. Strategiya pravotvorchestva i social'noe prognozirovanie [Law-making strategy and social forecasting]. Moscow, 1993, 127 p. (In Russ.).
14. Pigolkin A. S. Teoreticheskie problemy pravotvorcheskoj deyatel'nosti v SSSR [Theoretical problems of law-making activity in the USSR] : special'nost' 12.710 «Teoriya i istoriya gosudarstva i prava» avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 1972, 42 p. (In Russ.).
15. Kerimov D. A. Metodologiya prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava) [Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law)] 2-e izd. Moscow : Avanta+, 2001, 560 p. (In Russ.).
16. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]: V 2-h t. Vol. II. Moscow : Yurid. lit., 1982, 360 p. (In Russ.).
17. Malinova I. P. Filosofiya prava i yuridicheskaya germeneytika [Philosophy of law and legal hermeneutics]. Moscow, Norma, 2023, 160 p. (In Russ.).
18. Antonov M. V. Metody teoreticheskogo pravovedeniya v kontekste globalizacii [Methods of theoretical jurisprudence in the context of globalization]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2017. vol. 12, no. 4, pp. 35-57. (In Russ.).

19. Mal'ko A. V. (by ed.) Pravotvorcheskaya politika v sovremennoj Rossii [Law-making policy in modern Russia]. Moscow : Prospekt, 2015, 484 p. (In Russ.).
20. Mazurenko A. P., D'yachenko O. V. Sovremennaya pravotvorcheskaya politika: osnovnye podhody k issledovaniyu [Modern law-making policy: basic research approaches]. Magyar Tudomanyos Journal. 2020, no. 41, pp. 27-28. (In Russ.).
21. Bryzgalov A. I. Pravotvorchestvo v otechestvennoj nauke: stanovlenie doktriny i sovremennye predstavleniya [Law-making in Russian science: the formation of doctrine and modern ideas.]. Moscow, 2009, 104 p. (In Russ.).
22. Samorodov V. Yu. Kul'tura pravotvorchestva v sovremennoj Rossii: problemy teorii i praktiki [The Culture of Law-making in Modern Russia: problems of theory and practice]. Tambov, 2023, 245 p. (In Russ.).
23. Mazurenko A. P. Pravotvorcheskaya politika v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki [Law-making policy in the Russian Federation: problems of theory and practice] : dis. kand. jurid. nauk. Rostov-on-Don, 2004, 213 p. (In Russ.).
24. Kozhokar' I. P. Tehniko-yuridicheskie defekty v Rossijskom prave [Technical and legal defects in Russian law] : dis. d-ra jurid. nauk. Moscow, 2020, 414 p. (In Russ.).
25. Zolotuhina T. A. Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' v rossijskoj Federacii [Legislative activity in the Russian Federation] : dis. ... d-ra jurid. nauk. Belgorod, 2017, 42 p. (In Russ.).
26. Matveeva M. A. Teoriya pravotvorchestva: metodologicheskie i konceptual'nye aspekty [The theory of law-making: methodological and conceptual aspects]. Moscow, 2017, 226 p. (In Russ.).
27. Gavryushkin K. A. Vzaimosvyaz' kategorij «pravovye interesy», «pravovye celi» i «pravovye cennosti» v pravovom regulirovanii na sovremennom etape gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva [Relationship of the categories "legal interests," "legal goals" and "legal values" in legal regulation at the present stage of state-legal construction]. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, vol. 111, no. 4, pp. 9-19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры основ российской государственности и цивилистики. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664028, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ON AUTHOR

Avdeeva Olga Anatolyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of the Foundations of Russian Statehood and Civil Law. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664028.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 22.04.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 22.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 23–32.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 23-32.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.13

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ

Бабурин Василий Васильевич¹, Москаленко Глеб Евгеньевич²

^{1,2} Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Российская Федерация

¹vvbaburin@mail.ru

²glmos55@yandex.ru

Введение. В современной юридической науке проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права традиционно занимает одно из центральных мест. Особую сложность в теоретическом осмыслении представляет категория международных договоров межведомственного характера, которые, будучи формально заключенными на уровне органов исполнительной власти, тем не менее порождают международно-правовые обязательства государства в целом. Вопросы их юридической природы, места в системе источников права, механизмов реализации и соотношения с национальным законодательством остаются дискуссионными и недостаточно разработанными в теории права. Исследование указанных аспектов имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку от четкости теоретических конструкций зависит эффективность правоприменительной деятельности и сбалансированность национальной правовой системы.

Материалы и методы. Теоретическую базу составили труды российских и зарубежных ученых, международные и внутригосударственные нормативные правовые акты. Использованы общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования) методы познания.

Результаты исследования. Имплементация межведомственных договоров базируется на принципе *pacta sunt servanda* и осуществляется на международном и внутригосударственном уровнях. Национальный механизм включает три юридико-технические формы: инкорпорацию, рецепцию и отсылку. Ключевой проблемой является несвоевременность, а порой и отсутствие официального опубликования таких соглашений, что препятствует их эффективному применению и создает угрозу возникновения коллизий между международными обязательствами и внутренним правопорядком. Контроль за реализацией распределен между Министерством иностранных дел Российской Федерации (координирующая функция) и министерствами (ведомствами), от имени которых заключается договор (исполнительно-контрольная).

Выводы и заключение. Имплементация межведомственных договоров – многоуровневый процесс, требующий согласованности международных и внутригосударственных механизмов. Ключевые условия эффективности: официальное опубликование всех соглашений, создание единого реестра, четкое распределение контрольных функций между Министерством иностранных дел Российской Федерации, Правительством, а также министерствами и ведомствами. Реализация указанных мер позволит устранить правовую неопределенность и обеспечить добросовестное исполнение взятых на себя международных обязательств.

Ключевые слова: имплементация, юридическая техника, международные межведомственные договоры, инкорпорация, рецепция, отсылка, правовая система, источники права, *pacta sunt servanda*

Для цитирования: Бабурин В. В., Москаленко Г. Е. Юрико-технические формы имплементации международных межведомственных договоров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (110). С. 23–32.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

LEGAL-TECHNICAL FORMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL INTERDEPARTMENTAL TREATIES

Vasily V. Baburin¹, Gleb E. Moskalenko²

¹Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation. vvbaburin@mail.ru

²Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation, glmos55@yandex.ru

Introduction. In contemporary legal science, the interaction between international and domestic law traditionally occupies a central place. A particular conceptual challenge is posed by interdepartmental international treaties, which, despite being formally concluded at the level of executive authorities, nevertheless entail international legal obligations for the state as a whole. Questions regarding their legal nature, position within the system of sources of law, implementation mechanisms, and relationship with national legislation remain debatable and insufficiently developed in legal theory. The study of these aspects holds both academic and practical significance, as the effectiveness of law application and the balance of the national legal system directly depend on the clarity of such theoretical constructs.

Materials and Methods. The theoretical framework comprises the works of Russian and foreign scholars, alongside international and domestic regulatory legal acts. The study employs both general scientific methods (dialectical, systemic, and structural-functional) and special scientific methods (formal-legal, comparative-legal, and the method of legal interpretation).

The Results of the Study. The implementation of interdepartmental treaties rests on the *pacta sunt servanda* principle and operates at both international and domestic levels. The national mechanism comprises three legal-technical forms: incorporation, reception, and reference. A key challenge lies in the lack of timely official publication — and occasionally its complete absence —

regarding such agreements, which hinders their effective application and risks creating conflicts between international obligations and the domestic legal order. Control over implementation is divided between the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, which performs a coordinating function, and the respective executive bodies on whose behalf the treaty was concluded, which handle executive and control functions.

Findings and Conclusions. The implementation of interdepartmental treaties constitutes a multi-level process that requires coherence between international and domestic mechanisms. Key conditions for effectiveness include official publication of all agreements, the creation of a unified register, and a clear distribution of control functions among the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the Government, as well as ministries and departments. Implementing these measures will eliminate legal uncertainty and ensure the faithful performance of assumed international obligations.

Keywords: implementation, legal technique, international interdepartmental treaties, incorporation, reception, reference, legal system, sources of law, pacta sunt servanda

For citation: Baburin V. V., Moskalenko G. E. Yuridiko-tekhicheskiye formy implementatsii mezhdunarodnykh mezhvedomstvennykh dogovorov [Legal-technical forms of implementation of international interdepartmental treaties]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 23-32. (In Russ.).

В международно-правовой науке термин «имплементация» (от англ. implementation – выполнение, осуществление, проведение в жизнь) обозначает совокупность юридических и организационных мер, посредством которых государства обеспечивают реальное действие международных норм в своей национальной правовой системе. Это не просто технический этап после подписания договора, а центральный элемент в механизме международно-правового регулирования, определяющий, станет ли международное обязательство фактически исполняемым и эффективным [1, с. 5].

Имплементация международных договоров, в том числе договоров межведомственного характера, заключаемых Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), является обязательной стадией реализации норм международного права. Смысл любого договора заключается не в его формальном существовании, а в практическом достижении целей, ради которых он был заключен: укрепление международного сотрудничества, обеспечение безопасности, охраны прав человека, борьбы с преступностью и иных задач [2, с. 78]. Без соответствующих действий государств договор остается фикцией, не оказывающей реального воздействия на общественные отношения.

Основу имплементации составляет принцип добросовестного выполнения международных обязательств – pacta sunt servanda, закрепленный в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». Этот принцип имеет императивный характер (jus cogens) и относится к числу основополагающих принципов современного международного права. Он отражает идею правовой определенности и взаимного доверия между государствами: вступая в договор, стороны исходят из того, что обязательства будут исполнены честно, полно и своевременно.

В российской правовой доктрине имплементация рассматривается как взаимосвязанная система действий, включающая:

1. Правотворчество – введение международных норм в национальную правовую систему.
2. Организационно-исполнительную деятельность – планирование и проведение конкретных мероприятий.
3. Правоприменение и контроль – обеспечение практического исполнения обязательств и их соответствие целям договора.

Как отмечал Б. В. Ганюшкин, имплементация представляет собой не отдельный акт, а комплекс мер, направленных на достижение согласия между международными и национальными правовыми механизмами [3, с. 79]. По мнению И. И. Лукашука, добросовестное выполнение международных договоров невозможно без их воплощения в национальной сфере, поскольку именно внутренние органы и институты государства несут фактическую ответственность за исполнение принятых обязательств [4, с. 121].

С. Ю. Марочкин подчеркивает, что значительная часть норм международного права реализуется во внутригосударственной системе, а значит, ключевое значение приобретает способность государства адаптировать свое законодательство и административную практику к требованиям международных соглашений [5, с. 22]. Это положение особенно актуально для межведомственных договоров, где основное бремя реализации лежит на профильных министерствах и ведомствах, к числу которых относится МВД России.

Имплементация имеет не только юридическое, но и политико-правовое значение. Как справедливо отмечал Г. И. Курдюков, реализация международных норм выступает средством достижения социально значимых целей, способствует укреплению доверия между государствами и формированию устойчивого международного правопорядка [6, с. 61]. В условиях глобализации и расширения трансграничных угроз (киберугрозы, терроризм, дистанционная преступность, наркотрафик, миграционные кризисы) выполнение межведомственных соглашений МВД России становится важнейшей предпосылкой эффективного обеспечения национальной безопасности и реализации принципа международной солидарности.

Имплементация осуществляется на двух уровнях, находящихся во взаимной связи:

1. Международный уровень – выполнение обязательств в рамках сотрудничества с другими государствами и международными организациями: проведение совместных мероприятий, обмен информацией, участие в координационных органах, разработка дополнительных протоколов, подготовка отчетности.
2. Внутригосударственный уровень – включение норм международного договора в национальную правовую систему, издание ведомственных актов, формирование структур и процедур, обеспечивающих исполнение договорных положений, мониторинг и контроль.

Оба уровня неразрывно связаны: международные обязательства требуют соответствующих внутренних мер, а эффективность внутренних механизмов определяет способность государства выполнять свои международные функции.

Невозможно обеспечить действие международных норм без их восприятия национальной правовой системой. Это утверждение полностью применимо и к межведомственным соглашениям, заключаемым МВД России: их успешная реализация

требует создания соответствующей нормативной базы, административных процедур и институциональной инфраструктуры.

Имплементация имеет двойственную структуру, включающую:

1. Правотворческий компонент, связанный с изданием нормативных актов, обеспечивающих действие международных норм.
2. Организационно-исполнительный компонент, выражающийся в конкретных практических мерах: обмене информацией, подготовке кадров, проведении совещаний, выполнении совместных программ.

Такое понимание отражает структурно-функциональную взаимосвязь международного и национального уровней. Г. В. Игнатенко подчеркивал, что эффективность реализации международных обязательств зависит от координации международных и внутренних средств обеспечения: без согласованных действий внешнеполитических и ведомственных структур невозможно достичь целостного результата [7, с. 6].

Для МВД России имплементация международных межведомственных соглашений означает, что их положения должны быть встроены в систему правовых актов МВД, учтены в планах деятельности, бюджетных и кадровых решениях, а также в процедурах взаимодействия с другими федеральными органами.

Таким образом, имплементация международных межведомственных договоров МВД России представляет собой комплексную деятельность, включающую юридические, организационные и управленческие меры, направленные на выполнение международных обязательств. Она обеспечивает включение международных норм в национальную правовую систему, их реализацию на практике и контроль за результатами, служит важнейшим инструментом укрепления законности, развития международного сотрудничества и повышения авторитета Российской Федерации на международной арене.

Имплементация международных межведомственных договоров МВД России опирается на совокупность договорных (конвенционных) и институциональных средств на международном уровне, а также на внутренние юридико-технические механизмы, обеспечивающие действие договорных норм в российской правовой системе. В доктрине справедливо подчеркивается, что эти подсистемы не существуют изолированно: правовые предписания и организационные процедуры «работают» только в связке, а эффективность любой меры проверяется ее практическим результатом. На международном уровне ключевым элементом является согласованное программирование сотрудничества: стороны не ограничиваются единичным актом подписания, а «подкрепляют» основное соглашение рядом дополнительных протоколов, рабочих регламентов, процедур обмена информацией и отчетности, организацией совместных мероприятий и каналов координации. Такой конвенционный инструментальный позволяет адаптировать договор к изменяющимся условиям, восполнять пробелы и разрешать коллизии без пересмотра его базовой конструкции. На практике это выражается, например, в разработке приложений (перечней контактных пунктов, технических требований к защищенной связи, типовых форм актов о передаче информации), а также в согласовании календарей совместных мероприятий, стажировок и тренингов с указанием методик оценки эффективности.

Институциональный компонент реализации выражается в создании постоянных или временных совместных органов – координационных советов, рабочих групп,

секретариатов, контактных пунктов – наделенных правом мониторинга, инспектирования и выработки рекомендаций по исполнению. Для МВД России такие органы часто создаются в рамках сотрудничества с ведомствами стран СНГ и ШОС, а также по двусторонним соглашениям [8, с. 269].

На внутригосударственном уровне имплементация реализуется в трех возможных юридико-технических формах: инкорпорация, рецепция и отсылка. Инкорпорация основана на ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая вводит общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации в правовую систему страны, открывая возможность их непосредственного применения при достаточной определенности диспозиции. Для межведомственных соглашений это означает следующее: после вступления в юридическую силу их положения могут работать как «самоисполняющиеся» в пределах ясной регламентации (например, взаимное признание форматов запросов, сроки ответа, базовые каналы связи), но там, где необходима детализация процедур (режимы доступа, классификация сведений, порядок ведомственной отчетности), требуется рецепция. Рецепция – заимствование и воспроизведение содержания международной нормы в национальном акте (закон, указ, постановление, ведомственный приказ) – инструмент тонкой настройки исполнения договора под институциональные особенности ведомства. В МВД России содержание международных норм чаще всего воспроизводится в приказах, регламентах, инструкциях, которые трансформируют абстрактные договорные положения в алгоритмы действий, распределяют ответственность (кто готовит проект ответа, кто утверждает, кто взаимодействует с Министерством иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России), Правительством и т. п.), устанавливают процессуальные сроки.

Отсылка – третья юридико-техническая форма. Внутренний акт прямо отсылает к нормам международного договора и санкционирует их применение. Такой прием широко используется в федеральных законах, ведомственных нормативных правовых актах и позволяет не дублировать массив международного текста во внутреннем акте.

Практическая реализация трех вышеуказанных юридико-технических форм выглядит следующим образом. После регистрации договора и проверки условий вступления в юридическую силу осуществляется инкорпорационная проверка на предмет самоисполняющихся положений. Параллельно проводится введение норм в правовую систему через рецепцию (ведомственные нормативные правовые акты) тех норм, где требуется детализация положений (например, формат защищенного обмена, перечни уполномоченных подразделений и ответственных должностных лиц, формы реагирования, формы отчетности и статистики исполнения). Там, где уместно, вносится отсылка в действующие нормативно-правовые акты, чтобы договорные нормы автоматически действовали при возникновении возможных коллизий. При этом следует учитывать соответствие требованиям законодательства о персональных данных, государственной тайне и служебной информации; экспертный контроль и ограничительные меры; языковое обеспечение и аутентичность переводов; унификацию терминологии.

Важным элементом эффективной имплементации международных договоров межведомственного характера является их официальное опубликование. Оно выполняет функции легитимации и транспарентности, обеспечивая доступность международных

обязательств для правоприменителей, органов государственной власти и общества. Официальная публикация создает условия для их прямого действия во внутренней правовой системе, способствует единообразному толкованию и предотвращает правовую неопределенность. Согласно п. 3 ст. 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон 101-ФЗ) межведомственные договоры подлежат опубликованию по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых они заключены, в официальных изданиях соответствующих ведомств. Это положение возлагает на министерства и службы самостоятельную ответственность за доведение содержания договоров до сведения заинтересованных субъектов и тем самым – за обеспечение их реализации. Согласно п. 47 приказа МВД России от 5 января 2007 г. № 6 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» тексты международных договоров, заключенных от имени МВД России, публикуются в журнале «Вестник МВД России». При необходимости в журнале «Вестник МВД России» публикуются тексты международных документов.

Однако действующая практика опубликования международных межведомственных договоров различных министерств и ведомств демонстрирует фрагментарность и недостаточную системность. Порой сложно получить доступ к источнику опубликования. Тексты договоров нередко публикуются с задержкой уже после вступления их в силу. Отсутствие унифицированных подходов ведет к тому, что одни соглашения доступны, а другие остаются в закрытых ведомственных архивах или информационных базах, не имея статуса официально опубликованных. Между тем п. 3 ст. 5 Федерального закона № 101-ФЗ прямо указывает: только официально опубликованные международные договоры, не требующие издания внутригосударственных актов для их применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Следовательно, неопубликованный договор, даже вступивший в силу, не может быть использован судами и иными органами власти как самоисполняющийся источник права.

Эта ситуация ставит под угрозу реализацию принципа *pacta sunt servanda*, закрепленного в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Согласно статье 27 той же Конвенции государство не вправе ссылаться на положения своего внутреннего права как оправдание для неисполнения международного договора [9, с. 298–304]. Следовательно, непубликация не освобождает Российскую Федерацию от международно-правовой обязанности, но создает коллизию между международной и внутригосударственной сферами: обязательство действует вовне, но не может быть реализовано внутри страны. Такая дисфункция нарушает согласованность правовой системы и ослабляет эффективность договорных инструментов.

Вместе с тем закон допускает возможность не публиковать договоры, содержащие сведения, составляющие государственную тайну или предназначенные для служебного пользования. Решение об этом принимает соответствующее ведомство. Однако подобная практика требует строгого разграничения: секретными могут быть только технические, оперативные или разведывательные положения, не затрагивающие права и свободы граждан. Любые нормы, устанавливающие права, обязанности или ответственность физических и юридических лиц, подлежат обязательному опубликованию в силу ч. 3 ст. № 15 Конституции Российской Федерации. Иначе такие акты не могут применяться, что подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации.

Для устранения правовой фрагментарности и повышения прозрачности договорного массива целесообразно разработать единый централизованный ресурс – официальный электронный реестр международных договоров межведомственного характера с их полными текстами, сведениями о дате вступления в силу, изменениях и прекращении, а также с аналитическими материалами о ходе реализации [10, с. 198]. Кроме того, на наш взгляд, представляется целесообразным внести изменения в п. 3 ст. 30 Федерального закона № 101-ФЗ, закрепив обязательность публикации всех межведомственных соглашений, кроме содержащих сведения, составляющие охраняемую законом тайну, в течение установленного срока после вступления их в силу.

Эффективность реализации международных межведомственных договоров во многом зависит от организации и качества контроля. Внутриведомственный контроль должен включать регулярный мониторинг, внутренние аудиты, анализ исполнения договоров, выявление нарушений и подготовку корректирующих мер.

Особая роль в системе контроля принадлежит МИД России. В соответствии с п. 4 ст. 32 Федерального закона № 101-ФЗ МИД России осуществляет общее наблюдение за выполнением международных договоров. Однако объём договорных обязательств и их межотраслевой характер делают невозможным глубокий контроль всех соглашений. Поэтому оптимальной является модель распределенной ответственности: МИД России осуществляет аналитическую и координационную функцию, Правительство – надзорную и управленческую, а МВД России – исполнительно-контрольную в пределах компетенции. Такая трехуровневая система обеспечивает баланс централизованного и отраслевого надзора.

Совершенствование организационно-правовых механизмов реализации международных межведомственных договоров требует:

- закрепления в положениях о федеральных органах исполнительной власти четких функций по исполнению и контролю за договорами;
- разработки единых стандартов отчетности и критериев эффективности;
- создания межведомственной информационно-аналитической системы мониторинга;
- регулярного проведения межведомственных совещаний с участием экспертов и научных консультантов для оценки практики имплементации;
- подготовки предложений по унификации процедур опубликования, толкования и отчетности.

Реализация этих мер позволит устранить бессистемность и сформировать целостный механизм, обеспечивающий добросовестное выполнение международных обязательств, повышение прозрачности и системности договорного массива.

Таким образом, реализация международных межведомственных договоров МВД России представляет собой сложный многоуровневый процесс, охватывающий правотворческую, организационно-исполнительную и контрольную деятельность. Его эффективность зависит от полноты официального опубликования, наличия нормативно закреплённых процедур исполнения, согласованности действий органов власти и функционирования комплексной системы контроля. Только при сочетании международных и внутригосударственных механизмов, добросовестном исполнении обязательств и прозрачности процедур возможно достижение целей, заложенных в межведомственных соглашениях к числу которых относятся: укрепление правопорядка,

развитие международного сотрудничества и повышение авторитета Российской Федерации как ответственного участника международных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашук И. И. Международные договоры должны соблюдаться // Международное публичное и частное право. 2004. № 4. С. 3–15. EDN: OJFURT.
2. Морозов Н. Л. Договорные отношения в публично-правовой сфере // Государство и право. 2005. № 7. С. 75–81. EDN: HSJROT.
3. Ганюшкин Б. В. Проблемы трансформации и имплементации международно-правовых норм в отечественной доктрине международного права // Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всероссийского совещания (г. Москва, 24 декабря 2002 г.) / под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышевой, В. К. Боброва, А. В. Сычева. М., 2004. С. 77–86.
4. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М. : Волтерс Клувер, 2007. 544 с.
5. Марочкин С. Ю. Вопросы эффективности норм международного права // Советский ежегодник международного права. 1989. Т. 1988. С. 12–23. EDN: RRPOOR.
6. Курдюков Г. И. Эффективность деятельности государств по реализации норм международного права // Вопросы универсальности и эффективности международного права : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Игнатенко. Свердловск, 1981. С. 58–66.
7. Игнатенко Г. В. Универсальность и эффективность международного права как взаимодействующие категории // Вопросы универсальности и эффективности международного права : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. В. Игнатенко. Свердловск, 1981. С. 3–9.
8. Морозов А. Н. Международные договоры межведомственного характера Российской Федерации в ее правовой системе и системе права // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2008. № 5. С. 264–274. EDN: KXNXFZ.
9. Genovski M. Les accords intergouvernementaux // Revue générale de droit international public. 1954. Vol. 58, P. 291–304.
10. Ромашев Ю. С., Постникова Е. В. Принципы в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 192–220. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.192.220. EDN: AGETJY.

REFERENCES

1. Lukashuk I. I. Mezhdunarodnye dogovory dolzhny soblyudat'sya [International treaties must be observed]. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – International Public and Private Law. 2004, no. 4, pp. 3-15. (In Russ.). EDN: OJFURT.
2. Morozov N. L. Dogovornye otnosheniya v publichno-pravovoy sfere [Contractual relations in the public law sphere]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2005, no. 7, pp. 75–81. (In Russ.). EDN: HSJROT.
3. Ganyushkin B. V. [Problems of transformation and implementation of international legal norms in the domestic doctrine of international law]. Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnye dogovory v praktike konstitutsionnogo pravosudiya: Materialy Vserossiyskogo soveshchaniya. Moscow, 24 December 2002. [Universally recognized principles and norms of international law and international treaties in the practice of constitutional justice: Proceedings of the All-Russian Conference (Moscow, December 24, 2002)]. Moscow, 2004, pp. 77–86. (In Russ.).

4. Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast' [International Law. Special Part]. Moscow, 2007, 544 p. (In Russ.).
5. Marochkin S. Yu. Voprosy effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava [Issues of effectiveness of international legal norms]. Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava – Soviet Yearbook of International Law. 1989, vol. 1988, pp. 12-23. (In Russ.). EDN: RRPOOR.
6. Kurdyukov G. I. Effektivnost' deyatel'nosti gosudarstv po realizatsii norm mezhdunarodnogo prava [Effectiveness of state activities in implementing international legal norms]. Voprosy universal'nosti i effektivnosti mezhdunarodnogo prava – Issues of universality and effectiveness of international law. Sverdlovsk, 1981, pp. 58-66. (In Russ.).
7. Ignatenko G. V. [Universality and effectiveness of international law as interacting categories]. Voprosy universal'nosti i effektivnosti mezhdunarodnogo prava – Issues of universality and effectiveness of international law. Sverdlovsk, 1981, pp. 3-9. (In Russ.).
8. Morozov A. N. Mezhdunarodnye dogovory mezhvedomstvennogo kharaktera Rossiyskoy Federatsii v ee pravovoy sisteme i sisteme prava [International interdepartmental treaties of the Russian Federation in its legal system and the system of law]. Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law. 2008, no. 5, pp. 264-274. (In Russ.). EDN: KXNXFZ.
9. Genovski M. Les accords intergouvernementaux [Intergovernmental agreements]. Revue générale de droit international public – General Review of International Public Law. 1954, Vol. 58, P. 291-304.
10. Romashev Yu. S., Postnikova E. V. Printsipy v mezhdunarodnom prave [Principles in international law]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023, no. 3, pp. 192-220. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.192.220. EDN: AGETJY.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабури́н Васи́лий Васи́льевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений. Омская академия МВД России, 644092, г. Омск, проспект Комарова, 7.

Москале́нко Гле́б Евге́ньевич, кандидат юридических наук. доцент кафедры теории и истории права и государства. Омская академия МВД России. 644092, Российская Федерация, г. Омск, проспект Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baburin Vasily Vasilyevich, Doctor of Law, Professor. Professor of the Department of Criminology and Crime Prevention. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7 Komarova Avenue, Omsk, 644092.

Moskalenko Gleb Evgenievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7 Komarova Avenue, Omsk, 644092.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 33–40.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 33–40.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Обзорная статья
УДК 342.5

ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ПРАВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Егоров Александр Александрович

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Российская Федерация, egorov.a90@mail.ru

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные как с анализом концептуальных моделей понимания права, так и с авторским подходом, изложенным в трудах Льва Николаевича Толстого. На основе анализа взглядов Л. Н. Толстого на вопросы понятия, сущности и отраслей права демонстрируется резко отрицательная оценка эксплуататорского права и государства. При этом формулируются промежуточные и итоговые выводы, позволяющие переосмыслить отдельные аспекты юридических воззрений писателя и оценить их значимость и состоятельность для современности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили первоисточники в виде трудов Л. Н. Толстого, а также соответствующие научные и публицистические материалы, позволяющие проанализировать его концептуальные идеи. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ доктринальных философских и правовых источников по проблеме понимания права, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть подходы к понятию и сущности права, значению отраслей права в контексте изучения философских, литературных и юридических воззрений Л. Н. Толстого с целью преодоления теоретических и практических дискуссионных моментов его политико-правового наследия.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил уточнить понятие, природу и деление права на отрасли в рамках наследия Л. Н. Толстого, а также оценить теоретическую и практическую значимость его философских, литературных и юридических воззрений.

Ключевые слова: право, государство, отрасли права, буржуазное право, справедливость

Для цитирования: Егоров А. А. Вопросы понимания права в политико-правовых воззрениях Л. Н. Толстого: современное прочтение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 33–40.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Review article

THE CONCEPT OF LAW IN THE POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF L. N. TOLSTOY: A CONTEMPORARY READING

Aleksandr A. Egorov

Moscow State Law University named after. O. E. Kutafina (MSAL), Moscow, Russian Federation, egorov.a90@mail.ru

Introduction. The article explores issues related to the analysis of conceptual models of understanding law, as well as the author's approach presented in the works of Leo Tolstoy. Based on an analysis of Tolstoy's views on the concept, essence, and branches of law, the article demonstrates a strong negative assessment of exploitative law and the state. The article also presents intermediate and final conclusions that allow for a reevaluation of certain aspects of the writer's legal views and assess their significance and relevance for modern times.

Materials and Methods. The study was based on primary sources in the form of L. N. Tolstoy's works, as well as relevant scientific and journalistic materials that allow for the analysis of his conceptual ideas. The study employed a dialectical method, analyzed doctrinal philosophical and legal sources on the issue of understanding law, used methods of generalization and grouping of data, as well as the comparative legal method and the historical legal method.

The Results of the Study revealed approaches to the concept and essence of law, as well as the significance of legal branches in the context of studying Tolstoy's philosophical, literary, and legal views, with the aim of overcoming theoretical and practical discussions regarding his political and legal legacy.

Findings and Conclusions. The analysis conducted allowed us to clarify the concept, nature, and division of law into branches within Tolstoy's legacy, as well as to assess the theoretical and practical significance of his philosophical, literary, and legal views.

Keywords: law, state, branches of law, bourgeois law, and justice

For citation: Egorov A. A. Voprosy ponimaniya prava v politiko-pravovyh vozzreniyah L. N. Tolstogo: sovremennoe prochtenie [The concept of law in the political and legal views of L. N. Tolstoy: a contemporary reading]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 33-40. (In Russ.).

Проблема понимания права относится к числу основных для всей юридической науки. Именно от правильного понимания данного термина зависит эффективность правотворчества и правоприменения. Современные подходы детерминируются не только сложившейся системой социальных ценностей, но и накопленным доктринальным опытом, который не исчерпывается сугубо юридическими исследованиями. Не менее важную роль играет общественно-политическое, мировоззренческое восприятие вопросов понимания права.

При всем многообразии дефиниций понятия «право» все эти подходы сводятся к четырем классическим типам: юридический позитивизм (нормативизм), при котором под правом понимается совокупность норм, устанавливаемых или санкционируемых государством; социологический позитивизм, трактующий право как реальные общественные отношения, имеющие юридически значимые последствия; теории естественного права, которые выводят этот социальный регулятор из разума или природы общества и человека; философское понимание права, представители которого ассоциируют его с разумной свободой человека. Эти подходы отмечает О. В. Мартышин [1, с. 18–19]. Очевидно, что первые три типа имеют в своем основании какой-либо основополагающий принцип: норма, исходящая от государства; общественные отношения, сложившиеся в результате применения права; свобода человека как осознание необходимости соотносить свои действия с разумной необходимостью. Что же касается философского понимания права, то при всей его внешней привлекательности оно является достаточно умозрительным и абстрактным.

В этом смысле можно согласиться с мнением М. И. Байтина, который отмечал, что философское понимание права весьма расплывчато, так как никакие высокие идеалы не могут служить альтернативой властному нормативному регулятору [2, с. 252]. Конечно, можно апеллировать к тому, что М. И. Байтин находился под влиянием доктрины советского нормативизма и попросту не мог думать иначе. Вместе с тем нельзя не отметить, что при всем уважении к философскому типу понимания права этот подход не имеет каких-то четких критериев, что объясняется наличием множества философских учений, субъективными предпочтениями конкретных мыслителей, наличием государственного или общественного заказа на научные исследования и иными социально значимыми обстоятельствами. Тем не менее именно философское понимание права позволяет преодолеть его односторонне утрированное восприятие.

В этом контексте следует обратиться к наследию великого русского писателя и общественно-политического мыслителя Льва Николаевича Толстого. Его мировоззренческие, философские и правовые идеи формировались в сложных конкретно-исторических условиях. Стоит упомянуть общую историческую обстановку, в рамках которой складывалось его авторское понимание права.

Конец XIX столетия в нашей стране прошел под знаком значительного роста преступности, ставшего результатом множества нерешенных социальных проблем. Существовавшая система капиталистических отношений, основанная на максимальном закреплении крестьянского населения, разрушала традиционные устои деревенской жизни. Крестьяне вынужденно мигрировали в города, где они зачастую не могли найти применения своим силам. Результатом этих тенденций явился рост преступности в среде крестьянского населения [3, с. 16]. Подобная общественно-политическая обстановка не могла не отразиться на воззрениях Л. Н. Толстого.

Право как феномен общественной жизни всегда интересовало Л. Н. Толстого, который еще в юности ассоциировался у него с поиском и объяснением всего «странного и неясного» в устройстве жизни людей. В этом смысле его острой критике подверглось современное ему право, которое по своей сущности и социальному назначению имело эксплуататорский характер.

Сразу следует оговориться, что Л. Н. Толстой, рассуждая о праве, большинстве случаев не использовал этот термин, с которым в его понимании ассоциировалось только

по-настоящему справедливое право [4, с. 30, 55]. Более того, он акцентировал внимание на том, что «народ слово «право» никогда не употребляет. У них на языке его никогда нет» [4, с. 30]. Представляется, что это обстоятельство вполне объяснимо конкретно-историческими причинами: безграмотность большей части населения; эксплуататорская природа государства и права.

По мнению Л. Н. Толстого, термины «законы», «узаконения» всегда несовершенны, а зачастую ложны и несправедливы. Вместе с тем В. И. Смолярчук полагает, что речь идет о праве, о совокупности правовых норм, существующих в обществе [5, с. 90]. С этой позицией в целом можно согласиться, предположив, однако, что Толстой признавал истинным правом официальные законодательные нормы, основанные на принципе справедливости, т. е. право для него – это не государственное право, а скорее желательное, идеальное право.

Идентифицируя суть «узаконений» как требование «исполнять известные правила», Л. Н. Толстой был категорично убежден в том, что эти правила в принципе не могут определяться соображениями «общего согласия» или общей пользы». Вероятно, это точка зрения основана на идее непротivления злу силой и продиктована скептическим отношением к государству, позитивному праву, суду и судебной системе как одной из самых репрессивных форм насилия. В этом проявляется евангельская установка: не судите, да не судимы будете.

В своей статье «Рабство нашего времени» Л. Н. Толстой безапелляционно заявлял, что число людей, которые нарушают или желают нарушить «узаконения» людей (не нарушающих их сугубо из страха наказания) всегда превосходит число желающих их исполнять. Он признавал существование множества «узаконений»: бережно относиться к телеграфным столбам; почитать известных людей; не посягать на землю и предметы, являющиеся собственностью тех или иных лиц; исполнять воинскую повинность и т. д. Соблюдение этих «узаконений» может иметь различную мотивацию, но, ни одно из этих «узаконений» не может выступать выразителем воли всего народа. Следовательно, Л.Н.Толстой пришел к твердому убеждению, что любое «узаконение» приводится в исполнение путем принудительного навязывания воли одних людей другим людям [6, с.126]. Следует признать принципиально верной позицию писателя, что ни одна норма права не может выражать волю всего народа (это обстоятельство самоочевидно и не нуждается в доказывании). В то же время неверным представляется тезис о том, что большинство членов общества, выражаясь современным языком, отличаются маргинальным правомерным поведением и соблюдают закон сугубо из страха наказания.

Таким образом, по справедливому замечанию В. В. Ячевского, общий опознавательный знак всех «узаконений» в доктрине Л. Н. Толстого проявляется в том, что их исполнение поддерживается насилием. Лев Николаевич подчеркивает, что речь идет об организованном насилии, опосредованном государственным аппаратом принуждения [6, с. 126]. Критикуя государство как форму насилия над людьми, он фокусирует внимание на том, что государство, право и воля народа – это своего рода декоративные элементы, которые не имеют отношения к сущности «узаконений». «Узаконения», по его мысли, это лишь оформление выгодных порядков для людей, которые, обладая ресурсом организованного насилия, имеют возможность навязывать другим свою волю. Можно предположить, что критика эксплуататорского государства и права своим исходным началом имеет убеждение Л. Н. Толстого в том, что они играют

сугубо инструментальную роль в целях принятия и исполнения решений, выгодных людям, узурпировавшим государственную власть.

Соответствующее категоричное умозаключение Л. Н. Толстой развивает в «Письме студенту о праве» (1909). В указанном письме приводится критическая оценка психологической теории права, разработанной профессором Петербургского университета Л. И. Петражицким. Как известно, суть этой теории состоит в том, что единственным источником права выступает психика (эмоции) человека, т. е. право – это продукт неких императивно-атрибутивных переживаний [7, с. 86]. Л. И. Петражицкий делил человеческие эмоции на императивные (одностороннее переживание лицом обязанности совершить то или иное действие в пользу другого лица) и императивно-атрибутивные (двусторонняя эмоция, состоящая в одновременном осознании одного лица обязанности совершить то или иное действие и осознании другого лица своей возможности потребовать исполнения обязанности). Л. Н. Толстой критикует подход Л. И. Петражицкого с позиции уже упомянутого восприятия права как ресурса власть имущих лиц.

По мнению Л. Н. Толстого, если строить свои рассуждения не в научном аспекте психологической теории права, а прислушаться к здравому смыслу и попытаться понять истинное значение слова «право», то можно получить предельно простой и ясный ответ: «...правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено» [6, с. 127]. Из этого подхода становится очевидно, что властвующие – это имущие классы эксплуататорского общества, а право в таком обществе призвано служить охране их собственности и привилегий. Этот подход он развивает и применительно к отраслям права.

Выделяя отдельные отрасли права (государственное, гражданское, уголовное и другие), Л. Н. Толстой отмечал, что сущностное назначение любой отрасли права состоит в защите права частной собственности как основы эксплуататорского общества. Очевидно, что под частной собственностью он понимал не имущество трудового народа, а богатства крупных земельных собственников, капиталистов, фабрикантов, наживших свои состояния путем захвата и присвоения народного достояния. Так, суть государственного права состоит в том, чтобы изымать у эксплуатируемых результаты их труда и посылать их на войну; гражданское право закрепляет для одних право на землю и орудия труда, а для других – отсутствие земли и орудий труда; уголовное право призвано узаконить расправу эксплуататоров над представителями трудового народа. Признавая за правом эксплуататорского общества антинародную природу, он пришел к рассуждениям о соотношении права и справедливости.

Понятие права для Л. Н. Толстого не может быть отделено от справедливости, предназначение которой – удовлетворение насущных интересов трудового народа. В этом ключе писатель и оценивал как современное ему полуфеодалное право царской России, так и западное буржуазное право, не считая справедливым ни одно из них. Это утверждение находит свое подтверждение в его трудах.

«Живет, например, – как писал Л. Н. Толстой, – владелец тысячи десятин леса, т. е. человек, пользующийся один вопреки самой несомненной справедливости естественным достоянием многих людей, ограбивший и не перестающий грабить их. И вот, когда один из этих ограбленных людей, нуждающихся в удовлетворении самых первых жизненных

потребностей, идет ночью с топором в лес и срубает дерево с тем, чтобы на вырученные за него деньги купить самое необходимое, его ловят и как нарушителя «права» владельца тысячи десятин леса судят и сажают в тюрьму, лишая тем самым голодную семью последнего работника». По мнению писателя, такое, положение дел носит повсеместный характер [6, с. 128–129]. Приведенное описание проявлений эксплуататорского права в художественной литературе наглядно свидетельствует о гуманистической природе взглядов писателя.

Особенное негодование Л. Н. Толстого вызывал тот факт, что современное ему российское право, представляя собой «орудие наглого и беззастенчивого грабежа» трудового народа «богатыми классами», одновременно служило цели сокрытия этого грабежа. Этим деструктивным процессам соответствовала видимость охраны собственности и прав граждан для сокрытия преступлений правящих классов.

Л. Н. Толстой уличал правящие классы в том, что принимаемые ими законы о земельной собственности направлены на то, чтобы лишать крестьян собственной земли: «Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимость своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти неработающих людей» [6, с. 129]. Подобный критический подход у него не ограничивался российскими реалиями.

С подобной резкостью Л. Н. Толстой характеризовал буржуазное право западноевропейских государств, уличая его в том, что оно тоже узаконивает угнетение и эксплуатацию трудящихся масс господствующими классами. По его мнению, буржуазное право, несмотря на провозглашаемый им принцип равенства всех перед законом, по сути своей является правом эксплуататоров и грабителей. В легенде «Разрушение ада и восстановление его» (1903 г.) он саркастически высмеял фальшь и лицемерие принципа формального равенства, из которого исходит буржуазное право: равенство перед законом заключается только в том, что «грабителям удобно продолжать грабить».

Основываясь на своей религиозно-этической концепции непротивления злу насилием, Л. Н. Толстой пришел к отрицанию права вообще, выступая за его замену заповедями христианской любви к ближнему. Порок любого закона он усматривал еще и в том, что «...закон, поддерживаемый насилием, осуждает и преследует только известный, очень узкий ряд поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки такого же порядка, не вошедшие в его определение» [6, с. 130–131]. В то же время общественное мнение осуждает и отрицает всякого рода проявления корыстолюбия: воровство, мошенничество и известные виды распутства и жестокости: нарушение супружеской верности, убийства, увечья, – вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжеистолкованиям определение [6, с. 131]. В данном случае можно предположить, что Л. Н. Толстой критически оценивает не только необходимость права и закона, но и узконормативный характер эксплуататорского законодательства, всецело служащего орудием для выражения и защиты воли эксплуататорского государства.

Кроме того, по мнению Л. Н. Толстого, законы создаются людьми, которые «не могут быть непогрешимы... и... не сделаются непогрешимыми от того, что не соберутся вместе и назовут себя сенатом или каким-нибудь другим таким именем» [6, с. 131]. Данная

фраза показывает, что писатель пришел к выводу о невозможности достижения справедливых законов. Это умозаключение писателя и мыслителя во многом объяснялось тем, что он анализировал современные ему буржуазно-помещичьи государство и право, к которым он питал глубокую неприязнь.

Как мы видим, творчество Л. Н. Толстого напрямую затрагивало наиболее проблемные вопросы общественно-политической повестки дня второй половины XIX – начала XX в. Эту оценку полностью разделяет В. В. Ячевский [8, с. 1]. Аналогичную оценку ранее высказывал и В. И. Ленин [9, с. 38]. Вместе с тем существует и диаметрально противоположная оценка, согласно которой политико-правовые воззрения Л. Н. Толстого в принципе не заслуживают критического анализа [10, с. 93].

Сформулируем итоговые выводы, которые логически вытекают из содержания данной статьи:

- наследие Л. Н. Толстого не ограничивается лишь жанром художественной литературы, находя свое выражение, помимо прочего, еще и в совокупности диалектически взаимосвязанных философских, общественно-политических и правовых воззрений;
- в содержательное понятие сущности права Л. Н. Толстой вкладывал принцип справедливости, описывая не современное ему эксплуататорское право, а скорее, идеальный образ права (философское понимание права);
- эксплуататорская природа государства и права, вне зависимости от их национальной принадлежности, состоит в том, что люди, узурпировавшие верховную власть, имеют возможность навязывать свою волю всему населению;
- существование отраслей права в эксплуататорском государстве подчинено не цели защиты интересов всего народа, а стремлению узурпаторов конкретизировать свои привилегии в различных сферах общественной жизни и закрепить общество;
- не существует норм права, которые выражали бы интересы всего народа, так как любая норма права устанавливается определенными людьми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Труды Московской государственной юридической академии : сб. ст. № 10. М. : ООО «Профобразование». 2003. С. 18–39. Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М. : «Проспект», 2015. 608 с.
2. Егоров А.А. Теория преступления и наказания в трудах Л. Н. Толстого: литературные этюды в образах права // История государства и права. 2025. № 2. С. 15–21.
3. Яснополянский записки Д. П. Маковицкого. Лит. Наследство, 1979, т. 90, кн. 4 (1909–1910). М., 512 с.
4. Смолярчук В. И. Л. Н. Толстой о праве и юридической науке // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 88– 96.
5. Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983. 167 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. 318 с.
7. Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 22 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. Т. 20. Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. М., 1973. 800 с.
9. Бондарев Д. А. Толстой и современность. Л., 1928. 96 с.

REFERENCES

1. Martyshyn O. V. Sovmestimy li osnovnye tipy ponimaniya prava? [Are the Main Types of Understanding Law Compatible?]. Trudy Moskovskoy gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. Sb. statej – Proceedings of the Moscow State Law Academy. Collection of Articles. No. 10. Moscow: Profobrazovanie LLC. 2003, pp. 18-39. (In Russ.).
2. Egorov A. A. Teoriya prestupleniya i nakazaniya v trudah L.N. Tolstogo: literaturnye etyudy v obrazah prava [The Theory of Crime and Punishment in the Works of L.N. Tolstoy: Literary Studies in the Images of Law]. Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law. 2025, no. 2, pp. 15–21. (In Russ.).
3. Yasnopolyanskije zapiski D. P. Makovickogo [D. P. Makovitsky's Notes from Yasnaya Polyana]. Lit. Nasledstvo, 1979, vol. 90, book 4 (1909–1910). Moscow, 512 p. (In Russ.).
4. Smolyarchuk V. I. L .N. Tolstoj o prave i yuridicheskoy nauke [L.N. Tolstoy on Law and Legal Science]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law, 1978, no. 9, pp. 88 -96. (In Russ.).
5. Yachevsky V. V. Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady L.N. Tolstogo [Social, Political, and Legal Views of L. N. Tolstoy]. Voronezh, 1983, 167 p. (In Russ.).
6. Petrazhitsky L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti [Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, 1907, vol. 1, 318 p. (In Russ.).
7. Yachevsky V. V. Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady L.N. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Social, Political, and Legal Views of Leo Tolstoy: Abstract of Dissertation. ... Candidate of Law]. Moscow, 1979, 22 p. (In Russ.).
8. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. 5-e izd. T. 20. Noyabr' 1910 – noyabr' 1911 [Complete Works. In 55 volumes. 5th edition. Vol. 20. November 1910 – November 1911]. Moscow, 1973, 800 p. (In Russ.).
9. Bondarev D.A. Tolstoj i sovremennost' [Tolstoy and Modern Times]. Leningrad, 1928, 96 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, г. Москва, улица Садовая-Кудринская, дом 9, строение 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Building 2, Moscow, 125993.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 23.12.2026; accepted for publication 19.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 41–56.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 41-56.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.7

СОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВА НА ОРУЖИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Завьялов Александр Николаевич¹, Горчаков Даниил Евгеньевич²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, zavyalov61@bk.ru

²Прокуратура Свердловского района г. Иркутска, Российская Федерация, kh.lee@yandex.ru

Введение. В статье анализируется эволюция правового регулирования права на оружие с древнейших времен до современности. Автором проанализированы памятники права государств Месопотамии, Древней Индии, Греции, Рима, Китая, а также правовые акты некоторых стран Юго-Восточной Азии, ряда европейских стран, России и США. Особое внимание уделяется сравнительному анализу регламентации в отдельных государствах, который позволяет установить изменения подходов правового регулирования: от признания права на оружие естественным атрибутом человека до установления жестких ограничений. Хронологические рамки исследования охватывают период с XXII века до н. э. по настоящее время, что позволяет проследить тенденции правового регулирования права на оружие во взаимосвязи эволюции государственных институтов.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи отечественных и зарубежных авторов, монографии, учебная литература, диссертационные исследования, сборники документов и хрестоматии, переводы законодательных текстов, нормативные правовые акты, решения судебных органов. В ходе исследования, помимо общенаучных методов, в основном используется историко-правовой сравнительный метод. При этом сравнительный метод реализуется в соответствии с принципами сравнимости государственно-правовых явлений с поливариантностью критериев сравнения.

Результаты исследования позволили проследить закономерности генезиса подходов к регламентации права на оружие в разные исторические эпохи. Установлено, что уже в Древнем мире сосуществовали принципиально различные модели, а в Новое время национальные подходы окончательно разошлись под влиянием конкретно-исторических условий.

Выводы и заключения. На разных исторических этапах в право на оружие вкладывалось различное содержание, реализовывались различные правомочия. Синхронное сравнение позволило сгруппировать государства по сходству правовых моделей в рамках каждой эпохи, диахронное – показало нарастание плотности и детализации регулирования при переходе от казуальных формулировок к абстрактным запретам и дозволениям. Установлено, что регламентация на всех этапах определялась конкретно-историческими условиями, а не универсальным правовым принципом.

Ключевые слова: субъективное право, правовые акты, правовое регулирование, право на оружие, эволюция законодательства

Для цитирования: Завьялов А. Н, Горчаков Д. Е Социальные и религиозные предпосылки формирования права на оружие: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 41–56.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

SOCIAL AND RELIGIOUS PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE RIGHT TO ARMS: HISTORICAL, LEGAL, AND COMPARATIVE ANALYSIS

Alexander N. Zavyalov ¹, Daniil E. Gorchakov ²

¹Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, zavyalov61@bk.ru

²Prosecutor's Office of the Sverdlovsk district of Irkutsk, Russian Federation, kh.lee@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the evolution of the legal regulation of the right to weapons from ancient times to the present. The author analyzes the legal monuments of the states of Mesopotamia, Ancient India, Greece, Rome, China, as well as the legal acts of some countries of Southeast Asia, a number of European countries, Russia and the USA. Special attention is paid to a comparative analysis of regulation in individual states, which allows us to establish changes in legal regulation approaches: from recognizing the right to weapons as a natural attribute of a person to establishing strict restrictions. The chronological framework of the study covers the period from the XXII century BC to the present, which allows us to trace the trends in the legal regulation of the right to weapons in the interrelation of the evolution of state institutions.

Materials and Methods. The research materials included scientific articles by domestic and foreign authors, monographs, educational literature, dissertation research, collections of documents and anthologies, translations of legislative texts, legal regulations, and judicial decisions. In addition to general scientific methods, the research mainly uses the historical and legal comparative method. At the same time, the comparative method is implemented in accordance with the principles of comparability of state-legal phenomena with the multivariance of comparison criteria.

The Results of the Study made it possible to trace the patterns of the genesis of approaches to regulating the right to weapons in different historical eras. It has been established that fundamentally different models already coexisted in the Ancient World, and in Modern times national approaches have finally diverged under the influence of specific historical conditions.

Findings and Conclusions. At different historical stages, different contents were invested in the right to arms, and various powers were exercised. Synchronous comparison made it possible to group states according to the similarity of legal models within each epoch, diachronic comparison revealed an increase in the density and detail of regulation during the transition from casual formulations to abstract prohibitions and permits. It was revealed that regulation at all stages was determined by specific historical conditions, rather than by a universal legal principle.

Keywords: subjective law, legal acts, legal regulation, the right to weapons, the evolution of legislation

For citation: Zavyalov A. N. Gorchakov D. E. Social`ny`e i religiozny`e predpossy`lki formirovaniya prava na oruzhie: istoriko-pravovoj i sravnitel`ny`j analiz [Social and religious prerequisites for the formation of the right to arms: historical, legal, and comparative analysis]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 41-56. (In Russ.).

Исходя из разнообразных (архаических, не документированных, литеральных, казуальных норм), содержащихся в источниках права государств Древнего мира, становится очевидно, что субъекты рассматриваемых отношений соответствующих стран в целом располагали правом на оружие. Следует предположить, что древние источники права прямо не регламентировали право на оружие, но повсеместно запрещали убийство, в том числе нанесение телесных повреждений с использованием оружия.

Ввиду того, что не во всех изученных памятниках права прямо закреплено право на оружие, в работе сравниваются отдельные правомочия – хранение, ношение, применение, оборот, получившие нормативную фиксацию в источниках. По мнению А. В. Юрковского, историко-правовой сравнительный метод допускает поливариантность критериев сравнения [1, с. 93].

Подход, согласно которому прямо не регламентируется право на оружие, обнаруживается в своде законов Ур-Намму (Шульги) (XXII–XXI вв. до н. э.), где за повреждение конечности оружием устанавливается штраф¹, и в Законах Хаммурапи, где ст. 21 наделяет лицо правом убить человека, совершившего пролом в его доме².

Авторы данных памятников права прямо не запрещают иметь оружие, но стремятся предотвратить его противоправное использование, устанавливая ответственность за причиненный ущерб.

Иной подход изложен в Законах Ману, где регламентация связана неразрывно с сакральной традицией. Законодатель, в отличие от подхода Ур-Намму и Хаммурапи, стремится установить правопорядок путем соотношения права на оружие с определенным сословием (варной) и его дхармическим предписанием. Интерес также представляет норма, содержащаяся в ст. 220, согласно которой коммерческий оборот порицается как «грязное деяние»³, тогда как в ранее перечисленных памятниках права оружие в системе товарно-денежных отношений представляло собой такой же объект, как зерно, одежда и т. д.

В некоторых государствах Древнего мира право на оружие ограничивалось ввиду обеспокоенности властей возможными мятежами. К таким государствам относится Афинский полис в период тирании Писистрата⁴ и Древний Китай в период правления Цинь Шихуанди (221 г. до н. э.), когда оружие было изъято у населения [2, с. 54].

¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. С. 188.

² Законы вавилонского царя Хаммурапи // hist.msu.ru : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 06.03.2026).

³ Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М. : Академия наук СССР, 1960. 355. С. 97.

⁴ Аристотель. Афинская полития / Аристотель ; пер. с греч. С. И. Радцига. Ксенофонт. Лакедемонская полития / Ксенофонт ; пер. с греч. Г. А. Янчевецкого. М. : Академический проект, 2020. 215. С. 17.

Некоторые отдельные правомочия, составляющие право на оружие, а именно хранение, ношение в общественных местах, в Древнем Риме были криминализированы в соответствии с Законом Юлия о публичном насилии (17 г. до н. э.)⁵.

Полагаем, что в эти же исторические периоды в правовых описаниях появились аналогии [3, с. 38], заимствованные в естественных науках.

Проведенное сравнение памятников права Древнего мира показывает, что единого подхода к регламентации права на оружие в эту эпоху не сложилось. Наиболее схожими подходы оказались в государствах Месопотамии. В Законах Ур-Намму и Хаммурапи оружие рассматривалось как атрибут свободного человека, ограничивалось лишь его противоправное применение. В Законах Ману регулирование права на оружие имело прежде всего религиозный оттенок, в отличие от других источников права. Наконец, в Афинах эпохи Писистрата, циньском Китае и Древнем Риме периода Республики оружие воспринималось как угроза публичному порядку и власти: в этих государствах законодатель прибегал либо к полному изъятию оружия у населения, либо к запрету его хранения и ношения в общественных местах.

Итак, уже в Древнем мире регламентация права на оружие определялась не универсальным принципом, а конкретно-историческими условиями – степенью сакрализации права, характером политического режима и остротой угрозы вооруженных выступлений.

В раннем Средневековье в ряде памятников права отсутствует динамизм регулирования, и подход остается тем же, что и, например, в памятниках права Месопотамии. В германских правдах (Салической, Баварской, Аламманнской) понятие «права на оружие» не формулируется – оружие считается естественной принадлежностью свободного человека. Так, по Салической правде кража ножа каралась как кража скота⁶. В Аламманнской правде оружие использовалось для клятвы при отрицании убийства [4, с. 186]. Наконец, в Баварской правде способность владеть оружием служила маркером социального статуса [4, с. 258].

Такой же подход был в англосаксонском королевстве Уэссекс, в Правде Альфреда, где оружие не запрещалось, но система штрафов за травмы, которые потенциально могут быть нанесены оружием, защищала боеспособность населения: чем важнее была часть тела для удержания меча или щита, тем выше становилась компенсация, а полная потеря руки оценивалась в 80 шиллингов [5, с. 69].

Аналогична в этом вопросе и Русская Правда, где оружие было защищено как частная собственность⁷.

В свою очередь, ряд государств демонстрировал подход, сходный с тем, что ранее наблюдался в Афинах и Древнем Китае. Так, в японском памятнике права «Тайхо Рицурё» 702–718 годов оружие рассматривается не как предмет личного права граждан, а как стратегический ресурс, подлежащий исключительному контролю со стороны государства. При этом ст. 27, где указан «пожалованный государем меч» (сетто), дает основания полагать, что доступ к оружию был привилегией или служебной обязанностью, обусловленной сословием, что роднит подход с Законами Ману. Также в памятнике права

⁵ Дигесты Юстиниана. Т. 7, полутом 2, кн. 48–50. М.: Статут, 2005. 563. С. 77.

⁶ Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. Ленина. М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. Т. LXII. С. 88.

⁷ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко; Российская академия наук. СПб.: Наука, 1997. С. 500.

проводится разграничение между боевым (запрещенным) оружием и церемониальным и упоминается утраченный «закон о нелегальном (частном) изготовлении оружия» (сидзохо), само существование которого доказывает, что изготовление оружия не было свободным ремеслом, а находилось под государственным контролем⁸.

В византийской Эклоге 741 года оружие рассматривалось как исключительный атрибут государства, монопольно обладающего правом на его применение в целях возмездия, восстановления социальной справедливости и других целях. Человек, который применил оружие во время конфликта без обращения к властям, рассматривался как узурпатор (XVII.5). За удар мечом (XVII.46) виновный лишался руки, причем даже за сам факт использования оружия в частном конфликте, независимо от наступивших последствий⁹.

Сравнение памятников права раннего Средневековья позволяет выделить три подхода к регламентации права на оружие. Первый подход, характерный для германских правд, Правды Альфреда и Русской Правды, исходит из восприятия оружия как естественного атрибута свободного человека: владение не требует специального дозволения, оружие защищается законом в качестве частной собственности либо служит маркером социального статуса. Второй подход объединяет Японию и Византию: в «Тайхо Рицурё» оружие является стратегическим ресурсом, подконтрольным государству, а доступ к нему носит характер привилегии или служебной обязанности; в византийской Эклоге право на применение силы монополизировано государством, а использование оружия в частном конфликте влечет наказание независимо от последствий.

Памятники права периода расцвета Средневековья позволяют проследить эволюцию регламентации права на оружие в условиях укрепления государственной власти и усложнения социальной структуры. Хартия Страсбурга 1189 года требовала надзора за изготовителями мечей¹⁰.

Некоторые памятники права можно объединить по критерию ограничения права на ношение оружия в мирное время для населения. Однако право на ношение оружия частично сохранялось за лицами, которые являлись представителями государства. Так, Хартия Страсбурга 1214 года запрещала брать оружие в руки при ссорах без санкции совета, но советникам (уполномоченным лицам) разрешала вооружаться для усмирения конфликтов¹¹. В свою очередь, в Мельфийских конституциях Фридриха II 1231 года император запретил всем подданным носить оружие в мирное время – мечи, кинжалы, копья, панцири и щиты, чтобы предотвратить насилие и убийства. Рыцари, их сыновья и горожане могли брать оружие в поездки верхом, но по прибытии обязаны были сдавать его в отдельное место [6, с. 492].

В источниках права периода расцвета Средневековья впервые появились запреты на перемещение оружия через границу. Например, государство Иерусалим на Ближнем Востоке как государство крестоносцев запрещало любому человеку, въезжающему на территорию «Сирийской земли», провозить оружие под угрозой смертной казни [6, с. 544].

⁸ Свод законов Тайхо Рицурё. 702–718 гг. : Рицу (Уголовный кодекс) // vostlit.info : сайт. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700720/Tajhore_III/text1.phtml?id=11351 (дата обращения: 20.04.2026).

⁹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / пер. Е. Э. Липшиц. М. : Наука, 1965. С. 72.

¹⁰ Средневековое городское право XII–XIII веков : сборник текстов / сост. Т. М. Негуляева, Л. И. Солодкова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. С. 101.

¹¹ Там же.

В свою очередь, Английская Ассиза о вооружении 1181 года закрепила положение, согласно которому вывоз оружия за пределы страны был только с разрешения короля¹².

Кроме того, в Ассизе было закреплено, что оружие являлось неотчуждаемым средством госслужбы: вооруженный присягал королю. Иудеям было запрещено владеть доспехами.

Общей тенденцией вышеуказанных источников права рассматриваемого периода стало то, что оружие превратилось в объект публичного контроля, в отличие от памятников раннего Средневековья и Древнего мира. Некоторые из перечисленных государств впервые начинают регулировать не только применение оружия, но и его производство, ношение и перемещение через границу. При этом правомочия владения и ношения сохраняются лишь за теми, кто выполняет публичные функции либо получил на то особую санкцию власти.

Определенное количество памятников права Нового времени, в отличие от предыдущих периодов, стало формулировать абстрактные запреты и дозволения по поводу отдельных правомочий права на оружие.

Следует отметить, что если на предшествующих этапах генезиса правового регулирования допустимо было подвести под единый тезис нормативные модели нескольких государств (например, по критерию ограничения права в мирное время для населения и др.), то в Новое время такой подход мыслится несостоятельным. Данный факт можно объяснить увеличением плотности и детализации нормативного регулирования, усложнением общественных отношений, появлением массового фабричного производства оружия. Все вышеперечисленное привело к тому, что каждая страна начала выстраивать уникальную модель правового регулирования. Тем не менее данное явление не исключает саму возможность сравнительного анализа и типологизации: речь идет лишь о том, что общие критерии классификации более не покрывают всей специфики национальных правовых порядков, но по-прежнему позволяют выявлять их сходства и различия на более глубоком уровне.

Так, ст. 11 Французского Ордонанса об уголовных преступлениях 1670 года содержит норму, запрещающую ношение оружия¹³.

В Русском государстве поэтапно вводился запрет ношения оружия. Согласно Соборному Уложению 1649 года ношение оружия в руках при царе было запрещено¹⁴. Затем указы 1682–1685 гг. ограничили ношение огнестрельного оружия служилым [7, с. 86–90]. Дальнейшим шагом в развитии такой политики государства стал Устав Благодения Екатерины II, запретивший ношение оружия всем, кроме особо указанных лиц¹⁵.

Воинский артикул Петра I 1716 года объявил оружие государственной собственностью, коммерческий оборот военного оружия был запрещен¹⁶.

¹² Памятники истории Англии XI–XIII вв. / пер. Д. М. Петрушевского. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 79.

¹³ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. : сборник документов / под ред. проф. П. Н. Галанзы. М. : Госюриздат, 1957. С. 354.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года : текст, комментарии / под рук. А. Г. Манькова. Л. : Наука, 1987. С. 22.

¹⁵ Устав Благодения или Полицейский от 8 апреля 1782 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/58105242/> (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁶ Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/57791474/> (дата обращения: 20.04.2026).

Следует также отметить, что в вопросах незаконного изготовления и хранения заряженного оружия в соответствии с Уложением 1845 года были введены наказания¹⁷. Несмотря на это, С. А. Федоренко отмечает, что оборот гражданского оружия в России оставался свободным вплоть до 1917 года [8, с. 285].

Билль о правах 1689 года, в свою очередь, сохранил право на владение оружием только за протестантским населением¹⁸, чем создал модель избирательного доступа к оружию по религиозному признаку, что продолжает тенденцию, заложенную в Ассизе о вооружении.

Билль о правах 1791 года, составной частью которого является Вторая поправка к Конституции США, до сих пор гарантирует право народа хранить и носить оружие¹⁹, что представляет собой уникальный правовой феномен: ни в одном из европейских или азиатских памятников права рассматриваемого периода право на оружие не закреплялось в качестве неотчуждаемой конституционной гарантии, ограничивающей усмотрение государства.

Вектор направления японского законодателя в отношении оружия сохранился с IX века. Сёгун Тоётоми Хидэёси в указе 1588 года строго запретил людям всех провинций иметь любое холодное и огнестрельное оружие. Оружие было изъято у населения и переплавлено в гвозди и болты, которые использовались при создании статуи Будды. А. Г. Баженов утверждает, что данный указ распространялся только на крестьян, а право на владение оружием самураями не утрачивалось [9, с. 150]. В 1875 году был принят Указ о запрете мечей от 28 марта 1876 г., который запретил носить мечи, кроме как военным, полицейским и во время церемоний [9, с. 211].

В отличие от Японии, где ограничения носили поэтапный характер, в Китае происходили колебания между запретом и легализацией под влиянием угроз восстаний. Лей Дуан указывает, что в 1648 году цинские власти конфисковали оружие у крестьян, но через год император Шуньчжи разрешил «добрым людям» владеть фитильными ружьями для самообороны. После восстания Ван Луна (1774 г.) император Цяньлун в 1781 году запретил частное изготовление и хранение фитильных ружей, и уже к 1784 году власти конфисковали более 44 000 таких ружей [10, р. 121-140]. Следующей вехой стал уголовный кодекс «Действующее уголовное право Великой Цин» 1910 года. Автор отмечает, что, в отличие от прежнего законодательства, кодекс официально разрешил всем гражданам любое оружие. Автором подмечается, что это стало вынужденной мерой из-за распространения оружия среди бандитов [10, р. 138].

Сравнение памятников права Нового времени обнаруживает как общие тенденции, так и существенные различия. Общей чертой для Франции, России, Англии и Японии выступает движение к прямому запрету ношения оружия как самостоятельному составу, не связанному с фактом причинения вреда. При этом адресаты и мотивы ограничений различались: в Англии запрет носил религиозно-избирательный характер (только для протестантов), в Японии – сословный (разоружение крестьян при сохранении оружия за самураями), в России ограничения сначала адресовались служилым и лишь затем стали

¹⁷ Уложение о наказаниях уголовных и и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина : сайт. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁸ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. : сборник документов / под ред. проф. П. Н. Галанзы. М. : Госюриздат, 1957. С. 126.

¹⁹ Билль о правах от 15 декабря 1791 г. // state.gov : сайт. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Russian-translation-U.S.-Bill-of-Rights.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).

всеобщими. Китай демонстрирует иную модель: здесь регулирование носило ситуативный характер – в зависимости от угроз восстаний и бандитизма конфискации сменялись легализацией оружия. Уникальное положение занимают США, где Вторая поправка 1791 года закрепила право на оружие как неотчуждаемую конституционную гарантию, не имеющую аналогов в рассмотренных правовых порядках.

Более подробно право на оружие во Франции и Англии стало регламентироваться лишь к концу XIX века. Тьерри Юэ, Кристоф Жозеф, Луис Рибейро указывают, что во Франции в период с 1885 года вплоть до самого начала Второй мировой войны действовал закон, который давал каждому французскому гражданину полную свободу владения и распоряжения оружием. Закон «Фарси» был создан с целью подготовки нового поколения к грядущему вооруженному конфликту [11, р. 14].

В Великобритании в 1870 году был принят Закон об оружейной лицензии, который ввел обязательное ежегодное лицензирование для всех желающих носить и использовать огнестрельное оружие за пределами своего жилья. При этом в преамбуле фиксируется цель принятия закона – пополнение казны государства. Лицензия оформлялась налоговыми органами, не подлежала передаче, а факт ее наличия проверялся компетентными органами²⁰.

По сравнению с предшествующим английским Биллем 1689 года, где доступ к оружию ограничивался по религиозному признаку, Закон 1870 года представляет собой прогрессивный шаг к унификации – лицензия стала доступна всем плательщикам независимо от вероисповедания и сословия.

Профессор Руди Фортсон указывает, что развитием вышеуказанного закона стал Закон об огнестрельном оружии 1903 года. Новшества коснулись короткоствольного оружия. В частности, введен запрет для лиц моложе восемнадцати лет приобретать, владеть и пользоваться пистолетом под угрозой штрафа и конфискации оружия. Закон не распространялся на винтовки, спортивное и антикварное оружие [12, р. 11]. Представляется, что короткоствольный пистолет после совершения преступления легче скрыть, чем винтовку, поэтому последней запреты не коснулись.

Так, к началу XX века Франция и Англия избрали противоположные подходы в вопросе правового регулирования права на оружие. Французский закон «Фарси» 1885 года предоставил гражданам полную свободу приобретения, владения, распоряжения без каких-либо разрешительных процедур. В контексте исторической ситуации такая модель правового регулирования была вызвана реваншистскими настроениями после поражения в войне с Германией и подготовкой к грядущему конфликту.

Напротив, английский Закон об оружейной лицензии 1870 года ограничил доступ к правомочию ношения оружия получением ежегодной платной лицензии. При этом английский Закон 1903 года дополнительно ограничил правомочия несовершеннолетних в отношении короткоствольного оружия, исходя уже из криминологических соображений.

В XX веке регламентация права на оружие в рассмотренных странах приобретает беспрецедентно детализированный характер: законодатель не ограничивается общими запретами или дозволениями, а подробно нормирует отдельные правомочия – владение, ношение, приобретение, использование, перевозку, причем степень охвата этих правомочий и жесткость регулирования существенно различаются от страны к стране.

Закон об огнестрельном оружии 1920 года в Англии передал выдачу сертификатов полиции, которая получила право отказывать по основаниям невоздержанности,

²⁰ The Gun Licence Act, 1870. 9th August 1870 // Dunblane Massacre Resource Page : сайт. URL: <http://dvc.org.uk/dunblane/gl1870.html> (дата обращения: 20.04.2026)

психического нездоровья или неблагонадежности (ст. 1), ввел обязательную регистрацию торговцев оружием с уведомлением полиции о продажах (ст. 2) и запрет на владение оружием для осужденных на срок до трех месяцев (ст. 5)²¹.

В сравнении с предыдущим законом, помимо того что выдача лицензий перешла от фискального ведомства к полицейским органам, возможность получить право стала ставиться в зависимость от оценки личности заявителя.

Закон 1968 года криминализировал три состава: ношение оружия с намерением совершить тяжкое преступление (до 10 лет лишения свободы), ношение в общественном месте без уважительной причины и проникновение с оружием в здание или на участок²².

Апогеем ужесточений британского оружейного законодательства стал Закон об огнестрельном оружии 1997 года. Он ввел практически полный запрет на короткоствольное ручное огнестрельное оружие, а именно пистолеты с длиной ствола менее 30 сантиметров, за исключением строго оговоренных случаев²³. Интересно, что ранее (в Законе 1903 года) законодатель уже рассматривал короткоствольное оружие как источник повышенной опасности для правопорядка.

Возвращаясь к правовому регулированию права на оружие во Франции, следует упомянуть декрет от 18 апреля 1939 г. об установлении режима использования военной техники, оружия и боеприпасов. В отличие от закона «Фарси», ст. 15 нового акта вводит разрешительный порядок приобретения оборонительного оружия (до 50 патронов) только совершеннолетними гражданами Франции без судимостей. В ст. 18 установлен запрет на владение любым оружием лицам, проходившим психиатрическое лечение, без справки от психиатра. Также ряд статей (20, 24, 28, 32) устанавливает ответственность за ношение, производство, торговлю, приобретение, хранение, передачу оружия без соответствующего разрешения²⁴.

С. П. Хэлбрук отмечает, что в коллаборационистском режиме Виши после падения Франции под натиском Третьего Рейха был издан указ «О хранении оружия в оккупированном регионе» от 10 мая 1940 г., который предписывал в течение суток сдать все оружие и боеприпасы немцам под угрозой казни [13, р. 22].

Если говорить в целом о правовом регулировании права на оружие в Европейском союзе (далее – ЕС), следует упомянуть Директиву Совета 91/477/ЕЭС 1991 года. Она ввела для стран ЕС обязательные минимальные стандарты регулирования оборота огнестрельного оружия. Документ установил классификацию оружия на четыре категории (А – запрещенное, В – разрешительное, С – декларируемое, D – иное) и дифференцировал правомочия граждан в зависимости от категории: приобретение и хранение оружия категории А запрещено (кроме исключительных случаев), категории В – требует разрешения, категории С – подлежит декларированию с уведомлением властей о передаче.

²¹ Firearms act, 1920. 16th August 1920 // Dunblane Massacre Resource Page : сайт. URL: <http://dvc.org.uk/dunblane/fa1920.html> (дата обращения: 20.04.2026)

²² Firearms act 1968 // Dunblane Massacre Resource Page : сайт. URL: <http://dvc.org.uk/dunblane/fa1968.pdf> (дата обращения: 20.04.2026)

²³ Firearms (Amendment) Act 1997 // UK Government Legislation : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/5> (дата обращения: 20.04.2026).

²⁴ Décret du 18 avril 1939 fixant le régime des matériels de guerre, armes et munitions // Légifrance : сайт. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006071318/> (дата обращения: 14.03.2026)

Государства-члены обязаны имплементировать данные нормы, вправе ужесточать требования, но не могут снижать минимальный стандарт директивы²⁵.

Если говорить о США, то вплоть до начала XX века, кроме Второй поправки к Конституции 1791 года, подробного регламентирования права на оружие не существовало. Как отмечает А. А. Шулус, новый этап развития федерального оружейного законодательства США начался в конце 1920-х годов, когда стали приниматься законы, регулирующие оборот оружия на всей территории страны. Например, в 1927 году был введен запрет на почтовую пересылку оружия, пригодного для скрытого ношения [14, с. 321–326]. Данное нововведение напоминает тенденции английского законодателя.

Национальный закон об оружии 1934 года установил жесткие ограничения на владение так называемым «гангстерским оружием», включая автоматическое оружие, укороченные винтовки и дробовики, а также глушители. Закон о защите прав владельцев оружия 1986 года устранил возможность непреднамеренного нарушения правовых норм добросовестными гражданами.

Следует упомянуть, что законодательство в отношении оружия разнится от штата к штату: в одних штатах регулирование носит более жесткий характер, в других, напротив, установлены лишь минимальные ограничения. Такой подход подтверждается решениями Верховного Суда США²⁶.

Итак, при сохранении конституционного права на оружие в США были последовательно введены некоторые ограничения в отношении видов оружия, потенциально несущих угрозу правопорядку.

В Китае во время гражданской войны (1927–1949) сохранялся подход к дозволенному регулированию права на оружие. Лей Дуан указывает, что в этот период многие крестьяне приобрели личное оружие для самозащиты от грабителей, а Коммунистическая партия Китая рассматривала таких граждан как важнейший ресурс для революционной борьбы [15, р. 233]. Примечательно, что в период Китайской Советской Республики право было подчинено логике непримиримой классовой борьбы, в результате чего землевладельцы были ограничены в праве на оружие.

С приходом коммунистов к единоличной власти был принят Закон Китайской Народной Республики (далее – КНР) «О Народной полиции», в котором была предусмотрена обязанность полиции регулировать оборот оружия и амуниции. Так, владение оружием стало снова носить разрешительный характер [16, р. 125].

Ст. 112 Уголовного кодекса 1979 КНР устанавливает запрет незаконного изготовления, торговли, перевозки, кражи оружия и боеприпасов²⁷.

Закон КНР о контроле над огнестрельным оружием 1996 года установил одну из жесточайших разрешительных систем: гражданам разрешено только спортивное и охотничье оружие по лицензии, использование любого оружия для самообороны

²⁵ Council Directive 91/477/EEC of 18 June 1991 on control of the acquisition and possession of weapons // European Union : сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1991/477/oj/eng> (дата обращения: 20.04.2026)

²⁶ District of Columbia v. Heller, 554 U.S. 570 (2008) // Justia U.S. Law : сайт. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/554/570/> (дата обращения: 20.04.2026); Montana Shooting Sports Association v. Holder (2013) // Claremont Institute : сайт. URL: <https://www.claremont.org/case/montana-shooting-sports-association-v-holder-2013/> (дата обращения: 20.04.2026)

²⁷ Criminal Code of the People's Republic of China of July 6, 1979 (as amended in 1997) // lawofchina.com : сайт. URL: <https://www.lawofchina.com> (дата обращения: 20.04.2026)

запрещено. Нарушения (производство, продажа, хранение, контрабанда) – тяжкие преступления, наказываемые вплоть до смертной казни [17, с. 78–80].

Сходный подход к правовому регулированию права на оружие демонстрирует японский законодатель. В Законе Японии о контроле за огнестрельным оружием и мечами 1958 года (с поправками 1993 и 1995 годов) в ст. 3 и 22–224 установлены запреты на владение, ввоз, перевозку и получение оружия, его частей и боеприпасов, а также на ношение мечей с клинком длиннее шести сантиметров. Следует отметить, что владение пистолетами и автоматическим оружием для частных лиц запрещено [18, р. 168].

В СССР и России сформировалась разрешительная система оборота оружия. Начало было положено декретом Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия», который ввел тотальное разоружение гражданского населения: все обязаны были сдать огнестрельное и холодное оружие. Ранее выданные разрешения аннулировались. За укрывательство или несдачу оружия лицо приговаривалось к лишению свободы от 1 до 10 лет²⁸. Данный акт полностью прекратил правомочия владения в отношении оружия всех лиц, за исключением тех, кому оно положено по службе.

Декретом СНК от 12 июля 1920 г. «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» установлен разрешительный порядок оборота оружия, закреплено, что хранить и пользоваться им могут только лица, которым оно присвоено по службе (военные, милиция), либо те, кому это право предоставлено специальными постановлениями (например, для охоты)²⁹.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 декабря 1924 г. введено категорирование оружия, установлен разрешительный порядок его оборота³⁰.

Ст. 3 Постановления СНК РСФСР от 17 февраля 1932 г. установлен прямой запрет на владение любым огнестрельным и холодным оружием для лиц, лишенных избирательных прав³¹.

Согласно Положению об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР 1960 года право на охоту с огнестрельным оружием имели все граждане с 18 лет, сдавшие экзамены и получившие охотничий билет³².

²⁸ О сдаче оружия : Декрет СНК РСФСР от 10 декабря 1918 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37550#DsIw1LVlplrZ6lKk> (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

²⁹ О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним : Декрет СНК РСФСР от 12 июля 1920 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16269#QNWw1LVFI5AnNMOO> (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³⁰ О порядке производства, торговли, хранения, пользования, учета и перевозки оружия, огнестрельных припасов, разрывных снарядов и взрывчатых веществ : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12 декабря 1924 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25572#EXIw1LVshwNBCK3s> (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³¹ О порядке приобретения, хранения и пользования охотничьим и спортивным оружием и о торговле огнестрельным охотничьим и спортивным оружием : Постановление СНК РСФСР от 17 февраля 1932 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24719#K3Ax1LVGu4KZkcLM3> (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³² Об утверждении Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР : Постановление Совмина РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548 : ред. от 3 мая 1994 г., с изм. от 19 декабря 1994 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2320/ (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Ст. 218 УК РСФСР 1960 года устанавливала уголовную ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, кроме гладкоствольного охотничьего. Соответственно, оборот гладкоствольного охотничьего оружия был свободным³³.

В современной России регламентация началась с Закона «Об оружии» 1993 года. Ст. 5 разделила гражданское оружие на газовое, спортивное и охотничье. Согласно ст. 13 граждане с 18 лет могут получить лицензию в органах внутренних дел. Для этого покупают оружие и регистрируют его в течение 14 дней, после чего выдается разрешение на хранение и ношение сроком на 5 лет. Для гладкоствольного охотничьего оружия процедура дополнительно включает: медсправку, покупку сейфа, сдачу экзамена. Нарезное охотничье оружие доступно только при наличии стажа владения гладкоствольным оружием не менее 5 лет. Исключения составляют профессиональные охотники и мастера спорта. Автоматическое оружие (боевое) для граждан запрещено³⁴.

Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» ввел ряд новелл. Повышен возраст покупки большинства видов оружия с 18 до 21 года, а также введены новые основания для отказа в лицензии, например, погашенная судимость за тяжкие преступления или заключение спецслужб об «опасности» владельца. Ст. 61 ввела обязательное медицинское освидетельствование владельцев оружия не реже одного раза в пять лет³⁵.

Сравнение законодательства рассматриваемых государств XX–XXI веков позволяет сгруппировать страны по степени сходства правовых моделей. Наиболее близки законодательства Китая и Японии: в обоих государствах установлена жесткая разрешительная система, гражданскому населению доступно лишь спортивное и охотничье оружие по лицензии, а владение пистолетами и автоматическим оружием для частных лиц запрещено полностью. Англия, страны ЕС, Россия образуют вторую группу, где действует разрешительная система с категоризированием оружия, лицензированием, регистрацией и определенными ограничениями по возрасту и иным значимым показателям. Несмотря на это, целесообразно выделить особенности: в Англии короткоствольное оружие практически полностью запрещено с 1997 года, в СССР и России доступ к нарезному оружию обусловлен длительным стажем владения гладкоствольным. Уникальность ЕС основывается на наднациональном характере правового регулирования путем перечисления минимальных норм-запретов, подлежащих включению в законодательство каждой страны-участницы.

Отдельного внимания заслуживают США, где при сохранении конституционной гарантии права на оружие как неотчуждаемого федеральное регулирование ограничивает лишь отдельные виды вооружения, а основная масса ограничений устанавливается на уровне штатов, что создает значительный разброс правовых моделей внутри одной страны.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

³³ Уголовный кодекс РСФСР : УК : утвержден ВС РСФСР 27 октября 1960 г. : ред. от 30 июля 1996 г. : документ утратил силу или отменен // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³⁴ Об оружии : Закон Российской Федерации от 20 мая 1993 г. № 4992-1 : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8690/ (дата обращения: 20.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³⁵ Об оружии Федер. закон № 150-ФЗ : принят Гос. Думой 13 ноября 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 20.04.2026).

На разных исторических этапах вкладывались различные содержательные смысловые значения (правомочия) права на оружие. Вероятно, что все общеизвестные правомочия права на оружие были известны и использовались уже в Древнем мире. Мы предполагаем, что отсутствие литеральной фиксации каких-то значений права на оружие не свидетельствует об их отсутствии в правовой действительности рассматриваемой эпохи.

Количество исторических этапов, выделяемых исследователями, является вопросом дискуссионным, поскольку такое выделение зависит от целеполагания. Этапы можно выделять сугубо по субъективно заданным критериям, в зависимости от избранных оснований. Генезис правового регулирования права на оружие можно рассматривать в историческом, культурологическом, этимологическом, лингвистическом и иных аспектах.

Сопоставление памятников в рамках каждой эпохи позволило сгруппировать государства по сходству правовых моделей. Например, в Древнем мире можно выделить три группы – государства Месопотамии, где оружие рассматривалось как атрибут свободного человека; Индию, где сложилась сакрально-сословная модель; Афины периода Писистрата, циньский Китай и Древний Рим периода Республики, где оружие воспринималось как угроза власти и подлежало либо изъятию, либо запрету хранения и ношения в общественных местах. В свою очередь, в раннем Средневековье также обозначились три подхода. Германские правды, Русская Правда и англосаксонская Правда Альфреда, аналогично государствам Месопотамии, воспринимали оружие как естественный атрибут свободного человека. Япония и Византия закрепили государственную монополию на вооруженную силу и стратегический контроль над оружием и так далее.

Качественный скачок правового регулирования прослеживается в Новое время, когда модели окончательно разошлись. Франция прошла путь от запрета ношения оружия при Людовике XIV до полной либерализации владения по закону «Фарси» 1885 года. Россия, начав с запрета находиться с оружием при царе, последовательно расширяла ограничения на ношение огнестрельного оружия, объявила военное оружие государственной собственностью и к концу XIX века подошла с детализированными запретами на изготовление, хранение заряженного оружия и ношение без особой надобности. Англия, закрепив в Билле 1689 года религиозно-избирательный доступ к оружию, к концу XIX века перешла к фискальному лицензированию ношения, а затем и к возрастным запретам на короткоствольное оружие. Япония удерживала сословную монополию самураев на оружие, распространив запрет на крестьян еще в XVI веке и завершив эпоху запретом ношения мечей для всех, кроме военных и полиции. Китай колебался между тотальными конфискациями и вынужденной легализацией под давлением восстаний и бандитизма. США закрепили Второй поправкой уникальную конституционную гарантию, не имеющую аналогов ни в одном из рассмотренных правовых порядков.

Расхождение национальных моделей объясняется конкретно-исторической обусловленностью. Французская либерализация была продиктована реваншистскими настроениями и мобилизационной подготовкой к войне. Ограничения, содержащиеся в российском законодательстве, отражали логику административной централизации и укрепления самодержавия. В то же время в Англии преследовали цель пополнения казны. Японская модель определялась необходимостью сохранения власти сёгуна и предотвращения крестьянских восстаний. Неопределенность правового регулирования в Китае была реакцией на перманентную угрозу вооруженных выступлений и неспособность государства обеспечить безопасность. В США изначально цель

заклучалась в обеспечении безопасности населения через создание хорошо вооруженной милиции (ополчения).

При всем расхождении моделей Новое время объединяет повсеместное нарастание плотности и детализации нормативного регулирования. Законодатель повсюду переходит от казуальных формулировок к абстрактным запретам и дозволениям применительно к отдельным правомочиям – ношению, хранению, приобретению, коммерческому обороту. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в XX–XXI веках, когда регулирование приобрело беспрецедентно детализированный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сравнительное правоведение : учебник / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 199 с.
2. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Чибиряева. М. : Былина, 2002. 476 с.
3. Юрковский А. В. Аналогии в естественных и гуманитарных науках при осмыслении понятия власти (государственной власти) и ее механизма: генезис конституционно-правовой гносеологии // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 34–41.
4. Аламандское и баварское общество VIII и начала IX веков / пер. Г. М. Даниловой. Петрозаводск : Карелия, 1969. 296 с.
5. Санников С. В. Не переводившиеся ранее фрагменты англосаксонских законов (domas) королей Инэ и Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. 2008. Т. 4. № 2. С. 67–70.
6. Антология мировой правовой мысли. Т. 2 : Европа V–XVII вв. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова ; Национальный общественно-научный фонд. М. : Мысль, 1999. 833 с.
7. Беляев И. Б. Указы, уставы, уложения // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2010. № 1. С. 86–90.
8. Федоренко С. А., Овчаренко Е. Д. Оружейное законодательство в современной России: пробелы и возможные тенденции // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 281–286.
9. Баженов А. Г. История японского меча. СПб. : Атлант : Издательский дом «Балтика», 2001. 264 с.
10. Duan L.. Between Social Control and Popular Power: The Circulation of Private Guns and Control Policies during the mid to late Qing, 1781–1911 // American Journal of Chinese Studies. 2017. P. 121–140.
11. Huet, T., Joseph, C., Ribeiro L. Histoire et perspectives de la réglementation sur les armes en France : mémoire de diplôme universitaire d'expertise balistique. 2022. 208 p.
12. Rudi Fortson Q. C. Firearms and the Law. London : Queen Mary University of London, 2015. 120 p.
13. Halbrook S. P. The Right to Bear Arms in German and Swiss Constitutional Law // Fordham Urban Law Journal. 2012. Vol. 40, no. 1. P. 1–40.
14. Шулуc А. А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник университета. 2014. № 12. С. 321–326.
15. Duan L. The Prism of Violence: Private Gun Ownership in Modern China 1860–1949 : PhD dissertation. 2017. 292 p.

16. Cohen J. A. The Criminal Process in the People's Republic of China 1949–1963: An Introduction. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1968. 724 p.
17. Шелковникова Е. Оборот оружия в Китае: закон и реальность // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 1. С. 78–80.
18. Alleman M. The Japanese Firearm and Sword Possession Control Law: Translator's Introduction // Pacific Rim Law & Policy Journal. 2000. Vol. 9. no. 3. P. 165–180.

REFERENCES

1. Yurkovsky A. V. Sravnitel'noe pravovedenie [Comparative Jurisprudence]. Irkutsk, 2021, 199 p. (In Russ.).
2. CHibiryayeva S. A. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [History of State and Law of Foreign Countries]. Moscow, 2002, 476 p. (In Russ.).
3. Yurkovsky A. V. Analogii v estestvennykh i gumanitarnykh naukakh pri osmyslenii ponyatiya vlasti (gosudarstvennoy vlasti) i ee mekhanizma: genezis konstitutsionno-pravovoy gnoseologii [Analogies in natural and human sciences in understanding the concept of power (state power) and its mechanism: genesis of constitutional-legal epistemology]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald. 2020, vol. 89, no. 2, pp. 34–41. (In Russ.).
4. Danilova G. M. Alamanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII i nachala IX vekov [Alamannic and Bavarian Society of the 8th and early 9th centuries]. Petrozavodsk, 1969, 296 p. (In Russ.).
5. Sannikov S. V. Ne perevodivshiesya ranee fragmenty anglosaksonskikh zakonov (domas) koroley Ine i Alfreda [Previously untranslated fragments of Anglo-Saxon laws (domas) of Kings Ine and Alfred]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Novosibirsk State University. 2008, vol. 4, no. 2, pp. 67–70. (In Russ.).
6. Antologiya mirovoy pravovoy mysli [Anthology of World Legal Thought]. Vol. 2 : Evropa V–XVII vv. [Europe 5th–17th centuries]. Moscow, 1999, 833 p.
7. Belyaev I. B. Ukazy, ustavy, ulozheniya [Decrees, statutes, codes]. Kalashnikov. Oruzhie, boepriпасы, snaryazhenie – Kalashnikov. Weapons, Ammunition, Equipment. 2010, no. 1, pp. 86–90. (In Russ.).
8. Fedorenko S. A., Ovcharenko E. D. Oruzheynoe zakonodatelstvo v sovremennoy Rossii: probely i vozmozhnye tendentsii [Weapons legislation in modern Russia: gaps and possible trends]. Sovremennaya nauchnaya mysl – Modern Scientific Thought. 2018, no. 6, pp. 281–286. (In Russ.).
9. Bazhenov A. G. Istoriya yaponskogo mecha [History of the Japanese Sword]. St. Petersburg, 2001, 264 p. (In Russ.).
10. Duan L. Between Social Control and Popular Power: The Circulation of Private Guns and Control Policies during the mid to late Qing, 1781–1911. American Journal of Chinese Studies. 2017. P. 121–140. 22. Huet T., Joseph C., Ribeiro L. Histoire et perspectives de la réglementation sur les armes en France [History and perspectives of weapons regulation in France] : mémoire de diplôme universitaire d'expertise balistique. 2022, 208 p.
11. Huet T., Joseph C., Ribeiro L. Histoire et perspectives de la réglementation sur les armes en France : mémoire de diplôme universitaire d'expertise balistique [History and perspectives of weapons regulation in France : university diploma thesis in ballistic expertise]. 2022, 208 p.
12. Rudi Fortson Q. C. Firearms and the Law. London : Queen Mary University of London, 2015, 120 p.
13. Halbrook S. P. The Right to Bear Arms in German and Swiss Constitutional Law. Fordham Urban Law Journal. 2012, Vol. 40, no. 1, P. 1–40.

14. Shulus A. A. Pravo na oruzhie v SShA: sootnoshenie federalnogo zakonodatelstva i zakonov shtatov [The right to bear arms in the USA: the relationship between federal legislation and state laws]. Vestnik universiteta – University Bulletin. 2014, no. 12, pp. 321-326. (In Russ.).
15. Duan L. The Prism of Violence: Private Gun Ownership in Modern China 1860-1949 : PhD dissertation. 2017, 292 p.
16. Cohen J. A. The Criminal Process in the People's Republic of China 1949–1963: An Introduction. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1968. 724 p.
17. Shelkovnikova E. Oborot oruzhiya v Kitae: zakon i realnost [Weapons circulation in China: law and reality]. Kalashnikov. Oruzhie, boepripasy, snaryazhenie – Kalashnikov. Weapons, Ammunition, Equipment. 2007, no. 1, pp. 78-80. (In Russ.).
18. Alleman M. The Japanese Firearm and Sword Possession Control Law: Translator's Introduction. Pacific Rim Law & Policy Journal. 2000. Vol. 9, no. 3, pp. 165–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Завьялов Александр Николаевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.

Горчаков Даниил Евгеньевич, общественный помощник прокуратуры Свердловского района города Иркутска. 664039, г. Иркутск, ул. Терешковой, 37а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zavyalov Alexander Nikolaevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035.

Gorchakov Daniil Evgenievich, public helper of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsky District of the City of Irkutsk. 37a Tereshkova St., Irkutsk, 664039.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 21.05.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 57–72.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 57-72.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.1

ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В ЯПОНИИ: ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Юрковский Алексей Владимирович¹, Никонов Павел Владимирович²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, avyurkovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-8965>

²Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, Nikonov_PV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2721-0481>

Введение. В предлагаемой публикации рассматриваются и разрабатываются научные подходы к формированию особенностей государственно-правовой политики противодействия экстремизму и терроризму в Японии. Используются эмпирические материалы правовой системы Японии (сведения, данные) из практики государственного и правового строительства данной страны. Параллельно изучается роль детерминант, напрямую или косвенно определяющих реальные перспективы возникновения в Японии экстремистских и террористических угроз.

В контексте осмысления государственно-правовой практики противодействия экстремизму и терроризму в Японии авторами предпринимается попытка выделить критерии схожести или различий подходов к пониманию противодействия экстремизму и терроризму в других странах современного мира, в частности в таких странах Северо-Восточной Азии, как Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея.

Материалы и методы. Тенденции и предпосылки противодействия экстремизму и терроризму в Японии изучались с применением классических общенаучных (диалектический метод познания, основанные на нем методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, аналогии и т. п.) и специальных методов познания, таких как метод контент-анализа, методы юридической компаративистской лингвистики, методы синтеза эмпирического материала, метод юридической географии.

Результаты исследования позволили обоснованно предполагать, что Япония как интегрированное в общепризнанную практику международных отношений государство воспринимает сложность рассматриваемого социального явления и предпринимает комплекс мер, направленных против роста террористических угроз, выстраивает целенаправленную правовую государственную политику превентивной профилактики всех без исключения видов террористических актов, государственную политику, которая признает, что терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, препятствует развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека.

Специально уполномоченные на то органы государственной власти, а также институты гражданского общества Японии непрерывно осуществляют мониторинг постоянно мимикрирующих форм и методов экстремизма и терроризма, способы их трансформации, совершенствования финансирования.

Япония не прекращает модернизировать национальный механизм государственной власти, составной частью которого является национальный механизм противодействия экстремизму и терроризму.

Уникальная национальная правовая политика Японии предполагает необходимость проведения профилактической работы, мониторинга действующего законодательства, специализированной информационной работы, укрепления социальных, экономических и культурных связей, настройки механизмов деятельности правоохранительных органов по пресечению правонарушений.

Выводы и заключения. В отличие от других государств Северо-Восточной Азии в Японии существуют реальные угрозы религиозного экстремизма и терроризма, имеются разногласия между отдельными религиозными объединениями, группами и сообществами в сфере вероисповедания.

В Японии существует большое разнообразие отдельных субъектов, маргиналов, политических объединений и групп, имеющих непримиримые разногласия, которые потенциально способны сформировать экстремистские либо террористические угрозы.

Ключевые слова: противодействие, экстремизм, терроризм, Япония, Северо-Восточная Азия, право, правовое регулирование, национальная правовая политика, угрозы, деятельность, законность

Для цитирования: Юрковский А. В., Никонов П. В. Тенденции и предпосылки противодействия экстремизму и терроризму в Японии: особенности государственной политики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 57–72 .

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

TRENDS AND PREREQUISITES FOR COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN JAPAN: FEATURES OF STATE POLICY

Alexey V. Yurkovsky¹, Pavel V. Nikonov²

¹Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, avyurkovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-8965>

²Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, Nikonov_PV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2721-0481>

Introduction. The proposed publication examines and develops scientific approaches to shaping the specifics of the state and legal policy of countering extremism and terrorism in Japan. Empirical materials of the Japanese legal system are used, (information, data) from the practice of state and legal construction of this state. At the same time, the role of determinants that directly or indirectly determine the real prospects for the penetration of extremist and terrorist threats in Japan is being studied.

In the context of understanding the state and legal practice of countering extremism and terrorism in Japan, the authors attempt to identify the criteria of similarity or differences in approaches to understanding countering extremism and terrorism in other countries of the modern world, particularly in such countries of Northeast Asia as the Russian Federation, the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, and the Republic of Korea.

Materials and Methods. The trends and prerequisites for countering extremism and terrorism in Japan were studied using classical general scientific methods (the dialectical method of cognition, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, analogy, etc.), as well as special methods of cognition, such as the content analysis method, methods of legal comparative linguistics, methods of synthesizing empirical material, and the legal geography method.

The Results of the Study allow us to reasonably assume that Japan, as a state that is integrated into the generally recognized practice of international relations, perceives the complexity of the social phenomenon under consideration and takes a set of measures aimed at countering the growth of terrorist threats, building a targeted legal state policy, preventive measures for all types of terrorist acts without exception, and a state policy that recognizes that terrorism poses a threat to international peace and security, hinders the development of friendly relations between states, and impedes the exercise of fundamental human rights and freedoms.

Authorities and civil society institutions in Japan are continuously monitoring the constantly evolving forms and methods of extremism and terrorism, as well as their transformation and financing.

Japan continues to modernize its national government mechanism, which includes a national mechanism for countering extremism and terrorism.

Japan's unique national legal policy requires preventive measures, monitoring of existing legislation, specialized information dissemination, strengthening social, economic, and cultural ties, and adjusting the mechanisms of law enforcement agencies.

Findings and Conclusions. Unlike other countries in Northeast Asia, Japan faces real threats of religious extremism and terrorism, as well as disagreements between individual religious organizations, groups, and communities.

In Japan, there is a wide variety of individuals, marginalized groups, political organizations, and factions with irreconcilable differences that could potentially lead to extremist or terrorist threats.

Keywords: counteraction, extremism, terrorism, Japan, Northeast Asia, law, legal regulation, national legal policy, threats, activities, legality

For citation: Yurkovsky A. V., Nikonov P. V. Tendencii i predposylki protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v Yaponii: osobennosti gosudarstvennoj politiki [Trends and Prerequisites for Countering Extremism and Terrorism in Japan: Features of State Policy]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 57-72. (In Russ.).

Противодействие экстремизму и терроризму в любом государстве современного мира, и Япония в данном вопросе не является исключением, по нашему мнению, представляет собой совокупность осознанных, волевых системных, целенаправленных усилий, разнообразных элементов механизма государственной власти (государственных и муниципальных органов и учреждений, институтов гражданского общества и т. п.),

ориентированных на противостояние различным (правовым и неправовым), но всякий раз особо опасным явлениям, ассоциирующимся с проявлениями экстремизма и терроризма.

Противодействие экстремизму и терроризму в Японии как правовое отношение предполагает концентрацию разнонаправленных усилий всех элементов механизма государственной власти в сфере профилактики, борьбы с экстремизмом и терроризмом, в сфере устранения либо минимизации вреда, причиненного актами экстремизма и террористическими правонарушениями. Противодействие экстремизму и терроризму в Японии осуществляют как специализированные органы и учреждения механизма государственной власти, так и разнообразные субъекты политической системы, институты гражданского общества.

Если воспринимать с точки зрения понимания противодействие экстремизму и терроризму в объективном смысле, в качестве элемента национальной системы права, ее структуры, то в Японии целесообразно рассматривать правовую общность, совокупность правовых предписаний, регламентирующих правовые меры и средства противодействия экстремизму и терроризму, которые, по нашему мнению, делятся на два вида – содержащиеся в источниках международного публичного права, признаваемых Японией, и содержащиеся в источниках, используемых национальной системой права Японии (нормативных правовых актах и нормативных договорах). Для японской юридической практики близка романо-германская правовая традиция.

Япония как интегрированное в общепризнанную практику международных отношений государство придерживается базовых принципов международного права, которые, по нашему мнению, могут рассматриваться в качестве основных начал, принципов противодействия экстремизму и терроризму как на международном, так и на национальном уровнях правового регулирования.

Современные социально-политические, государственно-правовые тенденции противодействия экстремизму и терроризму и реформирование системы средств и методов противодействия политическому и иному экстремизму в Японии выстраиваются на основе ряда источников права, среди которых такие, как Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.¹, Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.², Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г.³, Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г.⁴, Сан-Францисский

¹ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников : принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

² Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов : принята резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

³ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов : принята 16 декабря 1970 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

⁴ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов : подписана в Токио 14 сентября 1963 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

мирный договор – договор между частью стран антигитлеровской коалиции и Японией от 8 сентября 1951 г.⁵, Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией от 19 января 1960 г.⁶, Японо-Китайский договор о мире и дружбе от 29 сентября 1972 г.⁷, Соглашение о стратегическом партнерстве между Европейским союзом и его странами-членами, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, от 17 июля 2018 г.⁸. Сторонами Соглашения о стратегическом партнерстве являются: Европейский союз, страны-члены ЕС (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания (вышла из состава ЕС 1 февраля 2020 г.), Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, ФРГ, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония) и другие источники международного права.

Япония оказывает большое влияние на развитие обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе современного мира, особенно в его Северо-Восточной части, поддерживает дипломатические отношения с большинством стран ООН, за исключением КНДР.

В двусторонних отношениях с Российской Федерацией Япония придерживается неоднозначной, сложной, порой противоречивой политики, которая связана с мировой историей. До настоящего времени между Японией и Российской Федерацией отсутствует мирный договор.

Особую позицию Япония демонстрирует в отношении террористических ядерных угроз. Япония – страна, которая дважды подвергалась ядерной и радиационной опасности: ядерной бомбардировке в 1945 году (Хиросима и Нагасаки) и аварии на АЭС Фукусима-1 (11 марта 2011 г.).

Япония официально придерживается безъядерного статуса с 1967 года, основываясь на «трех неядерных принципах»: не производить, не владеть и не размещать ядерное оружие на своей территории. Будучи единственной страной, пострадавшей от ядерных бомбардировок, Япония активно поддерживает режим Договора о нераспространении (ДНЯО) и стремится к миру без ядерного оружия [1, с. 9].

Япония является участником Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г. и в связи со взятыми на себя международными обязательствами принимает необходимые меры в области внутреннего законодательства для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, в частности направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по

⁵ Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 162–180.

⁶ Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией от 19 января 1960 г. // Российская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 2015, С. 367–368.

⁷ Заключение японо-китайского договора о мире и дружбе // Мотивация и дипломатия История дипломатии и международных отношений : сайт. URL : https://diphis.ru/zakluchenie_yapono_kitayskogo_dogovora_o_mire-a1444.html (дата обращения: 09.02.2026).

⁸ EU-Japan strategic partnership: framework agreement enters into force // European Council (Council of the European Union) : сайт. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/01/01/eu-japan-strategic-partnership-framework-agreement-enters-into-force/> (дата обращения: 09.02.2026).

каким-либо соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести⁹.

В соответствии с базовыми началами Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма в Японии приняты такие документы, как План действий по предотвращению терроризма¹⁰ и План действий по предупреждению терроризма транснациональной организованной преступности и мерам по противодействию международному терроризму¹¹, предполагающие реализацию механизма государственной власти в условиях возникновения обстоятельств, предусмотренных названным источником международного права.

При этом по вопросам ядерной безопасности Япония активно участвует в разнообразных направлениях двусторонних публично-правовых международных отношений [2, с. 106].

Особенности внешней политики и международных отношений современной Японии не могли не сказаться на национальной правовой системе.

Система источников права, направленных на противодействие экстремизму и терроризму в Японии, включает в себя государственные законы, административные нормативные правовые акты правительства Японии и нормативные правовые акты органов государственной власти в административно-территориальных единицах, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, регламентирующие основные права и свободы, законные интересы субъектов конституционного права Японии, а также интересы конституционно-правового регулирования Японии.

К числу источников права, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, можно отнести:

1. Конституцию Японии 日本国憲法 (nihonkokukempo)¹², закрепляющую основы государственного строя, форму правления, структуру органов власти и территориальное устройство Японии, выполняющую стабилизирующую функцию обеспечения устойчивости функционирования государственных институтов и внешнеполитическую позицию государства на международной арене.

2. Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907 г., который определяет перечень экстремистских и террористических преступлений. Нормы данного закона позволяют установить основные квалификационные признаки рассматриваемых деяний и наказания за совершение соответствующих преступлений.

⁹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма : принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc1_ter.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁰ テロの未然防止に関する行動計画 [План действий по предотвращению терроризма] / 国際組織犯罪等・国際テロ対策推進本部 // Cas.go.jp: : сайт URL: <https://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/pdf/teroboushi.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).

¹¹ テロの未然防止に関する行動計画 [План действий по предотвращению терроризма] / 国際組織犯罪等・国際テロ対策推進本部 // Cas.go.jp: : сайт URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/sosikihanzai/kettei/041210kettei.pdf> (дата обращения: 09.05.2026).

¹² 日本国憲法 [Конституция Японии] // Shugiin.go.jp : сайт. URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

3. Закон Японии от 18 мая 2022 г. «О содействии обеспечению национальной безопасности посредством комплексного осуществления экономических мер»¹³, имеющий программный характер и определяющий совокупность государственных средств и мероприятий, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности.

4. Закон Японии от 13 ноября 2014 г. «О противодействии терроризму для защиты граждан и общественной безопасности»¹⁴, устанавливающий дефинитивные описания таких категорий, как «поддержка терроризма», под которой, в частности, подразумеваются продажа оружия незаконным вооруженным формированиям, а также предоставление им «земли, зданий, товаров и услуг». Данный закон вводит классификацию первичных и вторичных спонсоров терроризма и в соответствии с ней дифференцирует наказание для признанных виновными по такому обвинению.

5. Основы государственной политики в области национальной обороны от 20 мая 1957 г.¹⁵, регламентирующие вопросы компетенции государственных органов и учреждений в процессе обеспечения обороны государства.

6. Закон Японии «Об общенациональном референдуме»¹⁶, призванный вовлекать институты гражданского общества в решение наиболее важных государственно-правовых вопросов Японии, в том числе вопросов противодействия экстремизму и терроризму.

7. Закон Японии «О выборах на государственные должности»¹⁷.

8. Закон Японии от 17 апреля 1947 г. «О местном самоуправлении»¹⁸, который относит некоторые аспекты государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму к вопросам местного значения.

9. Закон Японии от 31 декабря 1946 г. «О специальных мерах, связанных с возвращением Окинавы»¹⁹, регламентирующий особенности осуществления государственной политики на Окинаве.

Помимо указанных в Японии, существуют и другие источники права, а также акты толкования, реализации и применения права в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

¹³ Act on the Promotion of Ensuring National Security through Integrated Implementation of Economic Measures, Japan // WIPO : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22642> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁴ 市民社会保護のための日本テロ対策法 [Закон Японии «О противодействии терроризму для защиты граждан и общественной безопасности»] // Shugiin.go.jp : сайт URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁵ 基本国防政策 : 1957 年 5 月 20 日、国防会議および閣僚会議により採択 [Основы государственной политики в области национальной обороны от 20 мая 1957 г.] // 法令 : сайт. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/419AC1000000051> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁶ 日本の国民投票法 [Закон Японии «Об общенациональном референдуме» от 18 мая 2007 г.] // gov-online.go.jp : сайт. URL: <https://www.gov-online.go.jp/article/200802/entry-8881.html> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁷ 日本の法律「公職選挙法」(昭和 25 年 4 月 15 日法律第 100 号) [Закон Японии «О выборах на государственные должности» от 15.04.2025] // Shugiin.go.jp : сайт. URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁸ 日本の地方自治法 (1947 年 4 月 17 日法律第 67 号) [Закон Японии «О местном самоуправлении» от 17.07.1947 г.] // Shugiin.go.jp : сайт. URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁹ 沖縄帰還特別措置法 (昭和 129 号、1946 年 12 月 31 日) [Закон Японии «О специальных мерах, связанных с возвращением Окинавы (Закон № 129 Сева 46 год 12 месяц 31 день)»] // Shugiin.go.jp : сайт. URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

Можно предположить, что экстремизм и терроризм признаются конституционными антиценностями, а обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Японии является конституционно-правовой ценностью.

Данный вопрос неоднократно рассматривался авторами в ряде публикаций [3, с. 96].

В конституционном праве Японии присутствуют как личные интересы отдельных участников общественных отношений, индивидов, так и групповые интересы – интересы отдельных социальных групп, интересы общества и интересы государства (в узком и широком смысле) [4, с. 135].

Консервативные структурные изменения функционирования социальной системы Японии свидетельствуют уже не об обществе так называемой социальной стратификации, а о социальном устройстве либерально-демократического типа, демонстрирующем стабильную динамику [5, с. 90–101].

Законодательство Японии по борьбе с терроризмом и экстремизмом сочетает строгие уголовные меры (277 видов преступлений) [6, р. 89–101], к числу которых можно отнести: ст. 103 Уголовного кодекса Японии «Соккрытие преступника», ст. 106 «Беспорядки», ст. 117 «Взрыв взрывоопасного предмета», ст. 201 «Приготовление к убийству», ст. 202 «Участие в самоубийстве и убийстве с согласия», ст. 205 «Убийство, причиненное путем телесного повреждения», ст. 208-II «Сборище с приготовлением орудий преступления», ст. 235-II «Незаконный захват недвижимой собственности»²⁰ и другие преступления, предусмотренные нормами Уголовного кодекса Японии²⁰ и нормами, регламентированными другими источниками права Японии (уголовное законодательство Японии не кодифицировано).

В российском компаративистском дискурсе проблему определения признаков экстремистских преступлений в уголовном праве Японии подробно рассматривает А. В. Иванисов, который справедливо описывает их как правовые превентивные меры, регламентированные в общерегулятивных предписаниях, содержащихся в нескольких антиэкстремистских, антитеррористических источниках права (включая нормы о международном сотрудничестве Японии) [7, с. 111–112].

А. Х. Рамазанов также относит нормы, регламентирующие деятельность правоохранительных органов, к разряду превентивных мер [8, с. 31–33].

Равнозначной точки зрения придерживается П. Н. Кобец, который, проводя исторический анализ японской правовой системы, включает в число ключевых нормы, направленные на борьбу с финансированием терроризма, и меры безопасности на транспорте и объектах инфраструктуры [9, с. 17–23].

Закон Японии «О борьбе с финансированием терроризма»²¹ регулирует вопросы предотвращения финансирования экстремизма и терроризма, отмывания денег, принятия мер в рамках выполнения международных обязательств. Данный закон находится в системном единстве и коррелируется с Законом Японии «О международной помощи

²⁰ Уголовный кодекс Японии / науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. СПб. : Издательство «Юридический центр. Пресс», 2002. 226 с.

²¹ 日本のテロ資金供与取締法 [Закон Японии О борьбе с финансированием терроризма] // 法令検索 : сайт. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/414AC0000000067> (дата обращения: 09.02.2026).

в проведении расследований»²², Законом Японии «О борьбе с организованной преступностью»²³, Законом Японии «О выдаче»²⁴ [10, с. 369–372].

В соответствии с названным законом Уголовный кодекс Японии ужесточил наказание за поддержку террористов, в частности за предоставление им «земли, зданий, товаров и услуг». В Японии данные деяния караются тюремным сроком до десяти лет, а также штрафом в размере 10 миллионов иен (86,2 тысячи долларов)²⁵.

В рамках профилактической деятельности в соответствии с Законом Японии «О контроле над организациями» с 1952 года и по настоящее время осуществляется правовой мониторинг, на основе которого принимаются решения об ограничении деятельности экстремистских групп, таких как «Аум Синрике», после атак в метро [11, с. 460–464], а также организаций, чья деятельность может быть направлена на предотвращение экстремизма, основанного на национальной или расовой нетерпимости [12, с. 30–32].

Полагаем, что объективную позицию об особенностях японской правоохранительной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму высказал П. Н. Кобец, согласно которому профилактической работе способствуют не только комплексные криминологические исследования, но и различные специализированные организации [9, с. 17–21].

Особую роль в обеспечении социальной стабильности в японском обществе играют крупные финансовые корпорации: Toyota (автомобилестроение), Toshiba (электроника), Honda (автомобилестроение), Sony (электроника), Keyence (технологии) и другие, формирующие особую эффективную систему противодействия политическому и иному экстремизму на территории страны. Практическая ценность опыта Японии заключается в особенностях взаимоотношений государства с крупными транснациональными корпорациями, которые самостоятельно заинтересованы в обеспечении социальной стабильности для продвижения собственных экономических и политических интересов.

Частные компании выделяют финансирование различным университетским лабораториям, исследовательским институтам для проведения исследований по применению науки и продвижению технологий в борьбе с терроризмом [13, с. 21–31]. Концепция «безопасности и защищенности» используется как по инициативе правительства, так и по инициативе крупных промышленных корпораций, обладает значительной популярностью и поддержкой граждан Японии.

Существуют различные подходы к классификации субъектов экстремистской и террористической деятельности, представляющих, по нашему мнению, отдельную тему исследования, рассмотрение которой может иметь значение для науки.

²² 国際捜査共助等に関する法律 [Закон Японии «О международной помощи в проведении расследований»] // 法令検索 : сайт. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/355AC0000000069> (дата обращения: 09.02.2026).

²³ 組織的な犯罪の処罰及び犯罪収益の規制等に関する法律 [Закон Японии «О борьбе с организованной преступностью» от 11.08.2018] // Shugiin.go.jp : сайт. URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/h145136.htm (дата обращения: 09.02.2026).

²⁴ 逃亡犯罪人引渡法 [Закон Японии «О выдаче»] // 法令検索 : сайт. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/328AC0000000068> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁵ Уголовный кодекс Японии.

Применительно к предлагаемому направлению исследования полагаем уместным гипотетически высказать постулат о том, что все виды акторов экстремистской и террористической деятельности в Японии можно разделить на три группы.

1. Единоличные субъекты. Отдельные люди маргинального типа мышления и поведения. Приведем наиболее известные исторические факты: 29 апреля (11 мая) 1891 г. в японском городе Оцу во время восточного путешествия цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) японский полицейский Цуда Сандзо нанес наследнику российского императора два удара саблей; 27 декабря 1923 г. Дайсукэ Намба совершил покушение на наследного принца Хирохито, Юкио Мисима с пятью членами общества «Татэнокай» (яп. 楯の会, «Общество щита») приехал на базу сухопутных войск Сил самообороны в Итигае, где взял в заложники командующего базой. С балкона кабинета командующего он обратился к солдатам с призывом совершить государственный переворот. Однако театрализованная попытка государственного переворота была личным составом базы преимущественно проигнорирована, и Мисима покончил с собой, совершив традиционный японский обряд сэппуку (харакири). 8 июля 2022 г. Тэцую Ямагами смертельно ранил видного члена либерально-демократической партии Японии – экс-премьер-министра Японии Синдзо Абэ.

2. Организованные, как правило, политические или религиозные экстремистские или террористические организации.

В феврале 1936 года 22 офицера и свыше 1 400 унтер-офицеров и солдат (которым были близки идеи национал-социализма), выступавших под лозунгами реставрации Сёва (昭和維新) и девизом «Сонно токан» (尊皇討奸) («уважай Императора, свергни зло»), совершили попытку государственного переворота в японской армии.

Современные исследователи выделяют такие японские экстремистские организации, как «Антивоенный молодежный комитет» (Хансэн сэйнэн иинкай, сокращенно – Хансэнин), «Сэкигунха» («Красная армия»), «Аум синрикё» и другие [14, с. 177–186].

3. Сетевые международные экстремистские и террористические организации.

Основными чертами международных экстремистских и террористических организаций являются глобализация, профессионализация и опора на экстремистскую идеологию. Также можно отметить использование террористов-самоубийц, угрозу использования неконвенционального (ядерного, химического или бактериологического) оружия [15, с. 59].

Под неконвенциональным оружием принято понимать виды вооружений, не относящиеся к оружию массового поражения, включающие все виды огнестрельного, реактивного, ракетного, бомбового, минно-взрывного, огнемётно-зажигательного, торпедного оружия, средства непосредственного поражения, которые снаряжаются бризантными взрывчатыми веществами или зажигательными смесями, а также холодное оружие. Следует отметить, что личное ношение частными лицами и использование оружия для самообороны законодательством Японии не предусмотрено²⁶.

²⁶ Programme of Action to Prevent, Combat and Eradicate the Illicit Trade in Small Arms and Light Weapons in All Its Aspects (Программа действий по предотвращению, борьбе и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах) // United Nations Conference to Review Progress Made in the Implementation of the Programme of Action to Prevent, Combat and Eradicate the Illicit Trade in Small Arms and Light Weapons in All Its Aspects. New York, 26 June – 7 July 2006. URL: <https://www.un.org/events/smallarms2006/pdf/PoA.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).

В истории Японии обнаруживалось присутствие таких международных экстремистских и террористических организаций, как Организация освобождения Палестины (далее – ООП), признаваемой в разное время союзниками Японии (США, Францией и другими странами) организацией, способствующей террористической деятельности.

До подписания соглашений в Осло в 1993 году²⁷ ООП вела боевую деятельность, и США в 1987 году признали ее террористической организацией. После того, как в ходе подготовки решений Соглашений в Осло ООП официально признала Резолюции 242²⁸ и Резолюции 338 Совета безопасности ООН²⁹ и заявила об отказе от стремления к уничтожению Израиля и методов террора, Израиль стал относиться к ООП как к партнеру по переговорам. На данный момент ООП действует легально и имеет статус наблюдателя в ООН. Ни в одной стране мира, в том числе в Японии, США и Израиле, ООП в настоящее время официально террористической организацией не объявлена.

Сегодня Японией признан террористическими ряд известных международных социальных образований – «Аль-Каида», «Братья-мусульмане», «Исламское государство», «Конграгел» (бывшая Рабочая партия Курдистана), «Реальная ИРА» и другие.

В отличие от других государств Северо-Восточной Азии, таких как Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея и Монголия, в Японии существуют реальные угрозы религиозного экстремизма и терроризма [16, с. 53–68]. Общее число религий и количество их адептов трудно поддается точному определению [17, с. 28–33], так как, во-первых, идет непрерывный процесс исчезновения одних и появления других групп часто в результате раскола или объединения прежде существовавших, а, во-вторых, сведения о численности последователей того или иного религиозного течения базируются на представляемых лидерами этих групп данных, как правило, завышенных [18, с. 556–572].

Можно выделить виды религиозных организаций, имеющих разногласия в сфере вероисповедания и потенциально способных сформировать экстремистские либо террористические угрозы. К таким организациям следует отнести группы, исповедующие диаметрально противоположные вероисповедования, например, так называемые группы религиозного согласия [19, с. 28–34], неосинтоистские, метабуддийские [20, с. 280–291], неоконфуцианские» [21, с. 99–100]. Несмотря на различия в базовых установках синтоизма, буддизма или конфуцианства, ставших истоками новых религий, все религиозные новообразования имеют много общих характеристик, что позволяет использовать примеры неосинтоистских сект и групп религиозного согласия.

²⁷ Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению [«Договоренности Осло»] : принята 13 сентября 1993 г. // ООН : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (дата обращения: 09.02.2026).

²⁸ Положение на Ближнем Востоке : письмо Постоянного представителя Объединенной Арабской Республики от 7 ноября 1967 года на имя Председателя Совета Безопасности // Совет Безопасности ООН : офиц. сайт. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1967> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН 338 : принята 22 октября 1973 г. на 1747-м заседании Совета Безопасности ООН // Совет Безопасности ООН : офиц. сайт. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1973> (дата обращения: 09.02.2026).

Японские средства массовой информации подробно освещали судебный процесс над главой террористической организации «Аум синрикё» Асахарой [22, с. 75–80].

Терроризм в Японии не исчерпывается вышеперечисленными случаями. В XX в. состоялось немало заговоров, покушений и политических убийств, которые можно было бы отнести к террористическим актам, однако и рассмотренные самые характерные в этом отношении события позволяют проследить основные особенности и эволюцию террористического движения в Японии [20, с. 280–291], особенности формирования интересов в праве и интересов правового регулирования, ценностно-ориентационные параметры японской государственной правовой политики, особенности национальной концепции конституционно-правового регулирования [23, с. 53–68.].

Если сравнивать практику Японии с практиками таких государств, как Российская Федерация и Китайская Народная Республика, то можно отметить, что им свойственны все известные мировой практике виды террористических угроз, наличие системных мер противодействия в рамках национальных правовых политик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Муратшина К. Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025.
2. Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 100–111.
3. Юрковский А. В. Интересы в конституционном праве Японии и интересы конституционно-правового регулирования: эсологическое исследование // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 90–101.
4. Юрковский А. В. Конституционно-правовое измерение механизма государственной власти в научных доктринах России и стран Северо-Восточной Азии : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 367 с.
5. Юрковский А. В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эсолого-аксиологический анализ : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 171 с.
6. Matsukawa A., Tatsuki S. Crime prevention through community empowerment: An empirical study of social capital in Kyoto, Japan // International Journal of Law, Crime and Justice. 2018, no. 54, pp. 89–101.
7. Иванисов А. В. Признаки преступления в уголовном праве Японии // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 111–113.
8. Рамазанов А. Х. Правовая система Японии. Ретроспективный анализ // Закон и право. 2021. № 2. С. 31–33.
9. Кобец П. Н. Исторический анализ японской правовой системы // История государства и права. 2021. № 7. С. 17–23.
10. Мужжавлева Д. С. Профилактика и предупреждение преступлений в Японии. Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / ред. О. Н. Дядькин и др. Владимир : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Шерлок-Пресс», 2020. С. 369–372.
11. Шакурьянов Р. М. Японский опыт применения стратегии участия общественности в предотвращении преступности. Правоохранительная деятельность

органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 460–464.

12. Варламова О. Ф. Предупреждение рецидивной преступности в Японии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 30–32.

13. Паленко А. А. Корпоративная культура Японии: современные подходы к изучению // Известия Восточного института. 2022. № 2. С. 21–31.

14. Совастеев В. В., Поташёв Д. В. Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х–90-е гг. XX в. в контексте всемирной истории // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 177–186.

15. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство : монография / Российская академия государственной службы при Президенте РФ ; под общ. ред. А. В. Возжеников. М. : РАГС, 2005. 527 с.

16. Раевский А. Е. Терроризм в Японии: психологическая и историческая перспектива // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 53–68.

17. Кожевников В. В. Пороги восприятия чуждых культур (Восток–Запад) на примере Японии // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. Владивосток : «Дальнаука», 1997. № 1 (71). С. 28–33.

18. Кобец П. Н. Комплексное криминологическое исследование особенностей предупреждения преступности в современной Японии // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 3. С. 556–572. DOI: 10.21202/2782-2923.2021.3.556-572. EDN: FQGCNP.

19. Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., «Наука». 1968. 200 с.

20. Дьяконова Е. М. Отражение синто в литературе и искусстве // Боги, святилища, обряды Японии : энциклопедия синто / под ред. И. С. Смирнова ; отв. ред. А. Н. Мещеряков. (Orientalica et Classica: Труды Института восточных культур и античности; вып. 26). М. : Российский государственный гуманитарный университет. 2010. С. 280–291. EDN: TOZKKL.

21. Загорский А. В. Япония и Китай: пути общественного развития в оценке японской историографии. М. : «Наука», 1991. 192 с.

22. Инагума Х. Асахара и безумства «Аум синрикё» // Знакомьтесь – Япония. М., 1996. № 13. С. 75–80.

23. Юрковский А. В. Концепции конституционно-правового регулирования в странах Северо-Восточной Азии: эстологоаксиологический анализ : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 199 с.

REFERENCES

1. Muratshina K. G. Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. Yaponskiye issledovaniya –Japanese Studies. 2019, no. 4, pp. 6-23. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025.

2. Mikhaylenko Ye. B., Mikhaylenko V. I. Podryvayet li Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim nerasprostraneniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons undermine the non-proliferation regime?]. Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences – Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki. 2017, vol. 12, no. 4 (170), pp. 100-111. (In Russ.).

3. Yurkovskiy A. V. Interesy v konstitutsionnom prave Yaponii i interesy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya: estologicheskoye issledovaniye [Interests in Japanese Constitutional Law and Interests in Constitutional Legal Regulation: An Estonian Study]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2023, vol. 104, no. 1, pp. 90-101. (In Russ.).

4. Yurkovskiy A. V. Konstitutsionno-pravovoye izmereniye mekhanizma gosudarstvennoy vlasti v nauchnykh doktrinaх Rossii i stran Severo-Vostochnoy Azii [Constitutional and Legal Dimensions of the State Power Mechanism in the Scientific Doctrines of Russia and the Countries of Northeast Asia]. 2021, 367 p. (In Russ.).

5. Yurkovskiy A. V. Konstitutsionno-pravovaya karta Severo-Vostochnoy Azii: estologo-aksiologicheskoye analiz [The Constitutional and Legal Map of Northeast Asia: An Estonian-Axiological Analysis]. Irkutsk : Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018, 171 p. (In Russ.).

6. Matsukawa A., Tatsuki S. Crime prevention through community empowerment: An empirical study of social capital in Kyoto, Japan. International Journal of Law, Crime and Justice. 2018, no. 54, pp. 89-101.

7. Ivanisov A. V. Priznaki prestupleniya v ugodnom prave Yaponii [Signs of a Crime in Japanese Criminal Law]. Obshchestvo i pravo – Society and Law o. 2013, vol. 45, no. 3, pp. 111-113. (In Russ.).

8. Ramazanov A. Kh. Pravovaya sistema Yaponii Retrospektivnyy analiz [The Legal System of Japan. Retrospective Analysis]. Zakon i pravo – Law and Justice. 2021, no. 2, pp. 31-33. (In Russ.).

9. Kobets P. N. Istoricheskiy analiz yaponskoy pravovoy sistemy [Historical Analysis of the Japanese Legal System]. Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law. 2021, no 7, pp. 17-23. (In Russ.).

10. Muzhzhavleva D. S. Profilaktika i preduprezhdeniye prestupleniy v Yaponii. Aktual'nyye problemy publichnogo prava: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Prevention and Control of Crimes in Japan. Current Issues in Public Law: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. 2020, pp. 369-372. (In Russ.).

11. Shakur'yanov R. M. [Japanese experience in applying the public participation strategy in crime prevention. Law enforcement activities of internal affairs bodies in the context of modern scientific research: materials of the International scientific and practical conference]. 7 December 2018. St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019, pp. 460-464. (In Russ.).

12. Varlamova O. F. Preduprezhdeniye retsidivnoy prestupnosti v Yaponii [Prevention of Recidivism in Japan]. Mezhdunarodnoye ugodnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice. 2021, no. 1, pp. 30-32. (In Russ.).

13. Palenko A. A. Korporativnaya kul'tura Yaponii: sovremennyye podkhody k izucheniyu [Corporate Culture in Japan: Modern Approaches to Study]. Izvestiya Vostochnogo instituta – Proceedings of the Oriental Institute. 2022, no. 2, pp. 21-31. (In Russ.).
14. Sovasteyev V. V., Potashov D. V. Politicheskiy ekstremizm i terrorizm v Yaponii vo vtoroy polovine 60-kh–90-ye gg. XX v. v kontekste vsemirnoy istorii [Political Extremism and Terrorism in Japan in the Second Half of the 1960s-1990s in the Context of World History]. Rossiya i ATR – Russia and the Asia-Pacific Region. 2015, no. 3, pp. 177-186. (In Russ.).
15. Mezhdunarodnyy terrorizm: bor'ba za geopoliticheskoye gospodstvo : monografiya [International Terrorism: The Struggle for Geopolitical Dominance : Monograph. Moscow : Rossijskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby, 2005, 527 p. (In Russ.).
16. Rayevskiy A. Ye. Terrorizm v Yaponii: psikhologicheskaya i istoricheskaya perspektiva [Terrorism in Japan: A Psychological and Historical Perspective]. Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies – Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedeniye. 2021, no 3, pp. 53-68. (In Russ.).
17. Kozhevnikov V.V. Porogi vospriyatiya chuzhdykh kul'tur (Vostok-Zapad) na primere Yaponii [Thresholds of Perception of Alien Cultures (East-West) on the Example of Japan]. Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk. – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 1997, vol. 71, no. 1, pp. 28-33. (In Russ.).
18. Kobets P. N. Kompleksnoye kriminologicheskoye issledovaniye osobennostey preduprezhdeniya prestupnosti v sovremennoy Yaponii [A comprehensive criminological study of the features of crime prevention in modern Japan]. Russian Journal of Economics and Law. 2021, vol. 15, no. 3. pp. 556-572. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2021.3.556-572. EDN: FQGCNP.
19. Arutyunov S. A., Svetlov G. Ye. Staryye i novyye bogi Yaponii [The Old and New Gods of Japan]. Moscow, 1968, 200 p. (In Russ.).
20. D'yakonova E. M. Otrazhenie sinto v literature i iskusstve. Bogi, svyatilishcha, obryady Yaponii : enciklopediya sinto. Pod red. I. S. Smirnova ; otv. red. A. N. Meshcheryakov. (Orientalica et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti; vyp. 26). Moscow : Rossijskiy gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 2010, pp. 280-291. (In Russ.). EDN: TOZKKL.
21. Zagorskiy A. V. Yaponiya i Kitay: puti obshchestvennogo razvitiya v otsenke yaponskoy istoriografii [Japan and China: The Paths of Social Development in Japanese Historiography]. Moscow, 1991, 192 p. (In Russ.).
22. Inaguma Kh. Asakhara i bezumstva «Aum sinriko». Znakom'tes' – Yaponiya. Moscow, 1996, no. 13, pp. 75-80. (In Russ.).
23. Yurkovskiy A. V. Kontseptsii konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya v stranakh Severo-Vostochnoy Azii: estologoaksiologicheskii analiz : monografiya [Concepts of Constitutional and Legal Regulation in the Countries of Northeast Asia: Estological and Axiological Analysis : Monograph]. Irkutsk : Irkutskiy yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017, 199 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрковский Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Никонов Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Байкальский государственный университет, 664025, г. Иркутск ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurkovsky Alexey Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035.

Nikonov Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664025.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 22.04.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 22.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 73 –89.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 73-89.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.59

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ МАЙНИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Лянной Глеб Геннадьевич

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
alwolfy@mail.ru

Введение. Работа посвящена исследованию явлений цифровой экономики и цифровизации экономики. Разграничение искомых понятий предоставляет возможность выявить тенденции и влияние на безопасность отечественного предпринимательства. За основу исследования взята майнинговая деятельность как отрасль экономики, являющаяся прототипом цифровой экономики. Анализ зарубежного и отечественного законодательства, регулирующего майнинговую деятельность, помогает разобраться в правовом положении майнинга в мире, наметить тенденции по дальнейшему его развитию. Приведенные данные о размере налоговых поступлений в бюджет Российской Федерации от легальной майнинговой деятельности, осуществляемой на территории страны, позволяют поднять вопрос о возобновлении реформирования указанной отрасли экономики.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует законодательство Российской Федерации и иностранных государств. В ходе исследования изучались материалы законотворческой и правоприменительной деятельности, отражающие тенденции государственного регулирования майнинговой деятельности, а также труды ученых, занимавшихся изучением проблем майнинга. Методологической основой исследования послужили общенаучные и специальные методы познания.

Результаты исследования. Результаты исследования свидетельствуют об активном развитии процессов цифровизации экономики за прошедший период. Тем не менее автор приходит к выводу, что эпоха цифровой экономики пока не наступила. Возникновение данного феномена станет возможным лишь после интеграции технологии искусственного интеллекта в уже сформировавшуюся «оцифрованную экономику», что обеспечит качественный переход к новому технологическому укладу.

Выводы и заключения. «Майнинг» – это сфера деятельности, которая позволит предпринимателям совместно с государством извлечь пользу в интересах населения страны.

Ключевые слова: цифровизация экономики, цифровая экономика, майнинг, квотирование, глобализация, безопасность предпринимательской деятельности

Для цитирования: Лянной Г. Г. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в эпоху цифровой экономики (на примере майнинговой деятельности) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 73–89.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE DIGITAL ECONOMY: THE CASE OF CRYPTOCURRENCY MINING

Gleb G. Lyannoy

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, alwolfy@mail.ru

Introduction. The work is devoted to the study of the phenomena of the digital economy and the digitalization of the economy. The delineation of the concepts under study provides an opportunity to identify trends and influence on the security of domestic entrepreneurship. The study is based on mining activities as an economic sector that is a prototype of the digital economy. The analysis of foreign and domestic legislation regulating mining activities helps to understand the legal status of mining in the world and to identify trends for its further development. The amount of tax revenues to the Russian Federation's budget from legal mining activities carried out within the country raises the question of resuming the reform of this sector of the economy.

Materials and Methods. The study is based on the legislation of the Russian Federation and foreign countries. The study examined materials on legislative and law enforcement activities that reflect the trends in state regulation of mining activities, as well as the works of scientists who have studied the problems of mining. The study was based on general scientific and special methods of cognition.

The Results of the Study. The research results indicate that the processes of digitalization of the economy have been actively developing over the past period. However, the author concludes that the era of the digital economy has not yet arrived. This phenomenon will only become possible after the integration of artificial intelligence technology into the already established "digitized economy," which will ensure a qualitative transition to a new technological paradigm.

Findings and Conclusions. "Mining" is an area of activity that will allow entrepreneurs to benefit the country's population together with the government.

Keywords: digitalization of the economy, digital economy, mining, quotas, globalization, business security

For citation: Liannoy G. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v epohu cifrovoj ekonomiki (na primere majningovoj deyatel'nosti) [Administrative and legal regulation of entrepreneurial activity in the digital economy: the case of cryptocurrency mining]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 73-89. (In Russ.).

Следует признать, что цифровизация затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Это касается не только Интернета, социальных сетей, банковских денежных переводов между гражданами, но и глубинных процессов, которые происходят в обществе. Современные технологии предлагают новые подходы к решению глобальных вызовов, с которыми человечество борется уже не одно столетие: социальное неравенство, экологические кризисы, изменение климата и старение населения. Именно масштаб этих проблем и острая необходимость их преодоления стали катализатором тектонических сдвигов во всех сферах жизнедеятельности, что, в свою очередь, трансформировало образ мышления и повседневную жизнь человека. Важными становятся такие личностные качества, как умение сгенерировать интересную идею, увидеть потребности у людей и предложить способы скорейшего их удовлетворения, сформировать навыки нестандартного подхода к решению любой задачи. Безусловно, такие изменения не могут обойти стороной и рынок труда. Так, в будущем исчезнут или существенно трансформируются такие профессии, как водитель, телевизионный ведущий, нотариус и многие другие. Изменения начались, поскольку в жизнь людей стали внедрять цифровые технологии. Последствия произошедших изменений еще до конца не изучены, так как трансформационные процессы затронули самые различные сферы общественных отношений, следовательно, требуют пристального внимания и изучения.

Пятую волну технологической революции ученые связывают с появлением Интернета. Он является неотъемлемым элементом для цифровизации экономики.

В период с 2005 по 2025 год количество пользователей Интернета по всему миру постоянно увеличивалось. На рис. 1 представлены результаты исследования цифровой консалтинговой фирмы Kerios о динамике показателя, отражающего количество пользователей Интернетом.

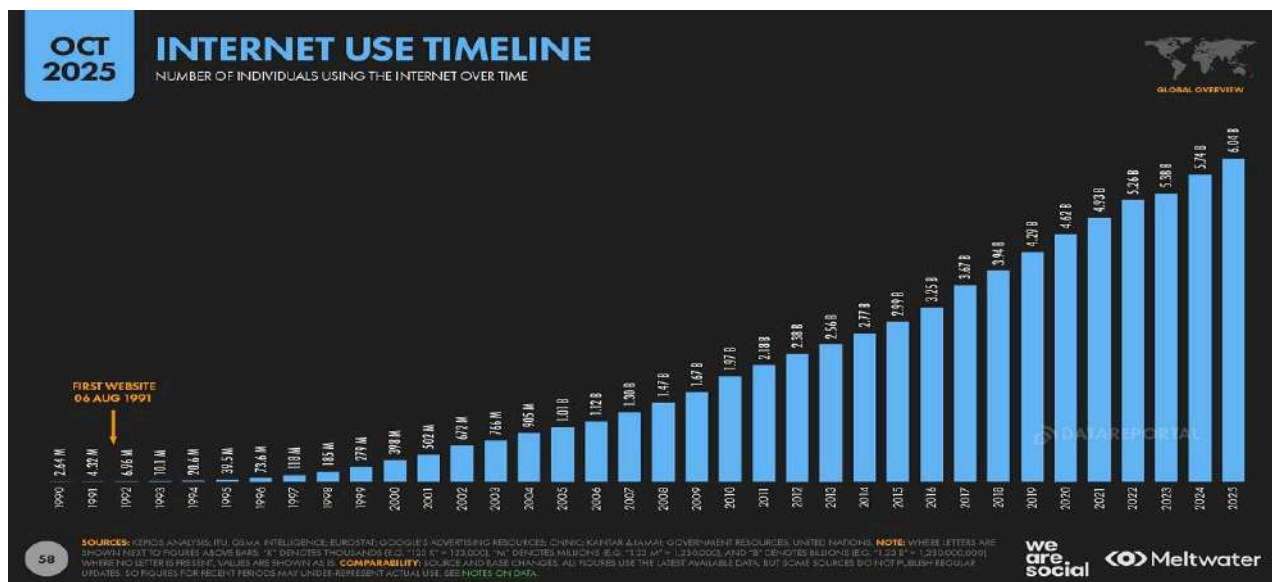

Рис. 1. Статистические данные цифровой консалтинговой фирмы Kerios на октябрь 2025 года о количестве пользователей Интернетом¹

¹ AnnieBronson. Kerios: на октябрь 2025 года интернетом пользуется более 70 % населения Земли // Хабр : сайт. URL: <https://habr.com/ru/news/959974/> (дата обращения: 07.03.2026).

Приведенная статистика свидетельствует об увеличении числа пользователей Интернетом – с 1 023 000 000 человек в 2005 году до более 6 000 000 000 человек в 2025 году, что составляет 70 % человечества планеты. За 20 лет прирост по всему миру достиг более 5 000 000 000 пользователей, то есть увеличение произошло на 500 %. В Российской Федерации, по утверждению вице-премьера Дмитрия Чернышенко, дела обстоят таким же образом. Так, с 2018 по 2025 год увеличение произошло с 85 900 000 человек² до 133 000 000³.

Сам по себе Интернет – собирательное понятие, но по своей сути это средство коммуникации, на базе которого происходит «строительство» различных информационно-телекоммуникационных систем (цифровых технологий), которые формируют содержание (контент), удовлетворяющий интересы и потребности пользователей.

Широкие возможности Интернета, рост аудитории его пользователей дал возможность предпринимателям использовать новые технологии, снижать затраты, уменьшать риски, оптимизировать свою деятельность.

Массовое и повсеместное внедрение цифровых технологий позволит обеспечить экономический скачок (прорыв) страны и бизнеса, даст возможность занять лидерские позиции в мире в целом и по отраслям в частности. На рис. 2 произведена оценка вклада цифровизации в рост валового внутреннего продукта (далее – ВВП).

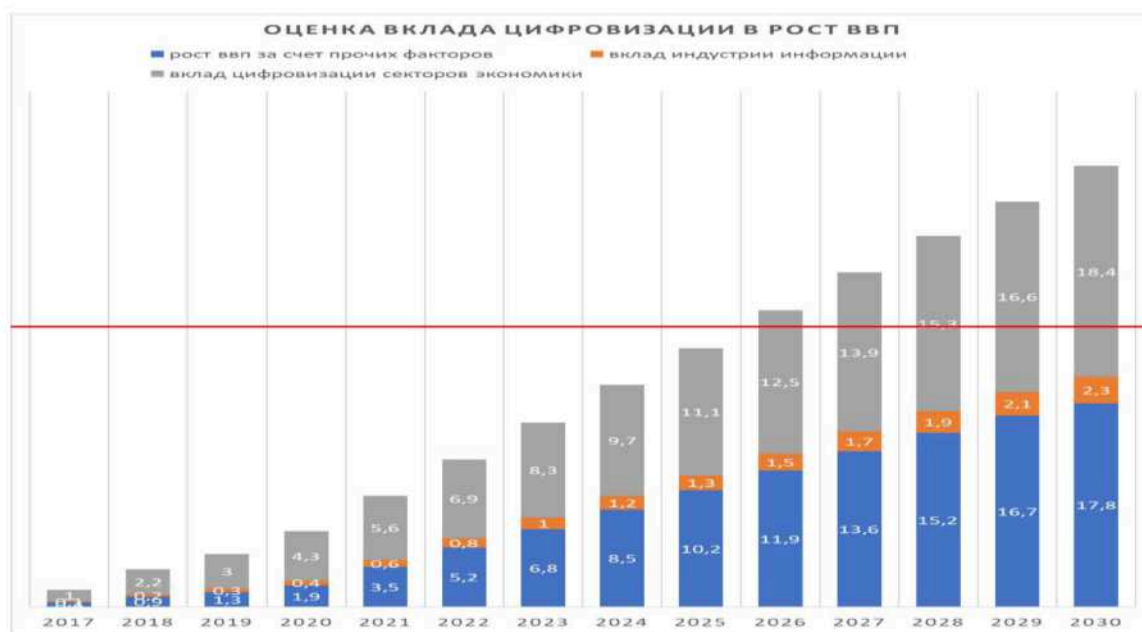

Рис. 2. Оценка вклада цифровизации в рост ВВП⁴

Представленные расчеты свидетельствуют о большом потенциале экономического роста вследствие цифровизации экономики.

² В России насчитывается около 130 млн интернет-пользователей // Хабр : сайт. URL: <https://habr.com/ru/news/690628/> (дата обращения: 29.05.2026).

³ Тимонова А. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры // WebCanape : сайт. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?utm_referrer=https%3a%2f%2findex.ru%2f (дата обращения: 07.03.2026).

⁴ Вклад цифровизации в рост российской экономики. ИСИЭЗ : сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/221125086.html> (дата обращения: 07.03.2026).

Эта важная задача может быть решена при наличии следующих условий:

1. Готовность самого общества к цифровой трансформации и потребность бизнеса в ее проведении. Под готовностью общества мы понимаем открытость общества к появлению новых цифровых решений и желание эти цифровые решения принимать, изучать и использовать в повседневной деятельности. Под потребностью бизнеса мы понимаем готовность бизнеса использовать предложенные технологии, поскольку это приведет к улучшению конкурентных его свойств (качеств) производимых бизнесом работ, услуг, а также готовность его инвестировать в дальнейшее совершенствование технологии.

2. Наличие современных технологий, разработанных российскими компаниями для удовлетворения потребностей граждан, при условии, что технологические решения не должны уступать западным образцам.

В 1994 году в языки всего мира вошло понятие «цифровая экономика», впервые использованное Доном Тапскоттом в книге «Цифровая экономика: перспективы и опасности в эпоху сетевого интеллекта», где ученый дал определение термину «цифровая экономика»: экономическая деятельность и явления, основанные на технологиях [1].

По нашему мнению, термин «цифровая экономика», предложенный Доном Тапскоттом, не в полной мере отражает характер структурных трансформаций, происходивших в мировой экономике в указанный период. Следует отметить, что за два десятилетия до появления данной формулировки советские исследователи в области кибернетики и экономической информатики, такие как А. И. Китов⁵, В. М. Глушков [2], уже вели работы по созданию общегосударственной автоматизированной системы учета и управления народным хозяйством (ОГАС). Указанные разработки осуществлялись в направлении, впоследствии обозначенном Д. Тапскоттом как «цифровая экономика». Следовательно, можно констатировать, что СССР обладал наиболее развитыми на тот период научно-техническими и организационными предпосылками для формирования экономики, основанной на сетевых и вычислительных технологиях.

Следовательно, утверждение, что в мире сейчас наступила эпоха цифровой экономики в том понимании, которое вкладывал в него Дон Тапскотт [3, с. 338], не соответствует истине.

По нашему мнению, для того чтобы разобраться в сути происходящих в мире изменений, связанных с «цифровой экономикой», необходимо ответить на вопрос о том, что такое «цифровая экономика», является ли это понятие новым явлением или мы имеем дело с шестой волной промышленной революции. Для этого вспомним, что такое экономика в классическом понимании:

1. Экономика (от *греч. oikos* – дом, хозяйство и *homes* – правило, закон) – правила ведения хозяйства.

Экономика – хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда⁶

⁵ Багоцкий С. В. Красная книга кибернетика Китова // Химия и жизнь : научно-популярный журнал. 2021. № 3. URL: <https://hij.ru/read/27307/> (дата обращения: 07.03.2026).

⁶ Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов / Дональд К. Мак-Ким ; [пер. с англ. И. В. Аверченко и др.]. М. : Республика, 2004. 503 с. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: Том 4. Ленинград : Изд. Императорская Академия наук. 1935–1940. С. 503.

Экономика – наука о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства и обмена товаров, закономерностях протекания хозяйственных процессов.

2. Экономика – хозяйственный уклад, хозяйственный строй, хозяйственная жизнь общества, его производство и распределение⁷

– дисциплина, изучающая какую-нибудь отрасль хозяйственной жизни.

3. Экономика – совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе (рыночная экономика или плановая)

– организация, структура и состояние хозяйственной жизни или какой-нибудь отрасли хозяйственной деятельности (мировая экономика, экономика промышленности, сельского хозяйства).

– научная дисциплина, изучающая какую-нибудь отрасль производственной, хозяйственной деятельности (экономика труда, экономика управления).

4. Этимологически это слово означает «закон» или «управление» (nomos) домом (oikos). Первоначально под словом «экономика» понимали домашнюю экономику в смысле управления семейным имуществом, то есть ресурсами и расходами семьи. Именно в этом значении употреблял термин Монтень, считая задачу ведения экономики «не столько трудной, сколько тягостной». Главное здесь не расходовать больше, чем имеешь или зарабатываешь. Отсюда и более расхожее значение слова, чаще употребляемого в форме прилагательного «экономный», то есть нацеленный на ограничение расходов. В современном значении экономика – это одновременно и одна из гуманитарных наук, и предмет изучения этой науки. Экономика – это все, что имеет отношение к производству, потреблению и обмену материальными благами, товарами или услугами как на уровне индивидуумов и предприятий (микроэкономика), так и на уровне общества или всей планеты (макроэкономика). Сегодня это уже не столько искусство снижения расходов, сколько искусство увеличения богатств⁸

Приведенные понятия позволяют выявить основные признаки экономики, к которым относятся:

- регулируемые общественные отношения;
- производство и распределение;
- применение труда;
- создание необходимых человеку благ и увеличения богатств.

Разберем понятие, что такое цифровая экономика. В Программе развития цифровой (электронной) экономики России до 2035 года дано определение понятию «цифровая экономика» как совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации

⁷ Ожегов С. И. (1900–1964). Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2019. С. 700.

⁸ Философский словарь Спонвиля. Экономика // Академик : сайт. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/2356/Экономика?ysclid=mpqcyk64l6219333362 (дата обращения 07.03.2026).

производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств⁹.

О. М. Маркова и Е. Б. Стародубцева следующим образом раскрывают это понятие: «... именно интернетизация как процесс расширения доступа к информации и возможность проведения определенных операций может быть положена в основу понятия «цифровой экономики» в узком смысле слова. Под цифровой экономикой в широком смысле слова понимается совокупность отраслей, связанных с появлением новых технологий и развитием робототехники, в которых применяются цифровые платформы, новые технологии, робототехника, смарт-технологии и др.» [4, с. 7].

В приведенных определениях была предпринята попытка проанализировать и сформулировать теоретическое понятие интересующего нас явления.

Все авторы сходятся во мнении, что «цифровые технологии» приведут к появлению «цифровой экономики». Следует признать, что цифровые технологии интегрированы в социальную жизнь. Бизнес также активно использует их, поскольку они позволяют увеличить прибыль. Государственные органы, в свою очередь, нуждаются в указанных технологиях, так как их применение обеспечивает автоматизацию и упорядочивание управленческих отношений.

Анализ определений понятия «цифровая экономика» позволяет сделать вывод, что приведенные определения не могут рассматриваться в качестве эталонных, поскольку не содержат в себе признаков экономики.

Так, в определении, содержащемся в указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», упор делается на технические составляющие цифровизации. Данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Но упускается не менее важный признак экономики: деятельность сопряжена с применением человеческого труда, без которого на нынешнем этапе развития технологий полностью отказаться не представляется возможным.

В определении, содержащемся в Программе развития цифровой (электронной) экономики России до 2035 года, присутствуют и иные технические термины: «...электронная инфраструктура и услуги, технологии анализа больших объемов данных и технология прогнозирования в целях оптимизации производства...». В этом определении упускается регулирующее свойство экономики.

В определении, предложенном О. М. Марковой и Е. Б. Стародубцевой содержится перечень новых технологий: «робототехника, смарт-технологии, различные цифровые платформы» [4, с. 7].

Анализ определений свидетельствует о том, что они не имеют отношения к экономике, а больше содержат термины, позволяющие определить характеристики технически сложного изделия (процесса).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время отсутствует понимание такого явления, как «цифровая экономика», несмотря на то, что активно идет

⁹ Центр изучения Цифровой (электронной) экономики представил «Программу развития Цифровой (электронной) экономики в РФ до 2035 года» // Ассоциация электронных торговых площадок : сайт. URL: <https://aetp.ru/news/item/410256?ysclid=lxmmqg0h19527218350> (дата обращения 07.03.2026).

процесс цифровизации экономики. Кроме того, проведенное нами исследование позволяет утверждать, что эпоха цифровой экономики (в широком смысле слова) пока не наступила.

Единственным видом деятельности, который с уверенностью можно выделить в качестве прообраза цифровой экономики, является майнинг. Использовать понятие «цифровая экономика» следует в контексте рассматриваемого вида деятельности (в узком смысле), понимая, что в настоящее время это является отраслью хозяйственной деятельности.

Анализ процессов, происходящих в исследуемом явлении, является ключевым фактором, поскольку дает возможность очертить сферу правового регулирования, что позволяет избрать соответствующие методы административно-правового регулирования.

История майнинга берёт своё начало 3 января 2009 года, когда был добыт первый блок биткоина, а его создатель получил вознаграждение в размере 50 монет. Именно с этой даты зародился принципиально новый вид экономической деятельности — криптобизнес, положивший начало целой индустрии цифровых активов и технологий. Мировое сообщество не сразу обратило на него внимание, но постепенно начался процесс массового законодательного регулирования.

На начало 2025 года криптобизнес существовал в 250 странах и только в 83 государствах было произведено правовое регулирование этого вида деятельности.

Правовое регулирование этой сферы деятельности в США началось в 2013 году. Казначейство США квалифицировало биткоин как конвертируемую децентрализованную виртуальную валюту¹⁰. В сентябре 2015 года Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC) квалифицировала биткоин как товар¹¹.

С 2018 года в США был введен регистрационный порядок для компаний, представляющих денежные услуги (FinCEN), включая криптовалютные биржи, денежные переводы и анонимные службы, ведущие значительный объем бизнеса в США, при этом компании обязаны были¹²:

- зарегистрироваться в FinCEN США в качестве компании, представляющей денежные услуги;
- вести надлежащий учет и представлять отчеты в FinCEN, включая отчеты о подозрительной деятельности (SAR) и отчеты о валютных операциях (CTR);
- оказывать помощь в разработке, обеспечении, соблюдении программы по борьбе с отмыванием денег (AML).

Судебная система США тоже начала использовать в своей деятельности понятие «биткоин»: «The case is U.S. v Murgio et al, U.S. District Court, Southern District of New York,

¹⁰ US Crypto Policy Tracker: Regulatory Developments (Отслеживание криптополитики США: изменения в законодательстве) // Latham & Watkins LLP : сайт. URL: <https://www.lw.com/en/us-crypto-policy-tracker/regulatory-developments> (дата обращения: 07.03.2026).

¹¹ Bitcoin: A Commodity Requiring International Regulation (Биткоин: Товар, требующий международного регулирования) // Michigan Journal of International Law : сайт. URL: <https://www.mjilonline.org/bitcoin-a-commodity-requiring-international-regulation/> (дата обращения: 07.03.2026).

¹² Regulation of Cryptocurrency and Initial Coin Offerings (ICOs) in United States (US) (Регулирование криптовалют и первичных размещений монет (ICO) в Соединенных Штатах (США)) // Charltons Qwantum : сайт. URL: <https://charltonsquantum.com/regulation-cryptocurrency-initial-coin-offerings-ico-united-states-us/> (дата обращения: 07.03.2026).

№. 15-cr-00769»¹³. Таким образом, с момента появления биткоина в 2009 году до момента начала законодательного регулирования этой сферы деятельности прошло четыре года.

Миллиардер и венчурный инвестор Чамас Парихапития утверждает, что «криптоиндустрия США мертва», американские регуляторы негативно воздействуют на криптовалютный сектор, используя жесткие судебные иски вместо издания четких законов, регулирующих создавшуюся относительно недавно отрасль. По мнению Ч. Парихапития, власти США твердо намерены бороться с криптовалютой по причине того, что председатель комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) Гэри Генслер винит в недавнем банковском кризисе криптовалюту¹⁴. Однако в США добыча криптовалюты законодательно разрешена.

Такой же разрешительной позиции в вопросах владения криптоактивами и их обращения на территории государств придерживаются страны, входящие в Европейский союз. Так, из 27 стран, вошедших в него, 17 государств высказались положительно и допустили использование криптовалют в качестве средства платежа или обмена. Заметим, что процесс правового регулирования в Европе происходил чуть позже, чем в США, и начался он с Германии. 13 августа 2013 г. Министерство финансов Германии объявило, что криптовалюты теперь являются «расчетными единицами» и могут использоваться для целей торговли и налогообложения. При расчете с использованием биткоина уплачивается НДС. По данным министерства финансов Германии, они не классифицируются как иностранная валюта или как электронные деньги, а являются частными деньгами, которые могут использоваться «в многосторонних клиринговых кругах»¹⁵. Банк Германии вводит понятие «крипто-токен»¹⁶. В ноябре 2019 году парламент Германии принял закон, позволяющий банкам продавать и хранить криптовалюту начиная с 1 января 2020 г.¹⁷.

Словения признала биткоин с 23 декабря 2013 г. В разъяснении Министерства финансов Республики Словения от 2013 года говорится, что плата криптовалютой является законной, а провайдеры делают такой платеж возможным. На основании п. 7 ст. 4 «Закона о платежах, услугах и системах» Республики Словения¹⁸ биткоин не считается

¹³ Stempel J. Bitcoin is money, U.S. judge says in case tied to JPMorgan hack (Стемпел Дж. Биткоин – это деньги, заявил американский судья по делу, связанному со взломом JPMorgan) // Reuters : сайт. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN11P2DN/> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁴ Кодолова В. Чамат Палихапития: «Криптовалюты в США находятся на грани смерти». // bits.media : сайт. <https://bits.media/chamat-palikhapitiya-kriptovalyuty-v-ssha-nakhodyatsya-na-grani-smerti/> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁵ Clinch M. Bitcoin recognized by Germany as 'private money' (Клинч М. Биткоин признан Германией «частными деньгами») // cnbc : сайт. URL: <https://www.cnbc.com/2013/08/19/bitcoin-recognized-by-germany-as-private-money.html> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁶ Final Version of German Circular on Taxation of Crypto Assets Published (Опубликована окончательная версия немецкого циркуляра о налогообложении криптоактивов) // Poellath+ : сайт. URL: <https://www.pplaw.com/en/insights/final-version-german-circular-taxation-crypto-assets-published> (дата обращения: 07.03.2026).

¹⁷ New German rules on crypto assets (Новые немецкие правила в отношении криптоактивов) // Dentons : сайт URL: <https://www.dentons.com/en/insights/alerts/2019/november/29/new-german-rules-on-crypto-assets> (дата обращения: 07.03.2024).

¹⁸ Zakon o plačilnih storitvah, storitvah izdajanja elektronskega denarja in plačilnih sistemih (ZPlaSSIED) (Закон о платежных услугах, услугах выпуска электронного денег и платежных системах, PC, № 7/18 с последующими изменениями) // pirs : сайт. URL: <https://pirs.si/pregledPredpisa?id=ZAKO7574> (дата обращения: 30.03.2026)

денежным активом и не является финансовым инструментом¹⁹. Таким образом, биткоин – это, скорее, средство обмена, чем средство платежа. Однако текущий криптовалютный бизнес в Республике Словения еще не регулируется законом и Республика Словения до сих пор не установила надзор со стороны Banka Slovenije или любого другого государственного органа, созданного с целью контроля за использованием платежных институтов.

В остальных странах, допустивших использование криптовалют в качестве средства платежа или обмена, процесс признания происходил в период с 2014 по 2017 год.

Напомним, что в странах Евросоюза государство на законодательном уровне обязало финансовые институты предупреждать граждан, желающих заняться инвестированием в этот вид деятельности, о высоком финансовом риске, который несет инвестор.

Англия – страна, которая также признала биткоин. В 2013 году правительство Англии заявило, что деятельность, связанная с биткоином, не регулируется и он рассматривается как «иностранная валюта» для большинства целей, включая НДС²⁰. В дальнейшем в Англии признали биткоин «частными деньгами»²¹.

С 1 апреля 2013 г. в Англии вступили изменения в Закон о финансовых услугах 2012 года. В соответствии с указанными изменениями произошла реформа действующей правовой системы, которая коснулась всех финансовых сфер королевства. На управление по финансовому регулированию и надзору (Financial Conduct Authority) (далее – FCA) возложена основная обязанность стать финансовым регулирующим органом Великобритании. FCA регулирует деятельность финансовых фирм, предоставляющих услуги потребителям, и поддерживает целостность финансовых рынков в Соединенном Королевстве. Основное внимание уделяется регулированию поведения как розничных, так и оптовых фирм, предоставляющих финансовые услуги.

В настоящее время FCA осуществляет надзор за тем, чтобы фирмы, занимающиеся криптоактивами, имели эффективные процедуры по борьбе с отмыванием денег (Anti-Money Laundering далее AML) и финансированием.

Если фирмы зарегистрированы в FCA, это означает, что они следуют уровню регулирования AML, приемлемому для FCA, и проводят надлежащую комплексную проверку клиентов перед их привлечением²².

¹⁹ Davčna obravnava poslovanja z virtualno valuto po ZDoh-2 in ZDDPO-2 (Налоговый режим операций с виртуальной валютой в соответствии с ZDoh - 2 и ZDDPO-2) // računovodja.com : сайт. URL: <https://www.racunovodja.com/clanki.asp?clanek=7670> (дата обращения: 07.03.2024).

²⁰ Международный опыт: как регулируют криптовалюты в разных странах // Право.ру : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/200326/> (дата обращения: 07.03.2026).

²¹ Collection Cryptoassets (Коллекция криптоактивов) // gov.uk : сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/cryptoassets> (дата обращения: 07.03.2026).

²² Policy paper Economic Crime and Corporate Transparency Act: cryptoassets - technical (Аналитический документ Закон об экономических преступлениях и корпоративной прозрачности: криптоактивы - технический аспект) Политический документ «Закон об экономических преступлениях и корпоративной прозрачности»: криптоактивы – технические // gov.uk : сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/economic-crime-and-corporate-transparency-act-2023-factsheets/economic-crime-and-corporate-transparency-act-cryptoassets-technical> (дата обращения: 07.03.2026).

В Китае криптодеятельность запрещена с 2013 года. Так, 5 декабря 2013 г. Народный банк Китая (далее – НКБ) запретил финансовым учреждениям обрабатывать биткоин-транзакции²³. С 1 апреля 2014 г. НКБ обязал коммерческие банки и финансовые организации закрыть все торговые счета с биткоином²⁴.

С сентября 2017 года в Китае прекращена деятельность цифровых платформ и криптобирж²⁵. Полный запрет на майнинг и торговлю криптовалютой был введен в стране с 24 сентября 2021 г.²⁶. Он не отменен до настоящего времени.

В Японии правовое регулирование криптодеятельности началось с 5 мая 2020 г. В стране вступили в силу различные правовые изменения в законы, регулирующие финансовую сферу и связанные с криптоактивами (виртуальной валютой). Считаем, что законодательное изменение является разумным, учитывая спрос на бизнес-криптоактивы, а гарантия правового положения является фактором, поддерживающим новейшие технологии и бизнес-модели в этой быстро развивающейся отрасли²⁷.

Для предпринимателей Японии сохраняется уведомительный порядок, который следует пройти для участия в этом бизнесе: жесткая проверка личности, которую должны выполнять все предприятия, включая финансовые учреждения и компании по обмену криптоактивами, а это требует предоставления двух документов для подтверждения личности при проверке личности пользователей. Хотя многие криптобиржи изначально соблюдали обязательства по проверке личности. Это ужесточение повысило уровень должной осмотрительности для новых пользователей, за которых биржа несет ответственность.

Анализ правового положения криптоиндустрии Японии позволяет сделать вывод о том, что данный вид деятельности разрешен в стране и достаточно регламентирован. Это формирует баланс между публично-правовыми и частноправовыми интересами – бизнесом и гражданами.

В отличие от западных стран, в Российской Федерации деятельность, связанная с майнингом и криптовалютами, не регулировалась в России до 2020 года. До этого момента в ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке

²³ China Bans Financial Companies From Bitcoin Transactions (Китай запретил финансовым компаниям совершать операции с биткоинами) // Bloomberg : сайт. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-12-05/china-s-pboc-bans-financial-companies-from-bitcoin-transactions> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁵ Deng Ch. China Cracks Down on Bitcoin (Дэн Ч. Китай ужесточает контроль над биткоином) // The Wall Street Journal: сайт. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-cracks-down-on-bitcoin-1396361492> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁵ Regulation of Cryptocurrency: China (Регулирование криптовалют: Китай) // Library of Congress : сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20180929080014/http://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/china.php> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁶ China's top regulators ban crypto trading and mining, sending bitcoin tumbling (Ведущие регуляторы Китая запретили торговлю и майнинг криптовалют, что привело к падению биткоина) // Reuters : сайт. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-central-bank-vows-crackdown-cryptocurrency-trading-2021-09-24/> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁷ 日本における暗号資産(仮想通貨)の規制法についての要点 (Ключевые моменты Закона о регулировании криптоактивов (виртуальной валюты) в Японии) // Chainalysis : сайт. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/japan-cryptocurrency-regulation-updates-2020-japanese-version/> (дата обращения: 07.03.2026).

Российской Федерации (Банке России)»²⁸ введен прямой запрет на выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов. Принятый 31 июля 2020 г. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» стал поворотным моментом в формировании правового регулирования цифровых валют в России. Его введение устранило длительную законодательную неопределенность, впервые закрепив официальный статус цифровых валют и создав базовую нормативную основу для их легального обращения на территории Российской Федерации. Указанным федеральным законом разрешен переход цифровой валюты от одного собственника к другому, однако запрещено использование криптовалюты в качестве средства платежа. Стоит отметить, что закон содержит важные положения, но не регулирует в полной мере все правоотношения, которые сложились в бизнесе, связанном с майнингом криптовалюты и с ее обращением.

В соответствии с п. 3.1 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «..майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе»²⁹.

Таким образом, в рассматриваемом нами примере цифровой экономики осуществляется математическое вычисление (добыча) криптовалюты и ее продажа. Этот процесс может быть практически полностью автоматизирован. Люди нужны только для поддержания работоспособности серверов и оборудования и проведения технического обслуживания.

Об особой значимости процесса создания цифровой экономики говорится в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»³⁰, в котором определены следующие задачи: устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Выполнение перечисленных направлений позволит реализовать следующие задачи: сохранить население, укрепить здоровье людей, повысить их благосостояние, создать комфортную для жизни среду, поддержать семью, реализовать потенциал каждого человека развить его таланты, воспитать патриотическую и социально ответственную личность.

²⁸ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федер. закон № 86-ФЗ : принят Гос. Думой 27 июня 2002 г. : послед. ред. // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

²⁹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 259-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : послед. ред. // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

³⁰ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства РФ, 13.05.2024, № 20, ст. 2584.

Поставленные задачи не могут быть решены без трансформации действующей системы правового регулирования цифровой экономики и без трансформации путей цифровизации экономики.

С 1 января 2025 г. в России начали действовать новые правила налогообложения криптовалютного рынка. Теперь цифровую валюту официально признали имуществом. Для майнеров установили порядок уплаты налогов с доходов от добычи и торговых операций с ней, для операторов майнинговой инфраструктуры ввели отчетность в рамках налогового контроля³¹.

В отношении лиц, занимающихся майнинговой деятельностью, установлены следующие режимы налогообложения:

1) в отношении физических лиц, занимающихся майнинговой деятельностью, установлен НДФЛ по прогрессивной ставке 13–22 %, который включается в общую налогооблагаемую базу и является доходом в натуральной форме, относится к доходам от источников в Российской Федерации;

2) в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, занимающихся майнинговой деятельностью, установлен налог на прибыль по ставке 25 %. В соответствии с пунктом 32 статьи 250 Налогового кодекса Российской Федерации доходы в виде цифровой валюты, полученные в результате осуществления деятельности по майнингу, признаются внереализационными доходами. При этом операции с криптовалютой не подлежат обложению налогом на добавленную стоимость, поскольку передача цифровой валюты не признается реализацией товаров, работ или услуг и, следовательно, не образует объекта налогообложения по НДС в соответствии со статьёй 146 НК РФ.

Налоговой базой выступает рыночная котировка полученной криптовалюты на день, когда возникло право распоряжаться ею. Расходы, связанные с майнингом цифровой валюты, независимо от их состава, признаются косвенными.

Согласно отчетам, которые представлены Ассоциацией промышленного майнинга, Россия находится на втором месте в мире по добыче криптовалют. В 2025 году на долю нашей страны пришлось 11–12 % глобального хэшрейта биткоина. В госреестре зарегистрированы 1 500 майнеров, которые совокупно добыли порядка 5 000 BTC. Но это лишь около 20 % от общего объема российской добычи. Все остальное – по-прежнему «серый и черный майнинг»³². Размер поступлений в бюджет составил всего 500 млн рублей.

Еще одной проблемой в данной сфере выступил запрет на ведение майнинга в ряде регионов. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1869 «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах

³¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 418-ФЗ : принят Гос. Думой 26 ноября 2024 г. : одобрен Советом Федерации 27 ноября 2024 г. : послед. ред. // Собрание законодательства РФ, 02.12.2024, № 49 (Часть I), ст. 7409.

³² Горелкин А. Майнинг криптовалют: что дальше? // dzen.ru : сайт. URL: <https://dzen.ru/a/aXmioVPYWVyt7L-I?ysclid=mmg2e8b823493486926> (дата обращения: 07.03.2026).

Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации»³³ введен запрет на майнинг в следующих регионах: Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечне, Иркутской области, Бурятии, Забайкальском крае, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области, Херсонской области.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что регулирование майнинга с экономической точки зрения нельзя признать эффективным, потому что:

- 80 % майнеров не включены в государственный реестр и продолжают заниматься данным видом деятельности нелегально;
- бюджет недополучил 80 % налоговых платежей;
- бюджеты сетевых компаний, которые расположены в регионах, где введен запрет на майнинг, недополучили финансирование, в результате чего приостановлены программы развития сетевых организаций;
- в регионах, в которых введен запрет на майнинг, не решен вопрос энергодефицита, поскольку мощности, посредством которых осуществлялся майнинг, так и остались законтрактованными за организациями, которые их выкупили, но эти организации не используют их для целей майнинга, а создание новых предприятий, требующих такие мощности, не ведется.

В настоящее время наша страна проходит период острой санкционной политики со стороны недружественных государств, поэтому скорейшее решение перечисленных проблем позволит повысить эффективность отрасли³⁴.

Применяя административные процедуры, можно достичь следующих результатов:

1. Повысив взываемую плату за технологическое подключение к существующим электрическим сетям для целей майнинга, можно получить возможность для модернизации существующих сетей;

2. Так как оборудование для майнинга при работе производит тепловые выбросы в окружающую среду, целесообразно ввести квоты при ввозе в страну оборудования для майнинга. Это вызвано тем, что оборудование для майнинга при работе производит тепловые выбросы в окружающую среду;

3. С целью вывода майнинга из серой и черной зоны предлагаем изменить налоговое законодательство. В частности, формулировка, что налоговой базой выступает рыночная котировка полученной криптовалюты на день, когда возникло право распоряжаться ею, определяет момент оплаты налога, то есть возникает в момент добычи криптовалюты. Однако определение цены криптовалюты происходит за пределами Российской Федерации, то ее продажа сразу после «добычи» не всегда позволяет покрыть расходы на ее получение. Кроме того, курс криптовалют очень волатилен, например, по итогам апреля 2024 года курс криптовалют – биткоин – колебался в течение одного дня на 1 000 000 (один миллион) рублей. Более того, предприниматели, занимающиеся добычей

³³ Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1869 // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8699.

³⁴ Костерева М. Силуанов допустил возможность использования криптовалют во внешней торговле // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5756672?ysclid=lxmnp9fy5252287365> (дата обращения: 07.03.2026).

криптовалюты, в долгосрочной перспективе рассчитывают на ее рост, следовательно, не всегда готовы к ее продаже сразу после добычи.

Существующее налоговое законодательство не предоставляет возможность отсрочки оплаты налога. Все вышеперечисленные обстоятельства являются препятствием к выходу майнинга страны из тени.

По нашему мнению, решить вопрос налогообложения несложно, достаточно включить в тариф по электроэнергии налог, который будет оплачивать майнер при оплате за потребленную электроэнергию. Причем майнер заинтересован в бесперебойном получении электроэнергии, следовательно, будет своевременно ее оплачивать в электросетевую компанию, которая сможет перечислить налог в бюджет страны.

Не представляет труда и процесс выявления черных и серых майнеров, поскольку электросетевые компании имеют ресурсы, позволяющие в онлайн-режиме отслеживать места потребления электроэнергии. Сопоставление мест потребления с предметами договоров энергоснабжения позволит выявить лиц, потребляющих электроэнергию на незаконном основании. Это даст возможность привлечь виновных к юридической ответственности. Мы поддерживаем процедуру регистрации майнеров.

Реализация наших предложений даст возможность легализовать майнинг, наполнить бюджет страны, повысить эффективность правового регулирования в этой сфере деятельности.

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- выявленные неточности в определении цифровой экономики свидетельствуют о том, что определения, приведенные авторами, не имеют отношения к экономике, так как не содержат в себе выявленных признаков экономики, а больше содержат технические термины, которые позволяют определить характеристики технически сложного изделия.

Анализ всех правовых и технических процессов, происходящих в мире и стране, позволяет утверждать, что в настоящее время активно идет процесс цифровизации экономики. Эпоха цифровой экономики пока не наступила. Возникновение этого феномена, по мнению автора, возможно после интеграции в «оцифрованную экономику» технологии «искусственный интеллект».

Следует отметить, что единственный вид деятельности, который с уверенностью можно отнести к понятию «цифровая экономика», – это деятельность по «добыче» криптовалют, именуемая «майнинг». Использовать данное определение, по нашему мнению, следует только в контексте рассмотрения указанного вида деятельности в качестве отрасли хозяйственной деятельности.

Проведенное нами исследование за пределами настоящей работы позволяет выдвинуть тезис о том, что криптовалюта – это инструмент глобалистов, целью которых является ликвидация государства.

Анализ законодательства стран-лидеров позволяет сделать вывод о том, что медленное правовое регулирование является одной из проблем в мире и в нашей стране. От этой статичности страдают различные сферы жизнедеятельности общества, в том числе и предпринимательская деятельность. С момента появления майнинга в 2009 году в разных государствах в течение 4–11 лет данная область не регулировалась законодательством. Правоотношения, которые складывались в нерегулируемой сфере, носили характер «дикого запада».

Запаздывание в регулировании майнинга негативно проявилось во многих направлениях:

- резко ухудшилось правовое положение граждан-микроинвесторов, которые пытались выстроить бизнес в этой сфере деятельности;
- произошло злоупотребление действующими тарифами;
- появилась перегруженность или неравномерная загрузка электросетей энергосистемы страны;
- возникла перегрузка в работе государственных органов;
- ухудшился инвестиционный климат в рассматриваемой сфере деятельности;
- ушли инвестиции из страны;
- уменьшилось поступление налогов в бюджет.

Запаздывание государственного регулирования связано в первую очередь с противодействием лоббистских групп, которые ведут эту деятельность на протяжении 10 лет, что в итоге приводит к пребыванию «майнинга» в «серой зоне», позволяет лицам, осуществляющим этот вид деятельности, не платить налоги.

Легализация и верная государственная политика, направленная на развитие этой сферы экономики, позволит:

- а) сохранить население, здоровье и благосостояние людей;
- б) дать возможность для самореализации и развития талантов,
- в) обеспечит комфортную и безопасную среду для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- г) завершит цифровую трансформацию.

Необходимо внести изменения в правовые акты, регулирующие ценообразование в области регулирования цен (тарифов) в электроэнергетике³⁵, включить дополнения, которые позволят вводить дифференцированные тарифы на используемую электроэнергию с целью перевода майнинга в регионы с переизбытком сгенерированной электроэнергии, а также установить квоты.

Автор рассматривает «майнинг» как сферу деятельности, которая позволит предпринимателям совместно с государством извлечь пользу в интересах населения страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tapscott D. The Digital Economy : Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D.Tapscott. Paperback, 1994. 380 с.
2. Глушков В. М. Введение в АСУ. изд. 2 испр. и доп. Киев : Изд-во «Техника». 1974. 320 с. URL : https://www.computermuseum.ru/books/glushkov/glushkov_v_m_vvedenie_v_asu.pdf (дата обращения 30.03.2026)
3. Лянной Г. Г. Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 3. С. 336–352.

³⁵ О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике : постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 : послед. ред. // Собрание законодательства РФ, 23.01.2012, № 4, ст. 504.

4. Маркова О. М., Стародубцева Е. Б. Цифровая трансформация мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 7–15.

REFERENCES

1. Tapscott D. The Digital Economy : Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. Paperback, 1994, 380 p.
2. Glushkov V. M. Introduction to Automated Control Systems. ed. 2 corrected. Kyiv: Technika Publishing House. 1972, 320 p. URL: https://www.computer-museum.ru/books/glushkov/glushkov_v_m_vvedenie_v_asu.pdf (Accessed 30 March 2026). (In Russ.).
3. Liannoy G. G. Administrative and Legal Regulation of the Development and Use of Artificial Intelligence Technologies. Siberian Legal Review. 2024, vol. 21, no. 3, pp. 336–352. (In Russ.).
4. Markova O. M., Starodubtseva E. B. Digital Transformation of the Global Economy. Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2018, no. 2, pp. 7-15. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лянной Глеб Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Lyannoy Gleb Gennadievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Baikal State University. 11 Lenin St., Irkutsk, 664003.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 90–100.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 90-100.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Научная статья
УДК 342.5

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ТЕОРИЮ МИРОТВОРЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА МВД РОССИИ

Самсонова Екатерина Валерьевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ekatersamson@yandex.ru

Введение. В статье предложено авторское осмысление процессов участия специалистов системы Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ в деятельности по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности в составе миротворческих миссий Организации Объединенных Наций² и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, обоснована необходимость создания целостной теории миротворческого полицейского контингента МВД России с описанием его отдельных специфических черт; пересмотра традиционно существующих подходов к процессам подготовки и участия сотрудников МВД России в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности.

Материалы и методы. В процессе исследования теоретического и нормативного материала использованы известные методы познания, свойственные правовой науке. Наряду с этим для анализа законодательства и практики применялись логический, сравнительный и системный методы. В работе автор в необходимой мере использовал как общенаучные (диалектический, логический и др.), так и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический и др.), что позволило в конечном счете достичь поставленной цели.

Результаты исследования. На основе анализа нормативного, теоретического и практического материала автор условно объединил вопросы, формулирующие проблему миротворческого контингента системы МВД России исходя из их назначения и сферы их действия в четыре относительно самостоятельных раздела, которые и должны составить суть теории миротворческого контингента МВД России.

Выводы и заключения. Автор считает, что содержательные ответы на указанные группы вопросов в конечном счете сформируют целостную теорию миротворческого полицейского контингента МВД России. Между тем их перечень, предложенный автором, не претендует на всеобщее признание, поскольку знания о них будут развиваться, дополняться и видоизменяться.

¹ Далее – «МВД России».

² Далее – «ООН».

Ключевые слова: миротворческий контингент, миротворцы, Организация Объединенных наций, миротворческая миссия, операции по поддержанию мира

Для цитирования: Самсонова Е. В. Основные вопросы, формирующие теорию миротворческого контингента МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 90 –100.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PEACEKEEPING CONTINGENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Ekaterina V. Samsonova

St. Petersburg Saint Petersburg University of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, ekatersamson@yandex.ru

Introduction. The article offers the author's understanding of the processes of participation of specialists from the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in activities to maintain and restore international peace and security as part of the peacekeeping missions of the United Nations and the Organization for Security and Cooperation in Europe, substantiates the need to create a comprehensive theory of the peacekeeping police contingent of the Ministry of Internal Affairs of Russia with a description of its individual specific features; revision of traditionally existing approaches to the processes of training and participation of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in activities to maintain international peace and security.

Materials and Methods. The work uses well-known methods of cognition inherent in legal science. Along with this, logical, comparative and systemic methods were used to analyze legislation and practice. In the work, the author used both general scientific (dialectical, logical, etc.) and specific scientific methods (comparative-legal, formal-legal, etc.) to the necessary extent, which ultimately allowed achieving the set goal.

The Results of the Study. Based on the analysis of normative, theoretical and practical material, the author conditionally combined the questions that formulate the problem of the peacekeeping contingent of the Ministry of Internal Affairs of Russia, based on their purpose and scope, into four relatively independent sections that should form the essence of the theory of the peacekeeping contingent of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Findings and Conclusions. The author believes that meaningful answers to these groups of questions will ultimately form a holistic theory of the peacekeeping police contingent of the Russian Interior Ministry. Meanwhile, the list of them proposed by the author does not claim universal recognition, since knowledge about them will be developed, supplemented and modified.

Keywords: peacekeeping contingent, peacekeepers, United Nations, peacekeeping mission, peacekeeping operations

For citation: Samsonova E. V. [Theoretical foundations of the peacekeeping contingent of the ministry of internal affairs of Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 90-100. (In Russ.).

В последнее время наблюдается интенсификация процесса участия специалистов системы МВД России в деятельности по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности в составе миротворческих миссий ООН и ОБСЕ. Это выражается в частности:

- в увеличении числа сотрудников органов внутренних дел, направляемых Российской Федерацией в миротворческие миссии ООН и ОБСЕ, что обусловлено политикой нашей страны, связанной с расширением ее участия в международной миротворческой деятельности;

- наибольшей востребованностью ООН именно полицейского контингента, эффективного для успешного решения миротворческих задач в ситуации роста внутригосударственных конфликтов;

- в принятии ряда новых нормативных документов, регулирующих организацию и деятельность полицейского миротворчества. Среди них, например, приказ МВД России от 25 декабря 2023 г. № 999 «Об организации работы по обеспечению участия специалистов системы МВД России в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»³;

- в трансформации и значительном расширении полномочий полицейских-миротворцев в миссиях ООН;

- увеличением числа стран, в которых сотрудники МВД России несут службу в качестве миротворцев. Так, в настоящее время происходит процесс правового оформления и институционализации полицейского миротворческого компонента Российской Федерации в рамках Организации Договора о коллективной безопасности.

Естественно, что процесс становления и развития такого специфического компонента российской полиции стал самостоятельным объектом изучения российской науки. Самые яркие ее представители (юристы, политологи, дипломаты, психологи) издали целый ряд актуальных интересных и полезных по своему содержанию научных и учебных трудов, специально посвященных решению тех или иных вопросов деятельности и организации подготовки миротворческого полицейского контингента МВД России. Среди них хотелось бы особо отметить авторов монографий: С. А. Бокерия [1], В. С. Яшенин, Л. И. Ромадан, [2], диссертаций: П. В. Шамаров [3], Р. А. Карась [4], авторов научных статей: С. А. Тишков [5, с. 107–128], А. Ф. Вербилов [6, с. 17–19].

Очень ценным вкладом в дело развития полицейского миротворчества следует считать уже сложившуюся научную традицию: ежегодно 29 мая в рамках Международного дня миротворцев ООН на базе Центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях Всероссийского института повышения квалификации МВД России проводить международные научно-

³ Об организации работы по обеспечению участия специалистов системы МВД России в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности : приказ МВД России от 25 декабря 2023 г. № 999 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/408763367/> (дата обращения: 06.09.2025.).

представительские мероприятия, посвященные вопросам подготовки, организации и деятельности российских миротворцев. Не стал исключением и 2025 год, ознаменовавшийся проведением традиционного круглого стола на тему «Миротворческая деятельность ООН: вопросы отбора и подготовки кандидатов для участия в миротворческих миссиях на современном этапе» с участием ведущих ученых, представителей Центрального аппарата МВД России, Министерства иностранных дел России, сотрудников полиции, ранее принимавших участие в работе миротворческих миссий ООН.

Из сказанного следует вывод, что в российской науке постепенно складывается целое научное направление, специально посвященное анализу становления и развития такой полицейской составляющей МВД России, как ее миротворческий компонент.

Вместе с тем очевидно, что повысить качество подготовки сотрудников МВД России для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности невозможно без попытки создать и предложить научной общественности целостную теоретическую «картину» организационно-правового обеспечения такого участия, определения правового статуса российских полицейских миротворцев, выработки единой государственной стратегии в данной области, установления четких критериев, которым должны соответствовать кандидаты для командирования в состав контингента полиции ООН, и, конечно, совершенствования существующей правовой основы их подготовки. Представляется, что существующие ныне «проблемные места» отбора и подготовки сотрудников полиции для выполнения соответствующих задач в миротворческих миссиях ООН являются именно следствием отсутствия на сегодняшний день такой теории.

Действительно, несмотря на все возрастающий интерес юридической науки к проблеме полицейского миротворчества и значительное количество научных трудов, посвященных этому явлению, вопрос о создании такой теории пока не ставился. Поэтому несмотря на намерение России расширить свое участие в международной деятельности по поддержанию мира и безопасности, а также укрепить международный авторитет российских сотрудников как высококлассных профессионалов, способных решать самые сложные задачи, юридически миротворческая деятельность органов внутренних дел все еще не получила должного признания и соответствующего оформления.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть тот факт, что законодательное регулирование в этой сфере достаточно длительное время осуществлялось исходя из потребностей практики, по большей части с существенным запозданием. В настоящее время разрыв между практикой участия представителей российских органов внутренних дел в международном миротворчестве и теоретико-правовой основой такого участия становится с каждым днем все более очевидным, поскольку полицейское миротворчество значительно трансформировалось как явление с того момента, как в 1992 году МВД России впервые направило свой миротворческий контингент для несения службы в составе миротворческих полицейских сил ООН. При этом моментом юридического признания деятельности сотрудников ОВД в миротворческих операциях ООН стало принятие в 1995 году Федерального закона от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией гражданского и военного персонала для участия в деятельности

по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»⁴. До тех пор правовое регулирование деятельности российских полицейских миротворцев носило исключительно подзаконный ситуативный характер.

На сегодняшний день отечественная нормативно-правовая база в этой сфере явно недостаточна, страдает фрагментарностью и множеством пробелов, внутренней противоречивостью, существенно отстает от потребностей правоприменения, не соответствует вызовам времени [7, с. 170; 5, с. 107]. Среди общих проблем правового регулирования полицейского миротворчества можно назвать следующие: неопределенность статуса ветеранов (бывших участников) миротворческих операций, комплекс вопросов финансового обеспечения и кадровой политики в отношении участников миротворческой деятельности Российской Федерации, ненадлежащий подход к медицинскому обеспечению и реабилитации участников миротворческих миссий, отсутствие работы по пропаганде положительного образа российского миротворца, слабую кадровую работу на этапе предварительного отбора кандидатов для участия в международной деятельности по поддержанию международного мира и безопасности, недостаточное понимание сотрудниками специфики условий несения службы в составе миротворческих сил ООН и ряд других.

Кроме того, в Российской Федерации нет ни одного основополагающего доктринального документа, посвященного регулированию этой деятельности и подготовке российского полицейского контингента.

Одной из причин такой правовой ситуации послужило то обстоятельство, что вся нормативная база полицейского миротворчества формировалась не на концептуальных первоосновах, а исходя из сиюминутных потребностей практики.

Представляется, что все накопившиеся практические проблемы миротворческого полицейского контингента ООН обусловлены именно отсутствием прочной и определенной, творчески разработанной теоретической основы, обеспечивающей в конечном счете эффективное правовое регулирование.

Отметим, что в странах, которые стабильно участвуют в миротворческой деятельности ООН посредством предоставления своих полицейских контингентов (Швеция, Норвегия, Германия и др.), существует четкая государственная политика в отношении командированных сотрудников, разработаны и применяются базовые программы подготовки для участия в миротворческих операциях, полицейские-миротворцы привлекаются к участию в различных учениях и стажировках, чтобы лучше подготовиться к службе непосредственно в миссии.

Так, немецкой системе подготовки полицейских для действий в пользу мира присущи: тесная связь науки и методики преподавания, высокие требования к его качеству, информационному обеспечению и практической направленности обучения [7, с. 170]. Интересно отметить, что наряду с изучением теоретических положений в Германии широко изучается институциональный опыт реализации зарубежных проектов в области урегулирования конфликтов, в порядке академического обмена на курсы приглашаются не только немецкие граждане, но и граждане из кризисных и посткризисных регионов.

⁴ О порядке предоставления Российской Федерацией гражданского и военного персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности : Федер. закон № 93-ФЗ : принят Гос. Думой 26 мая 1995 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL : <https://base.garant.ru/10118921/> (дата обращения: 11.10.2025)

Кроме того, работа в сфере подготовки полицейского контингента в целях участия в операциях в пользу мира не ограничивается только деятельностью государственных образовательных организаций. Так, с 1996 года в Германии успешно функционирует «Форум Гражданской службы в пользу мира» (нем. Forum Ziviler Friedensdienst e. V. (forumZFD, далее – Форум), который создан с целью передачи огромного накопленного опыта в сфере политического диалога и связей с общественностью, профессионального обучения, планирования и реализации проектов в пользу мира. Экспертами форума по вопросам мира и трансформации конфликтов являются представители Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Ведущим операционным подразделением Форума является Академия (нем. Akademie für Konflikttransformation), широко известная в Германии и за рубежом в сфере подготовки гражданских экспертов и консультантов по вопросам мира и трансформации конфликтов⁵.

К сожалению, в нашей стране полицейское миротворчество пока только находится в процессе своего становления, поскольку, как уже было сказано выше, не до конца сформировалась его правовая база, должным образом не оформились его соответствующие институты и др. Поэтому полагаем, что необходимость глубокого теоретического осмысления проблемы отбора, подготовки, организации и деятельности российских полицейских наблюдателей ООН в операциях по поддержанию мира как с научной, так и с прикладной точек зрения, обобщение и анализ имеющегося опыта, в том числе и международного, с целью выработки обоснованных предложений и рекомендаций законодательного и организационного плана обусловлены объективными причинами.

Конечно, чтобы избежать ошибок и лишней критики, можно и дальше использовать общепринятые подходы науки к российскому полицейскому миротворчеству. Однако известно, что нет такой области в юридической деятельности, которая могла бы обойтись без применения новых научных подходов. Совершенно справедливо утверждают известные ученые-полицейсты – Андрей Викторович Быков и Татьяна Владимировна Кикоть-Глуходедова, что «для того, чтобы теоретическое мышление опережало эмпирический уровень познания, необходимо предвидение, основанное на ясном представлении о возможных путях государственного строительства в сфере обеспечения как внутренней, так и внешней безопасности России в современных условиях» [8, с. 3].

Именно поэтому в настоящем исследовании автор рискнул предложить правовой науке новый взгляд на проблему. В этой связи своими задачами в настоящем исследовании он поставил:

1. Определение методологических подходов к изучаемому явлению.

2. Отбор и постановку проблем исследования с опорой на имеющийся материал: нормативно-правовой, теоретический и практический. Представляется, что сама по себе постановка теоретических вопросов полицейского миротворческого контингента МВД России уже является относительно самостоятельным научным исследованием.

Процесс участия специалистов системы МВД России в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности предполагает целый комплекс различных отношений, связанных с отбором, подготовкой, командированием миротворческого полицейского контингента в состав миротворческих миссий ООН (управленческих, служебных, правоохранительных и других).

⁵ ProPeace : сайт. URL: <https://www.forumzfd.de/en/introducing-academy-conflict-transformation> (дата обращения: 23.02.2026)

Наличие разнородных групп таких отношений является объективным фактором, обуславливающим возможность разработки целостной теории этого участия. При этом следует особо подчеркнуть, что само участие миротворческого контингента в деятельности миротворческих миссий ООН – не застывшее, неподвижное явление, его содержание и структура постоянно развиваются и изменяются, в нем постоянно появляются новые черты и элементы. В связи с этим видоизменяется и правовое регулирование отношений такого участия [9, с. 110].

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, применить комплексный подход к изучению этих отношений и их организационно-правовому регулированию. Сами вопросы, составляющие теорию миротворческого контингента системы МВД России, автор формулирует с опорой на правила постановки проблем, принятые в науке, и прежде всего на определение самой «проблемы».

Так, по мнению профессора Ю. К. Бабанского, «проблема» есть характеристика проблемной, т. е. противоречивой ситуации, сущность которой заключается в несоответствии теории о предмете общественной практики, обнаруживаемом исследователем в изученном им материале [10, с. 10]. Психолог В. Н. Дружинин в своей книге «Экспериментальная психология» определяет проблему как риторический вопрос, который исследователь задает природе, но отвечать на него должен он сам [11, с. 15]. Философская трактовка данного понятия звучит следующим образом: «Проблема» – объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес» [12, с. 533].

Последнее определение представляется наиболее удачным, поскольку предоставляет исследователю полную возможность для комплексного осмысления и последующего разрешения всех ее вопросов.

С учетом сказанного, а также на основе анализа нормативного, теоретического и практического материала автор условно объединил вопросы, формулирующие проблему миротворческого контингента системы МВД России исходя из их назначения и сферы действия, в четыре относительно самостоятельных раздела, которые и должны составить суть теории. Критерием выделения этих вопросов послужило их универсальное значение для последовательного разрешения накопившихся теоретических и практических проблем российского полицейского миротворческого контингента. Вторым не менее важным критерием отбора стала структура современного российского общества и закономерности его развития: действующие в нем идеалы, цели, запросы, достигнутый уровень знаний (в том числе стремительная цифровизация и технологизация), качество государственно-правовой институционализации общественных отношений.

Все разделы предложенной теории укладываются в рамки комплексного подхода к изучению отношений полицейского миротворчества в системе МВД России, что предполагает соединение в единое согласованное целое существующих на сегодняшний день теоретических представлений и нормативных положений, регулирующих деятельность полицейских миротворцев на основе потребностей и интересов всех субъектов миротворческого процесса, включая интересы Российской Федерации. Известные теоретической науке управленческие элементы, процессы и отношения (цели, функции, структуры, процедуры, технологии и т. п.) изложены последовательно как единая логическая конструкция, в конечном счете представляющая собой работающий на практику целостный механизм.

Представляется важным при разработке всех теоретических разделов учитывать основную отличительную особенность целей России в вопросах миротворчества от аналогичных целей США и стран коллективного Запада. Наша страна в первую очередь делает упор на необходимость сохранения существующей государственности без смены режима с целью укрепления безопасности в регионе, а США и западные страны считают главными целями защиту индивидуальных прав и свобод, а также продвижение либеральной идеологии. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации закрепляется значение международного миротворчества как действенного инструмента урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач государственного строительства на посткризисной стадии, акцентируется необходимость сохранения ключевых концептуальных принципов миротворчества, разработки «реалистичных и четких, не допускающих произвольных интерпретаций... мандатов, особенно связанных с применением силы», а миротворческая деятельность противопоставляется военным интервенциям. В разделе «Верховенство права в международных отношениях» подчеркивается необходимость недопущения военного вмешательства в дела стран под предлогом «ответственности по защите», что, как отмечается, является нарушением основополагающих норм международного права, например принципа суверенного равенства государств⁶.

Итак, первый раздел предлагаемой теории «Сущность и природа миротворческих операций ООН» предполагает разрешение следующих вопросов:

- история становления и развития миротворческих операций ООН;
- необходимость проведения миротворческих операций ООН в современных условиях;
- основы правового регулирования отношений миротворческих операций ООН;
- организационно-правовая структура миротворческих операций ООН;
- понятие и основные элементы международного мира, безопасности и правопорядка.

Второй раздел целесообразно назвать «Вопросы организации миротворческого контингента МВД России»:

- история становления и развития миротворческого контингента МВД России;
- особенности управления миротворческим контингентом МВД России;
- понятие и основные черты миротворческого контингента МВД России;
- система регуляторов отношений миротворческого контингента МВД России;
- внедрение и применение в деятельность по отбору и подготовке миротворческого контингента МВД России современных технологий;
- особенности службы и деятельности подразделений миротворческого контингента МВД России (юридической, правоохранительной, иной);
- правовое положение и организационное построение миротворческого контингента МВД России.

Третий раздел предполагает рассмотрение вопросов участия миротворческого контингента МВД России в обеспечении международного мира и безопасности в конкретных миротворческих миссиях ООН», а именно:

⁶ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=mnodttehql998468902> (дата обращения: 07.04.2025).

- особенности участия представителей миротворческого контингента МВД России в различных миротворческих миссиях ООН;
- особые условия службы в различных миротворческих миссиях ООН;
- особенности взаимодействия подразделений миротворческого контингента МВД России с представителями публичной власти принимающей страны и с ее населением;
- особенности взаимодействия подразделений миротворческого контингента МВД России с представителями миротворческих контингентов других стран-участников операций ООН по поддержанию международного мира и безопасности.

И последний, четвертый раздел объединяет следующие вопросы отбора и подготовки сотрудников органов внутренних дел участия в операциях по поддержанию международного мира и безопасности:

- технологии отбора кандидатов для участия в операциях ООН по поддержанию международного мира и безопасности;
- порядок отбора и подготовки кандидатов системы МВД России для участия в операциях по поддержанию международного мира и безопасности;
- особенности обучения кандидатов системы МВД России для участия в операциях по поддержанию международного мира и безопасности.

Отметим, что для улучшения процедуры отбора и подготовки сотрудников для несения службы в миротворческих миссиях уже сегодня необходимо составление дополнительных программ обучения в виде тренингов, направленных на выработку соответствующих знаний, умений и навыков и их закрепление. Возможно их проведение для тех сотрудников, которые успешно сдали международный квалификационный экзамен и были рекомендованы для участия в международных операциях по поддержанию международного мира и безопасности. В некоторых зарубежных странах уже сложилась похожая практика. Например, в Германии сотрудники после прохождения обязательного базового курса подготовки для участия в международных миротворческих миссиях должны выбрать одну из предлагаемых центром дополнительных программ, например, Hostile Environment Awareness Training, цель которой – научить участников определять потенциальную опасность и разрабатывать инструменты моментального противодействия⁷.

С учетом сказанного хотелось бы внести еще одно предложение, направленное на совершенствование подготовки сотрудников к участию в миротворческих миссиях ООН. Успешное выполнение миротворческих задач во многом зависит от понимания ее сотрудниками культурных, социальных и политических условий проведения миссии. Поэтому необходимо в процессе подготовки российских полицейских-миротворцев делать основной упор на изучение мандатов конкретных миротворческих операций и документов, издаваемых во исполнение положений мандата и определяющих статус гражданского полицейского наблюдателя ООН.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо сказать, что автор не ставил целью в настоящей статье разрешить все теоретические и практические проблемы российского полицейского миротворчества (поскольку это отдельная и сложная работа по

⁷ Центр международных миротворческих миссий: от лица Германии и в интересах миропорядка // Информационный портал germania-online: сайт. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/aussenpolitik/zentrum-fuer-internationale-friedenseinsatz-wird-15-1939082> (дата обращения: 03.09.2025.)

линии как фундаментальных, так и прикладных исследований), а только предложить теоретическое направление в научной разработке знания о миротворческом полицейском контингенте МВД России. Автор надеется, что дальнейшая разработка теории в рамках предложенных разделов в конечном счете сформирует целостную теорию миротворческого полицейского контингента МВД России. Между тем их перечень, предложенный автором, не претендует на всеобщее признание, поскольку знания о них будут развиваться, дополняться и видоизменяться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бокерия С. А., Дегтерева Д.А. Миротворчество в многополярном мире : монография. М. : Аспект Пресс, 2024. 492 с.
2. Ромадан Л. И., Яшенин В. С. Миротворчество ООН: от истоков к современности : монография ; Дипломатическая академия МИД России. М. : Квант Медиа, 2024. 382 с.
3. Шамаров П. В. Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... докт. полит. наук. М., 2021. 376 с.
4. Карась Р. А. Миротворческие операции с участием российских полицейских сил как средство поддержания международной безопасности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 208 с.
5. Тишков С. А. Институционализация международного полицейского сотрудничества ООН // Вестник МГИМО-университета. 2019. № 1 (64) С. 107–128.
6. Вербилов А. Ф. Миротворческая деятельность сотрудников Барнаульского юридического института МВД России. Государство и право в эпоху глобальных перемен : мат-лы Междунар. науч.-практ. конференции (г. Барнаул, 28–29 июня 2022 г.). Барнаул : Барнаульский университет МВД России, 2022. С. 17–19.
7. Тишков С. А. Организация обучения полицейского персонала в условиях миротворческих миссий ООН // Наука и практика. 2016. Вып. 3 (68). С. 170–175.
8. Быков А. В., Кикоть-Глуходедова Т. В. Полицейская система современного демократического государства : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 303 с.
9. Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 109–126.
10. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований (дидактический аспект). М. : Педагогика, 1982. 192 с.
11. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебное пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2024. 386 с.
12. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М. : Омега-Л, 2004. 584 с.

REFERENCES

1. Bokeria S. A. Mirotvorchestvo v mnogopolyarnom mire: monografiya [Peacekeeping in a Multipolar World: A Monograph]. Moscow : Aspect Press, 2024, 492 p. (In Russ.).
2. Romadan L. I., Yashenin V. S. Mirotvorchestvo ONN: ot istokov k sovremennosti: monografiya [UN Peacekeeping: From Origins to the Present: Monograph]. Moscow, 2024, 382 p. (In Russ.).
3. Shamarov P. V. Peacekeeping activity in the system of ensuring the national security of the Russian Federation: dissertation ... Doctor of Political Sciences. Moscow, 2021. 376 p. (In Russ.).
4. Karas R. A. Mirotvorcheskie operacii s uchastiem rossijskih policejskih sil kak sredstvo podderzhaniya mezhdunarodnoj bezopasnosti : dis. ... kandidata politicheskikh nauk. [Peacekeeping

Operations with the Participation of Russian Police Forces as a Means of Maintaining International Security : PhD thesis in Political Science]. Moscow, 2001, 208 p. (In Russ.).

5. Tishkov S. A. Institucionalizaciya mezhdunarodnogo policejskogo sotrudnichestva OON [Institutionalization of International Police Cooperation of the UN]. Vestnik MGIMO-universiteta – Bulletin of the MGIMO University. 2019, vol. 64, no. 1, pp. 107-128. (In Russ.).

6. Verbilov A. F. [Peacekeeping Activities of the Staff of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. State and Law in the Era of Global Changes] Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii - Materials of the International Scientific and Practical Conference, 28–29 June 2022. Barnaul, 2022, pp. 17-19. (In Russ.).

7. Tishkov S. A. Organizaciya obucheniya policejskogo personala v usloviyah mirotvorcheskikh missij OON [Organization of Training for Police Personnel in the Context of UN Peacekeeping Missions]. Nauka i praktika – Science and Practice. 2016, vol. 68, no. 3, pp. 170-175. (In Russ.).

8. Bykov A. V., Kikot-Glukhodedova T. V. Policejskaya sistema sovremennogo demokraticeskogo gosudarstva : monografiya [The Police System of a Modern Democratic State : A Monograph]. Moscow : UNITY-DANA: Law and Law, 2017, 303 p. (In Russ.).

9. Khudaykulova A. V. Mirotvorchestvo OON v XXI veke: osnovnye vektory reform po povysheniyu effektivnosti mirotvorcheskikh operacij [UN Peacekeeping in the 21st Century: Main Vectors of Reforms to Improve the Effectiveness of Peacekeeping Operations]. Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk – South Russian Journal of Social Sciences. 2019, vol. 20, no. 4, pp. 109-126. (In Russ.).

10. Babansky Yu. K. Problemy povysheniya effektivnosti pedagogicheskikh issledovanij (didakticheskij aspekt) [Problems of Improving the Effectiveness of Pedagogical Research (Didactic Aspect)]. Moscow, 1982. 192 p. (In Russ.).

11. Druzhinin V. N. Eksperimental'naya psihologiya [Experimental Psychology]. Moscow, 2024, 386 p. (In Russ.).

12. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya [Theory of Public Administration]. Moscow, 2004, 584 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самсонова Екатерина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samsonova Ekaterina Valeryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 Pilyutova Pilot St., St. Petersburg, 198206.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025 одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 22.04.2026.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 22.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 101–114.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 101-114.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Сомиков Кирилл Александрович

Администрация Надымского района, Ямало-Ненецкий автономный округ, Надым, Российская Федерация, kirill_somicoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2147-2564>

Введение. В статье проанализированы проблемные правовые ситуации, возникающие в ходе перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, на примере возможностей участия последних в охране общественного порядка. Подобные изменения не всегда комплексно охватывают все многосторонне взаимосвязанные положения законов, порой вносятся асинхронно. Так, основополагающая норма может утратить силу, но обусловленная ей норма подлежит реализации. Вследствие подобных законодательных дефектов возникает правовое явление, которое предлагается рассматривать как опосредованную ультраактивность, поскольку утратившее силу положение закона в некоторой степени реализуется через развивающее его действующее положение.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составило законодательство Российской Федерации и отдельных регионов, подзаконные нормативные правовые акты, касающиеся компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка, и материалы практики осуществления ими отдельных государственных полномочий, не переданных в установленном порядке. Методологической основой исследования выступает сравнительно-правовой ретроспективный анализ, который позволяет уяснить смысл положения закона и определить потенциал его реализации.

Результаты исследования. Анализ содержания ранее действовавших в период разработки и вступления в силу ряда сложных в реализации действующих законов позволяет заключить, что последние могут воспринимать и развивать утратившие силу положения. В результате формируется дисбаланс между основополагающей и конкретизирующей нормами по причине ослабления логико-содержательных связей. Возможна замена общих норм, но сохранение неизменными конкретизирующих. Сложности, неизбежно возникающие в процессе реализации таких положений, обусловлены недостаточной их корреляцией с полномочиями соответствующих органов публичной власти. Проблемы при осуществлении компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка зачастую возможно лишь условно разрешить «формально-юридическим» путем посредством издания муниципальных правовых актов, потенциально не способных оказать существенное влияние на складывающиеся правоотношения.

Выводы и заключения. Реформирование системы органов публичной власти, сопряженное с перераспределением полномочий, является сложным динамичным процессом, иногда асинхронно охватывающим комплекс многосторонне взаимосвязанных нормативных правовых актов. Возможно изменение подходов к реализации отдельных полномочий – от непосредственного осуществления к участию. При этом изменяется характер некоторых полномочий в сфере охраны общественного порядка – от собственных полномочий органов местного самоуправления к отдельным государственным полномочиям, не переданным в установленном порядке.

Ключевые слова: органы публичной власти, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, отдельные государственные полномочия, общественный порядок

Для цитирования: Сомиков К. А. Трансформация компетенции органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 101–114.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

TRANSFORMATION OF THE COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER MAINTENANCE

Kirill A. Somikov

Administration of the Nadym District, Yamalo-Nenets Autonomous District, Nadym, Russian Federation, kirill_somicoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2147-2564>

Introduction. The article analyzes problematic legal situations that arise during the redistribution of powers between state authorities and local governments, using the example of the possibilities of the latter's participation in the protection of public order. Such changes do not always comprehensively cover all multilaterally interrelated provisions of laws, and sometimes they are introduced asynchronously. Thus, a fundamental norm may lose its force, but the norm derived from it is subject to implementation. As a result of such legislative defects, a legal phenomenon arises, which is proposed to be considered as indirect ultraactivity, since the provision of the law that has become invalid is to some extent implemented through the current provision that develops it.

Materials and Methods. The normative basis of the study was the legislation of the Russian Federation and individual regions, subordinate regulatory legal acts concerning the competence of local governments in the field of public order protection and materials on the practice of exercising certain state powers that were not transferred in accordance with the established procedure. The methodological basis of the research is a comparative legal retrospective analysis, which makes it possible to understand the meaning of the provision of the law and determine the potential for its implementation.

The Results of the Study. An analysis of several current and previously effective laws—contemporaneous with the drafting and enactment of certain difficult-to-implement legislation—suggests that the latter may inherit and build upon provisions that have already become invalid.

This weakens logical and substantive connections, creating an imbalance between fundamental and concretizing norms. Consequently, general rules may be replaced while specific ones remain unchanged. The difficulties that inevitably arise when executing such provisions stem from their poor correlation with the powers of the relevant public authorities. Thus, challenges in exercising local self-government competences regarding public order maintenance can often only be superficially resolved in a purely "formalistic" manner—namely, through the adoption of municipal legal acts that inherently lack the capacity to significantly impact emerging legal relations.

Findings and Conclusions. The reform of the public authority system, coupled with the redistribution of powers, is a complex, dynamic process that can occur asynchronously and involve an intricate complex of mutually interrelated regulatory legal acts. Approaches to exercising specific powers may shift from direct execution to mere participation. Concurrently, the nature of certain public order maintenance powers is transforming: they are shifting from the inherent competences of local self-governments to distinct state powers that have not been formally transferred in accordance with the established procedure.

Keywords: public authorities, local self-government bodies, issues of local importance, certain state powers, public order

For citation: Somikov K. A. Transformaciya kompetencii organov mestnogo samoupravleniya v sfere ohrany obshchestvennogo poriyadka [Transformation of the Competence of Local Self-Government Bodies in the Field of Public Order Maintenance]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 101-114. (In Russ.).

Компетенция органов местного самоуправления в Российской Федерации (далее – ОМСУ) в сфере охраны общественного порядка претерпела существенные изменения. В настоящем кратком исследовании предпринята попытка их проанализировать в хронологическом порядке. Процесс перераспределения полномочий между различными уровнями публичной власти носит перманентный характер. Описание динамики трансформации сложно, но необходимо для выявления ситуаций, когда базовый закон существенно изменен, но развивающие его взаимосвязанные законы не всегда адекватно это отражают.

На сегодняшний день в Конституцию Российской Федерации внесены существенные изменения, касающиеся местного самоуправления как уровня публичной власти. Частично ступил в силу уже четвертый закон, регламентирующий местное самоуправление в Российской Федерации. В статье отражены основные положения каждого из законов в обозначенной проблемной сфере, а также их конкретизация и детализация в иных законах.

Первый закон о местном самоуправлении¹, действующий в Российской Федерации, утратил силу с 1 января 2009 г. Он определял полномочия местной администрации «в области обеспечения законности, правопорядка, охраны прав и свобод граждан» в специальных статьях с практически одинаковой структурой.

Следует обратить внимание на полномочие, согласно которому местная администрация «принимает предусмотренные законодательством меры, связанные с

¹ О местном самоуправлении в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 : утратил силу // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10102703/> (дата обращения: 08.12.2025).

проведением собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, организацией спортивных, зрелищных и других массовых общественных мероприятий»².

Также на законодательном уровне было закреплено, что местная администрация руководит районными/городскими органами внутренних дел, «создает за счет собственных и привлеченных средств дополнительные подразделения милиции общественной безопасности (местной милиции); наблюдает за работой исправительно-трудовых учреждений, расположенных на территории района»³.

Сравнительно-правовой ретроспективный анализ трансформации компетенции ОМСУ в сфере обеспечения общественного порядка, позволяет сделать вывод о частичном сохранении указаний на подобные полномочия. Например, проведение публичных мероприятий регламентируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁴ (далее – Федеральный закон № 54-ФЗ), согласно которому «орган местного самоуправления обязан обеспечить в пределах своей компетенции совместно с организатором публичного мероприятия и уполномоченным представителем органа внутренних дел *общественный порядок и безопасность граждан*» (п. 5 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 54-ФЗ).

Кроме того, местная администрация обязана оформить письменным распоряжением назначение своего уполномоченного представителя и заблаговременно направить распоряжение организатору публичного мероприятия и в орган внутренних дел для «организации взаимодействия по надлежащему обеспечению *общественной безопасности участников* публичного мероприятия и иных лиц» (п. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 54-ФЗ). При этом уполномоченный представитель обязан «обеспечить *общественный порядок и безопасность граждан*» (п. 3 ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 54-ФЗ).

Таким образом, помимо употребления в схожих значениях понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» без их легального дефинирования, прямо указано на наличие самостоятельной компетенции ОМСУ в этих сферах без раскрытия ее содержания [1, с. 189]. Кроме того, можно сделать вывод о разграничении полномочий между органами внутренних дел и ОМСУ в сферах обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий (ст. 12 Федерального закона № 54-ФЗ). На это указывает использование терминов «взаимодействие» и «совместно».

Федеральный закон № 54-ФЗ вступил в силу во время действия первого в Российской Федерации закона о местном самоуправлении и частично продолжает развивать его отдельные положения (уже не действующие).

Такое правовое явление возможно рассматривать как «переживание» отдельных элементов утратившей актуальность модели правового регулирования определенной сферы общественных отношений [2, с. 8]. Очевидно, что в процессе законотворчества

² ч. 5 ст. 54 Закона Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» – для поселковой, сельской администрации, ч. 5 ст. 65 – для районной администрации, ч. 5 ст. 76 – для городской администрации.

³ ч. 8 ст. 65 Закона Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» – для районной администрации, ч. 8 ст. 76 – для городской администрации.

⁴ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федер. закон № 54-ФЗ : принят Гос. Думой 4 июня 2004 г. : одобрен Советом Федерации 9 июня 2004 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12135831/> (дата обращения: 08.12.2025).

воспринимаются и развиваются положения действующих законов посредством их конкретизации и детализации во вновь принимаемых законах. В рамках единого комплекса изменений законодательства чрезвычайно сложно охватить все многосторонне взаимосвязанные положения. Некоторые из них могут утратить силу, но опосредованно и частично продолжают применяться через действующие конкретизирующие положения.

Сущность подобного явления возможно отразить, опираясь на ключевые понятия марксистской теории общества: основополагающие нормы – «базис», производные от них конкретизирующие нормы – «надстройка». Надстройка определяется базисом, но не всегда содержательно и своевременно воспринимает его изменения, может в последующем продолжать развивать отдельные элементы утратившего силу базиса.

Подобный законодательный дефект вносит дисбаланс в правовое регулирование общественных отношений [3, с. 21], влечет неоднородность правоприменительной практики. Такие казусы существенно снижают потенциал реализации действующего положения, не отвергая его полностью. В этом усматривается выражение одного из дополнительных признаков нормы права – самореализуемость исполнения [4, с. 12].

Прекращает действовать одно положение закона, но может сохранить силу другое, взаимосвязанное с ним. К последнему, как правило, применяется ранее выработанная парадигма реализации. Данное правовое явление возможно охарактеризовать как опосредованную ультраактивность [5, с. 357]. Норма права условно и опосредованно продолжает действовать до момента утраты силы всеми ее формально выражающими положениями взаимосвязанных законов. Обозначенную сложную ситуацию возможно выразить упрощенно – правоприменитель существенно не меняет порядок своей деятельности, пока сохраняются косвенные указания на прежнее правовое регулирование.

Продолжая анализировать развитие положений утратившего силу закона о местном самоуправлении в Российской Федерации, необходимо обратить внимание на финансирование органов внутренних дел (до 1 марта 2011 г. – милиции), которое ранее осуществлялось за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, *местных бюджетов* и иных поступлений, в соответствии с абзацем первым ст. 35 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (далее – Закон «О милиции»). Например, «численность милиции общественной безопасности, финансируемой за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, устанавливается соответствующими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления» (ст. 9 Закона «О милиции»). Финансирование осуществлялось местными администрациями прямого перечисления денежных средств на счета соответствующих территориальных подразделений милиции. В ряде регионов Российской Федерации такие средства расходовались также на дополнительные выплаты к денежному содержанию сотрудников криминальной милиции. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе была повсеместно распространена подобная практика, несмотря на прямое указание в действующем законодательстве о ее финансировании за счет средств федерального бюджета (ст. 8 Закона «О милиции»). В противном случае, существенная разница между размерами денежного содержания участкового уполномоченного (милиция общественной безопасности) и оперативного уполномоченного (криминальная милиция) могла спровоцировать «кадровый голод» в ряде подразделений.

Принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации в п. «б» ч. 1 ст. 72 определила, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита прав и свобод человека

и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон». Также в ст. 132 Конституции Российской Федерации до 4 июля 2020 г. содержалось указание на осуществление ОМСУ охраны общественного порядка⁵. Очевидно взаимосвязанные полисемичные категории «правопорядок», «общественная безопасность» и «общественный порядок» ранее образовывали коллизию между указанными статьями.

К «вопросам местного значения», впервые так сформулированным во втором законе о местном самоуправлении⁶, была отнесена «охрана общественного порядка, организация и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью» (п. 8 ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Это положение также нашло развитие в принятых позднее законах.

Вступивший в силу с 1 января 2009 г. третий закон, устанавливающий общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, – Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ)⁷, в ряде вопросов местного значения содержит указание на «охрану общественного порядка», а именно:

- оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин⁸;
- организация охраны общественного порядка на территории муниципального района/городского округа муниципальной милицией⁹.

ОМСУ не относятся к правоохранительным органам в общепринятом понимании таковых, при этом в настоящее время наделены правом осуществлять мероприятия в сфере профилактики правонарушений.

Определено, что положения об организации и деятельности муниципальной милиции «вступят» в силу в сроки, установленные соответствующим федеральным законом¹⁰. Решение данного вопроса местного значения условно предполагается отложенным на будущий относительно определенный период. Однако отсутствие реальной перспективы его реализации ясно осознавалось уже с момента вступления в силу

⁵ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ : одобрен Гос. Думой 11 марта 2020 г. : одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/73742836/> (дата обращения: 08.12.2025).

⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон № 154-ФЗ : принят Гос. Думой 12 августа 1995 г. : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/ (дата обращения: 08.12.2025).

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон № 131-ФЗ : принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г. : одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 08.12.2025).

⁸ п. 33 ч. 1 ст. 14 (для городского, сельского поселения), п. 37 ч. 1 ст. 16 (для муниципального, городского округа), п. 13 ч. 1 ст. 16.2 (для внутригородского района) Федерального закона № 131-ФЗ.

⁹ п. 8 ч. 1 ст. 15 (для муниципального района), п. 9 ч. 1 ст. 16 (для муниципального, городского округа) Федерального закона № 131-ФЗ.

¹⁰ Абзац второй ч. 3 ст. 83 Федерального закона № 131-ФЗ.

изменений в ст. 132 Конституции Российской Федерации, исключающих указание на осуществление охраны общественного порядка ОМСУ, то есть уже с 4 июля 2020 г.. Вместе с тем положение о недопустимости отнесения к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации полномочий ОМСУ «в сфере осуществления охраны общественного порядка», сохранялось до 19 июня 2025 г.¹¹.

С помощью сравнительно-правового ретроспективного анализа [6, с. 146] можно объяснить наличие в частично действующем законе указания на муниципальную милицию, несмотря на то, что с 1 марта 2011 г. термин «милиция» перестал употребляться в отношении органов внутренних дел, согласно п. 1 ст. 55 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»). Проект анализируемого закона разрабатывался в период действия в последующем утративших силу законов. Изменились наименование и принципы финансирования органов внутренних дел. Так, в настоящее время, финансовое обеспечение деятельности полиции «является расходным обязательством Российской Федерации и обеспечивается за счет средств федерального бюджета»¹². При этом ОМСУ «в соответствии с законодательством РФ вправе осуществлять по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ расходы на реализацию возложенных на полицию обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности»¹³. Данное положение примечательно не только очередным указанием на полисемичную категорию, но и отнесением рассматриваемой сферы к предметам совместного ведения федерации и регионов [7, с. 66]. Отсутствие упоминания «общественного порядка» в п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод об охвате его понятием «правопорядок» в конституционно-правовом смысле.

В соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации¹⁴, расходные обязательства муниципального образования возникают в результате «принятия муниципальных правовых актов при осуществлении органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий»¹⁵. Для осуществления таких полномочий в местный бюджет передаются необходимые финансовые средства в виде субвенции. Впоследствии именно эти средства уже из местного бюджета направляются для финансирования полиции. Следовательно, первоначальным источником таких средств может выступать исключительно бюджет субъекта Российской Федерации, что подчеркивает отсутствие у ОМСУ самостоятельных полномочий по финансированию полиции. Упрощенно – ОМСУ вправе финансировать полицию только в размере субвенции, переданной из бюджета субъекта Российской Федерации.

В отношении финансирования полиции со стороны ОМСУ распространена также иная практика: через специфический подход к решению отдельных вопросов местного значения, например по предоставлению помещения для работы на обслуживаемом административном участке муниципального, городского округа участковому уполномоченному полиции¹⁶. Соответствующее установленным требованиям помещение

¹¹ Абзац второй ч. 1.2 ст. 17 Федерального закона № 131-ФЗ.

¹² Часть. 1 ст. 47 Федерального закона «О полиции».

¹³ Часть. 2 ст. 47 Федерального закона «О полиции».

¹⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации : БК РФ: принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12112604/> (дата обращения: 08.12.2025).

¹⁵ Абзац третий ч. 1 ст. 86 БК РФ.

¹⁶ Пункт. 33.1 ч. 1 ст. 14, п. 8.1 ч. 1 ст. 15, п. 9.1 ч. 1 ст. 16 Закона № 131-ФЗ.

не всегда имеется в наличии. Для малонаселенных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов, расположенных в районах Крайнего Севера, целесообразно строительство новых зданий, включающих такие помещения. Для дотационного местного бюджета это излишне дорогостоящее мероприятие¹⁷. Исходя из принципов бюджетной системы Российской Федерации и единства системы публичной власти, можно утверждать, что по инициативе заинтересованного муниципального образования такие мероприятия включаются в качестве взаимосвязанных в документы стратегического планирования: государственную программу субъекта Российской Федерации и муниципальную программу. В таком случае средства бюджета субъекта Российской Федерации передаются муниципальному образованию в виде субсидии на приобретение здания с необходимым помещением на условиях софинансирования из местного бюджета. Оно, как правило, не превышает 1–3 % от общей суммы и вполне посильно для местного бюджета.

В указанном случае формально финансирование направляется на решение вопроса местного значения, но фактически также на осуществление государственного полномочия субъекта Российской Федерации, которое не передано в установленном порядке и «камуфлируется» под компетенцию ОМСУ. Подобное мероприятие комплексное, неделимое и по «квалифицированному умолчанию» органа государственной власти субъекта Российской Федерации рассматривается как безвозмездная и безвозвратная «помощь» муниципальному образованию. Посредством подобных субсидий от субъекта Российской Федерации возможно финансирование ОМСУ ряда иных мероприятий в сфере профилактики правонарушений, требующих единообразия на региональном уровне, например для установки камер видеонаблюдения на общественных территориях с автоматической идентификацией лиц (система аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город»).

Сущность процесса изложена кратко. Однако это многоэтапная и сложная работа, требующая понимания компетенции исполнительных органов субъектов Российской Федерации и ОМСУ, а также особенностей бюджетных отношений. При общей длительности процесса его этапы кратковременные и включают значительную совокупность взаимообусловленных действий высококвалифицированных исполнителей. Превышение одного из сроков может прекратить оформление субсидии с возобновлением процесса лишь в следующем финансовом году. Высокопрофессиональные муниципальные служащие способны достичь значимых овеществленных результатов в сжатые сроки с минимальными расходами бюджетных средств. Это подчеркивает важность качественного юридического образования, а также необходимость повышения мотивации к высокой результативности служебной деятельности.

Особые сложности при реализации таких мероприятий возникали в муниципальных районах до их преобразования в иные виды муниципальных образований (как правило, в

¹⁷ Например, на поставку и монтаж модульного здания участкового пункта полиции в с. Кутопьюган Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2023 году потребовалось 36,281 млн рублей, согласно Детализированному перечню мероприятий муниципальной программы муниципального округа Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа «Безопасный район» на 2023 г. (утв. постановлением администрации Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 декабря 2020 г. № 208-пк).

муниципальные округа)¹⁸, поскольку средства передавались бюджету муниципального района. Далее их необходимо было передать в бюджеты поселений. В отдельных случаях такие средства возвращались в бюджет муниципального района, что возможно исключительно по решению представительных ОМСУ [8, с. 37]. Последовательность этапов распределения таких средств была излишне длинная. Это требовалось для заключения единого муниципального контракта на один вид работ, например на разработку проекта системы видеонаблюдения поселений муниципального района. Таким образом, в плане оптимизации количества этапов и минимизации сроков бюджетного процесса ликвидация двухуровневой системы местного самоуправления обоснованна и целесообразна. В результате повысилась эффективность функционирования ОМСУ, исчезла необходимость формирования представительного органа в небольших поселениях. С этим часто возникали сложности по причине объективной недостаточности количества кандидатов.

На обозначенную проблему обращено внимание в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г.: «Объем ответственности и ресурсы муниципалитетов, к сожалению, и вы это хорошо знаете, не сбалансированы. Отсюда часто неразбериха с полномочиями. Они не только размыты, но и постоянно перекидываются с одного уровня власти на другой: из района в регион, с поселения на район и обратно»¹⁹.

С 19 июня 2025 г. частично вступил в силу четвертый Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ)²⁰, в котором нет указания на муниципальную милицию.

Проект федерального закона «О муниципальной милиции в Российской Федерации»²¹ был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) 5 октября 2016 г. Оно завершилось 15 февраля 2018 г. изданием постановления об отклонении законопроекта. В заключении Правового управления аппарата Государственной Думы перечислено значительное количество несоответствий представленного проекта ряду законов, что указывает на чрезвычайную сложность потенциальной интеграции такого закона в систему законодательства [9, с. 184]. Это вызывало обоснованные сомнения в возможности принятия закона и в целесообразности дальнейшего формального сохранения такого вопроса местного значения. Приведенный пример иллюстрирует «переживание» некоторых элементов утратившей силу модели правового регулирования

¹⁸ Например, с 23 апреля 2020 г. муниципальное образование Надымский район преобразован в муниципальный округ на основании Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 23 апреля 2020 г. № 38-ЗАО «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав муниципального образования Надымский район, и создании вновь образованного муниципального образования муниципальный округ Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа».

¹⁹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70534308/> (дата обращения: 08.12.2025).

²⁰ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федер. закон № 33-ФЗ : принят Гос. Думой 5 марта 2025 г. : одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/411718599/> (дата обращения: 08.12.2025).

²¹ Законопроект № 385-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7#bh_histras (дата обращения: 08.12.2025).

отдельной сферы общественных отношений, поскольку явно указывает на связь с утратившими силу законами²².

Вновь принятый Федеральный закон № 33-ФЗ сложный и для оптимальной реализации требует глубокого системного анализа, который затрудняется отсутствием статьи-гlossария, определяющей основные термины и понятия. Ранее законодательно дефинированные категории перешли в неопределенные, такие как категория «отдельные государственные полномочия». Подобный дефект характерен для множества законов и видится существенным препятствием для адекватного анализа их содержания и смысла с помощью искусственного интеллекта, который не способен заменить профессионального юриста в обозримой перспективе. Ряд категорий наделяется законодателем различным содержанием без его раскрытия, например категория «полномочия» – это вопросы местного значения, инструментарий для их решения, а также «отдельные государственные полномочия», в том числе не переданные ОМСУ в установленном порядке.

Полномочия ОМСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) определены в ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ. Данная статья вступает в силу с 1 января 2027 г. и предусматривает возможность перераспределения ряда полномочий между ОМСУ и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Это оформляется законом субъекта Российской Федерации и продуцирует потенциальную дифференциацию компетенции ОМСУ одного вида муниципального образования в различных регионах. Так, законом субъекта Российской Федерации «может быть принято решение об осуществлении» ОМСУ полномочий по «оказанию поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин» (п. 18 ч. 3 ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ). Это единственное упоминание общественного порядка в данном законе.

Таким образом, можно констатировать последовательное снижение роли ОМСУ в охране общественного порядка, переходе от непосредственного осуществления к участию в нем во взаимодействии с органами государственной власти.

Следует отметить, что возможно не только сохранение в действующем законодательстве положений, развивающих утратившие силу, но и появление новых. Например, с 1 сентября 2025 г. на организатора зрелищного мероприятия возложена обязанность по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при его проведении (ст. 52.2 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»). Организаторами «зрелищных мероприятий» общемуниципального характера, как правило, выступают структурные подразделения местной администрации, уполномоченные в сфере культуры либо спорта. Таким образом, данное положение явно «перекликается» с полномочиями местной администрации, установленными первым в Российской Федерации законом о местном самоуправлении (п. 5 ст. 54, п. 5 ст. 65, п. 5 ст. 76 Закона Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации»). Происходит частичный и косвенный возврат к утратившей актуальность модели правового регулирования. Можно усмотреть некоторую непоследовательность в подобных

²² Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-I «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2009); Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» (утратил силу с 01.03.2011).

изменениях: из Конституции Российской Федерации общественный порядок в связке с негосударственными органами исключается, в законодательство о культуре он же в последующем добавляется в отношении широкого круга лиц.

Необходимо особо отметить, что ОМСУ наделены и ранее наделялись исключительно полномочиями по решению вопросов местного значения. Отсутствует правовой инструментарий для осуществления отдельных государственных полномочий, не переданных в установленном порядке. Сложившаяся парадигма участия ОМСУ в их осуществлении характеризуется поливариантностью средств и методов. Указанный пробел восполняется посредством аналогии закона через использование инструментария по решению вопросов местного значения, за неимением иных. Содержание парадигмы персонифицировано – зависит от конкретного субъекта (человека), его правосознания и неоднородно как в различных ОМСУ, так и в разные временные периоды в пределах одного муниципального образования. Это сложный и практически значимый аспект, поскольку формирование кадрового состава ОМСУ зачастую осуществляется из лиц, завершивших прохождение государственной службы различных видов, в том числе военной либо в правоохранительных органах. Их профессиональное правосознание отличается от муниципальных служащих. Даже при частично схожих задачах различных органов публичной власти средства и методы их решения существенно разнятся. При назначении таких лиц на должности руководителей в местной администрации возникают сложности в функционировании вверенного им структурного подразделения, которые обусловлены неизбежными попытками переноса методов работы государственного органа на уровень местного самоуправления.

Удивительно восприятие и принятие в правосознании и отражение в нормативных правовых актах «одностороннего соответствия» квалификации и опыта. Если замещение должности муниципальной службы возможно после завершения службы в правоохранительных органах, логичным и справедливым должно быть обратное. Однако очевидным воспринимается недопустимость подобной практики, что косвенно указывает на признание существенного отличия получаемого профессионального опыта. Данный пример иллюстрирует сложное противоречивое явление – одностороннюю связь без взаимосвязи: первое соответствует второму, но второе не соответствует первому. Подобная модель реализуется в правовой регламентации вопросов «кадрового характера» в ОМСУ. Зачет стажа военной и правоохранительной службы в стаж муниципальной службы допустим, но обратное неприемлемо. Воинское и специальное звания преобразуются в классный чин муниципальной службы, но обратное невозможно.

Анализ законов о местном самоуправлении в Российской Федерации указывает на наличие многочисленных сложно реализуемых положений. Возникает необходимость во взаимодействии органов публичной власти различных уровней (государственного и муниципального). Организовать такое взаимодействие целесообразно в форме муниципальных координационных органов в сфере профилактики правонарушений (п. 3 ст. 12 Федерального закона от 20 марта 2005 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). В настоящее время отсутствует законодательное регулирование функционирования таких органов [10, с. 193]. Необходимо в первую очередь определить статус их решений, который отличается даже в регионах, входящих в сложносоставный субъект Российской Федерации. Например, за «неисполнение или нарушение решения» муниципальной антитеррористической

комиссии в Тюменской области предусмотрена административная ответственность (ч. 2 ст. 3.28. Кодекса Тюменской области об административной ответственности от 27 декабря 2007 г. № 55). В Тюменскую область входит Ямало-Ненецкий автономный (далее - ЯНАО) (ч. 1 ст. 1. Устав Тюменской области от 30 июня 1995 г. № 6), в котором административная ответственность предусмотрена за «неисполнение муниципальных правовых актов, имеющих нормативный характер, принятых для реализации решений антитеррористических комиссий муниципальных образований в автономном округе» (ст. 5.8 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 декабря 2004 г. № 81-ЗАО «Об административных правонарушениях»).

В Тюменской области вполне достаточно протокола заседания комиссии. При этом в ЯНАО необходимо оформить протоколом решения муниципальной антитеррористической комиссии и на его основании принять муниципальный правовой акт нормативного характера. Примечательно, что такой протокол является организационно-распорядительным документом с конкретными поручениями, обращенными к определенному лицу, и с точными сроками. Однако признаки нормативности противоположные: формирование правила поведения, обязательность для неопределенного круга лиц, многократное применение [11, с. 30]. Происходит преобразование казуистичности в нормативность.

Многочисленные муниципальные координационные органы в сфере профилактики правонарушений функционируют на основе собственных положений, поэтому требуется единообразное регулирование на федеральном уровне.

Проведенное краткое исследование позволяет сделать вывод о недостаточной обеспеченности ОМСУ правовым инструментарием, необходимым для реализации компетенции в сфере охраны общественного порядка: вопросов местного значения, прав на осуществление мероприятий в сфере профилактики правонарушений, отдельных государственных полномочий, в особенности не переданных в установленном порядке. Ранее отдельные аспекты данной проблематики рассматривались в ряде научных исследований (Э. Э. Баринов, В. Г. Голубцов, С. М. Зырянов, О. А. Кузнецова, А. И. Овчинников, В. Д. Перевалов, Н. В. Сильченко, В. Н. Синюков и др.). Однако детерминанты сложных явлений не увязывались с положениями утративших силу законов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шугрина Е. С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности (к 70-летию со дня рождения профессора В. И. Фадеева) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 186–195.
2. Синюков В. Н. Теория права С. С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 5–20. DOI: 10.12737/jrl.2020.013.
3. Сильченко Н. В. Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 13–24. DOI: 10.12737/article_59c4d75e496a59.57944357.
4. Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 10–19.
5. Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 348–371.

6. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор). М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. ООО «Юридическая фирма «Контракт». 2023. С. 232.

7. Уманская В. П. Проблемы разграничения и реализации полномочий Российской Федерации и ее субъектов по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 66–72.

8. Кучин М. В. Юридическая природа правовой нормы: интегративный подход // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 31–42.

9. Журавлев Р. А. Правовые аспекты организации муниципальной милиции (к третьему законопроекту о создании муниципальной милиции // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 180–185.

10. Кориц С. И., Сургутсков В. И., Филиппов О. Ю. Полномочия муниципальных органов по охране общественного порядка: в поисках золотой середины // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 192–199.

11. Ильин А. В. Разграничение нормативных правовых и административных актов для целей выбора надлежащей процессуальной формы их оспаривания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 6. С. 25–33.

REFERENCES

1. Shugrina E. S. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya bezopasnosti (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. I. Fadeeva) [Powers of local self-government bodies in the field of public order protection and security (dedicated to the 70th anniversary of Professor V. I. Fadeev)]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina - Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MGYUA). 2019, no. 9, pp. 186-195. (In Russ.).

2. Sinyukov V. N. Teoriya prava S. S. Alekseeva i ee rol' v razvitii otechestvennoj yuridicheskoy doktriny [S. S. Alekseev's theory of law and its role in the development of Russian legal doctrine]. Zhurnal rossijskogo prava- Journal of Russian Law. 2020, no. 2, pp. 5-20. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.013.

3. Sil'chenko N. V. Sistema formal'nykh istochnikov sovremennogo prava i problemy pravovogo regulirovaniya pravotvorcheskoj deyatel'nosti [The system of formal sources of modern law and the problems of legal regulation of law-making activities]. Zhurnal rossijskogo prava- Journal of Russian Law. 2017, no. 10, pp. 13-24. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_59c4d75e496a59.57944357.

4. Perevalov V. D. Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya [Norms of law: problems of understanding and definition]. Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka - Russian Law: Education, Practice, and Science. 2017, no. 5, pp. 10-19. (In Russ.).

5. Golubcov V. G., Kuznecova O. A. Tipy dejstviya norm prava vo vremeni [Types of legal norms in time]. Yuridicheskie nauki- Legal sciences. 2022, no. 3, pp. 348-371. (In Russ.).

6. Zyryanov S. M. Gosudarstvennyj kontrol' (nadzor). [State control (supervision)] Moscow : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. ООО 'Yuridicheskaya firma 'Kontrakt'. 2023, 232 p. (In Russ.).

7. Umanskaya V. P. Problemy razgraniicheniya i realizacii polnomochij Rossijskoj Federacii i ee sub'ektov po sostavleniyu protokolov ob administrativnyh pravonarusheniyah, posyagayushchih na obshchestvennyj poryadok [Problems of differentiation and implementation of the powers of the Russian Federation and its subjects to draw up protocols on administrative offenses infringing on public order]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018, no. 11, pp. 66-72. (In Russ.).

8. Kuchin M.V. Yuridicheskaya priroda pravovoj normy: integrativnyj podhod [The legal nature of a legal norm: an integrative approach]. Zhurnal rossijskogo prava. 2017, no. 12, pp. 31-42. (In Russ.).

9. Zhuravlev R. A. Pravovye aspekty organizacii municipal'noj milicii (k tret'emu zakonoproektu o sozdanii municipal'noj milicii [Legal aspects of the organization of the municipal militia (to the third draft law on the creation of the municipal militia]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii- Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 4, pp. 180-185. (In Russ.).

10. Koryc S. I., Surgutskov V. I., Filippov O. Yu. Polnomochiya municipal'nyh organov po ohrane obshchestvennogo poryadka: v poiskah zolotoj serediny [The powers of municipal bodies to protect public order: in search of a golden mean]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava- Current issues of Russian law. 2018, no. 11, pp. 192-199. (In Russ.).

11. Il'in A. V. Razgranichenie normativnyh pravovyh i administrativnyh aktov dlya celej vybora nadležashchej processual'noj formy ih osparivaniya [Differentiation of normative legal and administrative acts for the purpose of choosing the appropriate procedural form of their challenge]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika- Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2025, no. 6, pp. 25-33. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сомиков Кирилл Александрович, кандидат юридических наук, главный специалист отдела по взаимодействию с органами государственной власти Администрации Надымского района. 629730, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Надым, ул. Зверева, д. 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Somikov Kirill Aleksandrovich, Candidate of Legal Sciences, Chief Specialist of the Department for Interaction with Public Authorities of the Nadymsky District Administration. 8 Zverev St., Nadym, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 629730.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 115–128.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 115-128.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.13

К ВОПРОСУ ОБ «ИНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ» В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДА

Брянская Елена Васильевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
veret.1976@mail.ru

Введение. В уголовном судопроизводстве сложилось однозначное законодательное определение доказательств. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»¹. Ч. 2 ст. 74 УПК РФ регламентирует законодательные виды доказательств, которые мы именуем «источниками доказательств». В частности, к ним относятся: «показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы»². Проблема заключается в отсутствии в уголовно-процессуальной науке, оперативно-розыскной деятельности и в следственной, судебной практике согласованного и утвержденного мнения о процессуальной сущности оперативно-розыскных объяснений, специфики их внедрения в уголовно-процессуальную деятельность в свете процесса доказывания. До сих пор нет однозначных законодательных дефиниций, правовых процессуальных норм, которые помогли бы зафиксировать оперативно-розыскные объяснения в правоприменительной практике в качестве доказательств по уголовному делу.

Однако в силу исторически сложившейся концепции внутреннего убеждения при оценке доказательств, которая была сформирована на основе свободы судейского усмотрения, нами ставится вопрос: гарантирует ли законодатель такую свободу. В связи с этим приводятся доводы о необходимости расширительного и открытого перечня сведений, которые могут оцениваться в качестве доказательств.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 21 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

² Там же.

Материалы и методы. Материалами и методами послужили исследования, монографические и научные периодические издания в виде научных статей ученых, нормы действующего законодательства, примеры судебной практики. В ходе исследования проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, позиций Верховного Суда Российской Федерации, судебных решений судов первой, апелляционной, кассационной инстанций, использованы приемы обобщения позиций судов, а также сравнительно-правовой метод. Применялись теоретические положения диалектического материализма как общенаучного метода познания явлений и процессов. Использованы правила диалектики, которые имеют место в синтезированной мыслительной и практической деятельности в аспекте соотношения вероятного и достоверного, убедительного и неопровержимого. Формально-логический метод позволил раскрыть сущность взаимосвязи объяснений и доказательств. Исторический метод в сочетании с методом сравнительного правоведения позволил проанализировать положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года, которые обусловили самобытное российское формирование внутреннего убеждения. Методика исследования включает ряд частнонаучных методов, в том числе методы системно-структурного, формально-юридического, логического и сравнительно-правового анализа. В целях приведения обоснованных доводов настоящего исследования применялись методы анализа, синтеза, посредством которых была изучена теоретическая и практическая часть использования оперативно-розыскного объяснения в целях оптимизации современного уголовного судопроизводства.

Результаты исследования. Результаты заключаются в анализе такого немаловажного оперативно-розыскного ресурса, как объяснение. В частности, вспоминая сущность концепции внутреннего убеждения суда, начиная со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 года, приводим возможность в свете свободы судейского усмотрения по своему личному профессиональному мнению придать силу доказательства объяснениям, полученным как до возбуждения уголовного дела, так и на всех основных стадиях уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения. Анализируя теоретические воззрения и следственную, судебную практику, полагаем, что объяснение – это процессуальное оформление взятых сотрудником органа уголовного преследования как до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении, так и в процессе расследования – опроса, имеющего информативное значение в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию по факту определенного деяния. Главной целью получения данных объяснений является получение достоверных сведений о факте содеянного, которые послужат важным процессуальным ресурсом на всех этапах процесса доказывания, с учетом необходимости проверяемости всех сведений по уголовному делу. На основании изложенного предлагаем возможность судьям использовать возлагаемую на их профессиональную деятельность свободу судейского усмотрения в рамках расширительного перечня источников доказательств, регламентируемых УПК РФ.

Ключевые слова: доказывание, объяснение, «иные доказательства», оценка доказательств, внутреннее убеждение, свобода оценки доказательств, судейское усмотрение

Для цитирования: Брянская Е. В. К вопросу об «иных доказательствах» в свете концепции внутреннего убеждения суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 115–128.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

ON THE ISSUE OF "OTHER EVIDENCE" IN LIGHT OF THE DOCTRINE OF JUDICIAL CONVICTION

Elena V. Bryanskaya

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Introduction. In criminal proceedings, a clear legislative definition of evidence has been established. Referring to Part 1 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, "evidence in a criminal case shall be any information on the basis of which the court, prosecutor, investigator, or inquiry officer, in the manner prescribed by this Code, establishes the presence or absence of circumstances subject to proof in criminal proceedings, as well as other circumstances relevant to the criminal case." Part two of this article regulates the legislative types of evidence, which we refer to as "sources of evidence." In particular, these include: "testimony of a suspect, accused; testimony of a victim, witness; expert opinion and testimony; specialist opinion and testimony; material evidence; protocols of investigative and judicial actions; other documents." The problem lies in the absence of a consistent and approved opinion in criminal procedure, operational investigative activity, and investigative and judicial practice regarding the procedural nature of operational investigative explanations and the specifics of their implementation in criminal procedure in light of the evidentiary process. There are still no unambiguous legislative definitions or legal procedural rules that would help establish operational investigative explanations as evidence in criminal cases. However, given the historically established concept of internal conviction in the evaluation of evidence, which was formed on the basis of judicial discretion, we raise the question: does the legislator guarantee such discretion? In this regard, we argue for the need for an expansive and open list of information that can be evaluated as evidence.

Materials and Methods. The materials and methods used in this study draw on the theoretical tenets of dialectical materialism as a general scientific method for understanding phenomena and processes. The rules of dialectics, which are present in synthesized intellectual and practical activity in terms of the relationship between the probable and the certain, the convincing and the irrefutable, are utilized. The formal-logical method allowed for the uncovering of the essence of the relationship between explanations and evidence. The historical method, combined with comparative law, allowed for the analysis of the provisions of the 1864 Charter of Criminal Procedure, which determined the unique Russian formation of internal convictions. The research methodology incorporates a number of specific scientific methods, including systemic-structural, formal-legal, logical, and comparative-legal analysis. To provide substantiated arguments for this study, methods of analysis and synthesis were employed, through which the theoretical and practical aspects of the use of operational-search explanations were examined to optimize modern criminal proceedings.

The Results of the Study. The results of this study analyze an important operational investigative resource—the explanation. Specifically, recalling the essence of the court's

concept of internal conviction, dating back to the 1864 Charter of Criminal Procedure, we discuss the possibility, in light of the judicial discretion, of granting the force of evidence, based on personal professional opinion, to explanations obtained both before the initiation of a criminal case and at all major stages of criminal proceedings.

Findings and Conclusions. Conclusions and Relevance: Analyzing theoretical views and investigative and judicial practice, we believe that an explanation is a procedural formalization of statements taken by a criminal prosecution officer, both before the initiation of a criminal case during the investigation of a crime report and during the investigation—questions that are informative within the context of the circumstances subject to proof regarding a particular act. The primary purpose of obtaining such an explanation is to obtain reliable information about the fact of the crime, which will serve as an important procedural resource at all stages of the evidentiary process, taking into account the need to verify all information in a criminal case. Based on the above, we propose that judges be given the opportunity to exercise the freedom of judicial discretion conferred upon their professional activities within the framework of an expanded list of sources of evidence regulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: proof, explanation, “other evidence”, evaluation of evidence, inner conviction, freedom of evaluation of evidence, judicial discretion

For citation: Bryanskaya E. V. K voprosu ob «inyh dokazatel'stvah» v svete koncepcii vnutrennego ubezhdeniya suda [On the Issue of "Other Evidence" in Light of the Doctrine of Judicial Conviction]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 115–128. (In Russ.).

Представители уголовно-процессуальной науки годами ведут дискуссии на предмет правильного отнесения доказательства к конкретному источнику. К примеру, достаточно длительное время шли дискуссии о том, к какому источнику следует отнести криминалистический слепок от следа, собранный на месте совершения преступления: к вещественному доказательству или к иному документу. В то же время мы обратили внимание на то, что перечень законодательных источников доказательств закрытый и расширительному толкованию не подлежит. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует правила оценки доказательств и раскрывает, каким образом формируется внутреннее убеждение суда. Так, на основании ч. 1 ст. 88 УПК РФ «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела»³. В свете ст. 17 УПК РФ «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»⁴. Тогда возникает вопрос: а имеет ли судья право на свободу формирования внутреннего убеждения, если он ограничен формальными источниками доказательств.

³ Там же.

⁴ Там же.

Имеют место позиции, когда подчеркивается сущность внутреннего убеждения, выходящая за пределы действующего законодательства, когда есть «... немалое количество норм, которые подлежат применению судом по его внутреннему убеждению в отсутствие четких законодательно установленных критериев. Данные критерии вырабатываются судебной практикой, а также разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, однако зачастую они имеют очень общий и неопределенный характер»⁵.

В основе внутреннего убеждения заложено судейское усмотрение, под которым в уголовно-процессуальной науке понимается «деятельность суда в рамках осуществления им правосудия в рамках правосознания судьи в соответствии с принципами права и морали, в этом смысле усмотрение в каждом конкретном случае является экспериментом, где судья представлен как лицо, которое субъективно принимает решение в пределах полномочий» [1, с. 548]. Поддерживаемая позиция заключается в видении эксперимента в качестве подтверждения или опровержения определенной гипотезы. Гипотеза может быть предположением виновности или невиновности лица, а также возможности или невозможности оценить определенные сведения в качестве доказательства. В качестве гипотезы можно рассматривать объяснения, которые собираются оперативными сотрудниками. Следственная практика позволяет полагать, что объяснения сотрудников уголовного розыска, полученные до возбуждения уголовного дела, выступают ключевой информацией. Указанные объяснения могут возыметь доказательственное значение, а могут быть оценены всего лишь в качестве ориентирующей информации.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следует выяснить, имеют ли место поводы и основания для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, с которого фактически начинается расследование по уголовному делу и течение всех процессуальных сроков. Оперативно-розыскная деятельность занимает важное место в выявлении поводов для возбуждения уголовного дела. «Возбуждение уголовного дела является квинтэссенцией уголовного преследования на этапе между проверкой сообщения о преступлении и предварительным расследованием. Официальное предварительное расследование, будь то предварительное следствие или дознание (сокращенное дознание), или неотложные следственные действия, не должно начинаться без возбуждения уголовного дела. Задачам возбуждения уголовного дела подчинена «доследственная» (осуществляемая до возбуждения уголовного дела) проверка» [2, с. 47]. Одним из решающих процессуальных документов, имеющих важное информационное значение, чаще всего по «горячим следам», когда в памяти опрошенных все произошедшее сохраняется в подробностях, является объяснение, взятое оперативным сотрудником, без участия которого фактически не обходится ни одно уголовное дело, относящееся к компетенции органов уголовного преследования.

Однако в настоящее время судебная практика формируется по пути придания объяснениям процессуальной силы всего лишь ориентирующей информации, которая помогает построить следственные версии. Тем не менее две фразы в ст. 74 УПК РФ дают возможность оценивать объяснения в качестве доказательств по уголовному делу: «иных

⁵ Нагорная М. Конституционный Суд отклонил жалобу на порядок пересмотра судебных решений с целью улучшения положения осужденного // Адвокатская газета : сайт. <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-poryadok-peresmotra-sudebnykh-resheniy-s-tselyu-uluchsheniya-polozheniya-osuzhdenного/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) и «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Следовательно, задумываясь о том, что оценивается в качестве доказательств и каким образом, можно вспомнить концепцию внутреннего убеждения, которая нашла свое развитие со времен принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, когда отменялась формализация доказательств и преимущество одного перед другим в силу имущественного, полового и социального ценза, как это было в части личных доказательств. Например, показаниям сословных мужчин отдавалось большее предпочтение, чем показаниям, данных лицом женского пола [3, с. 299]. Думается, в силу такой исторической преемственности все большее значение должна приобретать свобода судебсого усмотрения, но такая, которая должна всегда сопровождаться обоснованием выводов.

В этой связи заметим, что ст. 11 УПК РФ позволяет использовать результаты оперативно-розыскной деятельности при следующих условиях: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных» [3, с. 299].

В недавнем прошлом «относительно допустимости высказался высший орган конституционного контроля России. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19 декабря 2017 г. № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в очередной раз подчеркнул, что результаты оперативно-розыскной деятельности являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований закона об оперативно-розыскной деятельности, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. Отсюда можно заключить, что не все свойства доказательств применимы к результатам оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 57].

Думается, авторы ставят под сомнение применение к результатам оперативно-розыскной деятельности такого свойства, как достаточность и допустимость. В то же время гарантией возможности использования объяснений в общей системе доказательств является внутриведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция), согласно которой в п. 4 предусмотрено следующее: «уполномоченным должностным лицам (органам) представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые соответствуют установленным настоящей Инструкцией требованиям и могут: служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ; использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств». В п. 20 Инструкции прописано, что результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать

доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе»⁶. Из вышеизложенного следует, что к объяснениям предъявляются большие требования, чем к процессуальным доказательствам. Они должны отвечать не только требованиям относимости, допустимости, достаточности и достоверности, но и проверяемости. Так, можно согласиться с авторами, которые пишут следующее: «Представляется, что необходимо оформлять результаты опроса в виде объяснения с последующим получением подписи опрашиваемого лица, а при отсутствии такой возможности должны быть подписи присутствовавших при опросе лиц, так как в этом случае появится возможность приобщения к материалам уголовного дела как объяснения, так и записи, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий» [5, с. 89].

Несмотря даже на то, что оперативным объяснениям предъявляется больше требований, чем законодательным источникам доказательств, однако, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 74 и ч. 1 ст. 86 УПК РФ доказательство следует рассматривать как сведения, полученные уполномоченным должностным лицом процессуальным путем, то есть путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в форме, указанной в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, напрашивается вывод о том, что информация, полученная оперативным путем, то есть объяснения, принципиально отличается от доказательств. Вместе с тем в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств⁷.

Таким образом, если соблюдаются предусмотренные условия, соответствующие объяснения могут выступать в качестве доказательств. При этом приобретение указанными результатами характера доказательств возможно лишь в случае, если проводятся предусмотренные УПК РФ процессуальные и следственные действия. Виды доказательств,

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499048956?marker=6500I> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1507-О // Консультант Плюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=432681#RzG4AGVbzOthclp6> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

в которые могут быть преобразованы объяснения, ограничено установлены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень видов доказательств, в которые могут быть преобразованы объяснения: либо показания, либо иной документ. Органы предварительного расследования, получив объяснения, должны определить круг необходимых следственных (процессуальных) действий, проведение которых позволит сформировать на основе представленных объяснений уголовно-процессуальные доказательства. Как правило, это следующие процессуальные действия: допрос в качестве определенного участника либо допрос оперативного сотрудника, взявшего оперативные объяснения, то есть того оперативного сотрудника, который производил опрос.

Несмотря на то, что современное уголовное судопроизводство направлено на оптимизацию, сокращение процессуальных сроков, тем не менее не все судьи опросу в виде объяснений придают доказательное значение. Однако по своему содержательному признаку объяснения бывают порой более полными, чем данные через год – два после случившегося преступного деяния свидетельские показания в более сокращенной форме в связи с истечением времени и стирания в памяти допрашиваемого лица сведений по делу в силу его индивидуальных особенностей.

В этой связи возникает новый предмет для обсуждения: всегда ли опрос должен быть подкреплён допросом, тем более если после полученных объяснений проходит определенное время и информация в силу физиологических особенностей утрачивается в памяти человека? В тех ситуациях, когда объяснение берется «по горячим следам» и опрос не требует участия в отношении очевидцев преступления, пострадавшего обеспечения права на защиту, стоит ли объяснения дублировать допросом?

Во всех случаях объяснение должно быть подкреплено таким следственным действием, как допрос. Однако УПК РФ не регламентирует, точно ли объяснение должно быть подкреплено именно производством допроса, а может быть, целесообразнее очной ставкой или проверкой показаний на месте. Возможна такая ситуация, когда следователь изучает объяснение и понимает то, что объяснение одного свидетеля противоречит объяснениям другого свидетеля. В указанных обстоятельствах есть ли необходимость во всех случаях именно допросить данных лиц или целесообразно сразу же провести между ними очную ставку. Тем не менее в соответствии с УПК РФ очная ставка проводится в тех случаях, когда в ранее данных показаниях информация противоречит показаниям других участников. Тогда следует задать вопрос: в процессе каких мероприятий получаем не просто сведения, информацию, а именно показания. Как видим, допросом именуются сведения, полученные от определенного лица. В результате анализа понятия «объяснение» мы не увидим ни самого законодательного определения, ни легального именованья их показаниями. Можем ли мы после полученных объяснений оперативным сотрудником уже после возбуждения уголовного дела сразу же провести проверку показаний на месте происшествия? Такой механизм в УПК РФ также не прописан, поэтому практика выработала следующее правило, что после полученных объяснений по делу следователь обязан подкрепить эти объяснения процессуальными действиями, однако изложенные нами выше вариации в данное время в УПК РФ подробно не расписаны.

УПК РФ не может носить характер инструкций, но в то же время хотелось бы, чтобы законодатель был более прозрачным, предсказуемым для правоприменителя,

поскольку все доказательства оцениваются на основе внутреннего убеждения судьи, своего представления о правомерности производства тех или иных действий, которые должны соответствовать актуальным законам. Однако закон таков, что его можно толковать по-разному. Имеют место примеры из практики, когда объяснение получено, но нет возможности данное лицо, которое давало объяснение по делу, позже допросить: «например, когда опрошенный свидетель скончался и его не успели допросить, а также не подкрепили данные сведения иным следственным действием. По нашему мнению, на законодательном уровне можно предусмотреть возможность вынесения постановления следователя о придании сведениям, полученных оперативно-розыскным путем, процессуальной силы доказательств» [6, с. 52]. В указанных ситуациях имеет место придание объяснениям значения такого источника доказательств, как «иной документ». В то же время представители Верховного Суда Российской Федерации полагают: «Какие бы заявления ни делал или объяснения ни давал гражданин до возбуждения уголовного дела, они не приобретают статуса допустимого доказательства, поскольку не заменяют показаний, полученных на допросе» [7, с. 32].

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации следующая: «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем»⁸.

Вместе с тем существует более позднее определение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором предусмотрена позиция, дающая возможность оценивать объяснения в качестве «иного документа», но с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности, ст. 75, 86, 87, 88, 234 и 235 УПК РФ⁹. Однако объяснения получают значение «иного документа» как источника доказательств при условии допроса оперативного сотрудника, который брал данные объяснения на стадии возбуждения уголовного дела. Только при условии подкрепления показаниями оперативного сотрудника данная информация приобретет значение доказательства. В суде оперативного сотрудника есть возможность допросить в качестве свидетеля на предмет ранее полученных им объяснений. Тем не менее данный алгоритм действий законодательно не урегулирован и носит характер прецедента.

Необходимо обратить внимание на то, что имеет место следующая судебная практика, которая подтверждает данный алгоритм несостоятельным: «В соответствии с

⁸ По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав Федеральном законом «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-0 // Гарант.ру: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12016636/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 723-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=338155#u9VMAGVM0WeJwoBJ1> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

положениями ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Как следует из приговора, в подтверждение виновности В. суд сослался на объяснение осужденного от 8 июля 2019 г. и показания сотрудника полиции, отобравшего данные объяснения, об обстоятельствах совершения осужденным хищения имущества потерпевшего из угнанной автомашины и его реализации. К недопустимым доказательствам п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ относит показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. В ходе судебного разбирательства В. вину в совершении кражи не признал, данные, изложенные в объяснении, не подтвердил. Судебная коллегия исходит из того, что, поскольку объяснение от 8 июля 2019 года было дано В. в отсутствие защитника, права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе право не свидетельствовать против самого себя, а также право пользоваться услугами адвоката, разъяснены не были, указанное объяснение подлежит исключению из числа доказательств, подтверждающих виновность В. как недопустимое средство доказывания. По смыслу закона следователь, дознаватель могут быть допрошены в суде только по обстоятельствам проведения того или иного следственного действия при решении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения показаний допрошенного лица. Поэтому показания этой категории свидетелей относительно сведений, о которых им стало известно из бесед либо во время допроса подозреваемого или обвиняемого, не могут быть использованы в качестве доказательств виновности осужденного. Таким образом, следует признать, что суд, мотивируя свой вывод о виновности В., сослался в том числе и на показания свидетеля – сотрудника полиции, которые, в части фактических обстоятельств преступления, являются недопустимыми доказательствами. Данные обстоятельства не были приняты во внимание судом апелляционной инстанции. При таких обстоятельствах из приговора суда подлежит исключению ссылка на показания свидетеля в части обстоятельств совершенных В. преступлений, ставших ему известными в ходе опроса осужденного»¹⁰.

Следовательно, главным выступает требование позиций конституционного содержания на предмет соблюдения требований допустимости в качестве доказательств. Именно поэтому во исполнение данных процессуальных правил суды приводят обоснование использования оперативных объяснений наряду с другими доказательствами по уголовному делу. Например, на стадии возбуждения уголовного дела подсудимый признавал свою вину, что подтверждается «показаниями допрошенных в судебном заседании свидетелей – сотрудника полиции Свидетель № 1 и дознавателя ФИО9, содержанием письменного объяснения ФИО2 от ДД.ММ.ГГГГ и протокола его допроса в качестве подозреваемого от ДД.ММ.ГГГГ подтверждается, что указанные письменное объяснение и протокол допроса были составлены исключительно со слов

¹⁰ Суд признает недопустимыми доказательствами протоколы пояснений, объяснений и опроса, составленные представителями обвинения в отсутствие защитника : определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2021 г. № 77-2299/2021 // pravo163.ru : сайт. URL: <https://pravo163.ru/opredelenie-pervogo-kassacionnogo-suda-obshhej-yurisdikcii-ot-06-07-2021-po-delu-77-2299-2021> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

самого ФИО2, без какого-либо воздействия на него со стороны, в условиях разъяснения ему всех процессуальных прав, в том числе права отказаться свидетельствовать против самого себя в соответствии со ст. 51 Конституции РФ, права пользоваться услугами адвоката и права приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Допрос ФИО2 был проведен с участием его защитника. Кроме того, при опросе ФИО2, а при проведении допроса – также и его защитнику была предоставлена возможность ознакомиться с его письменным объяснением и протоколом допроса, которые сам он и его защитник после ознакомления подписали без каких-либо замечаний к их содержанию»¹¹.

Кроме того, судебная практика такова, что суды учитывают признательные объяснения, данные на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении в качестве смягчающего вину обстоятельства, наряду с возмещением имущественного ущерба, причиненного преступлением: «на основании ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации учитывает его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, что выразилось в том числе в даче признательных объяснений на стадии возбуждения уголовного дела. Таким же обстоятельством на основании п. «к» ч.1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации суд учитывает иные действия ФИО1, направленные на заглаживание имущественного ущерба»¹².

В то же время суды указывают и на факты, когда сведения, относящиеся к факту содеянного, наиболее подробно изложены не в первоначальных объяснениях, данных при проверке сообщения о готовящемся преступлении, а в последующем допросе свидетеля: «ФИО4 № 3 на предварительном следствии и в суде по сравнению с их первоначальными письменными объяснениями обусловлена более подробным допросом указанных лиц на стадии предварительного расследования и в суде по сравнению с их опросом сотрудниками полиции на стадии возбуждения уголовного дела. При этом указанные выше доказательства не содержат каких-либо взаимоисключающих сведений»¹³. Отметим проверочный характер объяснений при анализе уголовного дела, о котором мы писали ранее. Напомним, что отдельные авторы в объяснениях видят ресурс проверочного характера, поскольку очень важное значение при расследовании уголовного дела имеет достоверность доказательств.

Однако имеет место достаточно спорное обстоятельство: как оценивать объяснения, данные при явке с повинной. Причем явка с повинной рассматривается в качестве добровольного сообщения о совершенном преступлении, является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела (ст. 142 УПК РФ). В такой ситуации объяснения оцениваются в качестве доказательства, но при условии, если на

¹¹ Приговор Фатежского районного суда № 1-31/2020 от 18 мая 2020 г. по делу № 1-31/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/glzBuHFmP46V/?regular-txt> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

¹² Приговор Верхнеуфалейского городского суда № 1-66/2019 от 22 мая 2019 г. по делу № 1-66/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IP2ks7K0e7ZO/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

¹³ Приговор Брасовского районного суда № 1-26/2018 от 29 мая 2018 г. по делу № 1-26/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2ieTWyFhIOre/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

данном этапе лицу было обеспечено право на защиту, следовательно, при соблюдении данной конституционной гарантии есть все основания для придания явке с повинной и изложенными в объяснении сведениями признательного характера, смягчающим вину доказательством: «В качестве обстоятельств, смягчающих наказание ФИО1, суд учитывает признание им вины и раскаяние в содеянном, объяснения подсудимого до возбуждения уголовного дела в качестве явки с повинной, его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, выразившееся в изобличении себя путем последовательных показаний об обстоятельствах совершенного деяния»¹⁴.

Так, можем рассуждать целесообразности принятия единого кодекса оперативно-розыскной деятельности, который бы регламентировал использование результатов оперативно-розыскной деятельности». Мы поддерживаем авторов, которые справедливо полагают, что «использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве закономерно и неизбежно, без этого невозможно проведение эффективного расследования и решение задач судопроизводства. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности, с учетом ее задач и принципов осуществления, не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем уголовно-процессуальный порядок использования указанных результатов нуждается в более продуманном и четком регулировании, скоординированности положений УПК РФ и закона об оперативно-розыскной деятельности. Все это требует серьезных и дополнительных научных разработок как в уголовно-процессуальной науке, так и в науке оперативно-розыскной деятельности. Эти разработки требуют разрешения важнейших научных вопросов, особенно тех, где имеются различные подходы с целью выработки единых подходов, отвечающих, в первую очередь, конституционным положениям» [8, с. 100].

На основании изложенного мы можем полагать, что объяснения, данные на стадии возбуждения уголовного дела, при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, оцениваются судами в качестве доказательств, но при условии их непротиворечивости последующему процессуальному действию – допросу, а также и другим доказательствам по уголовному делу, поэтому мы в определенной степени поддерживаем тех авторов, которые подчеркивают необходимость законодательной регламентации такого свойства доказательств, как непротиворечивость. Возможно, данное свойство имеет смысл рассматривать в рамках оценки сведений на предмет их достоверности, но, учитывая, что объяснения допустимы при соблюдении в процессе опроса конституционных гарантий, они должны быть правдивыми, закладывая их основу презумпцию истинности, все последующие доказательства должны формироваться в своей совокупности в единую воссозданную в ретроспективе картину произошедшего в прошлом преступного деяния. И все же, возвращаясь к содержанию концепции внутреннего убеждения судьи, к свободе судейского усмотрения, сталкиваемся с еще одной проблемой: в чем видится эта свобода, если закон ставит суд в рамки формализованных источников доказательств? В этой связи нам видится необходимым расширить содержание ч. 2 ст. 74 УПК РФ словосочетанием «иные сведения», что

¹⁴ Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска № 1-182/2025 от 23 июня 2025 г. по делу № 1-182/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BWYclFkzynNr/> (дата обращения: 13 ноября 2025 г.).

позволит судьям по отдельным категориям уголовных дел, в свете своего личного профессионального усмотрения, придавать сведениям по уголовному делу процессуальную силу доказательств. В зависимости от конкретной ситуации, в случае, если не нарушены конституционные права участников, причастных к оперативно-розыскным мероприятиям, судья имеет право признать сведения, не перечисленные в перечне формальных источников в качестве доказательств. Тогда должно придаваться серьезное значение обоснованности признания объяснений в качестве доказательства, то есть судам целесообразно в мотивировочной части приговора прописывать, на каком основании, в связи с какими доказательствами по уголовному делу суд может признать сведения, данные в порядке опроса, в качестве доказательства. В такой ситуации идея «иных доказательств» может приобрести возможности реализации в практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азарова Е. С. Судейское усмотрение – перманентный правовой эксперимент // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 547–548.
2. Гольцов А. Т. Возбуждение уголовного дела и «доследственные» проверки в российском уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 47–57.
3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зарцало, 1998. 376 с.
4. Шашин Д. Г. О соблюдении законности при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 56–62.
5. Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 83–90.
6. Брянская Е. В. К вопросу процессуальной силы оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам коррупционной направленности // Российский следователь. 2024. № 11. С. 52–56.
7. Шалумов М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 30–35.
8. Евдокимова Т. В. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 96–100.

REFERENCES

1. Azarova E. S. Sudejskoe usmotrenie – permanentnyj pravovoj eksperiment [Judicial discretion – a permanent legal experiment]. YUridicheskaya tekhnika – Legal technique. 2025, no. 19, pp. 547-548. (In Russ.).
2. Goltsov A. T. Vozbuzhdenie ugovolnogo dela i «dosledstvennyye» proverki v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve [Initiation of a criminal case and "pre-investigation" checks in Russian criminal proceedings]. Evrazijskaya advokatura – Eurasian Advocacy. 2021, vol. 52, no. 3, pp. 47-57. (In Russ.).

3. Tomsinov V. A. (by ed.) Hrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava [Reader on the History of the Russian State and Law]. Moscow, 1998, 299 p. (In Russ.).

4. Shashin D. G. O soblyudenii zakonnosti pri predstavlenii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti operativnymi podrazdeleniyami ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [On Compliance with the Law in the Presentation of the Results of Operational-Investigative Activities by Operational Units of the Criminal-Executive System]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. 51, no. 2, pp. 56-62. (In Russ.).

5. Khusainov R. R. Nekotorye problemnye voprosy organizatsii i provedeniya operativno-rozysknogo meropriyatiya «opros» [Some problematic issues of organizing and conducting the operational-search measure "survey"]. Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva – Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2025, vol. 21, no. 1, pp. 83-90. (In Russ.).

6. Bryanskaya E. V. K voprosu processual'noj sily operativno-rozysknoj informatsii v dokazyvanii po ugovovnym delam korrupcionnoj napravlenosti [On the Procedural Force of Operational-Investigative Information in Evidence in Criminal Cases Related to Corruption]. Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator. 2024, no. 11, pp. 52-56. (In Russ.).

7. Shalunov M. S. Ispol'zovanie materialov, sobrannyh do возбуждениya ugovovnogo dela, v kachestve dokazatel'stv [Use of Materials Collected Before the Initiation of a Criminal Case as Evidence]. Ugolovnyj process – Criminal Procedure. 2005, no. 3, pp. 30-35. (In Russ.).

8. Evdokimova T. V. [On the issue of using the results of operational-search activities in the process of proving in a criminal case] Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2017 goda [Criminal proceedings in Russia: problems and development prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, 24 November 2017]. St. Petersburg, 2017, pp. 96-100. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bryanskaya Elena Vasilievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 Letchika Pilyutova St., St. Petersburg, 198206.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 23.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 129–137.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 129-137.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.3/.7

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Гафурова Эльмира Равилевна

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск,
Российская Федерация, ely_1979@mail.ru

Введение. В статье рассмотрены проблемы и особенности применения института освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) к преступлениям в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). Актуальность темы обусловлена ростом общественной опасности киберпреступлений в условиях цифровизации и необходимостью поиска баланса между карательной и поощрительной функциями уголовного закона в этой специфической области. Требуется анализ эффективности общих оснований освобождения и выработка предложений по их адаптации или созданию специальных норм.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составляют положения глав 11 и 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также разъяснения высших судов. Исследование основано на анализе конкретных примеров судебной практики, а также на трудах ученых в области уголовного права и информационной безопасности. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, методы анализа и синтеза.

Результаты исследования. Автор пришел к выводу, что прямое применение общих оснований освобождения от уголовной ответственности (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф, истечение сроков давности) к преступлениям в сфере компьютерной информации сопряжено со значительными сложностями. Эти сложности обусловлены цифровой спецификой: латентностью и анонимностью преступлений, проблемами идентификации потерпевшего и оценки причиненного вреда, особенностями исчисления сроков давности. Установлено, что в отличие от ряда других составов, в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствуют специальные поощрительные нормы об освобождении от ответственности.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило обосновать необходимость совершенствования правового регулирования. Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности противодействия киберпреступности предложено дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации специальным примечанием об освобождении от ответственности к ст. 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также детализировать условия его применения в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Данные меры направлены на стимулирование

виновных лиц к сотрудничеству, возмещению ущерба и обеспечению баланса между карательными и восстановительными механизмами в цифровой среде.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, преступления в сфере компьютерной информации, деятельное раскаяние, добровольность, своевременность

Для цитирования: Гафурова Э. Р. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 129–137.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION CRIMES

Elmira R. Gafurova

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russian Federation,
ely_1979@mail.ru

Introduction. The article discusses the problems and features of applying the institution of exemption from criminal liability (Chapter 11 of the Criminal Code of the Russian Federation) to crimes in the field of computer information (Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation). The relevance of the topic is due to the growing public danger of cybercrimes in the context of digitalization and the need to find a balance between the punitive and incentive functions of criminal law in this specific area. It is necessary to analyze the effectiveness of general grounds for release and develop proposals for their adaptation or creation of special norms.

Materials and Methods. The study is based on the provisions of Chapters 11 and 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the explanations of the highest courts. The study is based on the analysis of specific examples of judicial practice, as well as the works of scholars in the field of criminal law and information security. The study is based on formal legal and comparative legal methods, as well as analysis and synthesis.

The Results of the Study. The author concludes that the direct application of the general grounds for exemption from criminal liability (active repentance, reconciliation with the victim, judicial fine, and expiration of the statute of limitations) to crimes in the field of computer information is fraught with significant difficulties. These difficulties are caused by the digital specifics: the latency and anonymity of crimes, the problems of identifying the victim and assessing the harm caused, and the peculiarities of calculating the statute of limitations. It has been established that, unlike in a number of other offenses, Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation does not contain special incentives for exemption from liability.

Findings and Conclusions. The conducted research substantiated the need to improve legal regulation. To overcome the identified problems and increase the effectiveness of countering cybercrime, it was proposed to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with a special note on exemption from liability under Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to detail the conditions for its application in the explanations of

the Supreme Court of the Russian Federation. These measures are aimed at encouraging perpetrators to cooperate, compensate for damages, and ensure a balance between punitive and restorative mechanisms in the digital environment.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, crimes in the field of computer information, active repentance, voluntariness, and timeliness

For citation: Gafurova E. R. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti pri sovershenii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii [Exemption from Criminal Liability in the Field of Computer Information Crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 129-137. (In Russ.).

Современный этап развития общества, характеризующийся повсеместной цифровизацией, объективно обуславливает рост общественной опасности преступных посягательств в сфере компьютерной информации (далее – КИ). Составы преступлений, сосредоточенные в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), криминализируют нарушения целостности, конфиденциальности и доступности КИ, что создает угрозу для нормального функционирования критической инфраструктуры, экономики и прав граждан [1, с. 57].

В части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности рассматриваемая глава уголовного законодательства предусматривает девять составов преступлений, посягающих на КИ, а также нормальную работу электронных вычислительных машин, их систем и сетей (ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2, 274.3, 274.4, 274.5). Динамика изменений, а именно введение ст. 274.1-274.5 УК РФ, свидетельствует о стремлении законодателя оперативно реагировать на новые вызовы, такие как создание и использование вредоносных программ для целей криптоджекинга или нарушения работы критической информационной инфраструктуры [2, с. 103].

Борьба с указанными видами преступлений имеет особое значение, так как преследует следующие важные государственные цели:

- обеспечение информационной безопасности государства. В период глобализации, интеграции и повсеместной информатизации уголовно-правовая охрана КИ становится важным инструментом защиты государства от различных угроз;

- защита общественных отношений, связанных с использованием КИ. Глава 28 УК РФ охватывает сферу, в которой важно обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность КИ, а также сохранность средств, используемых для ее обработки;

- борьба с растущим количеством преступлений в сфере КИ. С каждым годом совершенствуются технические устройства и информационные технологии, появляются новые способы совершения таких преступлений;

- противодействие скрытому характеру компьютерной преступности. Преступления в этой сфере часто носят анонимный, удаленный и сложный характер, что затрудняет их предотвращение и пресечение традиционными способами. Кроме того, существует проблема «цифрового следа» и его процессуального закрепления: данные

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

легко изменяемы и требуют специальных познаний для изъятия и исследования, что создает риски утраты доказательств [1, с. 57];

– борьба с трансграничным характером компьютерной преступности. Преступник может находиться в одной стране, совершать преступление в другой, а последствия могут наступать в третьей, что усложняет противодействие компьютерной преступности в рамках одного государства [3, с. 89].

С развитием преступных способов при посягательствах на компьютерную и иную цифровую информацию законодателями вводятся новые нормы, изменяются и дополняются существующие, а также ужесточаются санкции за совершение подобного рода преступлений. Этот процесс, однако, носит асимметричный характер: ужесточение санкций опережает разработку гибких механизмов освобождения от ответственности, учитывающих специфику киберпространства. Несмотря на это, в таких условиях законодатель, наряду с ужесточением санкций за отдельные виды киберпреступлений, не исключает и применения в данных случаях особого поощрительного института уголовного права – освобождения от уголовной ответственности.

Так, в свете сложившейся судебной практики и тенденции на дифференциацию уголовной ответственности к преступлениям в сфере КИ (гл. 28 УК РФ) подлежат применению общие нормы об освобождении от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ). При этом правоприменитель уделяет особое внимание наиболее распространенным в практической деятельности основаниям освобождения от ответственности: деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещение ущерба (ст. 76.1 УК РФ).

Рассмотрим положительные и отрицательные характеристики применения вышеперечисленных оснований освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений гл. 28 УК РФ.

Во-первых, специфика компьютерных преступлений требует особого подхода к оценке условий освобождения.

Условиями применения деятельного раскаяния к преступлениям гл. 28 УК РФ являются:

- совершение преступления впервые;
- категория преступления небольшой или средней тяжести;
- добровольная явка с повинной;
- способствование раскрытию и расследованию преступлений;
- возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда;
- утрата общественной опасности [4, с. 154].

Положительными аспектами применения деятельного раскаяния выступают: стимулирующая функция, компенсационный потенциал и процессуальная экономия. Иными словами, лицо, совершившее подобного рода преступления, сотрудничает с правоохранительными органами, тем самым более быстро обеспечивается восстановление нарушенных прав и интересов. Однако в данном случае возможны сложности в определении добровольности явки с повинной ввиду условий анонимности сетевого пространства [5, с. 27], например, в случаях, когда лицо было идентифицировано в результате оперативно-розыскных мероприятий. К тому же в законодательстве отсутствуют конкретные критерии оценки вклада способствованию раскрытию и расследованию преступлений. Особую сложность представляет проблема определения

размера вреда в цифровой среде, который подлежит возмещению, поскольку при определении размера ущерба следует учитывать не только прямые материальные потери, но и затраты на восстановление безопасности информационных систем, если ее целостность была нарушена. Кроме того, остается открытым вопрос о возможности освобождения лица, которое разработало, но не распространяло вредоносное программное обеспечение, однако добровольно передало его исходный код и информацию об уязвимостях правоохранительным органам.

Специфика применения ст. 76 УК РФ обусловлена особенностями объекта преступного посягательства и характером причиняемого вреда, в связи с чем возможны ограничения применения из-за проблемы идентификации потерпевшего, так как высока вероятность возникновения трудности определения круга потерпевших при массовых компьютерных атаках. Вместе с тем необходимо сказать о сложности заглаживания вреда, особенно в случае необходимости восстановления цифровой информации, и ограниченности действия, когда отсутствует возможность применения к преступлениям, посягающим на публичные интересы [2, с. 103].

Инновационный характер освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа также представляет значительный интерес для правового регулирования ответственности за компьютерные преступления. На сегодняшний день имеются сложности определения размера штрафа ввиду установления тяжести наступивших последствий от киберпреступлений.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ) при совершении компьютерных преступлений отличается значительными особенностями исчисления сроков давности:

- латентный характер компьютерных преступлений;
- сложность установления момента окончания преступления;
- проблемы определения момента обнаружения преступления.

В соответствии с положением части 2 ст. 78 УК РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления. Однако при компьютерных преступлениях возникают сложности в определении этого момента.

Приведем пример судебной практики. По приговору Октябрьского районного суда г. Липецка от 20 декабря 2021 г. К.П.И., несудимый, осужден по: ч. 2 ст. 272 УК РФ к 1 году ограничения свободы; по ч. 2 ст. 273 УК РФ – к 1 году 6 месяцам ограничения свободы; по ч. 1 ст. 272 УК РФ – к штрафу в размере 20 000 рублей в доход государства; по ч. 1 ст. 273 УК РФ – к 1 году ограничения свободы; по ч. 1 ст. 272 УК РФ – к штрафу в размере 20 000 рублей в доход государства; по ч. 1 ст. 273 УК РФ – к 1 году ограничения свободы; на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено два года ограничения свободы со штрафом в размере 25 000 рублей в доход государства с возложением ограничений и обязанности, указанных в приговоре. Апелляционным постановлением Липецкого областного суда от 3 марта 2022 г. приговор в отношении К.П.И. изменен: он освобожден от наказания в виде штрафа в размере 20 000 рублей в доход государства, назначенного ему за каждое из трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 УК РФ, на основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования; наказание в виде штрафа в

размере 25 000 рублей в доход государства постановлено исключить из окончательного наказания, назначенного К.П.И. на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений; из резолютивной части приговора исключено указание о реквизитах для уплаты штрафа. Таким образом, К.П.И. был освобожден от уголовной ответственности и от наказания по ч. 1 ст. 272 УК РФ на основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с истечением сроков давности².

По нашему мнению, применение гл. 11 УК РФ к преступлениям в сфере КИ требуют учета особого цифровой специфики. Уровень сформировавшейся судебной практики по данной категории преступлений ограничен отсутствием специальных критериев оценки условий освобождения.

Во-вторых, в уголовном законодательстве имеется перечень поощрительных норм об освобождении от уголовной ответственности за совершение отдельного вида преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ. По преступлениям гл. 28 УК РФ такие нормы отсутствуют, что свидетельствует о применении только общих оснований освобождения, закрепленных в гл. 11 УК РФ.

Их отсутствие объясняется тем, что формирование главы 28 УК РФ происходило в период становления отечественного законодательства в сфере информационной безопасности. Первоначальная редакция (1996 г.) включала лишь два основных состава, что отражало недостаточную изученность феномена компьютерной преступности. Законодатель исходил из применимости общих институтов уголовного права без учета специфики цифровых технологий.

До настоящего времени в законодательстве и научной литературе отсутствует единый подход к определению критериев освобождения от ответственности за компьютерные преступления. Дискуссионными остаются вопросы спецификации деятельного раскаяния при киберпреступлениях, определение момента «добровольности» сообщения о преступлении, критерии возмещения ущерба в цифровой среде. Компьютерные преступления, как правило, относятся к категории преступлений небольшой и средней тяжести (за исключением квалифицированных составов), что изначально ориентировало на применение общих норм об освобождении.

Отсутствие единообразной судебной практики, а также ее отсутствие ввиду высокой латентности совершения рассматриваемых преступлений по вопросам освобождения от ответственности также затрудняет формулирование специальных норм.

По нашему мнению, внедрение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере КИ возможно, так как виды и категории преступлений значительно изменяются в связи с развитием информационных технологий. Целью такой специальной нормы должно стать создание эффективного «золотого моста» для киберпреступника, побуждающего его к явке с повинной и оказанию технической помощи в обмен на освобождение от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести при соблюдении ряда строгих условий.

Стоит предусмотреть специальное основание для статей 272, 273 УК РФ следующего содержания:

² Кассационное определение от 4 апреля 2024 г. по делу № 77-УД23-10-К1 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2353844 (дата обращения: 09.02.2026).

«Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 272 или 273 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно и своевременно сообщило о совершенном преступлении в правоохранительные органы, способствовало раскрытию этого преступления, устранило последствия противоправного доступа или распространения вредоносных программ и возместило причиненный ущерб».

На основании этого внести дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях в сфере КИ, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»³, где определить, что для применения специального основания к ст. 272 и ст. 273 УК РФ необходимо понимать:

1. Своевременность сообщения – должна быть до наступления существенных вредных последствий или до момента, когда предотвратить эти последствия силами правоохранительных органов или потерпевшего стало невозможно.

2. Характер способствования раскрытию и расследованию преступления – предоставление информации об уязвимостях, алгоритмах вредоносных программ, механизмах несанкционированного доступа и т. д.

3. Специфику заглаживания вреда – восстановление защищенности КИ, устранение уязвимостей. Под устранением последствий должно пониматься не только техническое восстановление, но и предоставление потерпевшему полного отчета о произошедшем и рекомендаций по недопущению подобного в будущем.

Для эффективной реализации специальных оснований освобождения необходимо:

- установить порядок документального подтверждения устранения последствий;
- определить механизм оценки эффективности способствования раскрытию преступления;
- четко ограничить сферу применения специального основания, исключив из него случаи совершения преступлений в составе организованной группы, а также преступления, повлекшие тяжкие последствия или посягающие на информационную безопасность.

Данные меры будут способствовать повышению эффективности противодействия компьютерной преступности и обеспечению баланса цифровой безопасности.

Таким образом, совершенствование института освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере КИ представляет собой комплексную задачу, требующую системного подхода и учета национальных особенностей правового регулирования. Предлагаемые меры будут способствовать оптимизации уголовной репрессии, обеспечению баланса публичных и частных интересов, а также повышению эффективности противодействия компьютерной преступности в условиях цифровой трансформации общества. Перспективы противодействия преступлениям гл. 28 УК РФ

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. Март. 2023.

должны быть направлены на разработку и внедрение предлагаемой нами концепции специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова И. А., Лобачев И. А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 52–62.
2. Жаркова А. А. Об эффективности изменений, вносимых в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ЮГУ. 2015. № 1 (36). С. 102–104.
3. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 4 (50). С. 86–92.
4. Сайтбеков А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 152–156.
5. Мосечкин И. Н. Проблемы уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 17 (1). С. 22–34.

REFERENCES

1. Petrova I. A., Lobachev I. A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj (cifrovoy) informacii: diskussionnye voprosy opredeleniya ponyatiya, ob"ekta ugovolno-pravovoj ohrany i predmeta posyagatel'stv [Crimes in the field of computer (digital) information: debatable issues of defining the concept, object of criminal law protection and subject of encroachments]. ZHurnal prikladnyh issledovaniy - Journal of Applied Research. 2020, no. 1, pp. 52-62. (In Russ.).
2. Zharkova A. A. Ob effektivnosti izmenenij, vnosimyh v gl. 28 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On the Effectiveness of Changes Made to Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik YUGU - Bulletin of the Southern Federal University. 2015, vol. 36, no. 1, pp. 102-104. (In Russ.).
3. Efremova M. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii [Criminal liability for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. 13, no. 4 (50), pp. 86-92. (In Russ.).
4. Saitbekov A. M. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti v svyazi s deyatel'nyim raskayaniem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Release from criminal liability in connection with active repentance: theoretical and practical aspects]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2, pp. 152-156. (In Russ.).
5. Mosechkin I. N. Problemy ugovolno-pravovoj ohrany kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii [Problems of Criminal Law Protection of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal - All-Russian Journal of Criminology. 2023, vol. 1, no. 17, pp. 22-34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гафурова Эльмира Равиловна, доцент кафедры «Юриспруденция». Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова. 426069, Приволжский ФО, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gafurova Elmira Ravilevna, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Kalashnikov Izhevsk State Technical University. 7 Studencheskaya St., Izhevsk, Udmurt Republic, Volga Federal District, 426069.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 22.04.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 22.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 138–150.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 138-150.

5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.2

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В АПТЕЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Вихарев Данил Дмитриевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
Danil19-92@inbox.ru

Введение. В статье исследуются уголовно- и административно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за незаконный оборот сильнодействующих веществ через аптечные сети. Актуальность работы обусловлена отсутствием законодательно закрепленных критериев разграничения смежных составов (ст. 234 УК РФ и ч. 1.1 ст. 14.4.2 КоАП РФ), что приводит к противоречивой правоприменительной практике и декриминализации деятельности организованных преступных групп. Целью работы является определение и анализ критериев, позволяющих правоприменителю разграничить административную и уголовную ответственность при незаконном сбыте сильнодействующих веществ в аптечных организациях.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы законодательства Российской Федерации, уголовные дела, а также судебные акты. В ходе исследования применен сравнительно-правовой анализ норм, изучение судебной практики (включая апелляционные и кассационные определения) и синтез эмпирических данных.

Результаты исследования позволили разработать, обобщить, систематизировать и провести анализ объективных признаков – критериев, позволяющих отграничить умышленный преступный сбыт от неосторожного административного правонарушения (системность, конспирация, нарушение правил учета и др.).

Выводы и заключения. Выводы исследования имеют практическую значимость для правоприменителей (следователей, прокуроров, судей) и могут быть использованы для совершенствования уголовного и административного законодательства, а также методик расследования преступлений в сфере незаконного сбыта сильнодействующих веществ.

Ключевые слова: незаконный оборот сильнодействующих веществ, аптечная наркопреступность, разграничение уголовной и административной ответственности фармацевта-провизора.

Для цитирования: Вихарев Д. Г. Критерии разграничения административной и уголовной ответственности при незаконном сбыте сильнодействующих веществ в аптечных организациях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 138–150.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR THE ILLEGAL SALE OF POTENT SUBSTANCES IN PHARMACIES

Danil D. Vikharev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, Danil19-92@inbox.ru

Introduction. The article examines the criminal and administrative legal norms governing liability for the illegal trafficking of potent substances through pharmacy chains. The relevance of the work is due to the lack of legally established criteria for distinguishing related groups (Article 234 of the Criminal Code and Part 1.1 of Article 14.4.2 of the Administrative Code), which leads to contradictory law enforcement practices and decriminalization of organized criminal groups. The purpose of the work is to identify and analyze criteria that allow a law enforcement officer to distinguish between administrative and criminal liability for the illegal sale of potent substances in pharmacy organizations.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles by scientists, the norms of the legislation of the Russian Federation, criminal cases, as well as judicial acts. The study applied a comparative legal analysis of norms, the study of judicial practice (including appellate and cassation rulings) and the synthesis of empirical data.

The Results of the Study made it possible to develop, summarize, systematize and analyze objective signs - criteria that make it possible to distinguish intentional criminal sales from reckless administrative offenses (consistency, conspiracy, violation of accounting rules, etc.).

Findings and Conclusions: The findings of the study are of practical importance for law enforcement officers (investigators, prosecutors, judges) and can be used to improve criminal and administrative legislation, as well as methods for investigating crimes in the field of the illegal sale of potent substances.

Keywords: illicit trafficking of potent substances, pharmacy drug crime, differentiation of criminal and administrative responsibility of pharmacist

For citation: Vikharev D. D. Kriterii razgranicheniya administrativnoj i ugovolnoj otvetstvennosti pri nezakonnom sbyte sil'nodejstvuyushchih veshchestv v aptechnyh organizacijah [Criteria for Distinguishing Between Administrative and Criminal Liability for the Illegal Sale of Potent Substances in Pharmacies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 138-150. (In Russ.).

Одним из основных принципов правового государства является защита прав, законных интересов лиц и организаций, потерпевших от незаконных действий, а также защита от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Данный принцип реализуется в том числе в непосредственной практике разграничения и применения норм уголовного и административного права, то есть когда правоприменитель оценивает совершенное лицом деяние с целью его законной

квалификации, для применения именно той нормы права, реализация которой будет выражать законное и обоснованное решение. Основой для принятия решения и определения позиции правоприменителя являются нормативные правовые, а также праворазъясняющие акты [1, с. 43–49]. При этом зачастую, в целях исключения разного толкования, законодатель непосредственно в соответствующей норме административного или уголовного права делает акцент на определенных признаках, позволяющих разграничить данные институты.

В области оборота наркотических средств и психотропных веществ представлен яркий пример такого разграничения. Так, ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ¹ (далее – КоАП РФ) предусматривает административную ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ без цели сбыта, а ст. 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации ² (далее – УК РФ) – уголовную ответственность также в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ без цели сбыта, но начиная со значительного размера рассматриваемых веществ ³. Таким образом, законодатель четко разграничил ответственность, указав в норме уголовного права квалифицирующий признак – размер подконтрольного вещества.

Но порой правоприменитель сталкивается с ситуацией, когда на законодательном уровне нет закрепленных однозначных признаков, позволяющих разграничить уголовную и административную ответственность, отсутствуют какие-либо разъяснительные акты и, соответственно, разрознена сама судебная практика.

Примером такой ситуации является сфера охраны общественных отношений в области оборота сильнодействующих веществ, в частности сбыта лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества, фармацевтом без соответствующего рецепта, в помещении аптеки, имеющей лицензию на фармацевтическую деятельность [2, с. 281]. Основными нормами, охраняющими данные общественные отношения, выступают ч. 1.1 ст. 14.4.2 КоАП РФ и ч. 1–3 ст. 234 УК РФ.

Анализируя средства массовой информации, мы установили факты, подтверждающие причастность аптечных организаций к незаконным сбытам сильнодействующих веществ. Так, в 2023 году в г. Москве сотрудники силовых структур выявили сеть аптечных пунктов, которые незаконно продавали сильнодействующие препараты, в результате операций задержали всех участников преступной группы и изъяли более 150 килограммов веществ на сумму более 35 миллионов рублей ⁴. В 2024 году

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=ltslu73w2w948034388 (дата обращения: 10.08.2025)

² Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.08.2025)

³ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136206/ (дата обращения 10.08.2025).

⁴ Масштабную сеть по продаже сильнодействующих препаратов через псевдоаптеки вскрыли в Подмосковье // bfm.ru : сайт. URL: <https://www.bfm.ru/news/521140> (дата обращения 10.08.2025).

в Москве арестовали двух владельцев аптек за незаконную продажу сильнодействующих веществ в своих аптеках.⁵ При этом также увеличивается и число групповых преступлений, совершаемых в данной сфере, что, по нашему мнению, соотносится именно с организацией незаконных сбытов сильнодействующих веществ через аптечные сети. Так, ниже представлен график групповой преступности согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации⁶ (рис. 1).

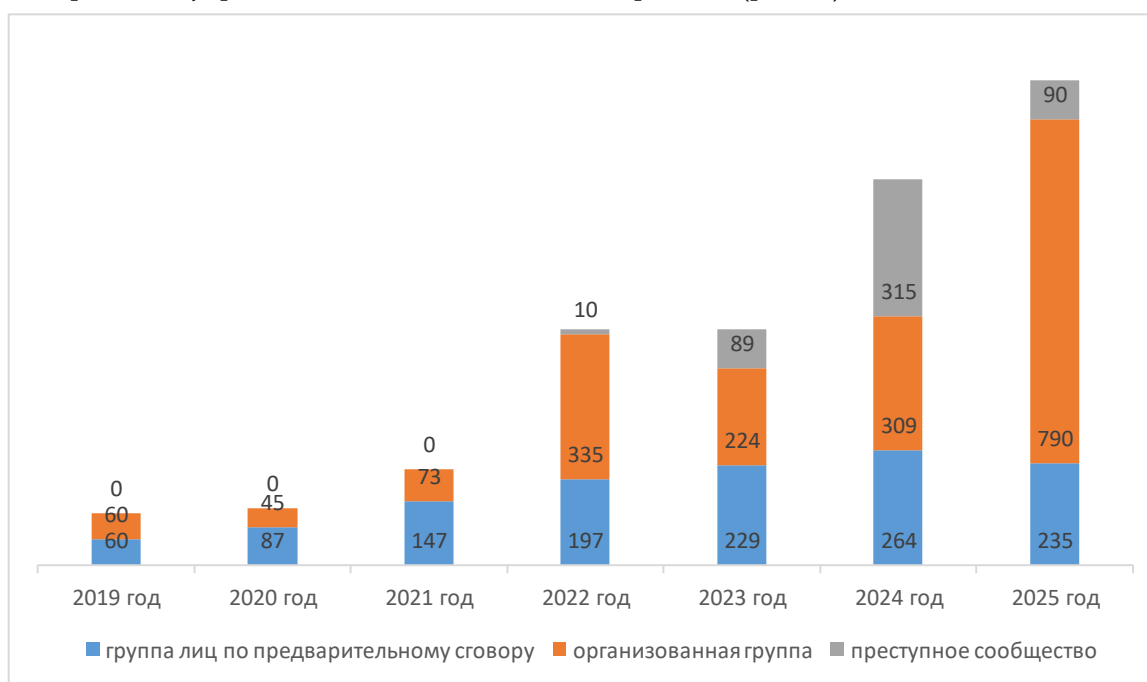

Рис. 1. График изменения групповой преступности совершения незаконных сбытов сильнодействующих веществ на территории Российской Федерации (ч. 1–3 ст. 234 УК РФ)

При изучении судебно-следственной практики, судебных решений по уголовным и административным делам становится очевидным то, что привлечь к уголовной ответственности фармацевта, сбывающего без соответствующего рецепта сильнодействующие лекарственные препараты в помещении аптеки, имеющей лицензию, довольно трудно, и этому есть ряд причин [3, с. 52].

Первая причина – это отсутствие сформулированного в законе признака, разграничивающего рассматриваемые нами административную и уголовную норму. В ст. 14.4.2 КоАП РФ законодателем указано, что ч. 1.1 применяется только тогда, когда в действиях лица нет признаков уголовно наказуемого деяния. При этом сами признаки нигде не закреплены, в связи с чем правоприменителю необходимо данные признаки самостоятельно установить, собрать, закрепить и, более того, обосновать перед контрольно-надзорными органами, в том числе и перед судом.

Вторая причина вытекает из первой, так как в связи с изложенным практически отсутствует правоприменительная практика рассмотрения судами дел по обвинению фармацевта, действующего в рамках аптечной организации, когда непосредственный сбыт

⁵ Две владелицы столичных аптек арестованы за подпольные продажи лекарств // Москва 24 : сайт. URL: <https://www.m24.ru/news/proisshestiya/23122024/755084> (дата обращения: 10.08.2025).

⁶ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.08.2025).

осуществляется в помещении аптеки, имеющей лицензию на оборот лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества. Превалирующей является криминальная ситуация, когда указанные лекарственные препараты продаются фармацевтом как частным лицом вне рамок аптеки либо реализуются непосредственно на рабочем месте в рабочее время, но при этом реализованные сильнодействующие вещества ранее официально в аптеку не поступали и вырученные от продажи денежные средства остаются непосредственно у реализующего их фармацевта. Применение нормы уголовного права при описанных обстоятельствах не вызывает сомнений [4, с. 48]. Судебных решений именно по схожим преступлениям довольно много, при изучении которых можно установить, что суды принимают во внимание тот факт, что фармацевт в силу своего должностного положения осведомлен о запрете реализации подконтрольных лекарственных препаратов без рецепта и назначения врача, в связи с чем сбывает их незаконно [5, с. 32].

В-третьих, нет криминалистических методик, упрощающих деятельность оперативно-следственных подразделений при поиске и фиксации обстоятельств, позволяющих квалифицировать действия фармацевта как уголовно наказуемые деяния.

В ходе изучения и анализа судебно-следственной практики нами установлено, что в целях защиты и привлечения к административной ответственности вместо уголовной, при безрецептурном отпуске лекарственного препарата, содержащего сильнодействующие вещества, фармацевты используют следующие тактические приемы:

1. Указывают на то, что аптека имеет лицензию на оборот сильнодействующих веществ, в связи с чем в их деянии отсутствует признак объективной стороны ч. 1–3 ст. 234 УК РФ, выражающийся в незаконном хранении сильнодействующего вещества в целях сбыта;

2. Поясняют, что деятельность аптеки непосредственно связана с отпуском лекарственных препаратов, в связи с чем отпуск фармацевтом, хоть и с нарушением установленных правил, представляет собой не сбыт, совершенный незаконно, а форму отпуска препарата, совершенного с нарушением.

Результатами использования такой тактики являются либо прекращение уголовного дела органом предварительного расследования⁷, либо переквалификация действий фармацевтов при рассмотрении судебных заседаний с уголовно наказуемого деяния на административное правонарушение⁸.

Для достижения поставленной цели считаем необходимым провести анализ судебно-следственной практики по обвинению фармацевта, безрецептурно сбывающего именно в помещении аптеки с лицензией лекарственные препараты, содержащие в своем составе сильнодействующие вещества, и установить основополагающие признаки, указывающие именно на уголовную наказуемость деяния, а не административную ответственность за правонарушение в области безрецептурного сбыта сильнодействующего лекарственного препарата.

Таким образом, нами было установлено и проанализировано вступившее в законную силу судебное решение именно по обвинению фармацевтов, осуществляющих незаконные сбыты сильнодействующих лекарственных препаратов в помещении аптеки, действующей на основании лицензии. Так, в 2023 году в Перовском районном суде

⁷ Уголовное дело № 12201220078000163 возбуждено отделом дознания отдела полиции № 8 УМВД России по г. Н. Новгороду 03.02.2022 в отношении неустановленного лица, по ч. 1 ст. 234 УК РФ.

⁸ Решение от 14 апреля 2017 г. по делу № А40-41132/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HyuYh6SJFPJQ/> (дата обращения: 10.07.2025)

г. Москвы⁹ рассматривалось уголовное дело по обвинению группы лиц в организации незаконных сбытов сильнодействующих лекарственных препаратов в помещении аптечного пункта, осуществляющего деятельность в соответствии с лицензией на фармацевтическую деятельность. В ходе следствия было установлено, что руководитель аптечного пункта осуществлял, согласно лицензии, закупку сильнодействующих лекарственных препаратов на законных основаниях. Но в целях получения незаконной прибыли он организовал посредством деятельности фармацевтов незаконные сбыты данных препаратов, без обязательного наличия рецепта, без фиксации движения данных препаратов в соответствующих журналах и без официальной финансовой отчетности (без использования кассового аппарата).

По результатам рассмотрения дела в суде был вынесен обвинительный приговор, который был обжалован защитниками подсудимых в Апелляционной инстанции. Проанализировав данные жалобы, можно установить основные аспекты, на которые указывали защитники, в целях переквалификации действия своих подзащитных на административные правонарушения:

- аптека имела законное право хранить и сбывать лекарственные средства на основании действующей лицензии, в связи с чем, суд неправомерно применил ч. 3 ст. 234 УК РФ, так как в действиях лиц имеет место нарушение правил, а не незаконный сбыт сильнодействующих веществ.

- вменение лицам действия объективной стороны, выразившегося в незаконном хранении, предусмотренного ст. 234 УК РФ несостоятельным, так как аптечный пункт обладал лицензией, а ненадлежащее хранение и учет лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету (далее – ПКУ), является нарушением правил лицензирования и влечет за собой административную ответственность [6, с. 97];

- лицо, совершившее нарушение правил, не может быть субъектом по ч. ч. 1–3 ст. 234 УК РФ (ввиду изначального обладания законным правом на хранение и сбыт лекарственных средств), а является только потенциальным субъектом по ч. 4 ст. 234 УК РФ, а так как ч. 4 ст. 234 УК РФ предусматривает наличие обязательных последствий, которые в ходе расследования уголовного дела не установлены, лица не подлежат уголовной ответственности.

Апелляционное определение, вынесенное судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда от 3 мая 2024 г.¹⁰, оставило апелляционные жалобы без удовлетворения. Проанализировав данное решение, мы систематизировали основания, в соответствии с которыми судебная коллегия не удовлетворила рассматриваемые жалобы:

- наличие лицензии на право осуществления фармацевтической деятельности. Факта совершения незаконного хранения и незаконного сбыта сильнодействующих веществ осужденные не опровергают, поскольку указанные выше противоправные действия совершались вне рамок деятельности, заявленной в правоустанавливающих документах, и под видом ее осуществления.

⁹ Перовский суд рассмотрел дело банды женщин-фармацевтов // Портал правительства Москвы : сайт. URL: <https://perovo.mos.ru/presscenter/news/detail/11694356.html> (дата обращения 10.08.2025)

¹⁰ Информация Перовского районного суда общей юрисдикции г. Москвы по делу № 01-0017/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : сайт. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/criminal/details/c56bf8f0-da71-11ec-8537-4b4c2c55d6f7?codex=234+ук+пф&formType=fullForm> (дата обращения: 10.08.2025)

Иными словами, непосредственно аптека приобретает и хранит сильнодействующие вещества законно, в целях осуществления фармацевтической деятельности – доведения лекарств до потребителей в рамках действующего законодательства. Однако действия фармацевта, направленные на незаконный сбыт сильнодействующего вещества, необходимо расценивать как факт незаконного приобретения, хранения в целях сбыта;

- отсутствие официального документального отражения движения лекарственных средств, подлежащих ПКУ, в соответствующих журналах, переупаковка препаратов, продажа не в заводской первичной упаковке, реализация препаратов без предъявления покупателями рецептурных бланков, отпуск без выдачи кассовых чеков – свидетельствует в совокупности именно о незаконном хранении сильнодействующих веществ в целях их последующего незаконного сбыта. Указанные действия совершались по заранее разработанному плану с четким распределением ролей между участниками преступной группы, с целью получения прибыли от незаконной деятельности, что не может расцениваться исключительно как нарушение правил хранения и реализации сильнодействующих веществ, установленных ведомственными инструкциями, и выходит за пределы административного правонарушения.

Суд, рассматривая апелляционные жалобы, трактует и указывает на данные признаки как на разграничение административной и уголовной нормы. Считаем, что на это необходимо ориентироваться иным правоприменителям, например при выявлении признаков рассматриваемого деяния.

Апелляционное определение было обжаловано в кассационном порядке, где Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 15 апреля 2025 г. вынесла кассационное определение¹¹, согласно которому были рассмотрены жалобы защитников подсудимых, содержащие те же основания, что и в апелляционных жалобах. В связи с этим судебная коллегия указала на то, что данные жалобы уже были тщательно проверены судом апелляционной инстанции. Вместе с тем судебная коллегия определила приговор Перовского районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда оставить без изменения, кассационные жалобы – без удовлетворения. Кроме этого, доводы адвокатов суд расценил как способ защиты и желание уменьшить степень ответственности за содеянное, представить фактические обстоятельства дела в более выгодном для себя положении.

Данные решения, на наш взгляд, необходимо использовать Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в целях обобщения и актуализации практики рассмотрения судами уголовных дел рассматриваемой категории и формирования правоприменительной практики.

В ходе анализа рассмотренных решений, практического опыта работы в следственных и оперативных подразделениях по борьбе с незаконным оборотом подконтрольных веществ, а также научной литературы нами в рамках данного исследования определены и представлены ряд признаков, которые могут указывать на то, что умысел фармацевта направлен именно на незаконный сбыт лекарственного препарата

¹¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции г. Москвы от 15 апреля 2025 г. по делу № 77-996/2025 // Второй кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14963765&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 19.09.2025)

из-за входящего в его состав сильнодействующего вещества, а не на безрецептурный отпуск данного препарата, совершенный по неосторожности и квалифицируемый как административное правонарушение.

К данным признакам нами были отнесены:

- системный характер сбытов – в действиях фармацевта усматривается системный характер безрецептурного сбыта сильнодействующих лекарственных препаратов, а не единичный случай. Однако в этом случае необходимо исходить из позиции прокуратуры, так как в основном данный орган не разрешает проводить оперативным подразделениям оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» более одного раза в отношении одного и того же лица. В связи с этим считаем, что необходимым будет, кроме проведения самой проверочной закупки, установить дополнительных свидетелей, которые неоднократно приобретали без использования рецепта у фармацевта сильнодействующие лекарственные препараты;

1. Сбыты в нерабочее время. Считаем, что осуществление сбыта лекарственных препаратов после закрытия аптеки или в ночное время может указывать на преступный характер деяний.

2. Нарушение правил применения контрольно-кассовой техники – фармацевт осуществляет продажу лекарственного препарата за наличные денежные средства или с помощью банковского перевода на указанный им счет или банковскую карту в нарушение установленных правил использования контрольно-кассового аппарата;

3. Изменение цены за препарат. Отпуск лекарственных средств по рецептурным бланкам осуществляется по установленным ценам, а также бесплатно или с установленной надбавкой. Фармацевт с целью получения незаконной прибыли осуществляет безрецептурный отпуск сильнодействующего лекарственного препарата, при этом в несколько раз превышает установленные цены, что может указывать на преступный характер деяний.

Так, чаще всего к административной ответственности привлекались фармацевты, безрецептурно отпускающие сильнодействующий лекарственный препарат «Лирика» или «Прегабалин» [7, с. 15]. При официальном приобретении упаковки данных препаратов ее стоимость составляла около 1 500 рублей, при незаконном приобретении данного препарата средняя стоимость продажи одной капсулы варьировалась от 300 до 400 рублей. Таким образом, идентичная упаковка данного лекарственного препарата сбывалась по цене около 17 000 рублей.

4. Сбыт в измененной упаковке. В целях конспирации, а также простоты продажи подконтрольных лекарственных препаратов недобросовестные фармацевты сбывают их либо в виде отрезанных от блистера капсул или целыми блистерами без первичной (картонной) упаковки.

5. Отсутствие официального документального отражения движения лекарственных средств в соответствующих журналах, что явно может указывать на конспиративный характер деяний. Данные журналы имеют утвержденную форму и являются обязательными для соблюдения лицензионных требований и должны содержать регистрацию всех операций, которые изменяют количество или состояние препаратов [8, с. 65].

6. Сбыты без использования приложения «Честный знак»¹². Частью системы «Честный знак» является Федеральная государственная информационная система мониторинга движения лекарственных препаратов, предназначенная для отслеживания

¹² Честный знак : сайт. URL: <https://честныйзнак.рф/> (дата обращения: 24.09.2025)

оборота лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя. Данная система обеспечивает прозрачность и контроль за движением лекарственных препаратов на территории России. Неиспользование данной программы при безрецептурном отпуске рецептурного препарата может означать умысел лица скрыть произведенную операцию от контрольных органов.

7. Сбыты с использованием конспирации – в своей деятельности фармацевты используют специальные сленговые выражения, обозначающие процессы сбыта или сами лекарственные препараты (*красные, конфетки, полосатые, леденцы* и т. п.), производят безрецептурный отпуск подконтрольных лекарственных препаратов определенному кругу лиц, а также могут осуществлять сами сбыты с использованием средств личной конспирации, к примеру, через окошко выдачи, без возможности приобретателю зайти в само помещение аптеки.

Таким образом, считаем, что при действительном совершении административного правонарушения в аптечной организации в установленной форме ведутся журналы учета и движения лекарственных препаратов и учет рецептурных бланков, по которым отпускаются препараты. Препарат при отпуске не был переупакован, не разрезан и не пересыпано само вещество. Фармацевт отпустил препарат с использованием программы «Честный знак», принял оплату в соответствии с контрольно-кассовым оборудованием и по установленной цене, после чего выдал приобретателю чек. При этом он по неосторожности не проверил наличие рецептурного бланка у приобретателя. В таком случае данные действия фармацевта действительно должны рассматриваться как нарушение правил отпуска сильнодействующих лекарственных препаратов, подлежащих ПКУ, повлекшее их отпуск без соответствующего рецепта.

В случае если характер безрецептурного отпуска носит системный, длительный характер, без контрольно-кассового оборудования и использования программы «Честный знак», чаще всего за многократно завышенную цену, в измененной, не заводской упаковке, при этом определенному кругу лиц и с использованием средств конспирации, действия фармацевта должны однозначно рассматриваться как уголовное деяние, направленное на незаконный сбыт сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственного препарата.

Завершая исследование, хотелось бы подчеркнуть, что основные трудности правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере связаны с недостатками законодательства, а также отсутствием четких механизмов собирания доказательств. Как подмечено А. Т. Акматовой [9, с. 69], наблюдается низкий уровень взаимодействия между медицинскими учреждениями, аптечными организациями и правоохранительными органами. При этом и сама профилактика недопущения незаконного сбыта рецептурных лекарственных средств, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества, требует комплексного подхода и усиления мер по контролю за продажей рецептурных препаратов [10, с. 22].

Таким образом, законная квалификация правоприменителем действий лица, являющегося субъектом легального оборота сильнодействующих лекарственных препаратов, осуществившего незаконный отпуск указанных препаратов без предъявления соответствующего рецепта, зависит от установления и разграничения признаков уголовно наказуемого и административного деяния, поэтому незаконная продажа таких средств через аптеки, где фармацевты могут использовать свой статус для незаконных операций под видом легальной деятельности, представляет серьезную угрозу для здоровья людей, увеличивая темпы роста немедицинского потребления лекарственных препаратов,

содержащих сильнодействующие вещества, а также нанося ущерб экономической безопасности страны [11, с. 22].

Анализируемый нами пробел в законодательстве является ключевой проблемой. Отсутствие законодательно закреплённого формального критерия (аналогичного «значительному размеру» для наркотиков) для разграничения ст. 234 УК РФ и ст. 14.4.2 КоАП РФ приводит к субъективизму в квалификации, порождает противоречивую судебную практику и создает условия для ухода организованных преступных групп от уголовной ответственности.

Легальный статус аптеки используется для прикрытия преступной деятельности. Однако наличие лицензии у аптечной организации не является препятствием для квалификации действий ее сотрудников по уголовной статье, если эти действия выходят за правовые рамки данной лицензии и носят системно-преднамеренный характер, что было подтверждено высшими судебными инстанциями.

В статье определена необходимость комплексного подхода и эффективного противодействия преступности в рассматриваемой сфере, что требует не только совершенствования законодательства, но и развития криминалистических методик раскрытия таких преступлений, а также налаживания системного взаимодействия между правоохранительными органами, Росздравнадзором и аптечными сетями. Также, учитывая вынесенные решения Московского городского суда и Второго кассационного суда общей юрисдикции, считаем целесообразным их обобщение и закрепление в виде обзора судебной практики в целях ее унификации. Это обеспечит единообразие подхода к квалификации подобных деяний по всей стране.

Предложенные в рамках исследования признаки — рабочий инструмент для правоприменителя. Разработанный автором перечень критериев служит практическим ориентиром для следственных и оперативных подразделений при оценке действий фармацевтов, сборе доказательств и отграничении уголовно наказуемого сбыта от административного правонарушения. Это позволяет перейти от абстрактной оценки «умысла» к анализу конкретных объективных обстоятельств дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лобова В. А. Процессуальные формы применения и толкования норм гражданского законодательства // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия : сб. ст. по мат-лам XIX Междунар. науч.-практ. конф. Том 6 (19). М. : Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2018. С. 43–49. EDN: OWVPSJ.

2. Вихарев Д. Д. Особенности выявления преступлений в сфере немедицинского оборота лекарственных средств, содержащих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества // Альманах № 8 : сб. ст. по мат-лам Всероссийской науч.-практ. конф. Нижегородской школы процессуалистов. (г. Нижний Новгород, 19 ноября 2024 г.). Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 277–287. EDN: DIFDFK.

3. Маркина А. Н. Незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества: анализ причин и современное положение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4 (61). С. 49–53. EDN: XEEZOG.

4. Гурулёв Д. В. Несовершенство ст. 234 УК, влекущее необоснованное освобождение работников аптек от уголовной ответственности // Законность. 2012. № 12 (938). С. 46–49. EDN: PLCVPZ.

5. Старжинская О. Б. Самойлова Ю. Б., Шишов М. А. Актуальные вопросы противодействия аптечной наркомании // Наркоконтроль. 2025. № 1. С. 29–33. DOI: 10.18572/2572-2072-4160-2025-1-29-33. EDN: RGPFUO.
6. Малева А. Б., Занина И. А., Ивановская Н. П. Актуальные вопросы обращения лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Химия. Биология. Фармация. 2024. № 2. С. 94–103. EDN: JIPMPD.
7. Полинская, Т. А., Шишов М. А. Актуальные аспекты новых форм аптечной наркомании // Наркоконтроль. 2019. № 4. С. 14–16. DOI: 10.18572/2072-4160-2019-4-14-16. EDN: KYTDUF.
8. Акматова А. Т. Юридическая ответственность фармацевтов и медицинских работников за содействие аптечной наркомании : проблемы выявления и доказывания // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 18 июня 2025 г.). СПб. : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2025. С. 58–67. DOI: 10.37539/250618.2025.96.49.006. EDN: ALFETL.
9. Акматова А. Т. Оценка результативности профилактических мероприятий по борьбе с «аптечной» наркоманией в Российской Федерации, Казахстане и Кыргызской Республике // Перспективные исследования в современном мире : сб. ст. Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 30 января 2025 г.). СПб. : ООО «Международный институт перспективных исследований им. Ломоносова», 2025. С. 66–70. DOI: 10.58351/250130.2025.85.75.004. EDN: RPRFIC.
10. Сейтакова Б. К. «Аптечная» наркомания: причины и меры противодействия // Научный компонент. 2020. № 3 (7). С. 16–23. DOI: 10.51980/2686-939X_2020_3_16. EDN: OVKAZK.
11. Шишов М. А. О мерах противодействия аптечной наркомании // Наркоконтроль. 2022. № 4. С. 18–21. DOI: 10.18572/2072-4160-2022-4-18-21. EDN: FIVMHI.

REFERENCES

1. Lobova V. A. [Procedural forms of application and interpretation of the norms of civil legislation]. Nauchnyj forum: YUrisprudenciya, istoriya, sociologiya, politologiya i filosofiya : sb. st. po mat-lam XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Scientific Forum: Jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy : Collection of articles based on the materials of the XIX international scientific and practical conference]. Moscow : Limited Liability Company "International Center for Science and Education", 2018, Vol. 6 (19), pp. 43–49. (In Russ.). EDN: OWVPSJ.
2. Vikharev D. D. [Features of detecting crimes in the field of non-medical trafficking of medicines containing narcotic drugs, psychotropic substances, and potent substances]. Al'manah" № 8 : sb. st. po mat-lam Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Nizhegorodskoj shkoly processualistov. (g. Nizhnij Novgorod, 19 noyabrya 2024 g.) [Almanac No. 8 : Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference of the Nizhny Novgorod School of Processualists, Nizhny Novgorod, 19 November 2024]. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, pp. 277–287. (In Russ.). EDN: DIFFFK.
3. Markina A. N. Nezakonnyj otpusk v aptechnyh organizacijah lekarstvennyh preparatov, soderzhashchih sil'nodejstvuyushchie veshchestva: analiz prichin i sovremennoe polozhenie [Illegal release of medicines containing potent substances in pharmacy organizations: an analysis of the causes and the current situation]. Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo

instituta MVD Rossii - Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. 61, no. 4, pp. 49-53. (In Russ.). EDN: XEEZOG.

4. Gurulev D. V. Nesovershenstvo st. 234 UK, vlekushchee neobosnovannoe osvobozhdenie rabotnikov aptek ot ugolovnoj otvetstvennosti [Imperfection of Article 234 of the Criminal Code, entailing unjustified exemption of pharmacy workers from criminal liability]. Zakonnost' - Legality. 2012, vol. 938, no. 12, pp. 46-49. (In Russ.). EDN: PLCVPZ.

5. Starzhinskaya O. B. Samoylova Yu. B., Shishov M. A. Aktual'nye voprosy protivodejstviya aptechnoj narkomanii [Topical issues of countering pharmacy drug addiction]. Narkokontrol' - Drug control. 2025, no. 1, pp. 29-33. (In Russ.). DOI: 10.18572/2572-2072-4160-2025-1-29-33. EDN: RGPFUO.

6. Maleva A. B., Zanina I. A., Ivanovskaya N. P. Aktual'nye voprosy obrashcheniya lekarstvennykh sredstv, podlezhashchih predmetno-kolichestvennomu uchetu [Actual issues of circulation of medicines subject to quantitative accounting]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Himiya. Biologiya. Farmaciya - Bulletin of Voronezh State University. Series: Chemistry. Biology. Pharmacy. 2024, no. 2, pp. 94-103. (In Russ.). EDN: JIPMPD.

7. Polinskaya T. A., Shishov M. A. Aktual'nye aspekty novykh form aptechnoj narkomanii [Actual aspects of new forms of pharmacy drug addiction]. Narkokontrol' - Drug control. 2019, no. 4, pp. 14-16. (In Russ.). DOI: 10.18572/2072-4160-2019-4-14-16. EDN: KYTDUF.

8. Akmatova A. T. [Legal responsibility of pharmacists and medical workers for the promotion of drug addiction in pharmacies : problems of detection and proof] Social'no-ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya v sovremennom mire : sb. st. IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tyumen', 18 iyunya 2025 g.) [Socio-economic and humanitarian research in the modern world : collection of Articles IV of the International Scientific Conference. 18 June 2025. Tyumen], St. Petersburg, 2025, pp. 58-67. (In Russ.). DOI: 10.37539/250618.2025.96.49.006. EDN: ALFETL.

9. Akmatova A. T. [Evaluation of the effectiveness of preventive measures to combat "pharmacy" drug addiction in the Russian Federation, Kazakhstan and the Kyrgyz Republic]. Perspektivnye issledovaniya v sovremennom mire : sb. st. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 30 yanvarya 2025 g.) [Prospective studies in the modern world : collection of articles of the International Scientific Conference. 30 January 2025]. St. Petersburg, 2025, pp. 66-70. (In Russ.). DOI: 10.58351/250130.2025.85.75.004. EDN: RPRFIC.

10. Seitakova B. K. «Aptechnaya» narkomaniya: prichiny i mery protivodejstviya ["Pharmacy" drug addiction: causes and countermeasures]. Nauchnyj komponent - Scientific component. 2020, vol. 7, no. 3, pp. 16-23. (In Russ.). DOI: 10.51980/2686-939X_2020_3_16. EDN: OBKAZK.

11. Shishov M. A. O merah protivodejstviya aptechnoj narkomanii [On measures to counter pharmacy drug addiction]. Narkokontrol' - Drug control. 2022, no. 4, pp. 18-21. (In Russ.). DOI: 10.18572/2072-4160-2022-4-18-21. EDN: FIVMHI.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вихарев Данил Дмитриевич, преподаватель кафедры предварительного расследования. Нижегородская академия МВД России. 603133, Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vikharev Danil Dmitrievich, Lecturer at the Department of Preliminary Investigation. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3 Ankudinovskoe Shosse, Nizhny Novgorod, 603133.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 16.11.2025; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 16.11.2025; accepted for publication 19.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 151–171.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 151-171.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

РОЛЬ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ В ВОПРОСАХ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Казьмин Вадим Викторович¹, Дашко Леонид Васильевич²

¹Экспертно-криминалистический центр МВД России, член Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ekc@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6099-1043>

²Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Российская Федерация, ldashko@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8320-9616>

Введение. В статье рассматриваются роль Экспертно-криминалистического центра МВД России в вопросах подготовки специалистов в области пожарно-технической экспертизы в системе МВД России, а также организация этого процесса. Обосновывается необходимость интеграции образовательной, научной и практической деятельности для обеспечения высокого уровня готовности выпускников к самостоятельной работе.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе анализа ведомственной статистики, нормативных правовых актов МВД России, использованы материалы, касающиеся взаимодействия Экспертно-криминалистического центра МВД России и Восточно-Сибирского института МВД России¹, в т. ч. результаты научно-исследовательских и методических работ, сведения о проведенных стажировках, учебных занятиях и научно-представительских мероприятиях, данные о трудоустройстве и уровне подготовки выпускников Института.

Результаты исследования. Определено, что с 2012 года после закрепления за Институтом приоритетного профиля подготовки взаимодействие с ЭКЦ МВД России приобрело системный характер, а подписание Соглашения о сотрудничестве в 2023 году позволило повысить эффективность совместной работы. Выявлены ключевые направления: организационно-методическое, образовательное, кадровое, научно-исследовательское и материально-техническое. Показано, что внедрение каскадного принципа передачи знаний и стажировок на финальном этапе обучения способствует сокращению периода адаптации молодых специалистов.

Выводы и заключения. Сложившаяся в ВСИ МВД России при активном участии ЭКЦ МВД России система подготовки экспертов пожарно-технического профиля представляет собой эффективную модель интеграции образования, науки и практики. Практико-ориентированный подход, реализуемый через стажировки, привлечение

¹ Далее – «ВСИ МВД России», «Институт».

действующих экспертов к учебному процессу и совместную научную работу, позволяет формировать у выпускников компетенции, соответствующие современным вызовам. Дальнейшее развитие взаимодействия целесообразно осуществлять по направлениям: расширение географии целевого набора кандидатов, внедрение в учебный процесс технологий виртуальной реальности для отработки навыков осмотра мест пожаров, а также проведение на базе института учебно-методических сборов с участием экспертных подразделений и Центра.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, экспертно-криминалистическая деятельность, подготовка экспертных кадров, практико-ориентированное обучение, научно-методическое обеспечение, осмотр места пожара, судебная экспертиза, доэкспертная оценка

Для цитирования: Роль экспертно-криминалистической службы МВД России в вопросах подготовки обучающихся по направлению пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 151–171 .

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

THE ROLE OF THE FORENSIC SCIENCE SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE TRAINING SYSTEM OF CADETS AND STUDENTS IN THE FIELD OF FIRE-TECHNICAL EXAMINATION

Vadim V. Kazmin¹, Leonid V. Dashko²

¹Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Member of the Government Commission for the Coordination of Forensic Activities in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ekc@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6099-1043>

²Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ldashko@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8320-9616>

Introduction. This article examines the training of specialists in fire safety expertise within the Russian Ministry of Internal Affairs, as well as the role of the Forensic Science Center of the Russian Ministry of Internal Affairs in organizing this process. The need to integrate educational, scientific, and practical activities to ensure graduates are highly prepared for independent work is substantiated.

Materials and Methods. The study was conducted based on an analysis of departmental statistics, regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and materials related to the interaction of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, including results of research and methodological work, information on internships, training sessions and scientific presentation events, data on the employment and level of training of graduates of the Institute.

The Results of the Study. It was determined that since 2012, after the institute was assigned a priority training profile, collaboration with the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia has become systematic, and the signing of a Cooperation Agreement in

2023 has enabled the development of systematic collaboration. Key areas of cooperation were identified: organizational and methodological, educational, personnel, research, and logistical support. It was shown that the implementation of a cascade principle of knowledge transfer and internships at the final stage of training helps reduce the adaptation time of young specialists.

Findings and Conclusions. The system for training firefighting experts established at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, with the active participation of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, represents an effective model for integrating education, science, and practice. A practice-oriented approach, implemented through internships, the involvement of active experts in the educational process, and joint research, helps graduates develop competencies that meet modern challenges. Further development of this collaboration is advisable in the following areas: expanding the geographic scope of the target recruitment of candidates, integrating virtual reality technologies into the educational process to practice fire scene inspection skills, and holding training sessions at the Institute with the participation of expert units and the Center.

Keywords: fire-technical examination, forensic activity, training of expert personnel, practice-oriented training, scientific and methodological support, inspection of a fire scene, forensic examination, pre-expert assessment

For citation: Kazmin V. V., Dashko L. V. Rol' ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhby MVD Rossii v voprosakh podgotovki obuchayushchikhsya po napravleniyu pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy [The role of the forensic science service of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the training system of cadets and students in the field of fire-technical examination]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 151-171. (In Russ.).

В системе противодействия преступности особое место занимает расследование деяний, сопряженных с пожарами. В Уголовном кодексе Российской Федерации² они квалифицируются следующим образом: умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167), террористический акт (ст. 205), нарушение требований пожарной безопасности (ст. 219), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261), приведение в негодность транспортной инфраструктуры (ст. 267.1) и диверсия (ст. 281). Установление истинной причины возгорания, механизма развития пожара и его связи с действием конкретных лиц невозможно без применения специальных знаний, носителями которых выступают эксперты пожарно-технического профиля [1, с. 13].

Значимость экспертного сопровождения раскрытия и расследования преступлений неоднократно подчеркивалась на самом высоком уровне. На расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев отметил,³ что на качество предварительного расследования существенное влияние оказывает состояние экспертно-криминалистического обеспечения. За 2024 год проведено более 1 млн 200 тыс. экспертиз и исследований, что актуализирует задачу совершенствования системы подготовки

² Далее – «УК РФ».

³ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // МВД МЕДИА : сайт. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (дата обращения: 02.03.2026).

кадров. Экспертно-криминалистические подразделения системы МВД России⁴ являются ключевым звеном в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с поджогами и техногенными пожарами. В их функции входит участие в качестве экспертов в проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, выполнение экспертиз и исследований, а также разработка и внедрение новых экспертно-криминалистических методов и средств в практику правоохранительных органов. Сотрудники ЭКП, опираясь на специальные знания в области химии, физики, материаловедения, инженерного дела и используя навыки работы на месте преступления, проведения экспертиз и исследований, способны решать различные задачи, в первую очередь – по результатам анализа вещественных доказательств определять причину и обстоятельства возникновения пожара, а также их связь с конкретными действиями преступников [2, с. 63–64].

На сегодняшний день пожарно-техническое направление в системе МВД России представлено 233 экспертами в ЭКЦ МВД России и ЭКП территориальных органов [3, с. 145]. Только за 2025 год ими выполнено 3 810 экспертиз и 360 исследований, обеспечено участие в 5 619 осмотрах мест происшествий. Несмотря на общее снижение количества пожаров в целом, как и выполненных экспертиз, доля исследований, результаты которых способствовали выявлению или раскрытию преступлений, остается на высоком уровне⁵.

Особого внимания заслуживает факт, что за последние годы в связи с активизацией деятельности иностранных спецслужб по вовлечению граждан России в противоправные действия существенно возросло количество поджогов террористической направленности на объектах железнодорожного транспорта, включая релейные шкафы и устройства автоматики и телемеханики [4, с. 110–112]. Это вызвало увеличение числа осмотров мест пожаров по преступлениям данной категории¹ (+24,4 % АППГ⁶).

При этом сохраняются сложности при исследовании ряда объектов, поскольку в строительстве, транспорте, промышленности и других отраслях экономики все больше применяются новые вещества и материалы, внедряются передовые технологии, а также меняется тактика преступников при совершении поджогов [5, с. 3]. ЭКЦ МВД России оперативно реагирует на эти вызовы, обеспечивая научно-методическое сопровождение расследования подобных преступлений.

Так, за последние годы подготовлены и внедрены в экспертную практику методические рекомендации по криминалистическому исследованию газового оборудования при производстве судебных экспертиз по фактам взрыва топливно-воздушных смесей [6, с. 174], словарь основных терминов и понятий судебного пожарно-технического эксперта, аналитический обзор практики использования специальных знаний при исследовании следов и обстоятельств взрыва [7, с. 4], информационные письма «Морские и речные суда как объекты судебной пожарно-технической экспертизы в системе МВД России» [8, с. 214], «Порядок осмотра и особенности экспертного исследования пригородных электропоездов, поврежденных пожаром» [9, с. 200–210], «Особенности проведения осмотра мест происшествий, связанных со взрывом топливно-

⁴ Далее – «ЭКП».

⁵ На основе отчетов 1-НТП: в 2024 г. проведено исследований 402 (87,0 %), экспертиз – 3 446 (86,6 %); в 2025 г. – исследований 312 (86,7 %), экспертиз – 3 313 (86,9 %).

⁶ Аналогичный показатель предыдущего года.

воздушной смеси» [10, с. 5–9], методические рекомендации «Исследование люминесцентных светильников при производстве пожарно-технических экспертиз» [11, с. 4–6], а также учебные пособия «Автотранспортные средства как объект пожарно-технической экспертизы» [12, с. 5–10] и «Обнаружение, выявление, фиксация и изъятие следов рук на местах пожаров» [13, с. 4–6].

В Центре непрерывно выполняется обобщение экспертной практики, проводятся научные исследования и разрабатываются методические рекомендации, что позволяет экспертам повышать уровень профессиональной компетенции, а органам предварительного расследования – получать сведения для формирования качественной доказательной базы [14, с. 251].

В сложившихся условиях особенно важна подготовка специалиста, способного применить свои знания при решении сложных и междисциплинарных задач – от действий на месте происшествия до реконструкции события с установлением причины пожара [15, с. 36–41].

В системе МВД России судебных экспертов-криминалистов по направлению пожарно-технической экспертизы готовят в Восточно-Сибирском институте МВД России (в 1968 году образован как Иркутское пожарно-техническое училище МВД СССР). Первый выпуск 150 сотрудников по специальности «Противопожарная техника и безопасность» состоялся в июне 1971 года. В 1978 году на базе училища открылся Иркутский филиал Высшей инженерной пожарно-технической школы МВД СССР. В 1993 году на основании распоряжения Совета Министров Правительства Российской Федерации от 8 мая 1993 г. № 791 объединены четыре образовательных учреждения: Иркутский факультет высшей инженерной пожарно-технической школы, Иркутское пожарно-техническое училище, отделение заочного обучения Хабаровской высшей школы милиции и филиал Красноярской средней специальной школы милиции – в Иркутскую высшую школу МВД России, которую возглавил генерал-майор милиции А. В. Чернов, руководивший вузом почти 20 лет [16, с. 3–4]. Именно тогда заложены традиции преемственности, позволяющие готовить уникальных специалистов, в равной степени знающих криминалистику и пожарно-технические дисциплины. В 1996 году школа преобразована в Восточно-Сибирский институт МВД России⁷.

В 2005 году в Институте создан новый факультет очного обучения по подготовке следователей и судебных экспертов, в 2020 году – кафедра судебно-экспертной деятельности [17, с. 10], в состав которой вошли сотрудники кафедр пожарно-технической экспертизы (первый руководитель – А. Н. Егоров) и автотехнической экспертизы и автоподготовки (первый руководитель – С. Н. Лазарев). Сегодня кафедру возглавляет кандидат химических наук полковник полиции А. А. Шеков, в ее составе семь кандидатов наук.

В 2012 году в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России» за вузами закрепляются приоритетные профили обучения, а также в целях обеспечения взаимодействия по вопросам подготовки квалифицированных специалистов – подразделения центрального аппарата МВД России. Для Института определен приоритетный профиль «Деятельность

⁷ Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://вси.мвд.рф> (дата обращения: 22.03.2026).

экспертно-криминалистических подразделений по производству автотехнической и пожарно-технической экспертиз». Ответственным за взаимодействие утвержден ЭКЦ МВД России, получивший полномочия в пределах компетенции рецензировать и согласовывать учебно-программную документацию и учебно-методические материалы, а также организовывать повышение квалификации педагогических работников [18, с. 282].

Важным этапом в укреплении сотрудничества стало подписание в июле 2023 года Соглашения между ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России по вопросам подготовки экспертных кадров, осуществления научной и методической деятельности [19, с. 124–130] (рис. 1).

Рис. 1. Подписание Соглашения о сотрудничестве между ЭКЦ МВД России и ВСИ МВД России

Один из основных элементов повышения качества обучения – вовлечение в образовательный процесс экспертов-практиков ЭКП. В рамках реализации Соглашения на регулярной основе представители ЭКЦ МВД России в режиме видео-конференц-связи проводят занятия с курсантами и слушателями Института по технико-криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с пожарами (рис. 2). Лекции и семинары посвящены анализу следов горения, выявлению признаков очага пожара, методике установления технической причины возгорания, а также применению инструментальных методов и средств при осмотре места происшествия. При этом демонстрируется обширный фото- и видеоматериал из экспертной практики, что позволяет обучающимся наглядно изучать тактику и методику

работы специалиста, а также знакомиться с новейшими разработками Центра в области пожарно-технической экспертизы⁸.

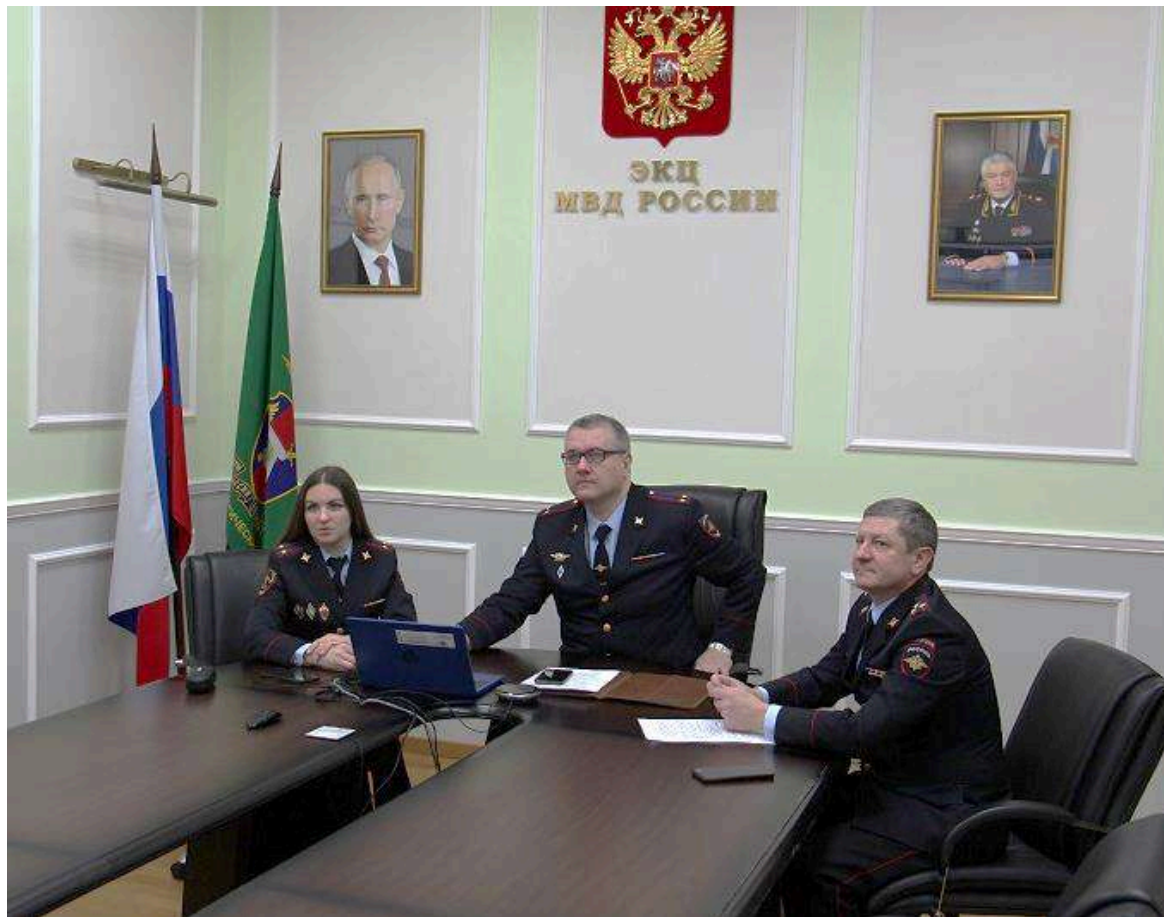

Рис. 2. Сотрудники ЭКЦ МВД России проводят занятия с курсантами и слушателями Института в режиме видео-конференц-связи

Особую роль в практической подготовке играют выездные занятия на объектах, где моделируются реальные условия работы на месте пожара. Начальник отдела пожарно-взрывотехнических экспертиз и экспертиз с применением физических методов ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области А. Ю. Южиков разработал учебный курс, в рамках которого проводит для курсантов практические занятия с выездом на специализированные полигоны и автостоянки.

На постоянной основе в заседаниях государственных экзаменационных и экспертно-квалификационных комиссий Института участвуют руководители ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области (А. Ю. Прудникова, А. Ю. Южиков, С. В. Зайцев) (рис. 3). В 2025 году в состав государственной экзаменационной комиссии

⁸ Экспертно-криминалистический центр МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centr (дата обращения: 02.03.2026).

по защите выпускных квалификационных работ вошел заместитель начальника ЭКЦ МВД России Г.В. Бережнев⁹.

Сформированная практика привлечения руководителей и сотрудников Центра, специализирующихся на производстве пожарно-технических экспертиз, к работе государственных экзаменационных комиссий позволяет отслеживать соблюдение единых методических подходов к решению экспертных задач при обучении, оценить глубину рассматриваемых тем и практическую направленность дипломных работ, что способствует повышению уровня подготовки специалистов.

Рис. 3. Заседание государственной экзаменационной комиссии
ВСИ МВД России

Кроме того, результатом многолетнего плодотворного сотрудничества является участие¹⁰ начальника ЭКЦ МВД России В. В. Казьмина в торжественных мероприятиях, посвященных выпуску молодых специалистов (рис. 4). Это не только поднимает престиж профессии, но и служит для молодых экспертов мощным стимулом к дальнейшему профессиональному росту. В 2025 году 11 выпускников института приняты на службу в ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области.

⁹ Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

¹⁰ Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Рис. 4. Вручение дипломов об окончании института слушателям
ВСИ МВД России

В целях оптимизации образовательного процесса и подготовки экспертных кадров в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» с января 2025 года для слушателей пятого курса, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза» со специализацией «Судебная автотехническая и пожарно-техническая экспертизы», организовано проведение дополнительных профессиональных программ повышения квалификации в форме стажировок. Курсанты проходят подготовку по программам «Повышение квалификации в форме стажировки по экспертной специальности «Пожарно-техническая экспертиза», «Исследование обстоятельств ДТП», «Исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств» и др. [20, с. 12–18]. Таким образом, еще до получения диплома будущие эксперты осваивают практические навыки, необходимые для самостоятельного производства экспертиз.

Важную роль в подготовке специалистов играет каскадный принцип передачи знаний. Непосредственно обучают курсантов в ходе стажировок действующие сотрудники ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, имеющие большой практический опыт и право самостоятельного производства экспертиз. Одновременно выстраивается система повышения квалификации педагогов, которые организуют учебный процесс

с использованием актуальных методик. Руководство и профессорско-преподавательский состав кафедры судебно-экспертной деятельности на постоянной основе проходят подготовку по дополнительным профессиональным программам на базе Центра [21, с. 403].

Такая система позволяет достичь нескольких целей: будущие эксперты получают первичную специализацию еще на студенческой скамье, преподаватели актуализируют свои знания под руководством практиков, а в образовательный процесс напрямую вовлечены специалисты как регионального, так и федерального уровней. Это сокращает путь молодого специалиста от получения диплома до самостоятельного производства судебных экспертиз и обеспечивает высокое качество подготовки заключений [22, с. 8].

Одним из основных направлений взаимодействия Центра и Института является также научно-исследовательская и методическая работа. ЭКЦ МВД России как головное экспертное подразделение системы Министерства на постоянной основе готовит методические материалы, обобщающие передовой опыт и новейшие достижения в области пожарно-технической экспертизы. Научно-методическая литература направляется в ВСИ МВД России для изучения и возможного использования в образовательном процессе.

ВСИ МВД России также выполняет научно-исследовательские работы¹¹ по заявкам Центра. Тематика таких исследований определяется наиболее актуальными проблемами экспертной практики, требующими научного осмысления и методического обеспечения. Результаты выполненных работ не только пополняют теоретическую базу, но и внедряются в учебный процесс, а также направляются в ЭКП для использования в практической деятельности. Так, по заявке Центра в 2024–2025 годах выполнена НИР по вопросам установления причин пожаров современных электромобилей, а в настоящее время ведется разработка научных подходов к исследованию стальных изделий после пожара. Подготовленное в 2024 году авторским коллективом Института учебно-практическое пособие по исследованию информации из систем пожарной сигнализации и автоматических установок пожаротушения ранее прошло апробацию и было направлено в экспертные подразделения для практического использования [23, с. 7–8].

Помимо выполнения плановых НИР, сотрудники Центра и преподаватели Института активно участвуют в совместных научных изысканиях, которые служат основой для публикаций в ведущих ведомственных изданиях. Такое сотрудничество ученых и практиков позволяет обеспечивать высокий уровень проработки тем и оперативное внедрение результатов исследований в экспертную деятельность и образовательный процесс.

ВСИ МВД России на протяжении многих лет является площадкой для проведения научно-представительских мероприятий высокого уровня. На его базе регулярно проходят не только круглые столы по актуальным проблемам инженерно-технических экспертиз, но и международные конференции, собирающие широкий круг участников. Главным событием 2025 года стал Восточно-Сибирский юридический форум, который объединил представителей научного и экспертного сообщества из регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья (рис. 5). В его работе приняли участие ведущие организации Азиатско-Тихоокеанского региона в области судебно-экспертной

¹¹ Далее – «НИР».

деятельности, в частности Хэйлунцзянский институт МОБ¹² Китайской Народной Республики и Институт судебной экспертизы МОБ Социалистической Республики Вьетнам, что подтвердило высокий авторитет Института за пределами Российской Федерации. Руководители Центра выступили на форуме с докладами, посвященными приоритетным направлениям развития судебной экспертизы в Российской Федерации. Они осветили вопросы совершенствования методического обеспечения существующих видов экспертиз, а также обозначили перспективы внедрения новых направлений экспертных исследований.

Рис. 5. Пленарное заседание Восточно-Сибирского юридического форума

Современная пожарно-техническая экспертиза требует использования передовых инструментальных методов и технических средств. Внедрение в образовательные процессы современных технологий, апробированных в экспертной практике, составляет одну из ключевых задач взаимодействия. Новые методики и технические средства, разрабатываемые с учетом потребностей практики, проходят всестороннюю проверку в экспертных подразделениях, после чего включаются в учебные программы. Подготовленные по ним специалисты, приходя на службу, готовы к дальнейшему совершенствованию научно-методической базы и криминалистической техники [24, с. 13].

Заключительный этап – выполнение инструментальных исследований, в том числе в рамках дипломных и курсовых работ, на лабораторных базах Института и государственных судебно-экспертных учреждений. Проведение учебных занятий с наглядными примерами применения современного специализированного оборудования и программного обеспечения,

¹² Министерство общественной безопасности.

разбор реальных экспертных ситуаций позволит эффективно подготовить курсантов и слушателей к государственной аттестации и качественно сформировать профессиональные компетенции будущего эксперта-криминалиста, способного решать сложные задачи. Благодаря этому молодые специалисты быстрее адаптируются к самостоятельной экспертной деятельности [25, с. 53].

Значительную часть практико-ориентированных занятий проводят непосредственно на базе ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, где есть возможность работать с криминалистической техникой, осваивать современные методы исследования под руководством действующих специалистов. В ходе таких выездов будущие эксперты отрабатывают навыки осмотра мест происшествий, учатся правильно изымать и упаковывать вещественные доказательства, применять криминалистическую технику (газоанализаторы, тепловизоры и пр.) в условиях, максимально приближенных к реальным, в том числе при работе с объектами, поврежденными пожаром. Особое место занимают беспилотные воздушные суда, позволяющие получать панорамные изображения мест крупных пожаров и производить точные замеры в труднодоступных участках, особенно там, где существует реальная угроза жизни, или на объектах со сложным рельефом [26, с. 54–58].

На занятиях на базе Испытательной пожарной лаборатории по Иркутской области МЧС России будущие эксперты знакомятся со спецификой работы и оборудованием, применяемым при расследовании пожаров сотрудниками государственной противопожарной службы (рис. 6). Это расширяет профессиональный кругозор и формирует у курсантов и слушателей понимание того, как выстраивается взаимодействие представителей разных структур.

Рис. 6. Практическое занятие на базе Испытательной пожарной лаборатории по Иркутской области МЧС России с курсантами ВСИ МВД России

Важным направлением, которое разрабатывается в ЭКЦ МВД России для дальнейшего внедрения в образовательный процесс Института, является формирование у будущих экспертов компетенций по так называемой доэкспертной оценке. Этот вид аналитической деятельности предполагает, что еще до начала производства экспертизы специалист, изучив материалы дела, должен оценить полноту представленных данных, сформулировать вопросы, решение которых будет целесообразно исходя из характеристик объекта при назначении экспертизы, или использовать иные формы специальных знаний [27, с. 50].

Одним из перспективных направлений в развитии образовательного процесса видится внедрение специализированных тренажерных комплексов, использующих технологии виртуальной реальности. Как показывает опыт образовательных организаций системы МЧС России и зарубежных стран, их применение в подготовке специалистов пожарно-технического профиля позволяет преодолеть объективные ограничения традиционного обучения. Речь прежде всего идет о невозможности включения в учебный процесс посещения реальных пожаров в силу их опасности и ограниченного доступа [28, с. 196–197].

В Уральском институте ГПС МЧС России и Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России успешно функционирует симулятор виртуальной реальности «Осмотр места происшествия» в виде комнаты (рис. 7). Панорамные фотоизображения реальных объектов, формируемые вокруг обучающегося на пяти проекционных плоскостях, создают эффект полного присутствия на месте происшествия. Концепция тренажера исключает возможность вмешательства преподавателя в формирование следовой картины, что обеспечивает объективность оценки действий обучающегося [29, с. 410].

Рис. 7. Использование симулятора виртуальной реальности в процессе обучения

Зарубежные исследования подтверждают эффективность такого подхода. VR-тренажер демонстрирует высокую визуальную реалистичность за счет фотограмметрического 3D-моделирования сгоревших помещений, обеспечивает

сокращение времени подготовки по сравнению с традиционными методами обучения [30, с. 10].

Одним из проблемных вопросов остается необходимость расширения географии целевого набора кандидатов на обучение. Практика комплектования учебных групп преимущественно за счет территориальных органов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов может быть дополнена целевым направлением абитуриентов из других регионов, где сохраняется наиболее острая потребность в специалистах данного профиля. Как показывают результаты анализа, проведенного ранее, в ряде регионов отмечается устойчивый дефицит экспертов по направлению пожарно-технической экспертизы, а в некоторых субъектах производство экспертиз по данному направлению не осуществляется ввиду отсутствия специалистов. Такое положение требует системных решений, направленных на более равномерное распределение кадрового потенциала.

Действенными мерами могут стать активизация профориентационной работы в регионах, где наблюдается нехватка специалистов, включая выездные мероприятия представителей ЭКП, информирование выпускников общеобразовательных школ о возможностях поступления и последующего гарантированного трудоустройства на должность эксперта. Практические шаги в данном направлении можно реализовать и за счет расширения практики целевого набора с увеличением квот для территориальных органов, испытывающих наибольшую потребность в специалистах, а также использования механизма прямого набора для привлечения мотивированных абитуриентов из любого региона страны. Дополнительным стимулом может стать развитие системы социальных гарантий для поступающих из отдаленных регионов, включая вопросы жилищного обеспечения после окончания обучения. Все это позволит не только восполнить кадровый дефицит, но и обеспечить более сбалансированное развитие экспертной службы на всей территории Российской Федерации.

Для обсуждения вопросов укрепления взаимодействия между ЭКП и Институтом, интеграции научных разработок и практического опыта в преподавание дисциплин, связанных с экспертно-криминалистической деятельностью, представляется перспективным организовать и провести в ВСИ МВД России учебно-методический сбор с участием представителей Центра, ЭКП и других заинтересованных подразделений. Примером успешной реализации такого мероприятия является впервые проведенный в 2025 году на базе Волгоградской академии МВД России учебно-методический сбор с представителями экспертно-криминалистических и следственных подразделений территориальных органов МВД России в Южном, Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах, а также министерств внутренних дел по Донецкой и Луганской народным республикам, главных управлений МВД России по Запорожской и Херсонской областям по вопросам борьбы с IT-преступлениями [20, с. 190].

Система подготовки экспертов пожарно-технического профиля, сложившаяся в Восточно-Сибирском институте МВД России при деятельном участии Центра, представляет собой положительный пример интеграции образования, науки и практики. Накопленный опыт взаимодействия показывает эффективность практико-ориентированного подхода, реализуемого через стажировки профессорско-преподавательского состава и привлечение практиков к учебному процессу, обеспечивает высокий уровень готовности выпускников к самостоятельному выполнению служебных задач. Внедрение в образовательный процесс новейших научных разработок и

современных технологий, основанных на передовом экспертном опыте, является залогом соответствия профессиональных компетенций выпускников актуальным вызовам времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дашко Л. В., Пеньков В. В. По следам огня // Ежемесячный правовой литературно-публицистический международный журнал Министерства внутренних дел Российской Федерации «Полиция России», 2023. № 8. С. 12–15.
2. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Ключников В. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования пожаров в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Судебная экспертиза Беларуси, 2017. № 1 (4). С. 63–68.
3. Казьмин В. В., Дашко Л. В. Развитие пожарно-технической экспертизы в системе МВД России на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2024. № 2 (109). С. 144–162.
4. Синюк В. Д., Дашко Л. В., Пеньков В. В. Поджог как способ сокрытия следов преступления // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – № 3 (63). С. 108–114.
5. Гужва А. А., Елисеев Ю. Н., Клаптюк И. В., и др. Осмотр места пожара : практическое пособие / под общ. ред. д. т. н., проф., засл. деят. науки РФ И. Д. Чешко СПб. : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2024. 789 с.
6. Синюк В. Д. Анализ причин, приводящих к взрыву емкостей с газами // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы, 2023. № 2 (54). С. 173–176.
7. Владимиров В. Ю., Дашко Л. В., Сибилькова А. В. и др. Роль и место судебно-экспертного исследования следов и обстоятельств объемного взрыва в общей системе криминалистического взрывоведения : учебно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2025. 88 с.
8. Крисанова В. Ю., Панасюгина Л. Е., Довбня А. В., Шеков А. А. Морские и речные суда как объекты судебной пожарно-технической экспертизы в системе МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2021. № 3 (98). С. 213–222.
9. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Шеков А. А. Экспертное исследование пожаров в электропоездах // Вестник Института права Башкирского государственного университета, 2026. № 1 (29). С. 198–215.
10. Дашко Л. В., Старостин К. Д., Синюк В. Д. и др. Производство судебных экспертиз по фактам взрывов топливно-воздушных смесей в зданиях и сооружениях : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2025. 144 с.
11. Алдагов Ю. С., Довбня А. В., Крисанова В. Ю., Пеньков В. В. Экспертное исследование люминесцентных светильников при производстве пожарно-технических экспертиз : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 72 с.
12. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В. В., Довбня А. В. Автотранспортные средства как объект пожарно-технической экспертизы: Учебное пособие / под ред. канд. хим. наук Л. В. Дашко. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 152 с.
13. Донцова Ю. А., Ивашкова А. В., Крисанова В. Ю., Яковенко М. А., Дашко Л. В. Обнаружение, выявление, фиксация и изъятие следов рук на местах пожаров : учебно-практическое пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 80 с.
14. Дашко Л. В., Синюк В. Д. Научно-методическое обеспечение судебной пожарно-технической экспертизы в системе МВД России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXVII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 3 июня 2022 г.). Иркутск, 2022. С. 249–253.

15. Дашко Л. В., Пеньков В. В., Синюк В. Д., Шеков А. А. Создание и развитие пожарно-технической экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2025. № 1 (112). С. 35–53.
16. Васильев М. А. Деятельность Иркутского филиала Красноярской специальной средней школы милиции МВД СССР, историко-педагогический аспект // Педагогика и просвещение. 2021. № 3. С. 1–7.
17. Черных В. В. Страницы истории: 60 лет ВСИ МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2022. № 3 (102). С. 10.
18. Шеков А. А., Дашко Л. В. Взаимодействие Восточно-Сибирского института МВД России с экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России в области научно-методического обеспечения судебной пожарно-технической экспертизы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 15–16 июня 2023 г.). Иркутск, 2023. С. 281–283.
19. Дашко Л. В., Крисанова В. Ю. Реализация соглашения о сотрудничестве экспертно-криминалистического центра МВД России с Восточно-Сибирским институтом МВД России // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 105-летию экспертно-криминалистической службы МВД России. (г. Иркутск, 6–7 июня 2024 г.). Иркутск, 2024. С. 124–130.
20. Казьмин В. В. О вопросах совершенствования подготовки специалистов по направлению судебной автотехнической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2025. № 3 (114). С. 181–194.
21. Рвачева В. Ю., Дашко Л. В. Проблемы подготовки и переподготовки экспертных кадров по направлению пожарно-технической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф., (г. Москва, 17–18 января 2019 г.). Москва, 2019. С. 402–405.
22. Казьмин В. В. Особенности подготовки экспертных кадров в условиях современных вызовов // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров : сборник научных трудов. Волгоград : ВА МВД России, 2024. С. 7–11.
23. Беляк А. Л., Шеков А. А., Бондарай О. В. Использование специальных знаний в области пожарной безопасности технологических процессов при производстве судебной пожарно-технической экспертизы : учебное пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025. 96 с.
24. Беляк А. Л., Шеков А. А. Проблемные аспекты реализации практико-ориентированного подхода в обучении судебных экспертов // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат-лы XXIX Всерос. науч.-методич. конф. (г. Иркутск, 5–6 марта 2024 г.), 2024. С. 12–15.
25. Дашко Л. В., Крисанова В. Ю. Вопросы совершенствования дополнительного профессионального образования в системе МВД России по направлению подготовки «Пожарно-техническая экспертиза» // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 25–26 апреля 2024 г.). Волгоград, 2020. С. 50–55.
26. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В. В. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации обстановки на месте пожара // Научный портал МВД России, 2017. № 4 (40). С. 53–59.
27. Громова А. В. Автороведческая экспертиза по текстам переписок в мессенджере: рекомендации по доэкспертной оценке материалов // Судебная экспертиза, 2025. № 2 (82). С. 48–56.

28. Рыбников В. В., Шеков А. А. Проблемные вопросы применения специализированных программных продуктов при подготовке судебных экспертов // Личность и деятельность преподавателя в условиях цифровой трансформации : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 29 ноября 2024 г.). Красноярск, 2024. С. 195–199.

29. Чепурных Н. К. Применение программно-технических средств в подготовке экспертов инженерно-технических экспертиз // Право и управление, 2025. № 4. С. 409–411.

30. Бадзюк И. Л., Копылова Е. В., Серебренников И. Н. Возможности применения технологий виртуальной реальности при изучении дисциплины «Физика» // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат-лы XXIX Всерос. науч.-методич. конф. (г. Иркутск, 5–6 марта 2024 г.). Иркутск, 2024. С. 9–12.

REFERENCES

1. Dashko L. V., Penkov V. V. Po sledam ognya [In the footsteps of fire]. Ezhemesyachnyy pravovoy literaturno-publicisticheskiy mezhdunarodnyy zhurnal Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii «Politsiya Rossii» – Monthly legal literary-journalistic international journal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation «Police of Russia», 2023, no. 8, pp. 12-15. (In Russ.).

2. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Klyuchnikov V. Yu. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya pozharov v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyah sistemy MVD Rossii [Technical and forensic support for fire investigations in forensic units of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Sudebnaya ekspertiza Belarusi – Journal of Forensic Expertise of Belarus, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 63-68. (In Russ.).

3. Kazmin V. V., Dashko L. V. Razvitie pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy v sisteme MVD Rossii na sovremennom etape [Development of fire-technical expertise in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, vol. 109, no. 2, pp. 144-162. (In Russ.).

4. Sinyuk V. D., Dashko L. V., Penkov V. V. Podzhog kak sposob sokrytiya sledov prestupleniya [Arson as a way to conceal traces of a crime]. Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, vol. 63, no 3, pp. 108-114. (In Russ.).

5. Guzhva A. A., Eliseev Yu. N., Klaptyuk I. V., et al. Osmotr mesta pozhara : prakticheskoe posobie [Inspection of the fire scene. A practical guide] / Ed. by I. D. Cheshko. – St. Petersburg : Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2024, 789 p. (In Russ.).

6. Sinyuk V. D. Analiz prichin, privodyashchikh k vzryvu emkostey s gazami [Analysis of the causes leading to the explosion of gas containers]. Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy – Issues of criminology, criminalistics and forensic examination, 2023, vol. 54, no. 2, pp. 173-176. (In Russ.).

7. Vladimirov V. Yu., Dashko L. V., Sibilkova A. V., et al. Rol i mesto sudebno-ekspertnogo issledovaniya sledov i obstoyatelstv obyemnogo vzryva v obshchey sisteme kriminalisticheskogo vzryvovedeniya : uchebno-prakticheskoe posobie [The role and place of forensic expert examination of traces and circumstances of a volumetric explosion in the general system of forensic explosion science: Educational and practical manual]. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025, 88 p. (In Russ.).

8. Krisanova V. Yu., Panasyugina L. E., Dovbnya A. V., Shekov A. A. Morskie i rechnye suda kak obekty sudebnoy pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy v sisteme MVD Rossii [Sea and river vessels as objects of forensic fire-technical expertise in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation., 2021, vol. 98, no. 3, pp. 213-222. (In Russ.).

9. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Shekov A. A. Ekspertnoe issledovanie pozharov v elektropoezdakh [Expert investigation of fires in electric trains]. Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University], 2026, vol. 29, no 1, pp. 198-215. (In Russ.).

10. Dashko L. V., Starostin K. D., Sinyuk V. D., et al. Proizvodstvo sudebnykh ekspertiz po faktam vzryvov toplivno-vozdushnykh smesey v zdaniyakh i sooruzheniyakh: Metodicheskie rekomendatsii [Conducting forensic examinations on the facts of explosions of fuel-air mixtures in buildings and structures: Methodological recommendations]. Moscow : Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025, 144 p. (In Russ.).

11. Aldatov Yu. S., Dovbnya A. V., Krisanova V. Yu., Penkov V. V. Ekspertnoe issledovanie lyuminescentnykh svetilnikov pri proizvodstve pozharno-tekhnicheskikh ekspertiz: Metodicheskie rekomendatsii [Expert examination of fluorescent lamps in fire-technical examinations: Methodological recommendations]. Moscow : Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, 72 p. (In Russ.).

12. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Penkov V. V., Dovbnya A. V. Avtotransportnye sredstva kak obekt pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy: Uchebnoe posobie [Motor vehicles as an object of fire-technical expertise: Textbook] / Ed. by L. V. Dashko. Moscow : Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, 152 p. (In Russ.).

13. Dontsova Yu. A., Ivashkova A. V., Krisanova V. Yu., Yakovenko M. A., Dashko L. V. Obnaruzhenie, vyyavlenie, fiksatsiya i izyatie sledov ruk na mestakh pozharov : uchebno-prakticheskoe posobie [Detection, identification, recording and seizure of hand traces at fire scenes: Educational and practical manual]. Moscow : Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, 80 p. (In Russ.).

14. Dashko L. V., Sinyuk V. D. Nauchno-metodicheskoe obespechenie sudebnoy pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy v sisteme MVD Rossii [Scientific and methodological support of forensic fire-technical expertise in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Deyatelnost pravookhranitelnykh organov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XXVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Activity of law enforcement agencies in modern conditions. Proceedings of the XXVII International Scientific and Practical Conference]. 3 June 2022. Irkutsk, 2022, pp. 249-253. (In Russ.).

15. Dashko L. V., Penkov V. V., Sinyuk V. D., Shekov A. A. Sozdanie i razvitie pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyakh sistemy MVD Rossii [Creation and development of fire-technical expertise in forensic units of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2025, vol. 112, no. 1, pp. 35-53. (in Russ.).

16. Vasiliev M. A. Deyatelnost Irkutskogo filiala Krasnoyarskoy spetsialnoy sredney shkoly militsii MVD SSSR, istoriko-pedagogicheskiy aspekt [Activities of the Irkutsk branch of the Krasnoyarsk Special Secondary School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: historical and pedagogical aspect]. Pedagogika i prosveshchenie – Pedagogy and education, 2021, no. 3, pp. 1-7. (In Russ.).

17. Chernykh V. V. Stranitsy istorii: 60 let VSI MVD Rossii [Pages of history: 60 years of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik Vostochno-

Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2022, vol. 102, no. 3, p. 10. (In Russ.).

18. Shekov A. A., Dashko L. V. Vzaimodeystvie Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii s ekspertno-kriminalisticheskimi podrazdeleniyami MVD Rossii v oblasti nauchno-metodicheskogo obespecheniya sudebnoy pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy [Interaction of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia with forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of scientific and methodological support of forensic fire-technical expertise]. Deyatelnost pravookhranitelnykh organov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Activity of law enforcement agencies in modern conditions. Proceedings of the XXVIII International Scientific and Practical Conference]. 15–16 June 2023. Irkutsk, 2023, pp. 281–283. (In Russ.).

19. Dashko L. V., Krisanova V. Yu. Realizatsiya soglasheniya o sotrudnichestve ekspertno-kriminalisticheskogo tsentra MVD Rossii s Vostochno-Sibirskim institutom MVD Rossii [Implementation of the cooperation agreement between the Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Aktualnye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy : sb. mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 105-letiyu ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhby MVD Rossii [Current problems of criminalistics and forensic examination. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 105th anniversary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 6–7 June 2024. Irkutsk, 2024, pp. 124–130. (In Russ.).

20. Kazmin V. V. O voprosakh sovershenstvovaniya podgotovki spetsialistov po napravleniyu sudebnoy avtotekhnicheskoy ekspertizy [On issues of improving the training of specialists in the field of forensic auto-technical expertise]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 2025, vol. 114, no. 3, pp. 181–194. (In Russ.).

21. Rvacheva V. Yu., Dashko L. V. Problemy podgotovki i perepodgotovki ekspertnykh kadrov po napravleniyu pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy [Problems of training and retraining of expert personnel in the field of fire-technical expertise]. Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh : mat-ly VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Theory and practice of forensic examination in modern conditions. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference]. 17–18 January 2019, Moscow, pp. 402–405. (In Russ.).

22. Kazmin V. V. Osobennosti podgotovki ekspertnykh kadrov v usloviyakh sovremennykh vyzovov [Features of training expert personnel in the context of modern challenges]. Opyt i traditsii podgotovki politseyskikh kadrov: sbornik nauchnykh trudov [Experience and traditions of police training: collection of scientific papers]. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, pp. 7–11. (In Russ.).

23. Belyak A. L., Shekov A. A., Bondaray O. V. Ispolzovanie spetsialnykh znaniy v oblasti pozharoy bezopasnosti tekhnologicheskikh protsessov pri proizvodstve sudebnoy pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy : uchebnoe posobie [The use of special knowledge in the field of fire safety of technological processes in the production of forensic fire-technical expertise: Textbook]. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025, 96 p. (In Russ.).

24. Belyak A. L., Shekov A. A. Problemnye aspekty realizatsii praktiko-orientirovannogo podkhoda v obuchenii sudebnykh ekspertov [Problematic aspects of implementing a practice-oriented approach in training forensic experts]. Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatelnye tekhnologii : mat-ly XXIX Vseros. nauchno-metodicheskoy konferentsii [Training of personnel for law enforcement agencies: current trends

and educational technologies. Proceedings of the XXIX All-Russian Scientific and Methodological Conference]. 5–6 March 2024. Irkutsk, 2024, pp. 12-15. (In Russ.).

25. Dashko L. V., Krisanova V. Yu. Voprosy sovershenstvovaniya dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya v sisteme MVD Rossii po napravleniyu podgotovki «Pozharno-tekhnicheskaya ekspertiza» [Issues of improving additional professional education in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of training «Fire-technical expertise»]. Sudebnaya ekspertiza: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt : mat-ly V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Forensic examination: Russian and international experience. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference]. 25–26 April 2024. Volgograd, 2020. pp. 50-55. (In Russ.).

26. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Penkov V. V. Vozmozhnosti ispolzovaniya bespilotnykh letatelnykh apparatov dlya fiksatsii obstanovki na meste pozhara [Possibilities of using unmanned aerial vehicles to record the situation at the fire scene]. Nauchnyy portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, vol. 40, no. 4, pp. 53-59. (In Russ.).

27. Gromova A. V. Avtorovedcheskaya ekspertiza po tekstam perepisok v messendzhere: rekomendatsii po doekspertnoy otsenke materialov [Authorship examination of correspondence texts in messengers: recommendations for pre-expert evaluation of materials]. Sudebnaya ekspertiza – Forensic examination, 2025, vol. 82, no. 2, pp. 48-56. (In Russ.).

28. Rybnikov V. V., Shekov A. A. Problemnye voprosy primeneniya spetsializirovannykh programmnykh produktov pri podgotovke sudebnykh ekspertov [Problematic issues of using specialized software products in training forensic experts] // In: Lichnost i deyatelnost prepodavatelya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Personality and activity of a teacher in the context of digital transformation. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. 29 November 2024. Krasnoyarsk, 2024, pp. 195-199. (In Russ.).

29. Chepurnykh N. K. Primenenie programmno-tekhnicheskikh sredstv v podgotovke ekspertov inzhenerno-tekhnicheskikh ekspertiz [Application of software and technical means in the training of experts in engineering and technical examinations]. Pravo i upravlenie – Law and management], 2025, no 4, pp. 409-411. (In Russ.).

30. Badzyuk I. L., Kopylova E. V., Serebrennikov I. N. Vozmozhnosti primeneniya tekhnologiy virtualnoy realnosti pri izuchenii distsipliny «Fizika» [Possibilities of using virtual reality technologies in studying the discipline «Physics»]. Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatelnye tekhnologii. Materialy XXIX Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii [Training of personnel for law enforcement agencies: current trends and educational technologies. Proceedings of the XXIX All-Russian Scientific and Methodological Conference]. 5–6 March 2024. Irkutsk, 2024, pp. 9-12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казьмин Вадим Викторович, начальник Экспертно-криминалистического центра МВД России, член Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

Дашко Леонид Васильевич, кандидат химических наук, начальник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazmin Vadim Viktorovich, Head of Forensic Expert Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Member of the Government Commission for the Coordination of Forensic Expertise Activities in the Russian Federation. 5 Zoya and Alexander Kosmodemyansky St., Moscow, 125130.

Dashko Leonid Vasilievich, Candidate of Chemical Sciences, Head of the Department of Scientific Research on Special Types of Expertise and Forensic Expert Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 5 Zoya and Alexander Kosmodemyansky St., Moscow, 125130.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 21.05.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 172–180.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 172-180.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ

Кузнецов Феликс Андреевич¹, Пархоменко Светлана Валерьевна²

¹Байкальский государственный университет, Институт юстиции, Иркутск, Российская Федерация, fietfel@yandex.ru

²Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, psvet@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются вопросы влияния дисфункциональных, конфликтных и девиантных семейных межличностных отношений на факт и характер криминализации личностей детей и подростков. На основе анализа научной и учебной литературы, нормативных правовых актов, а также материалов судебной и следственной практики обозначается ряд подходов к пониманию семейной дисфункциональности, выделяется несколько разновидностей дисфункциональных отношений, изучается характер и интенсивность их влияния на векторы первичной и вторичной социализации детей и подростков, а также раскрываются причинно-следственные связи между проявлениями дисфункциональности и явлениями криминализации личности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты действующего отечественного законодательства, научные статьи исследователей, а также материалы учебной литературы по криминологии, психологии и семейной психотерапии. В рамках исследования применены диалектический метод, всеобщий метод научного познания, психодиагностический и интерпретационные методы, проведен анализ нормативно-правовых источников, научных статей и учебной литературы.

Результаты исследования позволили изучить и установить наличие причинно-следственных связей и закономерностей, способствующих криминализации личностей детей и подростков. Установлена прямая корреляция между дисфункциональными межличностными отношениями в неблагополучных семьях. Помимо прочего, в рамках исследования были установлены и изучены аспекты дисфункциональности и в благополучных семьях как высоколатентные агенты асоциализации и криминализации подростков.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило установить обозримую корреляционную зависимость между нарушениями или искажениями, возникающими в семейных отношениях, и степенью риска и характером криминализации детей и подростков. В качестве одного из ключевых аспектов установлено отсутствие зависимости рисков криминализации несовершеннолетних от социально-экономического положения семьи, а также имеющейся опасности развития делинквентного поведения даже в благополучных в классическом понимании семьях.

Ключевые слова: криминализация подростков, профилактика преступности несовершеннолетних подростковая преступность, молодежный экстремизм, преступления против общественной безопасности, семейная психология, неблагополучные семьи

Для цитирования: Кузнецов Ф. А., Пархоменко С. В. Влияние семейной дисфункциональности на криминализацию подростков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 172–180.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

THE INFLUENCE OF FAMILY DYSFUNCTIONALITY ON THE CRIMINALIZATION OF TEENAGERS

Felix A. Kuznetsov¹, Svetlana V. Parhomenko²

¹Baikal State University, Institute of Justice, Irkutsk, Russian Federation, fietfel@yandex.ru

²Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, psvet@mail.ru

Introduction. This article examines the impact of dysfunctional, conflictual, and deviant family interpersonal relationships on the fact and nature of the criminalization of children and adolescents. Based on an analysis of scientific and educational literature, regulatory legal acts, as well as judicial and investigative practice, a number of approaches to understanding family dysfunction are outlined, several types of dysfunctional relationships are identified, the nature and intensity of their influence on the primary and secondary socialization of children and adolescents are examined, and the cause-and-effect relationships between manifestations of dysfunction and the phenomena of criminalization are revealed.

Materials and Methods. The study materials include regulatory legal acts of current Russian legislation, scientific articles by researchers, as well as educational literature on criminology, psychology, and family psychotherapy. The study utilized the dialectical method, the general method of scientific cognition, psychodiagnostic and interpretive methods, and an analysis of regulatory and legal sources, scientific articles, and educational literature.

The Results of the Study allowed us to explore and establish the cause-and-effect relationships and patterns that contribute to the criminalization of children and adolescents. A direct correlation was established between dysfunctional interpersonal relationships in dysfunctional families. Furthermore, the study identified and examined aspects of dysfunction in healthy families as highly latent agents of adolescent asocialization and criminalization.

Findings and Conclusions. The study established direct cause-and-effect relationships between disruptions or distortions that arise in family relationships and the degree and nature of the criminalization of children and adolescents. One key aspect was the lack of correlation between the risk of juvenile criminalization and the family's socioeconomic status, as well as the existing danger of developing delinquent behavior even in classically healthy families.

Keywords: adolescent criminalization, juvenile delinquency prevention, juvenile delinquency, youth extremism, crimes against public safety, family psychology, dysfunctional families

For citation: Kuznetsov F. A., Parhomenko S. V. Vliyanie semejnoy disfunktsional'nosti na kriminalizatsiyu podrostkov [The influence of family dysfunctionality on the criminalization of teenagers]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik

of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 172-180. (In Russ.).

Не вызывает сомнений, что динамика общественной жизни неизбежно вызывает как прогрессивные, так и на регрессивные социальные изменения. Развитие технологий, повышение информационной доступности, а также значительное ускорение темпов социальной мобильности, с одной стороны, создают условия для гармоничного общественного развития, а с другой – активизируют ряд деструктивных тенденций.

Преступность как неотъемлемая часть общественной жизни в значительной степени подвержена влиянию всех перечисленных факторов. В частности, наряду со значительным увеличением степени общественной опасности киберпреступности существует тенденция к расширению использования Интернета как инструмента вовлечения лиц в противоправную деятельность.

Дети и подростки являются одной из наиболее защищенных с точки зрения юридической охраны прав и законных интересов категорий населения. Вместе с тем в условиях развития информационных технологий и происходившего до недавнего времени процесса распада групповых ценностей молодежная среда в высшей степени подвержена процессам криминализации.

Начало третьего десятилетия XXI века в России характеризуется внедрением в общественную жизнь политики сохранения и развития традиционных семейных ценностей. Актуализация такой политики связана не только с демографической ситуацией, но и с упадком института брака, а также с имеющейся тенденцией дисфункционализации внутрисемейных отношений. Такая тенденция значительно влияет на риски развития девиаций асоциального и криминального спектров в подростковой среде. Так, в 2024 году, по данным органов ЗАГС, было заключено порядка 880 000 браков. При этом за тот же период было расторгнуто 644 500 браков, что, с одной стороны, не позволяет напрямую судить о доле распада конкретных браков, а с другой – все же свидетельствует о высоком соотношении количества разводов к числу заключенных браков¹.

Распад семьи как полноценной социальной группы, существующей в рамках общества, неизбежно влечет за собой наступление общественно-опасных и неблагоприятных последствий, влияние которых распространяется и на более объемные социальные группы [1, с. 177]. Из частых последствий следует выделить:

1. Психологический стресс, испытываемый членами семьи при ее распаде.
2. Дистанцирование детей от родителей.
3. Невозможность оказания детям должного внимания ввиду повышенной занятости родителя.
4. Эмоциональное выгорание одинокого родителя.

Указанные последствия зачастую являются базисными элементами развития дисфункциональности семейных отношений, которая, в свою очередь, представляет собой один из основных агентов десоциализации и криминализации детей и подростков.

Важно подчеркнуть, что само по себе понятие «семейная дисфункциональность» не имеет единого определения. Его отсутствие связано прежде всего с тем, что само по себе явление дисфункциональных семейных отношений может рассматриваться как в криминологической, так и в социологической и психологической парадигмах в зависимости от фундаментальных аспектов дисфункциональности, среди которых можно обозначить:

¹ Антонов С. Почему россияне разводятся. Самые частые причины // Т-Ж : сайт. URL: https://t-j.ru/stat-divorce/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.12.2025)

1. Структурный аспект.
2. Функциональный аспект.
3. Собственно-психологический аспект.
4. Социокультурный аспект.
5. Системный аспект.

Сущность структурного подхода состоит в рассмотрении состава и типа организации семьи как базисного аспекта. В данном контексте под дисфункциональностью понимается устойчивое нарушение структуры семейных отношений, которое выражается в деградации, а равно искажении внутрисемейных межличностных отношений. Искажение семейных отношений применительно к современным реалиям, как правило, представлено наличием неполных семей, повторными браками родителей, появлением в сиблинговой иерархии сводных братьев и сестер, а также конфликтными отношениями между супругами, родителями и детьми по различным основаниям [2, с. 45].

В рамках проведения криминологических исследований наиболее целесообразным представляется применение именно структурного аспекта, так как специфика искажения отношений в данной парадигме в наибольшей степени коррелируется с механизмами личностной криминализации. Так, исследователи склонны выделять несколько видов дисфункциональных семей, среди которых псевдоблагополучная (с деспотическим характером и физическим насилием), неполная, проблемная (с постоянной конфликтной атмосферой), аморальная (с алкогольной, наркотической, сексуальной деморализацией) и криминогенная (с членами, совершающими преступления) [3, с. 293].

Функциональный подход состоит в рассмотрении дисфункциональности как действий или бездействий, направленных на невыполнение членами семьи своих базисных функций воспитания и социализации индивидов. В частности, нарушение воспитательной и ценностно-формирующей функций может повлечь за собой формирование у детей и подростков девиантных ценностей и поведенческих паттернов.

Собственно-психологический подход акцентирует внимание на внутреннем климате семьи, эмоциональных и коммуникативных нарушениях. Дисфункциональность в данной парадигме связана с ригидными правилами межличностного взаимодействия, неспособностью решать проблемы, негативным эмоциональным фоном, нарушением процессов адаптации и деструктивным поведением членов семьи.

Исследователи отмечают, что в дисфункциональных семьях часто наблюдается дефицит позитивного интереса со стороны родителей, высокий уровень конфликтности и разобщенности, отсутствие возможностей для личностного роста подростка. Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис указывали, что в нормально функционирующих семьях структура ролей целостная и динамичная, а в дисфункциональных – жестко фиксированная или отсутствующая, что оказывает психотравмирующее воздействие на членов семьи [4, с. 418].

Социокультурный подход учитывает влияние внешних социальных и экономических факторов на семью. К дисфункциональности в этом контексте относят последствия бедности, низкого уровня образования родителей, неблагоприятных жилищных условий, безработицы, влияния криминогенного окружения.

Системный подход рассматривает семью как целостную систему, где нарушения в одном элементе влияют на всю систему. Дисфункциональность здесь понимается как нарушение взаимосвязей между членами семьи, искажение коммуникационных паттернов и невозможность адаптироваться к изменениям [5, с. 7]. Дисфункциональность супружеской диады, как правило, имеет внешнее выражение, вследствие чего может вовлекать ребенка в проблемные отношения родителей и в ряде случаев способна

детерминировать делинквентное и асоциальное поведение у детей и подростков, дискредитируя гармоничные внутрисемейные отношения в качестве референтных.

О наличии обозримой корреляционной зависимости между семейной дисфункциональностью и рисками криминализации подростковой среды, а также об имеющейся тенденции к увеличению степени такой взаимосвязи свидетельствуют и эмпирические материалы. Так, из содержания данных, предоставленных комиссиями по делам несовершеннолетних Иркутской области и Дальневосточного федерального округа, следует, что одним из ключевых детерминантов подростковой делинквентности является именно дисфункциональные семейные отношения.

Исходя из представленной органами внутренних дел статистики, до 47 % правонарушений совершались подростками вследствие недостаточного контроля со стороны родителей, опекунов или законных представителей. Помимо недостатка контроля, значимым фактором представляется и низкий уровень материальной обеспеченности семей, о чем свидетельствует то, что порядка 18 % правонарушителей происходили из семей с низким уровнем материального достатка.

Наряду с вышесказанным, о тенденции к расширению влияния дисфункциональности семейных отношений на развитие делинквентного поведения может свидетельствовать и то, что 45 % несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в неполных семьях.

Указанные выше факторы сами по себе не являются самостоятельными критериями дисфункциональности, однако способны в значительной степени катализировать риски развития таких отношений в семьях. Помимо прочего, исходя из социального портрета несовершеннолетних преступников, нередко одним из детерминантов противоправного поведения выступают и конфликтные отношения между ребенком и сожителем матери, отчимом².

Выводы комиссий по делам несовершеннолетних находят эмпирическое подтверждение в результатах анкетирования 65 подростков делинквентного поведения, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних и содержащихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа Иркутской области и Дальневосточного федерального округа (далее - СУВУ ЗТ).

Эмпирическое исследование проводилось в период с января по июль 2025 года. Сбор данных осуществлялся поэтапно в двух регионах: сначала в Иркутской области (январь-апрель 2025 года), затем в субъектах Дальневосточного федерального округа (май-июль 2026 года). Анкетирование производилось в отношении 40 респондентов из числа несовершеннолетних, содержащихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, а также 25 респондентов, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (далее - ПДН) при территориальных органах МВД. Критериями включения в выборку являлись установленный факт совершения правонарушения, преступления, постановка на учет в ПДН или нахождение в

² Отчет о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Иркутской области в 2024 году // irkobl.ru : сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/kdnizp/doc/otchet/Otchet%20Profilaktika/otchet%20profilaktika%202024.pdf> (дата обращения: 25.09.2025); О состоянии преступности среди несовершеннолетних и в их отношении по итогам 2024 года, мерах ее профилактики и задачах на 2025 год : постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации муниципального района имени Полины Осипенко Хабаровского края от 26 марта 2025 г. № 4 // raionosipenkoadm.khabkrai.ru : сайт. URL: <https://raionosipenkoadm.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=16696> (дата обращения: 08.12.2025).

СУВУ ЗТ. Статистическая обработка полученных данных производилась методами описательной статистики, а также корреляционного, сравнительного, факторного и категориального анализа.

Для подавляющего большинства респондентов характерна низкая академическая успеваемость и отсутствие устойчивых познавательных интересов и хобби. В 64,62 % случаев респонденты проживают в семьях с матерью и отчимом. В 81,54 % таких семей матери являются домохозяйками, а отцы/отчимы не имеют постоянного места работы.

Все семь являются многодетными (имеют более четырех детей), причем респонденты занимают преимущественно среднюю или старшую позицию в sibлинговой иерархии. Дефицит внимания со стороны значимых взрослых, наряду с отсутствием позитивной мотивации к учебной и внеучебной деятельности, способен в значительной степени создавать предпосылки для усвоения ценностно-нормативной системы криминальных подростковых групп в качестве референтной.

В дополнение к изложенному деструктивная семейная обстановка и внутрисемейные девиантные поведенческие паттерны, исходя из эмпирических данных, заключаются не только в нарушении или искажении ролевой структуры семей и дефиците внимания к детям, но и в отсутствии эмпатии и проявлениях агрессии со стороны родителей или законных представителей. Восприятие респондентами эмоциональной ситуации в семьях свидетельствует о значительной степени распространенности ряда негативных факторов во внутрисемейных межличностных отношениях.

В частности, участники опроса в качестве основных детерминантов конфликтных отношений между членами семьи отмечают систематические упреки в адрес детей и подростков, зачастую не имеющие, по мнению респондентов, существенных оснований.

Конфликтные отношения в семьях, как правило, выходят за пределы отношений родителя и ребенка и зачастую касаются прежде всего самих родителей. Такие конфликтные отношения нередко сопровождаются эпизодическим физическим и моральным насилием. Детерминантами конфликтов и насилия, в свою очередь, являются аддиктивное поведение родителей, выражающееся как в непосредственных химических аддикциях, так и в созависимости одного из родителей. Социально-экономическая депривация, также являющаяся значимым фактором развития дисфункциональности, влияющим на криминализацию, в данном контексте выступает как самостоятельным детерминантом, так и производным от аддиктивного и асоциального поведения трудоспособных членов семьи [6, с. 781].

Среди прочего наряду с подростками из неблагополучных в классическом понимании семей в равной степени подвержены криминализации и несовершеннолетние, происходящие из семей со средним и высоким уровнем дохода. В данном случае группы факторов, способствующих детерминации делинквентности подростков, в основном не связаны с экономическим положением семей, а также наличием в них аддиктивного и маргинального поведения.

Независимость степени вероятности подростковой криминализации от материального благополучия семьи находит свое подтверждение в криминологической литературе.

По справедливому замечанию А. И. Долговой разница между фактическими доходами и «жизненными соблазнами» из-за нереальности достижения последних законным путем может вовлекать несовершеннолетних даже из относительно благополучных семей в криминальную сферу [7, с. 343]. Криминализации зачастую бывают подвержены и подростки из семей с высоким уровнем достатка и образования, что также представляет именно эмоциональные и моральные детерминанты подростковой

делинквентности в качестве главенствующих.

Кроме того, исходя из структурного подхода определения семейной дисфункциональности, материально обеспеченные семьи с искаженными ролевыми паттернами поведения следует классифицировать в качестве псевдоблагополучных.

С точки зрения криминальной психологии, детерминация делинквентного поведения подростков в относительно благополучных семьях связана с внутрисемейными межличностными конфликтами, а также с искажениями процессов первичной социализации, среди которых:

1. Гиперопека и чрезмерный контроль.
2. Эмоциональная отстраненность родителей.
3. Отсутствие нравственных ориентиров.
4. Проблемы с социализацией.

Анализируя гиперопеку и чрезвычайный контроль, следует упомянуть, что зачастую для семей с высоким уровнем достатка может быть характерен снобизм, выражающийся в отрицательном отношении родителей подростка к его окружению, в особенности в условиях имеющихся классовых различий в рамках учебного или досугового коллектива. Для таких семей также характерно преобладание материальных ценностей над нравственно-духовными, что искажает представление подростка о ценностях и повышает риск принятия решений, противоречащих правовым и моральным нормам, в особенности в случаях резкого ухудшения материального положения семьи [8, с. 60].

Необходимо подчеркнуть и стремление родителей оградить ребенка от вредоносного, по их мнению, окружения, а также ограничить ряд его социальных контактов с целью минимизации рисков криминализации и развития девиантного поведения. Однако стремление к самовыражению и юношеский максимализм, характерные для пубертатного периода, нередко становятся катализатором противоправного поведения, являясь своеобразной формой протеста против авторитарного семейного воспитания.

В свою очередь, семьи с высоким уровнем материального дохода характеризуются повышенной занятостью и, как следствие, утомляемостью родителей, нередко влекущими за собой дефицит эмпатии по отношению к детям [9, с. 31]. В данном контексте делинквентное поведение детерминируется стремлением подростка к получению внимания и поддержки, которые они зачастую находят в криминальных кругах. Вызываемая чрезмерной занятостью родителей дезорганизация быта и досуга, в свою очередь, представляется катализатором укрепления социальных связей подростка с делинквентным окружением [10, с. 400].

Криминализации зачастую подвержены и подростки из семей с низкой или вовсе отсутствующей дисфункциональностью. В данном контексте значимым катализатором развития делинквентного поведения могут выступать и внешние факторы, а также неосведомленность об этом родителей и, как результат, невозможность оперативного реагирования. Среди наиболее частых внешних причин, способствующих криминализации подростков, следует выделить влияние медиа- и поп-культуры, а также ряда референтных групп, в рамках которых первично и вторично социализируется подросток.

Таким образом, семья, являясь базисным институтом первичной социализации индивида и агентом его всестороннего личностного развития, оказывает прямое влияние на формирование правосознания, коммуникативных навыков, а также систему морально-нравственной ориентации.

Ввиду сложного устройства детской и подростковой психологии, в особенности в пубертатный период, для подростков характерна высокоэмоциональная реакция на

внешние раздражители, а также значимые события, происходящие внутри социальных групп. Такой психический и психологический конструкт вместе с низкой степенью развитости критического мышления создает значительные риски для приобретения и развития в личности подростка поведенческих девиаций.

Дисфункциональные отношения, вызванные как социально-экономическими причинами, так и особенностями межличностного взаимодействия внутри семьи, всецело влияют на возникновение явления криминализации в подростковой среде. Вместе с тем риски развития делинквентности в материально, нравственно и духовно благополучных семьях в значительной степени ниже, однако все же сохраняются в условиях влияния внешних факторов.

В этой связи представляется необходимым не только развитие и укрепление ценностей семьи как социальной группы и репродуктивного агента, но и принятие мер идеологического и практического характера, направленных на укрепление взаимоотношений между родителями и детьми, а также на улучшение эмоционального климата внутри семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бандура А. Теория социального научения ; [пер. с англ. под ред. Чубарь Н. Н.]. СПб. : Евразия, 2000. 318 с.
2. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии; пер. с англ. А. Д. Иорданского. М. : Независимая фирма «Класс», 1998. 295 с. (Библиотека психологии и психотерапии). ISBN 5-86375-020-0.
3. Харин В. Ю. Проблемы влияния факторов семейной десоциализации на криминализацию современных подростков // Молодой ученый. 2025. № 16 (567). С. 292–294.
4. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб. : Питер, 1999. 656 с.
5. Сатир В. Коммуникация в психотерапии : [перевод с английского]. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2008. 78 с.
6. Делейчук Л. Э., Берняева И. О. Неблагополучные семьи как источник социального сиротства и девиантного поведения детей (на примере Приморского края) // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1 (69). С. 779–787.
7. Долгова А. И. Криминология : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма. 2017. 1008 с.
8. Кириллова Я. М. Социальные и психологические причины преступности несовершеннолетних. Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов : сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Луганск, 7 ноября 2025 г.). Самара, 2025. С. 59–66.
9. Титкина М. Р., Филина Н. А. Роль семьи в моделировании и развитии личности несовершеннолетних, склонных к преступности // Universum: психология и образование. 2025. № 1–2 (127). С. 31–33.
10. Тонких Н. В., Камарова Т. А., Маркова Т. Л. Сверхзанятость и успех совмещения работы с родительством // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 3. С. 388–403.

REFERENCES

1. Bandura A. Teoriya social'nogo naucheniya [Social learning theory] [translated from english by Chubar' N. N.]. St. Petersburg, 2000, 318 p. (In Russ.).
2. Minuchin S., Fishman Ch. Tekhniki semejnoy terapii [Family therapy techniques] ; Translated by A. D. Iordansky. Moscow : Nezavisimaya firma "Klass", 1998. 295 p. Biblioteka psihologii i psihoterapii [Psychology and psychotherapy library]. ISBN 5-86375-020-0. (In Russ.).

3. Harin V. Yu. Problemy vliyaniya faktorov semejnoy desocializatsii na kriminalizatsiyu sovremennykh podrostkov [Problems of the influence of family desocialization factors on the criminalization of modern teenagers]. Molodoj uchenyj –Young scientist. 2025, vol. 567, no. 16, pp. 292-294. (In Russ.).
4. Ejdemiller E. G., Yustickis V. Psihologiya i psihoterapiya sem'i [Family psychology and psychotherapy]. St. Petersburg, 1999, 656 p. (In Russ.).
5. Satir V. Kommunikatsiya v psihoterapii [Communication in psychotherapy]. Moscow, 2008, 78 p. (In Russ.).
6. Delejchuk L. E., Bernyaeva I. O. Neblagopoluchnye sem'i kak istochnik social'nogo sirotstva i deviantnogo povedeniya detej (na primere Primorskogo kraja) [Dysfunctional families as a source of social orphanhood and deviant behavior in children (using the Primorsky Krai as an example)]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii – Modern scientific research and innovation. 2017, vol. 69, no. 1, pp. 779-787. (In Russ.).
7. Dolgova A. I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 2017. 1008 p. (In Russ.).
8. Kirillova Ya. M. Social'nye i psihologicheskie prichiny prestupnosti nesovershennoletnih [Social and psychological causes of juvenile delinquency] Antikriminal'naya politika: aktual'nye problemy regionov : sb. nauch. Tr. II Vseros. nauch.-prakt. konf. – Anti-crime policy: current problems of the regions : collection of scientific papers of the II All-Russian scientific and practical conference. 7 November 2025. Lugansk, Samara, 2025, pp. 59-66. (In Russ.).
9. Titkina M. R., Filina N. A. Rol' sem'i v modelirovanii i razvitii lichnosti nesovershennoletnih, sklonnykh k prestupnosti [The role of the family in modeling and developing the personality of juveniles prone to crime]. Universum: psihologiya i obrazovanie [Universum: Psychology and Education]. 2025, vol. 127, no. 1-2, pp. 31-33. (In Russ.).
10. Tonkih N. V., Kamarova T. A., Markova T. L. Sverhzyanyatost' i uspekhi sovmeshcheniya raboty s roditel'stvom [Overemployment and the success of combining work and parenthood]. MIR (Modernizatsiya. Innovacii. Razvitie) – MID (Modernization. Innovation. Development). 2024, vol. 15, no. 3, pp. 388-403. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пархоменко Светлана Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1
Кузнецов Феликс Андреевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии. Институт юстиции Байкальского государственного университета (БГУ). 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Parkhomenko Svetlana Valer'evna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035.
Kuznetsov Felix Andreevich, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology. Institute of Justice of Baikal State University (BSU). 11 Lenin St., Irkutsk, 664025.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 181–190.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 181-190.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.272

КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРЕДМЕТ КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Мингалимова Марьям Фердинандовна

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань,
Российская Федерация, maryam_m@mail.ru

Введение. Институт конфискации имущества, регламентированный главой 15.1 УК РФ, является действенным инструментом реализации уголовно-правовой политики. Особое значение в свете последних законодательных изменений приобрела конфискация транспортных средств, используемых при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения (ст. 264.1–264.3 УК РФ). Введение в 2022 году специального основания для такой конфискации (п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) было направлено на усиление борьбы с рецидивной преступностью в данной сфере¹. Примечательной особенностью правоприменения новой нормы является то, что она стала основным катализатором судебных споров на стадии кассационного производства. Если иные аспекты приговора (назначение наказания, оценка доказательств вины и др.) оспариваются реже, то решение о безвозмездном изъятии дорогостоящего имущества, каковым является автомобиль, практически всегда становится предметом тщательной проверки в судах кассационной инстанции.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой и историко-правовой. Эмпирическую базу исследования образуют опубликованная практика кассационных судов общей юрисдикции, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также научные труды, посвященные проблемам конфискации и кассационного производства.

Результаты исследования. Проведенный анализ практики кассационных судов общей юрисдикции выявил формирование единообразного подхода к применению конфискации транспортных средств в случае совершения преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения. Во-первых, суды последовательно устанавливают действительного собственника, связывая переход права собственности не с формальным договором, а с фактической передачей автомобиля, и

¹ Пункт «д» части 1 статьи 104.1 УК РФ введен Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f22429461fc4befb140b98a33cf3521eea282f7d/ (дата обращения: 09.10.2025).

признавая сделки, совершенные непосредственно перед совершением преступления либо сразу после него, мнимыми.

Во-вторых, кассационная практика расширительно толкует понятие собственности, включая в него транспортные средства, находящиеся как в совместной супружеской собственности, так и приобретенные в период фактических брачных отношений, то есть до регистрации брака. В-третьих, подтвержден императивный характер конфискации – суды единодушно отклоняют ссылки осужденных на тяжелые жизненные обстоятельства, состояние здоровья, подчеркивая публично-превентивную природу данной меры. Наконец, в случаях невозможности физического изъятия транспортного средства практика активно применяет конфискацию эквивалентной денежной суммы (ст. 104.2 УК РФ), возлагая бремя доказывания добросовестности сделки на осужденного.

Выводы и заключения. Конфискация транспортных средств в порядке п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ стала доминирующим предметом кассационного обжалования по делам о преступлениях в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения. Сформировавшаяся практика характеризуется строго формализованностью и направлена на обеспечение приоритета публичных интересов над частными. Суды кассационной инстанции, преодолевая формализм нижестоящих судов, создали устойчивый правовой режим, эффективно противодействующий злоупотреблениям со стороны осужденных. Это обеспечивает действительную реализацию целей конфискации как меры уголовно-правового характера, ориентированной на защиту общества от лиц, систематически совершающих преступления в состоянии опьянения.

Ключевые слова: конфискация, транспортное средство, кассационная инстанция, обжалование приговора, безопасность дорожного движения, состояние опьянения, мера уголовно-правового характера, право собственности, фиктивные сделки, суд

Для цитирования. Мингалимова М. Ф. Конфискация транспортных средств как доминирующий предмет кассационного обжалования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 181–190.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

VEHICLE CONFISCATION AS A DOMINANT SUBJECT OF CASSATION APPEAL

Maryam F. Mingalimova

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation,
maryam_m@mail.ru

Introduction. The institution of property confiscation, regulated by Chapter 15.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, is an effective tool for implementing criminal law policy. In light of recent legislative changes, the confiscation of vehicles used in the commission of crimes related to road safety while intoxicated (Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) has become particularly important. The introduction of a special ground for such confiscation in 2022 (Part 1, Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian

Federation) was aimed at strengthening the fight against recidivist crime in this area. A notable feature of the new rule's enforcement is that it has become a major catalyst for court disputes at the cassation stage. While other aspects of the verdict (such as the imposition of punishment, the assessment of evidence of guilt, etc.) are less frequently challenged, the decision to forcibly seize an expensive asset, such as a car, is almost always subject to thorough review by the courts of cassation.

Materials and Methods. The study is based on general scientific and specific scientific methods of cognition: dialectical, formal-logical, comparative-legal, and historical-legal. The empirical base of the study includes published practice of cassation courts of general jurisdiction, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and scientific works on the issues of confiscation and cassation proceedings.

The Results of the Study. The analysis of the practice of cassation courts of general jurisdiction revealed the formation of a uniform approach to the application of vehicle confiscation in the case of committing a crime in the field of road safety while intoxicated. Firstly, the courts consistently establish the actual owner, linking the transfer of ownership not with a formal contract, but with the actual transfer of the car, and recognizing transactions made immediately before or immediately after the commission of a crime as imaginary. Secondly, the cassation practice interprets the concept of ownership expansively, including vehicles that are both jointly owned by spouses and acquired during the period of de facto marriage, i.e., before the marriage is registered. Thirdly, the mandatory nature of confiscation has been confirmed – the courts unanimously reject the convicts' references to their difficult life circumstances and health conditions, emphasizing the public-preventive nature of this measure. Finally, in cases where the vehicle cannot be physically seized, the practice actively applies the confiscation of an equivalent monetary amount (Article 104.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), placing the burden of proving the bona fide of the transaction on the convict.

Findings and Conclusions. The confiscation of vehicles under Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation has become the dominant subject of cassation appeals in cases of crimes committed by intoxicated road users. The established practice is characterized by strict formalization and is aimed at ensuring the priority of public interests over private interests. By overcoming the formalism of lower courts, the courts of cassation have created a stable legal regime that effectively counteracts the abuse of power by convicted individuals. This ensures the effective implementation of the purposes of confiscation as a criminal law measure aimed at protecting society from persons who systematically commit crimes while intoxicated.

Keywords: confiscation, vehicle, cassation court, appeal against a verdict, road safety, intoxication, criminal measure, ownership, fictitious

For citation: Mingalimova M. F. Konfiskaciya transportnyh sredstv kak dominiruyushchij predmet kassacionnogo obzhalovaniya [Vehicle Confiscation as a Dominant Subject of Cassation Appeal]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 181-190. (In Russ.).

С созданием межрегиональных кассационных судов реформирование системы судов общей юрисдикции в 2019 году было направлено на обеспечение большей объективности и беспристрастности правосудия [1, с. 49; 2, с. 105]. Как отмечает

Ф. Н. Багаутдинов, ключевой особенностью новой системы стало исключение возможности рассмотрения уголовного дела в различных судебных инстанциях в границах одного региона, что способствовало независимости судей [3, с. 4]. Принятые законодательные изменения, как подчеркивает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, были направлены на создание условий для функционирования судебных инстанций на основе принципов независимости и самостоятельности, укрепление гарантий реализации конституционного права на судебную защиту, повышение эффективности механизма обеспечения законности судебных решений по уголовным делам². Этот новый институт стал ключевой площадкой для формирования единообразного подхода к применению новеллы п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Значимость и сложность правоприменения данной меры подтверждается тем, что в последнее время она становится предметом активного научного осмысления, о чем свидетельствует большое количество публикаций, посвященных конфискации транспортных средств [4, с. 18; 5, с. 23].

Изучение судебных решений анализируемой категории показало, что подавляющее число кассационных жалоб по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК РФ, подается именно в части применения конфискации транспортного средства. Это связано с высокой стоимостью изъятого имущества и кажущейся осужденным возможностью оспорить формальные основания для его изъятия. Таким образом, кассационная инстанция выступает судебным органом, обеспечивающим единообразное толкование и применение новеллы п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, формируя устойчивую правоприменительную практику.

В судебной практике существует проблема установления принадлежности транспортного средства. Наиболее распространенным основанием для обжалования судебных решений по уголовным делам о преступлениях по ст. 264.1–264.3 УК РФ служит несогласие осужденного с выводом суда о принадлежности ему автомобиля на праве собственности на момент совершения преступления. В кассационных жалобах приводятся доводы о заключении договоров купли-продажи, дарения или изменениях в брачном договоре, призванных подтвердить отчуждение транспортного средства [6, с. 33–37].

Практика кассационных судов выработала единообразный подход к разрешению данных споров. Суды последовательно указывают на то, что:

1) момент перехода права собственности на движимое имущество связывается не с моментом заключения договора, а с фактической передачей вещи (ст. 223 ГК РФ). Следовательно, договор, заключенный накануне преступления, сам по себе не прекращает право собственности осужденного;

2) сделки по отчуждению, заключенные после совершения преступления, при отсутствии доказательств их реального исполнения, оцениваются как мнимые, направленные исключительно на уклонение от конфискации.

Данная позиция, основанная на системном толковании гражданского и уголовного права, направлена на пресечение злоупотреблений и обеспечивает действительную, а не формальную реализацию целей конфискации. Активная роль кассационной инстанции в установлении имущественных отношений полностью соответствует ее предназначению.

² О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327612/ (дата обращения: 09.10.2025).

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд кассационной инстанции проверяет законность судебных решений, устанавливая правильность применения и толкования норм материального права³.

Иллюстрацией данного подхода служит дело в отношении К., рассмотренное Нижнетуринским городским судом Свердловской области⁴. Суд, установив факт управления автомобилем марки «Опель Астра» и признав К. виновным по ч. 2 ст. 264.3 УК РФ, тем не менее отказал в применении конфискации транспортного средства⁵. Основанием послужило то, что автомобиль был зарегистрирован на супругу осужденного, а в материалах дела имелись договоры дарения денежных средств от ее матери и последующей купли-продажи автомобиля. Суд ограничился констатацией доводов формального правообладателя, не углубляясь в анализ действительного имущественного положения и реального характера сделок, тем самым создав предпосылку для последующих судебных ошибок.

В результате апелляционного обжалования Свердловский областной суд оставил приговор суда без изменения⁶. Ключевым аргументом апелляции стала ссылка на преюдициальность ранее вынесенного приговора от 26 декабря 2023 г., которым правовой режим автомобиля был определен как единоличная собственность супруги⁷. Однако суд апелляционной инстанции не учел, что преюдициальность распространяется на установленные факты, но не на правовую оценку этих фактов нижестоящим судом. Вопрос о том, является ли автомобиль, приобретенный в браке на средства, формально подаренные одному из супругов, совместной собственностью, подлежит самостоятельной оценке. Кроме этого, суд проигнорировал отсутствие доказательств реального перехода права собственности – продолжающееся владение и пользование автомобилем со стороны осужденного после заключения договоров прямо указывало на их мнимость.

³ О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327612/ (дата обращения: 09.10.2025).

⁴ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2025 г. по делу № 77-2412/2025 // Седьмой кассационный суд общей : сайт. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9562785&case_uid=8590bdeb-64fb-4023-bd39-64451170a6b6&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

⁵ Архив Нижнетуринского городского суда Свердловской области за 2025 год : уголовное дело № 1-23/2025 // Нижнетуринский городской суд Свердловской области : сайт. URL: https://nizhneturinsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=479546118&case_uid=e8d5294f-ca8b-4336-a587-0828597cc52e&delo_id=1540006 (дата обращения: 17.10.2025).

⁶ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 2 апреля 2025 г. по делу № 22-2458/2025 // Свердловский областной суд : сайт. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=17075898&case_uid=360eefe3-2232-4164-ac9a-dcaba676882f&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 17.10.2025).

⁷ Архив Нижнетуринского городского суда Свердловской области за 2023 год : уголовное дело № 1-138/2023 // Нижнетуринский городской суд Свердловской области : сайт. URL: https://nizhneturinsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=380835995&case_uid=f1167b7e-03c5-4640-9116-6d3527cd2504&delo_id=1540006 (дата обращения: 17.10.2025).

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, отменяя апелляционное постановление Свердловского областного суда, указал на ряд существенных нарушений, допущенных нижестоящими судами. Суд кассационной инстанции, ссылаясь на положения Гражданского и Семейного кодексов Российской Федерации, а также на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированную в постановлении от 30 мая 2025 г. № 25-П⁸, подчеркнул, что автомобиль, приобретенный в браке, является совместной собственностью супругов. Отсутствие раздела этого имущества или выделения доли означает, что транспортное средство продолжает находиться в общей собственности, что является основанием для применения конфискации в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Более того, кассационная инстанция указала, что областной суд не дал оценки тому, что денежные средства, переданные по договору дарения супруге осужденного от ее матери, не обладают индивидуально-определенными признаками, и не проверила, были ли они использованы для приобретения именно этого автомобиля.

Таким образом, кассационная инстанция не ограничилась формальной проверкой документов о переходе права собственности, а провела глубокий анализ действительных имущественных отношений, пресекая попытки уклониться от конфискации через использование института совместной собственности супругов.

Единообразие подхода кассационных судов в установлении действительного владельца транспортного средства подтверждает и практика других межрегиональных судов. Так, Девятый кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 22 сентября 2025 г. оставил без удовлетворения жалобу защитника осужденного С. по вопросу конфискации автомобиля марки «Ниссан Х-Трэйл»⁹. Несмотря на то, что автомобиль был зарегистрирован на супругу и приобретен ею до официальной регистрации брака, кассационный суд согласился с выводами нижестоящих инстанций о том, что на момент приобретения транспортного средства будущие супруги состояли в фактических брачных отношениях, вели совместное хозяйство, а осужденный систематически использовал этот автомобиль.

Указанное решение имеет принципиальное значение, поскольку распространяется выработанный кассационной практикой функциональный подход выхода за рамки института зарегистрированного брака. Суд, по сути, применил логику ст. 34 СК РФ о совместной собственности супругов к имуществу, нажитому в период фактических семейных отношений, формируя прецедент, в соответствии с которым любая попытка искусственного дробления права собственности с целью уклонения от конфискации будет тщательно проверяться на предмет добросовестности. Аналогичная позиция была

⁸ По делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гр. О. А. Андрияновой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2025 г. № 25-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506545/ (дата обращения: 17.10.2025).

⁹ Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2025 г. по делу № 77-1367/2025 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srn_num=1&name_op=case&case_id=14448993&case_uid=56a6acb8-4c5f-4f07-ab9c-a9ad28fdf990&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

сформулирована в сентябре 2025 года Третьим кассационным судом общей юрисдикции по делу в отношении О.¹⁰.

Анализ статистики Первого кассационного суда общей юрисдикции также подтверждает, что вопрос конфискации является доминирующим в кассационном обжаловании по данной категории дел. Так, в период с июля по август 2025 года из 33 рассмотренных дел по ст. 264.1 УК РФ 20 были связаны с оспариванием конфискации автомобиля¹¹. При этом суд последовательно применял выработанные критерии. К примеру, в кассационном постановлении по делу в отношении Д., осужденного по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, суд указал, что составление договора купли-продажи накануне преступления само по себе не прекращает право собственности осужденного на автомобиль марки «Шкода Октавия», поскольку момент перехода права на недвижимое имущество, коим является автомобиль, связывается с его фактической передачей¹². В другом деле в отношении К., осужденного Киреевским районным судом Тульской области в феврале 2025 года, Первый кассационный суд признал несостоятельной ссылку на нотариально удостоверенное соглашение о внесении изменений в брачный договор, заключенное после совершения преступления, расценив его как сделку, направленную исключительно на уклонение от конфискации автомобиля марки *Naval Jolion*¹³.

Остановимся более подробно на доказывании фиктивности отчуждения и императивности конфискации. В случаях, когда физическое изъятие автомобиля невозможно вследствие его реального отчуждения третьим лицам, суд в порядке ст. 104.2 УК РФ вправе применить конфискацию денежной суммы. Однако кассационная практика строго подходит к оценке доказательств такого отчуждения. Если судом устанавливается, что осужденный продолжал владеть и пользоваться транспортным средством после заключения договора дарения или продажи, это служит безусловным основанием для признания сделки фиктивной. Таким образом, бремя доказывания добросовестности и реальности перехода прав собственности возлагается на осужденного.

¹⁰ Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2025 г. по делу № 77-1792/2025 // Третий кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=21474541&case_uid=40681ac6-a70e-4cec-88bb-8607c38c674f&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

¹¹ Обобщение судебной практики по применению конфискации имущества в уголовном судопроизводстве Первого кассационного суда общей юрисдикции за июль–август 2025 г. // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=190 (дата обращения: 17.10.2025).

¹² Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2025 г. по делу № 77-2050/2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41317533&case_uid=4d33d188-c2f8-4212-8c82-282f7ac38278&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

¹³ Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2025 г. по делу № 77-2392/2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41600897&case_uid=0783271e-1b85-4191-a2d6-e8525868858a&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

Ярким примером служит кассационное постановление Первого кассационного суда по уголовному делу в отношении М.¹⁴ Суд отклонил доводы осужденного о дарении автомобиля марки «Шевроле Круз» матери, указав, что неустойчивый договор дарения не может считаться доказательством, а продолжающееся владение и пользование автомобилем со стороны осужденного опровергает факт реального отчуждения. Поскольку фактическое изъятие автомобиля стало невозможным, суд правомерно применил конфискацию денежной суммы в размере 750 тыс. руб., эквивалентной его стоимости, в порядке ст. 104.2 УК РФ.

Важный аспект кассационных споров связан с попытками осужденных оспорить конфискацию, когда они ссылаются на тяжелые жизненные обстоятельства, инвалидность, необходимость использования автомобиля для заработка или лечения. Кассационные суды, руководствуясь разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, занимают единую и бескомпромиссную позицию: конфискация по п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ является обязательной мерой при доказанности двух условий – принадлежности и использования транспортного средства при совершении преступления¹⁵. Личные обстоятельства осужденного, не будучи указанными в законе в качестве основания для освобождения от конфискации, не могут повлиять на ее применение. Этот подход подчеркивает не карательную, а публично-превентивную природу данной меры, нацеленную на изъятие транспортного средства при повторном управлении автомобилем в состоянии опьянения.

Изложенная позиция получила подтверждение в кассационном постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу в отношении А.¹⁶, в котором суд отклонил доводы осужденного, являющегося инвалидом второй группы, о необходимости использования автомобиля марки «Киа Рио» в целях посещения медицинских учреждений для получения лечения. Суд подчеркнул, что конфискация является не наказанием, а мерой уголовно-правового характера, имеющей публично-превентивную природу и направленной на изъятие орудия повторного преступления. Наличие инвалидности, как и иные смягчающие обстоятельства, не отменяют императивного характера данной меры при доказанности факта принадлежности и использования транспортного средства в целях совершения преступления.

Бескомпромиссная позиция кассационных судов находит свое процессуальное обоснование в их ключевой функции – проверке правильности применения норм материального права. Поскольку п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ не предусматривает личные обстоятельства в качестве основания для освобождения от конфискации, отказ

¹⁴ Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июля 2025 г. по делу № 77-2315/2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41581398&case_uid=38dd45c7-eba9-4e8d-8593-c1b40aefe01c&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

¹⁵ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2018 г. № 17 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/ (дата обращения: 17.10.2025).

¹⁶ Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июля 2025 г. по делу № 77-2221/2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41600854&case_uid=01ce6468-4368-4f3f-86b7-fe64eb7a2160&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 17.10.2025).

нижестоящих судов в ее применении по этим мотивам представляет собой неправильное применение уголовного закона, которое кассационная инстанция должна исправить. Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит ошибки в решении вопроса о конфискации имущества к числу оснований для пересмотра судебного решения в кассационном порядке.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что конфискация транспортного средства является преобладающим предметом судебных разбирательств в судах кассационной инстанции по делам о преступлениях в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения. Это свидетельствует о высокой социально-экономической значимости данной меры и наличии существенных пробелов в ее правоприменении. Складывающаяся кассационная практика характеризуется строгостью, формальной определенностью и единообразием. Суды последовательно отказывают в удовлетворении жалоб, основанных на попытках искусственного оспаривания права собственности посредством фиктивных сделок, злоупотреблении правовыми возможностями, предоставляемыми режимом совместной собственности супругов, а также ссылках на смягчающие обстоятельства, не указанные в законе в качестве оснований для освобождения от конфискации. Формируемый кассационной практикой устойчивый правовой режим обеспечивает действительную, а не формальную реализацию целей конфискации. Тем самым кассационная инстанция, преодолевая формализм нижестоящих судов, обеспечивает выполнение конфискацией ее главной функции – защиты общества от лиц, систематически нарушающих правила дорожного движения в состоянии опьянения, используя для этого принадлежащие им транспортные средства, и тем самым подчеркивает публично-превентивную природу данной меры уголовно-правового характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гук П. А., Малькова Е. М. Кассационные суды общей юрисдикции в судебной системе Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 4. С. 42–51.
2. Касаткина Е. А., Солоухина С. В. Суды кассационной инстанции: становление и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 104–106.
3. Багаутдинов Ф. Н. Новая кассация по уголовным делам : учебное пособие. Казань : Изд-во Академии Наук Республики Татарстан, 2021. 262 с.
4. Беларева О.А. Конфискация транспортного средства за управление им в состоянии опьянения: право или обязанность суда // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1 (58). С. 18–25.
5. Торяникова И. В. Конфискация имущества на основании обвинительного приговора, вынесенного за совершение преступления, предусмотренного статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (80). С. 23–28.
6. Мингалимова М. Ф. Брачный договор как юридический барьер для конфискации транспортных средств: анализ правовых позиций Верховного Суда РФ // Администратор суда. 2025. № 3. С. 33–37.

REFERENCES

1. Guk P. A., Malkova E. M. Kassacionnye sudy obshchej yurisdikcii v sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii [Cassation courts of general jurisdiction in the judicial system of the Russian Federation]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic scientific journal «Science. Society. State» 2022, vol. 10, no 4, pp. 42-51. (In Russ.).

2. Kasatkina E. A., Soloukhina S. V. Sudy kassacionnoj instancii: stanovlenie i perspektivy razvitiya [Courts of cassation: formation and development prospects]. Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and land law. 2023, vol. 219, no. 3, pp. 104-106. (In Russ.).

3. Bagautdinov F. N. Novaya kassaciya po ugolovnym delam [New cassation in criminal cases]. Kazan, 2021, 262 p. (In Russ.).

4. Belareva O.A. Konfiskaciya transportnogo sredstva za upravlenie im v sostoyanii op'yaneniya: pravo ili obyazannost' suda [Confiscation of a vehicle for driving while intoxicated: the right or obligation of the court]. Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute, 2024, vol. 58, no. 1, pp. 18-25. (In Russ.).

5. Toryanikova I. V. Konfiskaciya imushchestva na osnovanii obvinitel'nogo prigovora, vynesennogo za sovershenie prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 264.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Confiscation of property on the basis of a conviction for committing a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta Rossii. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, vol. 80, no. 2, pp. 23-28. (In Russ.).

6. Mingalimova M. F. Brachnyj dogovor kak yuridicheskij bar'er dlya konfiskacii transportnyh sredstv: analiz pravovyh pozicij Verhovnogo Suda RF [Marriage contract as a legal barrier to the confiscation of vehicles: analysis of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation]. Administrator suda – Court administrator, 2025, no. 3, pp. 33-37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мингалимова Марьям Фердинандовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Казанский филиал Российского государственного университета правосудия. 420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mingalimova Maryam Ferdinandovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Kazan branch of the Russian State University of Justice. 7A 2nd Azinskaya St., Kazan, 420088.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 23.12.2026; accepted for publication 19.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 191–201.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 191-201.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.13

ПОДОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: СТРУКТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫДЕЛЕНИЯ

Михайлова Тамара Николаевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
stn-postman@mail.ru

Введение. В условиях глобализации процессов мирового развития, сопровождающихся высокой динамикой трансформации имеющихся и возникновением новых, требующих незамедлительного регулирования общественных отношений, вопросы внутренних закономерностей и структурных особенностей права приобретают особую значимость и, исходя из предмета исследования, казалось бы, должны входить сугубо в область познания теоретиков права. Однако интенсификация научного интереса к структурному построению права отмечается и в рамках отраслевых юридических наук, в частности в рамках уголовно-процессуального права России. Положительно оценивая вектор отраслевого развития права, отметим, что такая постановка вопроса способствует обогащению общего учения о системе и структуре уголовно-процессуального права как фундаментальной отрасли российского права, свидетельствует о ее зрелости и развитости нормативного наполнения. При этом подотраслевой уровень структуризации уголовно-процессуального материала заслуживает отдельного внимания.

Материалы и методы. Основу исследования составили труды ученых в области системно-структурных аспектов права. В качестве методологического аппарата исследования использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия) и частнонаучные (логический, формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания правовых явлений. За основу исследования были взяты системный подход к пониманию права и метод структурного анализа входящих в его состав элементов.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило установить отсутствие в теории уголовно-процессуального права развернутой исследовательской программы такого структурного элемента, как подотрасль уголовно-процессуального права. Несмотря на структурную значимость, данный элемент уголовно-процессуального права не получил должного научного признания. Результаты исследования открывают возможности для дальнейших научных изысканий по проблематике поставленного вопроса, направленных на развитие теории формирования подотраслей в уголовно-процессуальном праве России.

Выводы и заключения. Исследование подотраслевого уровня структуризации уголовно-процессуального права имеет важное как теоретическое, так и практическое значение. Интенсификация научных исследований в данном направлении будет способствовать прогрессивному развитию доктрины уголовно-процессуального права и формированию востребованной настоящее время системы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. На современном этапе развития уголовно-процессуального права проблема подотраслеобразования назрела и созданы необходимые предпосылки для выделения данных структурных образований.

Ключевые слова: система права, структура права, уголовно-процессуальное право, подотрасль права, институт права, предпосылки выделения

Для цитирования: Михайлова Т. Н. Подотрасли уголовно-процессуального права: структурная значимость и предпосылки выделения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 191–201.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

SUB-BRANCHES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW: STRUCTURAL SIGNIFICANCE AND PREREQUISITES FOR IDENTIFICATION

Tamara N. Mikhailova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation,
stn-postman@mail.ru

Introduction. In the context of globalization of world development processes, accompanied by high dynamics of transformation of existing ones and the emergence of new ones that require immediate regulation of public relations, the issues of internal laws and structural features of law acquire special importance and, based on the subject of research, it would seem that they should be included exclusively in the field of knowledge of legal theorists. However, the intensification of scientific interest in the structural construction of law is also noted in the framework of branch legal sciences, in particular, in the framework of Russian criminal procedure law. Positively assessing the vector of the sectoral development of law, we note that this formulation of the question contributes to the enrichment of the general teaching about the system and structure of criminal procedure law as a fundamental branch of Russian law, testifies to its maturity and development of normative content. At the same time, the sub-sectoral level of structuring of the criminal procedure material deserves special attention.

Materials and Methods. The research is based on the works of scientists in the field of research of systemic and structural aspects of law. General scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy) and private scientific (logical, formal-legal, comparative-legal) methods of cognition of legal phenomena are used as the methodological apparatus of the research. The research was based on a systematic approach to understanding law and a method of structural analysis of its constituent elements.

The Results of the Study. The conducted research allowed us to establish the absence of a detailed research program in the theory of criminal procedure law of such a structural element as a sub-branch of criminal procedure law. Despite its structural importance, this element of criminal procedure law has not received proper scientific recognition. The results of the study open up opportunities for further scientific research on the issue raised, aimed at developing the theory of the formation of sub-branches in the criminal procedure law of Russia.

Findings and Conclusions. The study of the sub-sectoral level of the organization of criminal procedure law has important both theoretical and practical significance. The intensification of scientific research in this area will contribute to the progressive development of the doctrine of criminal procedure law and the formation of a system of criminal procedure legislation of the Russian Federation that is in demand in modern conditions. At the present stage of the development of criminal procedure law, the problem of sub-education has matured and the necessary prerequisites have been created for the separation of these structural entities.

Keywords: legal system, legal structure, criminal procedure law, sub-branch of law, institute of law, prerequisites for separation

For citation: Mikhailova T. N. Podotrasli ugolovno-processual'nogo prava: strukturnaya znachimost' i predposylki vydeleniya [Sub-branches of Criminal Procedural Law: Structural Significance and Prerequisites for Identification]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 191-201. (In Russ.).

Глобализация процессов мирового развития, научно-технический прогресс во всех сферах жизнедеятельности современного общества, высокая динамика трансформации социальных отношений сформировали заказ на содержательно и качественно новое правовое сопровождение протекающих в государстве и обществе процессов. Общеобязательные правила поведения (нормы), устанавливаемые и охраняемые государством для регулирования общественных отношений и обеспечения порядка в обществе, начинают видоизменяться за счет расширения, сужения или упразднения предметно-функционального назначения. Органы законодательной власти оперативно (а в некоторых случаях - форсировано) принимают новые законы, вносят изменения и дополнения в действующие, в результате чего разрастается имеющийся нормативный материал, провоцируя «регуляторную инфляцию» – избыточное накопление правовых актов, от которого система законодательства начинает «задыхаться» из-за собственной сложности.

Возникший нормативный массив не всегда удается органично распределить по традиционным ячейкам системы права, в связи с чем на страницах юридической печати появляются авторские вариации названий структурных элементов права: «мегаинституты», «утраинституты», «мегаотрасли», «метаотрасли», «ультраотрасли», «надотрасли» и т. д. Практически устоявшееся признание получила идея о наличии в праве комплексных правовых образований, возникающих на стыке нескольких отраслей права в целях регулирования относительно самостоятельной сферы общественных отношений, требующей комплексного подхода. Нередко в погоне за инновациями авторы научных исследований предлагают новые, ранее не свойственные системе права структурные элементы, пропагандируя их в качестве наиболее подходящих в рамках современного понимания права.

Со стороны научного сообщества наиболее востребованным на сегодняшний день является институциональный подход в вопросах исследования структуры отдельных отраслей права. Применительно к уголовно-процессуальному праву выдающийся российский ученый-процессуалист В. В. Николюк отметил, что термин «правовой институт», став фактически нарицательным, присутствует в названиях десятков защищенных диссертаций. Так, уголовный процесс представляется как некая совокупность, набор уголовно-процессуальных институтов, получивших закрепление в каждой главе или в нескольких статьях УПК РФ либо в отдельной статье кодекса [1, с. 286]. Бесспорно, увлечение исследованием институциональных аспектов правовых образований продуктивно в целях развития общего учения о структуре уголовно-процессуального права. Однако, как нам представляется, на современном этапе развития сложились нормативные массивы, явно не укладывающиеся в стандартизированные рамки правового института, пусть даже сложного, с выделением большого количества субинститутов. В связи с этим отдельными учеными высказываются предложения о формировании в рамках отрасли права «института институтов», «ультраинститутов», а в некоторых случаях – предложения о выделении сложившегося монолитного комплекса нормативного материала из материнской отрасли права в новую самостоятельную отрасль права. Подобного рода предложения стали масштабными, в результате чего существующая система национального права начала «раздуваться», «раскачиваться» и терять свое первоначальное фундаментальное предназначение. Ни в коем случае мы не считаем, что система права представляет собой статистическое образование. С позиции общей теории систем (Людвиг фон Берталанфи, 1930–1940 гг.) она как открытая система динамична, находится в постоянном развитии и взаимодействии, обмениваясь энергией и информацией с внешней средой. Однако направленность развития системы права должна сохранять логическую последовательность, стройность и целостность в вопросах структурирования нормативного материала.

В подготовленной Институтом законодательного и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Концепции развития российского законодательства (в редакции 1998 года) прозвучала, как нам представляется, правильная и оптимальная в современных условиях развития права доктринальная позиция профессора Ю. А. Тихомирова, заключающаяся в том, что к предложениям ученых о выделении новых отраслей системы права следует подходить осторожно, реализуя данные идеи в виде подотраслей и институтов [2, с. 7]. По сути, речь идет о соблюдении учеными-исследователями принципа логической преемственности системы национального права, обеспечения иерархии существующей его классической структуры (норма – институт – подотрасль – отрасль) в процессе логического перехода от старых регуляторов к новым с целью сохранения системы права в состоянии структурно-функционального единства.

В последующую четверть века в уголовно-процессуальном праве началось активное развитие институционального подхода в вопросах исследования его структурных аспектов. Вопрос подотраслевого уровня структуризации имеющегося уголовно-процессуального материала в научных кругах практически не ставился. Как отмечают Е. А. Пирогова и А. В. Прокопьева, восприятие исследователя фокусируется на определенных аспектах посредством игнорирования других [3, с. 76]. Безусловно, отдельные научные исследования проводились, о чем автор указанной статьи отмечал в более ранних публикациях [4, с. 266; 5, с. 125–126]. Однако концептуализации подотраслей в уголовно-процессуальном праве – глубокого теоретического осмысления, научного обоснования и формирования целостных идей, понятий, принципов и критериев

подотраслеобразования – не состоялось. Возможно, такой ограниченный подход к исследованию правового феномена «подотрасль уголовно-процессуального права» связан с устоявшейся позицией большинства теоретиков права о необязательном, факультативном характере указанного структурного элемента права. Некоторые ученые однозначно подчеркивают в своих исследованиях, что в отличие от правового института подотрасли не характерны для сравнительно небольших и компактных по содержанию отраслей права [6, с. 113; 7; 8, с. 44; 9, с. 161]. По мнению С. А. Айвазян, не всегда происходит реальное объединение правовых институтов в такое структурное подразделение права, как подотрасль [10, с. 38]. Следовательно, структурный элемент – «подотрасль права» – остается вне сферы исследовательских интересов ввиду отсутствия научной мотивации к изучению необязательных элементов в структуре права. Из вышесказанного можно сделать вывод, что подотрасль права была забыта, едва появившись на свет [5, с. 127].

Правовой анализ научной литературы по рассматриваемой тематике позволил установить, что в теории государства и права подотрасли определяются либо через совокупность правовых норм, опосредующих определенную область общественных отношений, либо через объединение группы правовых институтов внутри отрасли права. При этом зачастую можно встретить мнение о том, что подотрасль выступает переходным звеном между институтом и отраслью права, регулируя крупный массив однородных общественных отношений. В связи с определением подотрасли права в качестве «промежуточного звена» профессор С. А. Белоусов сделал, как нам представляется, верное замечание: «Подотрасль права как и отрасль права является юридически цельным нерасторжимым правовым образованием. Ее нельзя рассматривать в качестве промежуточного правового образования между правовым институтом и отраслью, поскольку подотрасли свойственны признаки самостоятельного предметно-функционального системного явления»¹. Разделяя научную позицию ученого, отметим, что презумпирование промежуточного положения подотрасли права между правовыми образованиями более низкого и более высокого порядка ведет к обесцениванию ее функционального значения, к обеднению научных исследований в данном направлении и, следовательно, к стагнации развития представлений о структуре права. Мы считаем, что подотрасль права является юридически ценным правовым образованием, которое зачастую выступает базисом для возникновения новых отраслей права. Первоначально складываясь на основе нескольких правовых институтов, при наличии определенных условий (объективные потребности в правовом регулировании соответствующих подвидов общественных отношений, существенное обновление основ и принципов самой правовой регуляции и т. д.), подотрасль права способна к постепенному развитию в направлении к обособлению в качестве самостоятельной отрасли права [11, с. 432–433].

Уголовно-процессуальное право – продукт длительной эволюции регулирования определенного вида общественных отношений. Как отмечает в своих исследованиях К. В. Муравьев, уголовно-процессуальные отношения формируются в связи с уголовно-правовыми отношениями, складываются по поводу данных отношений [12, с. 150]. Являясь составной частью единой системы права, уголовно-процессуальное право само представляет собой сложную систему входящих в ее состав структурных элементов. На современном этапе развития уголовно-процессуальное право переживает период

¹ Белоусов С. А. Подотрасль права // Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/podotrasl-prava-020404> (дата обращения: 01.12.2025).

трансформации, связанный с возникновением и развитием новых форм и видов взаимоотношений в социуме. На фоне научно-технического прогресса и влияния геополитических процессов расширяется спектр общественных отношений, требующих правового урегулирования [13, с. 244]. Появляются новые нормы уголовно-процессуального права, ликвидируются старые. За счет слияния, поглощения или замены предыдущих реформируются уголовно-процессуальные институты. Под воздействием различных факторов в праве сформировались предпосылки для структуризации нормативного материала в более крупные правовые образования – подотрасли уголовно-процессуального права.

Подотрасль уголовно-процессуального права – самостоятельный, целостный структурный элемент уголовно-процессуального права. Подотрасль представляет собой самую крупную подсистему уголовно-процессуальной отрасли права и мыслится исключительно как часть целого. Префикс *под-* свидетельствует о том, что данное структурное правовое образование действительно является составной частью и подчинено образованию более высокого порядка – отрасли. На наш взгляд, используемая в слове «подотрасль» морфема придает ему собственный оттенок значения. Подотрасль права находится в рамках отрасли права, а исходя из буквального толкования – *под отраслью* и, соответственно, не может выходить за ее границы, в противном случае возникнет иное структурное правовое образование.

Как отмечают в своих исследованиях Э. А. Джалилов и Р. Л. Хачатуров, выделение подотраслей права происходит в связи с тем, что отрасли права, являясь взаимосвязанными элементами системы права, не равнозначны по своему значению, объему и роли в процессе воздействия на общественные отношения [14, с. 48]. При этом не любой нормативный массив, регулирующий ту или иную группу однородных общественных отношений, может претендовать на теоретический статус подотрасли права. В этом нормативном массиве должны быть определены объективные предпосылки для подотраслеобразования.

В качестве предпосылок для выделения в уголовно-процессуальном праве подотраслей, как нам представляется, можно обозначить следующие:

1) объективные экономические и социальные изменения государства, сопровождающиеся развитием уголовно-процессуальных отношений, обладающих качественным своеобразием и требующих более детального правового урегулирования;

2) усилившиеся процессы дифференциации и интеграции, происходящие в рамках системы национального права;

3) появление значительных по объему, самостоятельных, содержательно целостных и развитых нормативных массивов в рамках уголовно-процессуального права, требующих внутренней систематизации (количественное накопление нормативного материала);

4) наличие специфических приемов регулирования, характерных исключительно для определенного подвида общественных отношений;

5) формальное выражение нормативного массива в отдельных частях системы национального законодательства (материализация подотрасли как структурного элемента системы права в системе национального законодательства);

6) признание значимости комплекса нормативно-правовых предписаний для общества и государства;

7) наличие необходимой для выделения подотраслевого уровня структуризации нормативного материала теоретической базы.

Несмотря на то, что в настоящее время в теории уголовно-процессуального права не реализована развернутая исследовательская программа самостоятельного анализа подотраслеобразования, можно выделить несколько теоретических позиций, на платформе которых с различной степенью аргументированности обсуждались или обсуждаются проблемы образования подотраслей уголовно-процессуального права. Насколько нам известно, в качестве самостоятельных подотраслей уголовно-процессуального права предлагается рассматривать следующие правовые образования:

- доказательственное право (Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, А. С. Элькинд, А. В. Победин, С. А. Шейфер, Н. А. Громов, Е. Ю. Жога, Л. Б. Алексеева, А. Ю. Афанасьев, В. В. Вандышев, Г. В. Софронов, Н. В. Лантух, Н. В. Несмачная, К. В. Бугаев, Р. Х. Якупов и др.);
- производство следственных и иных процессуальных действий (А. П. Гуляев);
- уголовно-процессуальное принуждение (В. В. Николук, С. И. Вершинина, Л. А. Татаров, Э. Р. Гареева, В. А. Цапиенко и др.);
- предварительное расследование (Л. Б. Алексеева, Н. В. Лантух, П. С. Ефимичева, С. П. Ефимичева и др.);
- пересмотр судебных решений (Э. О. Безмельницына, Т. Г. Бородинова и др.);
- судебное разбирательство (Л. Б. Алексеева, Н. В. Лантух и др.);
- договорное уголовно-процессуальное право (В. В. Колесник и др.);
- международное сотрудничество (Н. В. Несмачная, А. Г. Волеводз, Е. А. Омарова и др.).

Ученые-процессуалисты обосновывают самостоятельность выделенных ими групп норм, подчеркивают их логическую завершенность и состоятельность для рассмотрения на подотраслевом уровне структуризации уголовно-процессуального нормативного материала.

Таким образом, несмотря на то, что стройной теории подотраслей в уголовно-процессуальном праве не сложилось (в отличие от доктрины уголовно-процессуальных институтов), каждая из обозначенных нами теоретических позиций значима, поскольку способствует формированию научной доктрины исследуемого сегмента уголовно-процессуального права. С учетом комплекса разработанных и предлагаемых учеными критериев представляет научный интерес возможность их применения и к другим нормативным массивам уголовно-процессуального права, в частности к нормативному массиву, выступающему регулятором общественных отношений с участием несовершеннолетних лиц. Несмотря на кажущуюся органичность и детерминированность в текущих реалиях, его генезис обусловлен длительным процессом исторической трансформации и апробации в системе национального права [15, с. 230]. Ввиду ярко выраженной специфики предмета и метода правового регулирования, обусловленного субъектным составом, а также правового режима, действующего в отношении несовершеннолетних, в структуре уголовно-процессуального права данное правовое образование долгое время рассматривалось с позиции сложного правового института особого назначения и содержания. При определенном динамичном развитии сложные правовые институты в большинстве своем выступают предвестниками образования более крупных подсистем уголовно-процессуального права. Применительно к несовершеннолетним как участникам уголовно-процессуальных отношений на современном этапе развития сложился основной корпус уголовно-процессуальных норм, образующий достаточную базу для ее обособления на подотраслевом уровне структурирования уголовно-процессуального нормативного материала. Уголовно-

процессуальное право достигло определенной содержательной целостности для подобного рода интеграции. Комплекс тесно взаимодействующих (переплетенных единым функциональным назначением) уголовно-процессуальных норм и образованных на основании них институтов (субинститутов), регламентирующих уголовно-процессуальное производство (уголовно-процессуальную деятельность) с участием несовершеннолетнего, реализует собственные предметно-идентификационные функции в процессе регулятивного воздействия на уголовно-процессуальные отношения, взаимодействует с другими нормативно-правовыми образованиями уголовно-процессуального права (подотраслями, институтами, субинститутами, правовыми нормами) посредством структурно-системных связей (как вертикальных, так и горизонтальных), возникших в рамках отрасли уголовно-процессуального права.

Проведенный анализ теоретического и нормативного материала показал, что проблема подотрослеобразования назрела и созданы все необходимые предпосылки для выделения в уголовно-процессуальном праве данных структурных образований. Подотрасли уголовно-процессуального права должны органически вписаться в существующую уголовно-процессуальную материю. Развитию общего учения о структуре уголовно-процессуального права следует идти именно в данном направлении, усиливая целостность уголовно-процессуального права как фундаментальной отрасли российского права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николюк В. В. Системно-структурные проблемы современного российского уголовного процесса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. (г. Орел, 20–21 октября 2016 г.). Орел : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В. В. Лукьянова», 2016. С. 280–290.
2. Концепции развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. / Л. А. Окуньков, Ю. П. Орловский, Ю. А. Тихомиров М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1998. 256 с.
3. Пирогова Е. А, Прокопьева А. В. Восприятие, его свойства и виды // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (29). С. 74–78.
4. Михайлова Т. Н. Подотрасль уголовно-процессуального права: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 262–268.
5. Михайлова Т. Н. «Подотрасль права» как категория уголовно-процессуального права: забыта, едва появившись на свет // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 124–127.
6. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 520 с.

7. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 539 с.
8. Гришковец А. А. Служебное право: итоги дискуссии // Государство и право. 2016. № 12. С. 41–53.
9. Шаповалов А. А. Система права и система законодательства. Общая теория государства и права : учебник. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2018. С. 155–173.
10. Айвазян С. А. Подотрасль права как элемент системы права (на примере одного критерия – предмета правового регулирования) // Аграрное и земельное право. 2017. № 9 (153). С. 38–41.
11. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М. : Норма-Инфра-М, 1999. 539 с.
12. Муравьев К. В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 145–155.
13. Шелегов Ю. В. Классификация уголовно-процессуальных механизмов защиты прав и свобод граждан // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 2 (34). С. 242–251.
14. Джалилов Э. А. Право интеллектуальной собственности – подотрасль гражданского права России // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 45–50.
15. Михайлова Т. Н. Ретроспективный анализ становления и развития ювенального уголовного судопроизводства России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 230–241.

REFERENCES

1. Nikolyuk V. V. [Systemic and Structural Problems of the Modern Russian Criminal Procedure]. *Sovremennoe ugovolno-processual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya : Sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii k 60-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF V. V. Nikolyuka* [Modern Criminal Procedure Law of Russia: Lessons from History and Problems of Further Reforms : Collection of Materials of the International Conference on the 60th Anniversary of Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V. V. Nikolyuk, 20–21 October 2016]. Oryol, Oryol, 2016, pp. 280–290. (In Russ.).
2. *Koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva*. 3-e izd., pererab. i dop. L. A. Okun'kov, Yu. P. Orlovskij, Yu. A. Tihomirov [Concepts of the Development of Russian Legislation. 3rd edition, revised. and add]. Moscow, 1998, 256 p.
3. Pirogova E. A., Prokopyeva A. V. *Vospriyatie, ego svojstva i vidy* [Perception, its Properties and Types]. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025, vol. 29, no. 3, pp. 74–78. (In Russ.).

4. Mikhailova T. N. Podotrasl' ugovolno-processual'nogo prava: postanovka problemy [Sub-branch of Criminal Procedure Law: Statement of the Problem]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – Legal State: Theory and Practice*. 2026, no. 1, pp. 262-268. (In Russ.).
5. Mikhailova T. N. ["Sub-Branch of Law" as a Category of Criminal Procedure Law: Forgotten as Soon as It Was Introduced]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnyh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries: Problems and Prospects of Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 12 December 2025. St. Petersburg]. St. Petersburg, 2025, pp. 124-127. (In Russ.).*
6. Lazareva V. V. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General Theory of Law and State]. Moscow, 2001, 520 p. (In Russ.).
7. Abramova A. I., Bogolyubov S. A., Mickevich A. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, 2003, 539 p. (In Russ.).
8. Grishkovets A. A. Sluzhebnoe pravo: itogi diskussii [Service Law: Results of the Discussion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2016, no. 12, pp. 41-53. (In Russ.).
9. Shapovalov A. A. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [The system of law and the system of legislation // General theory of state and law]. Saratov, 2018, pp. 155-173. (In Russ.).
10. Ayvazyan S. A. Podotrasl' prava kak element sistemy prava (na primere odnogo kriteriya – predmeta pravovogo regulirovaniya) [Sub-branch of law as an element of the system of law (on the example of one criterion – the subject of legal regulation)]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law*. 2017, vol. 153, no. 9, pp. 38-41. (In Russ.).
11. Nersesyants V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General Theory of Law and the State]. Moscow : Norma-Infra-M, 1999, 539 p. (In Russ.).
12. Muravyov K. V. Model' normativnogo regulirovaniya mer presecheniya, dejstvuyushchih pri proizvodstve po ugovolnomu delu i v ugovolno-ispolnitel'nom sudoproizvodstve (v razvitie nauchnogo podhoda Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii doktora yuridicheskikh nauk, professora V.V. Nikolyuka) [Model of Normative Regulation of Interlocutory Measures in Criminal Proceedings and Penal Proceedings (in the Development of the Scientific Approach of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V. V. Nikolyuk)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, vol. 98, no. 3, pp. 145-155. (In Russ.).
13. Shelegov Yu. V. Klassifikaciya ugovolno-processual'nyh mekhanizmov zashchity prav i svobod grazhdan [Classification of Criminal Procedure Mechanisms for Protecting the Rights and Freedoms of Citizens]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow*. 2025, vol. 34, no. 2, pp. 242-251. (In Russ.).
14. Jalilov, E. A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti - podotrasl' grazhdanskogo prava Rossii [Intellectual Property Law as a Subbranch of Russian Civil Law]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and Law*. 2019, vol. 16, no. 4, pp. 45-50. (In Russ.).
15. Mikhailova T. N. Retrospektivnyj analiz stanovleniya i razvitiya yuvenal'nogo ugovolnogo sudoproizvodstva Rossii [Retrospective analysis of the formation and development of juvenile criminal proceedings in Russia]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025, vol. 112, no. 1, pp. 230-241. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Тамара Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Tamara Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 23.12.2026; accepted for publication 19.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 202–212.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 117, no. 2, pp. 202-212.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.5

**ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В БРОДЯЖНИЧЕСТВО РОДИТЕЛЕМ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ
ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КОЛЛИЗИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

Молчанова Мария Сергеевна

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск,
Российская Федерация, semachka.07@mail.ru

Введение. В статье изложены результаты анализа социально-правовых положений, регламентирующих юридический каркас уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации. Выявлена правовая несостоятельность примечания ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации «**Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий**», заключающаяся во внутреннем противоречии формулировок и неоправданной необходимости предоставления специальному субъекту – родителю «правовой льготы» при совершении им деяния, создающего неверное представление ребенка о социальных и правовых гарантиях, предоставляемых ему государством в обстоятельствах трудной жизненной ситуации. Причастность к рукотворным угрозам, создающим опасность для несовершеннолетнего, обоснована пассивным поведением родителя, демонстрирующего нежелание проявить необходимую заботу и разумное попечение.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили раскрыть концептуальную и прикладную составляющие права, обосновывающие противоречие примечания ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» принципам законности и справедливости, а также определить препятствия для реализации заявленных государством гарантий в части обеспечения прав ребенка на самом высоком уровне, исключая возможность нахождения в трудной жизненной ситуации.

Результаты исследования. Изложенные недостатки отечественного уголовного законодательства в части регламентации освобождения от уголовной ответственности специального субъекта преступления – родителя, обязанного в силу закона не допускать нарушения прав ребенка, обоснованы юридической несостоятельностью позиции законодателя, допускающего наличие фактической «монополии» на пренебрежение правами и интересами несовершеннолетнего.

Выводы и заключения. Координация усилий государства и общества по обеспечению и защите прав и интересов несовершеннолетних продолжает оставаться ключевой задачей национальной политики государства. Внимание законодателя сосредоточено на возникающих проблемах правоприменителя, сигнализирующего о существующих недостатках инструментария, составляющего целостный механизм правовых и организационных мер, ориентированных на защиту института детства. Вследствие этого высшая миссия уголовной политики государства заключается в обеспечении защищенности среды жизнедеятельности ребенка, свободной от насилия, эксплуатации, а равно пренебрежительного отношения, требует от государственной власти выполнения консолидированных обязательств социального и правового содержания.

Поскольку в Российской Федерации осуществляется оптимизация законодательства с учетом реальных правовых, социальных и экономических потребностей, представляется необходимым сформировать комплекс социально-правовых аспектов, позволяющих с одной стороны указать на несостоятельность примечания ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, а с другой – сформировать основные направления для совершенствования уголовно-правовой защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, бродяжничество, освобождение от уголовной ответственности, родитель, специальный субъект преступления, уголовный закон

Для цитирования: Молчанова М. С. Вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество родителем: социально-правовое обоснование концептуальной коллизии уголовного закона // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 202–212.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

INVOLVEMENT OF A MINOR IN VAGABILISM BY A PARENT: SOCIAL-LEGAL JUSTIFICATION OF A CONCEPTUAL CONFLICT IN CRIMINAL LAW

Maria S. Molchanova

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, Khabarovsk, Russian Federation, semachka.07@mail.ru

Introduction. This article presents the results of an analysis of the socio-legal provisions governing the legal framework for the criminal protection of minors' rights in the Russian Federation. The legal inconsistency of the note to Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, "Involvement of a Minor in the Commission of Antisocial Acts," is revealed. This inconsistency stems from the internal contradiction in the wording and the unjustified need to grant a special subject—a parent—a "legal benefit" when they commit an act that creates an inaccurate understanding in the child of the social and legal guarantees provided by the state in difficult life circumstances. Involvement in man-made threats that pose a danger to the minor is justified by the passive behavior of the parent, demonstrating an unwillingness to exercise necessary care and reasonable guardianship.

Materials and Methods. The study utilized general and specific scientific methods, which allowed us to uncover the conceptual and applied components of the law that substantiate the inconsistency of the note to Article 151. Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, "Involvement of a Minor in the Commission of Antisocial Acts," adheres to the principles of legality and justice. To identify obstacles to the implementation of state-proclaimed guarantees regarding the highest level of child rights protection, eliminating the possibility of children finding themselves in difficult life situations. Research Results. The described shortcomings of domestic criminal legislation, in terms of regulating the exemption from criminal liability of a special subject of the offense—a parent obligated by law to prevent violations of a child's rights—are justified by the legal inconsistency of the legislator's position, which allows for a de facto "monopoly" on disregarding the rights and interests of minors.

The Results of the Study. The shortcomings of the domestic criminal legislation in terms of regulating the exemption from criminal liability of a special subject of a crime – a parent who is obliged by law to prevent violations of a child's rights – are justified by the legal inconsistency of the legislator's position, which allows for a de facto "monopoly" on disregarding the rights and interests of minors.

Findings and Conclusions. Coordinating the efforts of the state and society to ensure and protect the rights and interests of minors remains a key objective of national policy. Legislators are focused on emerging challenges facing law enforcement, highlighting existing shortcomings in the tools that constitute a holistic mechanism of legal and organizational measures aimed at protecting the institution of childhood. Therefore, the highest mission of the state's criminal policy is to ensure a secure living environment for children, free from violence, exploitation, and neglect. This requires state authorities to fulfill consolidated social and legal obligations.

Since the Russian Federation is implementing measures to optimize legislation based on actual legal, social, and economic needs, it seems necessary to develop a set of socio-legal aspects that, on the one hand, point out the inadequacy of the note to Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, and, on the other, formulate key guidelines for improving the criminal law protection of the rights and interests of minors.

Keywords: minor, vagrancy, exemption from criminal liability, parent, special subject of crime, criminal law

For citation: Molchanova M. S. Vovlechenie nesovershennoletnego v brodyazhnichestvo roditel'm: social'no-pravovoe obosnovanie konceptual'noj kollizii ugovnogo zakona [Involvement of a Minor in agrancy by a Parent: Socio-Legal Justification of a Conceptual Conflict in Criminal Law]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 202-212. (In Russ.).

Имеющееся многообразие правовых форм защиты статуса ребенка не позволяет усомниться, что российская правовая система соответствует императивным требованиям международного и национального уровня правового регулирования.

Конституция Российской Федерации вполне естественно отражает основную идею социально-правового государства в части защиты детства, обеспечения и уважение права, свобод и законных интересов несовершеннолетних, провозглашая благополучие ребенка в качестве основы развития отечественного государства и права, отмечая безусловную вовлеченность детей в социальные процессы, непосредственно ориентированные на воспроизводство и развитие человеческого капитала.

В рамках разработанных стратегий¹ Российской Федерацией были скоординированы тезисы о признании детства важным этапом развития человека и необходимости создания безопасных условий, позволяющих реализовать права и законные интересы подрастающего поколения, в том числе посредством устранения факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

Семейный кодекс Российской Федерации² (далее – СК РФ) содержит императивный запрет на осуществление родительских прав, противоречащих интересам ребенка, сопряженных с причинением вреда физическому и психическому здоровью, нравственному развитию, пренебрежительным, жестоким, унижающим человеческое достоинство обращением, оскорблением или эксплуатацией.

Признание важности защиты прав и интересов ребенка нашло отражение в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которому в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, установлены гарантии социальной защиты, семья находится под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей³.

Отдельное место в системе обеспечения и защиты конституционных прав несовершеннолетнего занимает Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). В противоположность семейно-правового или административно-правового регулирования, уголовно-правовой инструментарий задействуется в случае социально неприемлемого поведения человека, выступая тем самым «ultima ratio» – крайним средством реагирования на деяния, характеризующиеся исключительной опасностью для несовершеннолетнего. В частности, существенные изменения претерпела ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» в части ужесточения наказания, дополнения квалифицирующих признаков, акцентирующих внимание на малолетстве потерпевшего, количестве несовершеннолетних потерпевших, а также совершении посягательства с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»⁴.

Таким образом, внесенные поправки отразили современные социально-правовые реалии, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой защиты несовершеннолетних. Законодательство теперь обеспечивает более строгий, четкий и дифференцированный подход к квалификации и наказанию за вовлечение детей в преступную и антиобщественную деятельность, что способствует укреплению системы

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320/ (дата обращения: 03.11.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Семейный кодекс Российской Федерации : СК : принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 03.11.2025).

³ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. А. Шакировой, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2018 г. № 4-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288538/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.11.2025).

профилактики, снижению уровня подростковой преступности и защите прав и интересов наиболее уязвимых категорий граждан [1, с. 83].

Между тем успехам реализации обозначенных ст. 151 УК РФ нововведений традиционно препятствуют давно устоявшиеся положения, сопровождаемые множеством доктринальных комментариев, однако игнорируемых как законодателем, так и правоприменителем по причине рутинности, нахождения его в «слепой зоне» либо формального отношения к содержанию самой категории.

Очевидность указанного недостатка прослеживается в примечании, регламентирующем отказ от привлечения родителя к уголовной ответственности в случае вовлечения им несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства.

Несмотря на явное расхождение содержания данного примечания с фактическим проявлением акцентного внимания государства к проблемам защиты прав ребенка, поощрительная норма продолжает существовать. Более того, она свидетельствует о противоречивости законодателя в части логической необходимости руководствоваться интересами несовершеннолетних и демонстрацией неоправданного гуманизма. О нецелесообразности наличия в уголовном законе спорного положения заявлено на доктринальном уровне. В частности, по мнению М. А. Полгар [2, с. 295], в примечании ст. 151 УК РФ законодатель формально легализовал вовлечение несовершеннолетних в бродяжничество с учетом некоторых условий.

По мнению А. Н. Рубченко [3, с. 90], указанное примечание порождает проблемы правовой оценки фактически совершенных деяний, поскольку попрошайничество и бродяжничество - признаки объективной стороны деяния, которые могут быть вызваны тяжелой жизненной ситуацией. Однако вовлечение несовершеннолетнего именно в попрошайничество не влечет освобождения от уголовной ответственности. Это явно противоречит принципам равенства, справедливости и гуманизма. Кроме того, требуется учитывать психологическое состояние ребенка и то, что он думает по поводу освобождения родителя от уголовной ответственности.

На очевидную бессмысленность примечания указывают Д. М. Зурабова, И. А. Фаргиев [4, с. 187], мотивируя это очевидным отказом учитывать реальную возможность сопряженности соответствующих антиобщественных действий, игнорированием мнения и интересов потерпевшего лица, противоречием, возникающим в процессе привлечения к ответственности равных по статусу лиц, совершивших аналогичные деяния в идентичных условиях.

Единообразие во взглядах ученых объяснимо тем, что законодатель формально подходит к конструированию принципиально важных категорий, нарушая тем самым комплексное представление о принципах и перспективах защиты несовершеннолетних, указывая на возможность допущения нарушений, смещение акцентов с правовых на социальные категории, что противоречит основам законодательства и реализуемой государством политики.

Государственная власть Российской Федерации, создавая правовые, социально-экономические условия для реализации прав и законных интересов ребенка, определяет защиту его прав в качестве приоритетного направления национальной политики, целями которой является защита от факторов, негативно влияющих на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. В системе разновидностей таких факторов, бесспорно, лидирующую позицию занимает преступность. Защита прав детей от ее негативных последствий обеспечивается в том

числе уголовной политикой государства, включающей в себя меры уголовно-правового воздействия на преступность, которые направлены как на обеспечение защиты детей от совершения в отношении них преступлений, так и в отношении защиты общества от преступности несовершеннолетних [5, с. 205].

Статистические показатели позволяют констатировать, что количество выявляемых детей, находящихся в условиях, представляющих угрозу их жизни, здоровью или препятствующих их нормальному развитию и воспитанию, существенно не меняется: 2020 год - 68,7 тыс. детей, 2021 год - 73,5 тыс. детей, 2022 год - 75,8 тыс. детей, 2023 год - 68,6 тыс. детей, 2024 год - 65 тыс. детей⁵.

В качестве негативных социальных явлений, которым подвержены дети в последнее время, криминологи и практические сотрудники правоохранительных органов выделяют своеобразную и тенденциозную группу: 1) бродяжничество; 2) попрошайничество; 3) суицидальное поведение; 4) проституция [6, с. 16].

В этом случае можно предположить, что указанные формы девиантного поведения становятся для ребенка нормой в силу присущей семейной десоциализации, а также влияния негативных внутрисемейных установок, что само по себе является трудной жизненной ситуацией. Следовательно, по причине семейного неблагополучия ребенок оказывается в тяжелых жизненных обстоятельствах. В рамках данного исследования отказ усмотреть в действиях родителя общественную опасность вовлечения в бродяжничество – не самый верный путь к защите прав потерпевшего, поскольку интересы ребенка остаются без внимания. С другой стороны, не следует забывать, что государством сформированы направления обеспечения всеобъемлющей безопасности несовершеннолетних⁶, где особое внимание уделено вопросам поддержки семей, имеющих детей, и защиты прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Здесь мы сталкиваемся с очевидным противоречием в поведении родителя, находящегося в трудной жизненной ситуации, вовлекающего ребенка в бродяжничество, однако проявляющего стойкое нежелание обратиться в органы государственной власти или органы местного самоуправления, к представителям гражданского общества, чья деятельность направлена на консолидацию усилий по устранению угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию. Подобная ситуация подлежит правовой оценке с позиции санкционирования совершенных действий, а не в качестве «правовой льготы», предложенной законодателем при наличии только лишь конкретных условий неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Исключительный по своему характеру процесс создания в Российской Федерации государственных и общественных институтов, направленных на предупреждение наиболее серьезных угроз прав детей, обусловил возникновение качественно новой системы помощи. К примеру, учрежден фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, введен в практику единый номер телефона доверия [7, с. 195].

Очевидно, что в настоящее время государство в полной мере принимает на себя бремя ответственности за благополучие своих граждан и что важно нормативно его

⁵ Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1217-п // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505456/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 03.11.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁶ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года.

закрепляет, тем самым очевидно формирование феномена социальной ответственности и реализации идеи социального государства [8, с. 93].

Логическим развитием этой идеи является то, что родитель, утративший источник средств к существованию или место жительства, получает неограниченные возможности на обращение в компетентные органы за необходимой помощью. Более того, наличие предоставленных государством правовых возможностей не коррелирует с допустимой в этой ситуации уголовным законом возможностью и необходимостью вовлечения ребенка в бродяжничество. Фактически усматривается ситуация, когда родитель, обладая всеми инструментами предотвращения вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, умышленно воздерживается от их использования, рассчитывая на реализацию гарантированной государством возможности освобождения от уголовной ответственности при очевидном нарушении прав ребенка.

Не менее важным обстоятельством, подтверждающим юридическую несостоятельность освобождения от уголовной ответственности родителя, вовлекающего несовершеннолетнего в бродяжничество, выступает наличие отлаженного процесса взаимодействия сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и органов социальной защиты населения, поскольку в ходе совместных мероприятий указанные субъекты выявляют подростков, которые находятся в трудной жизненной ситуации, воспитываются в неблагополучных семьях либо уже покинули дом по вышеуказанным причинам. В рамках данного взаимодействия органы внутренних дел могут самостоятельно оказывать различную социальную помощь либо содействие в ее реализации органам социальной защиты [9, с. 62].

Помимо адресной деятельности, сотрудники органов внутренних дел реализуют комплекс мероприятий упреждающего воздействия, направленных на выявление неблагополучных семей, детей, которые находятся в социально опасном положении, а также комплекс мер воздействия на родителей, ненадлежащим образом осуществляющих воспитание несовершеннолетних детей [9, с. 57].

Снижение рисков неблагополучия семей с детьми и преодоление ими трудных жизненных обстоятельств в 2026 году обусловлено предстоящими перспективами взаимодействия полномочного представителя Совета Федерации и Уполномоченного по правам ребенка в реализации и защите прав несовершеннолетних.

В общей совокупности обозначенных обстоятельств социальная ответственность, реализуемая в форме юридической ответственности, предполагает сочетание методов убеждения и принуждения, которые базируются на таких принципах, как законность, справедливость, неотвратимость, соразмерность и гуманизм [10, с. 11]. Говоря о юридической оценке ответственности родителя, вовлекающего несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, необходимо расставить некоторые акценты.

В первую очередь следует упомянуть о статусе специального субъекта преступлений, посягающих на интересы несовершеннолетних детей, – родитель. Традиционно в отечественном уголовном праве не оспаривается повышенная степень общественной опасности деяний преступного характера, совершаемых родителем в отношении своих детей [4, с. 185].

Вместе с тем уголовный закон в одном единственном случае допускает возможность «двойных стандартов» опасного поведения родителя, поощряющего антиобщественное поведение несовершеннолетнего. Демонстрируемый в примечании ст. 151 УК РФ гуманизм оправдан фактом стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Рассматриваемая нами коллизия между правом и гарантией несовершеннолетнего на защиту и монополией родителя на нарушение конституционных прав человека

свидетельствует о нарушении всех базовых принципов отечественного права. Создавшееся положение требует срочного вмешательства правоприменителя, которому следовало бы настоять на исключении данного примечания.

Указанная правовая конструкция подлежит исключению, в том числе по причине противоречия не только Конституции Российской Федерации, но и отраслевому законодательству Российской Федерации. В соответствии со ст. 69 СК РФ родители могут быть лишены судом родительских прав, если они злоупотребляют родительскими правами, в частности создают препятствия к получению общего образования, склоняют к бродяжничеству и попрошайничеству⁷. Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях⁸ (далее – КоАП РФ) родитель, осуществляющий бродяжничество совместно с несовершеннолетним, привлекается к административной ответственности. Таким образом, правовая конструкция ст. 5.35 КоАП РФ нацелена на неотвратимость административного преследования.

Бесспорным является тот факт, что семья в социализации ребенка выступает в качестве первичного института [11, с. 243]. Ряд исследователей подчеркивают, что опыт детско-родительского взаимодействия, а также поведенческие сценарии, принятые в семье, затем транслируются ребенком вовне [12, с. 171]. Представляется, что в такой ситуации родитель, безусловно, понимает и осознает, что факт вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия и сам факт нахождения ребенка в состоянии бродяжничества окажет негативное влияние на весь процесс социализации, усугубит его представление о роли и значении государства в жизни человека, сформирует асоциальное представление об укладе жизни семьи и толерантное отношение к категориям права и морали в регулировании детско-родительских отношений.

Проанализированные позиции социально-правового характера, обосновывающие несостоятельность освобождения от уголовной ответственности родителя, вовлекающего несовершеннолетнего в бродяжничество вследствие стечения тяжелых обстоятельств, вызванного утратой источника средств к существованию или отсутствием места жительства, позволили сформировать несколько тезисов. Во-первых, в уголовном законе Российской Федерации не предусмотрена ответственность за пассивное поведение родителя, не выполняющего свои обязанности по защите прав и интересов несовершеннолетнего, претерпевающего негативные последствия нахождения в трудной жизненной ситуации, при наличии реальной возможности незамедлительного получения помощи компетентных органов. Во-вторых, представленная в законе формулировка «тяжелые жизненные обстоятельства» не может выступать в качестве правовой основы безграничной «монополии» родителя в части нарушения им принципов и конституционных положений, гарантирующих ребенку защиту, в том числе и от родителя, представляющего для него опасность. В-третьих, Российская Федерация, являясь правовым и социальным государством, не может содержать нормативных положений,

⁷ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП РФ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.11.2025).

позволяющих допускать «двойные стандарты» в обеспечении прав и интересов несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кадилов Н. В. Усиление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления и антиобщественные действия (с 8 января 2025 года) // Современная наука: инновационный взгляд молодежи : мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 20 мая 2025 г.). Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2025. С. 82–86.
2. Полгар М. А. Проблемы законодательного закрепления примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации : сборник трудов. Сборник статей. Симферополь, 2020. С. 292–296.
3. Рубченко А. Н. Субъект злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и его особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (256). С. 88–92. EDN: OWTPEZ.
4. Зурабова Д. М., Фаргиев И. А. Родитель как специальный субъект преступления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5–1. С. 185–188. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10893. EDN: JGHIYI.
5. Третьякова Е. И., Степаненко Д. А. Правовые проблемы применения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 203–213. EDN: VXENVK.
6. Буслов М. М., Прохонов В. С. Основные детерминанты бродяжничества, попрошайничества, суицидального поведения, проституции среди несовершеннолетних и молодежи и их связь с преступностью // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2019. № 1 (6). С. 15–22. EDN: LENLER.
7. Сидорова Е.З., Босхолов С.С., Бельский А.И., Усов Е.Г. Предупреждение органами внутренних дел преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 194–207. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.83.50.017/ EDN: BKIEDF.
8. Шаламова А. Н. Роль социальной ответственности в реализации идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 90–96. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009. EDN: YVUTEU.
9. Беженцев А. А. Безнадзорность, беспризорность, бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: стратегические направления минимизации в административной деятельности полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 56–65. EDN: QCYCBK.
10. Авдеева О. А., Андреев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 9–19. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.67.001. EDN: OGDMOX.
11. Левин Л. М. Семейные факторы риска формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за преступления

различной степени тяжести // Вестник университета. 2025. № 5. С. 241–250. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-5-241-250. EDN: SYJGPV.

12. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб. : Питер, 2002. 656 с.

REFERENCES

1. Kadirov N. V. [Strengthening criminal liability for involving minors in crimes and antisocial actions (from January 8, 2025)]. *Sovremennaya nauka: innovacionnyj vzglyad molodezhi : materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf., 20 maya 2025 g*[Modern Science: The Innovative View of Youth: Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference (Pyatigorsk, May 20, 2025).]. Pyatigorsk : Izd-vo PGU, 2025. pp. 82–86. (In Russ.).

2. Polgar M. A. Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya primechanij k stat'yam Ugolovnogo kodeksa RF : Sbornik trudov. Sbornik statej [Problems of legislative consolidation of notes to articles of the Criminal Code of the Russian Federation : collection of works. Collection of articles]. Simferopol', 2020, pp. 292–296. (In Russ.). EDN: OWTPEZ.

3. Rubchenko A. N. Sub"ekt zloстного ukлонeniya ot uplaty sredstv na sodержanie detej ili netrudosposobnyh roditel'ej i ego osobennosti [The subject of malicious evasion of payment of funds for the maintenance of children or disabled parents and its features]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. Chelyabinsk, 2012, vol. 256, no. 1, pp. 88–92. (In Russ.).

4. Zurabova D. M., Fargiev I. A. Roditel' kak special'nyj sub"ekt prestupleniya [The parent as a special subject of crime]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019, no. 5-1, pp. 185–188. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10893. EDN: JGHIYI.

5. Tret'yakova E. I., Stepanenko D. A. Pravovye problemy primeneniya ugolovnoj otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie dejstvij, predstavlyayushchih opasnost' dlya zhizni nesovershennoletnego [Legal issues related to criminal liability for involving a minor in actions that pose a threat to the minor's life]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Irkutsk, 2025, vol. 115, no. 4, pp.203–213. (In Russ.). EDN: VXEHVK.

6. Buslov M. M., Prohonov V. S. Osnovnye determinanty brodyazhnichestva, poproshajnichestva, suicidal'nogo povedeniya, prostitucii sredi nesovershennoletnih i molodezhi i ih svyaz' s prestupnost'yu [The main determinants of homelessness, begging, suicidal behavior, and prostitution among minors and young people, and their relationship to crime]. *Ugolovno-processual'naya ohrana prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih – Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors*. Moscow, 2019, no. 1 (6), pp. 15–22. (In Russ.). EDN: LENLER.

7. Sidorova E. Z., Boskholov S. S., Bel'skij A. I., Usov E. G. Preduprezhdenie organami vnutrennih del prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi [Prevention of crimes and administrative offenses committed by minors by the internal affairs bodies]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Irkutsk, 2023, vol. 106, no 3, pp. 194–207. (In Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2023.83.50.017/ EDN: BKIEDF.

8. Shalamova A. N. Rol' social'noj otvetstvennosti v realizacii idei social'nogo gosudarstva [The Role of Social Responsibility in Implementing the Idea of a Social State]. *Vestnik*

Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2022, vol. 103, no. 4, pp. 90-96. (In Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009. EDN: YVUTEU.

9. Bezhencev A.A. Beznadzornost', besprizornost', brodyazhnichestvo i poproshajnichestvo nesovershennoletnih: strategicheskie napravleniya minimizacii v administrativnoj deyatel'nosti policii [Supervision, homelessness, vagrancy, and begging among minors: strategic directions for minimizing them in the administrative activities of the police]. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ufa, 2023, vol. 99, no. 1, pp. 56-65. (In Russ.). EDN: QCYCBK.

10. Avdeeva O. A., Andreev V. A. Strategicheskie napravleniya pravovogo vozdejstviya v kontekste realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya sovremennogo obshchestva [Strategic Directions of Legal Impact in the Context of Implementing the Concept of Sustainable Development of Modern Society]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2022, vol. 100, no. 1, pp. 9-19. (In Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.67.001. EDN: OGDMOX.

11. Levin L. M. Semejnye faktory riska formirovaniya otklonyayushchegosya povedeniya u nesovershennoletnih pravonarushitelej, osuzhdennyh za prestupleniya razlichnoj stepeni tyazhesti [Family risk factors for the development of deviant behavior in juvenile offenders convicted of crimes of varying severity] Vestnik universitetam – University vestnik. Moscow, 2025, no. 5, pp. 241-250. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2025-5-241-250. EDN: SYJGPV.

12. Ejdemiller E.G., Yustickis V.V. Psihologiya i psihoterapiya sem'i [Psychology and family psychotherapy]. St. Petersburg : Piter, 2002, 656 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин. Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова. 680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Molchanova Maria Sergeevna, Senior Lecturer, Department of General Legal Disciplines, The Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov. 15 Kazarmeny lane, Khabarovsk, 680020.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 10.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 213–226.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 213–226.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.91

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ В РОССИИ: ПОНЯТИЕ, СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ, ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Репецкая Анна Леонидовна¹, Иванова Анастасия Геннадьевна²

^{1,2}Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

^{1,2}repetsk@mail.ru

Введение. В статье проанализированы состояние безопасности на железнодорожном транспорте в Российской Федерации, существующие современные угрозы данному виду безопасности, а также некоторые проблемы ее обеспечения.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует законодательство в сфере транспортной безопасности, безопасности критической информационной инфраструктуры и уголовное законодательство, а также подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок защиты объектов железнодорожного транспорта от актов незаконного вмешательства. В ходе исследования изучались материалы судебной практики, статистические данные о преступлениях террористической и диверсионной направленности за 2021–2025 годы, сведения ОАО «Российские железные дороги» о компьютерных атаках на инфраструктуру, а также открытые источники, содержащие информацию об инцидентах с беспилотными летательными аппаратами на железной дороге. Теоретическую базу составили труды ученых, занимавшихся проблемами определения актов незаконного вмешательства, квалификации кибертерроризма и кибердиверсии, а также вопросами цифровой трансформации уголовного права. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный подход, логический метод) и специальных методов познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, а также метод правового прогнозирования.

Результаты исследования. Авторами определено понятие безопасности железнодорожного транспорта, базирующегося на понятии «транспортная безопасность». Изучены основные виды угроз, среди которых в частности подробно рассмотрены: диверсионно-террористическая угроза, использование для осуществления диверсионно-террористической деятельности беспилотных летательных аппаратов, компьютерные атаки на объекты критической инфраструктуры железнодорожного транспорта, а также использование информационных технологий для осуществления посягательств на безопасность рассматриваемых объектов.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что нужна системная работа по обеспечению безопасности, в частности железнодорожного транспорта, включая его инфраструктуру, безопасность грузов и пассажиров. Такой подход должен войти в приоритетные направления государственной транспортной политики, а пресечение и предупреждение противоправных деяний на железной дороге должно быть своевременным, соответствовать уровню существующих угроз и постоянно совершенствоваться

с учетом технологического развития противоправных посягательств.

Ключевые слова: транспортная безопасность, железнодорожный транспорт, диверсионно-террористическая деятельность, беспилотный летательный аппарат, компьютерная атака

Для цитирования: Репецкая А. Л., Иванова А. Г. Безопасность на железнодорожном транспорте в России: понятие, современные угрозы, проблемы обеспечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 213–226.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

RAILWAY TRANSPORT SAFETY IN RUSSIA: CONCEPT, MODERN THREATS, AND ISSUES OF ENSURING

Anna L. Repetskaya¹, Anastasia G. Ivanova²

^{1,2}East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

^{1,2}repetsk@mail.ru

Introduction. The article analyzes the state of security on railway transport in the Russian Federation, the existing contemporary threats to this type of security, as well as certain issues of its provision.

Materials and Methods. The normative framework of the study comprises legislation in the sphere of transport security, security of critical information infrastructure, criminal legislation, as well as subordinate regulatory legal acts governing the procedure for protecting railway transport facilities from acts of unlawful interference. In the course of the research, the authors examined materials of judicial practice, statistical data on crimes of a terrorist and sabotage nature for 2021–2025, information from Russian Railways (JSC Russian Railways) regarding computer attacks on its infrastructure, as well as open sources containing information on incidents involving unmanned aerial vehicles (UAVs) on the railway. The theoretical basis was formed by the works of scholars who have studied the problems of defining acts of unlawful interference, the qualification of cyberterrorism and cyber-sabotage, as well as issues of digital transformation of criminal law. The methodological basis of the study comprised a combination of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, systemic-structural approach, logical method) and special methods of cognition, including formal-legal, comparative-legal, statistical, as well as the method of legal forecasting.

The Results of the Study. The authors define the concept of security of railway transport, based on the notion of “transport security”. The main types of threats have been examined, among which the following are considered in detail: sabotage-terrorist threat; the use of unmanned aerial vehicles for carrying out sabotage-terrorist activities; computer attacks on critical infrastructure facilities of railway transport; and the use of information technologies to commit encroachments on the security of the said facilities.

Findings and Conclusions. The conducted research has led to the conclusion that systemic work is required to ensure the security of railway transport in particular, including its infrastructure, cargo and passenger safety. Such an approach should become a priority direction of state transport policy, and the suppression and prevention of unlawful acts on the railway must be timely, correspond to the level of existing threats, and be continuously improved in light of the technological development of criminal encroachments.

Keywords: transport security, railway transport, sabotage and terrorist activities, unmanned aerial vehicle, computer attack

For citation: Repetskaya A. L., Ivanova A. G. Bezopasnost na zheleznodorozhnom transporte v Rossii: ponjatie, sovremennye ugrozy, problemy obespecheniya [Railway transport safety in Russia: concept, modern threats, and issues of ensuring]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 213-226. (In Russ.).

Действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная 2 июля 2021 г. Указом Президента Российской Федерации № 400¹, устанавливает перечень стратегических национальных приоритетов, направленных на развитие страны. Бесперебойная работа транспортной инфраструктуры, и прежде всего железнодорожного транспорта, является необходимым условием практической реализации указанных приоритетов.

Железнодорожный транспорт является одним из доминирующих видов транспорта в стране, поскольку обеспечивает экономическую и социальную связь регионов, территориальную целостность и поддержание обороноспособности государства. Именно этим видом транспорта осуществляется перевозка основных объемов грузов и пассажиров. При этом как грузопотоки, так и пассажиропотоки ежегодно увеличиваются. Так, в 2025 г. железнодорожным транспортом было перевезено более 1,3 млрд человек², что на 8 % больше, чем пять лет назад, в 2021 г. (1,06 млрд чел.)³. Объемы перевозимых грузов,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.03.2026).

² Андрей Никитин рассказал о приоритетных направлениях деятельности Минтранса России в ходе «Открытого диалога» в Совете Федерации // Министерство транспорта Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12493> (дата обращения: 11.03.2026)

³ Статистика. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. 2021 год // Министерство транспорта Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://mintrans.gov.ru/ministry/results/180/documents/> (дата обращения: 11.03.2026).

особенно на дальние расстояния, тоже большие: в 2025 г. их было перевезено 1116,8 млн тонн⁴.

Разветвленная сеть ОАО «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») включает 17 железных дорог общей протяженностью 87,8 тыс. км. Она занимает первое место в мире по интенсивности использования, обеспечивает 87 % грузооборота страны и около трети пассажиропотока⁵.

Одновременно с этим инфраструктура железнодорожного транспорта представляет собой уязвимую среду для различного рода угроз. Это связано с рядом детерминирующих их факторов: массовым скоплением пассажиров как на вокзалах (перронах), так и в поездах; небольшим количеством пунктов досмотра; большим объемом перевозки опасных грузов и значительной территориальной протяженностью железнодорожного полотна, его доступностью, и, соответственно, сложностью контроля за обеспечением его безопасности. Следовательно, обеспечение транспортной безопасности железнодорожной отрасли – это важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности в целом.

Анализ состояния безопасности на транспорте сложно провести, не определив это понятие. Между тем легальное определение понятия «безопасность» в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁶ отсутствует, что само по себе создает сложности [1, с. 119], поскольку может толковаться неоднозначно.

Национальная безопасность, в структуру которой включена транспортная безопасность, определяется Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. Под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. Здесь же дано понятие «угроза национальной безопасности», которое определяется как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации.

Вместе с тем законодательно определено понятие «транспортная безопасность», которое содержится в ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Федеральный закон «О транспортной

⁴ Обзор работы грузового железнодорожного транспорта за 12 месяцев 2025 г. // СОЖТ (Союз операторов железнодорожного транспорта). URL: <https://railsovet.ru/upload/iblock/027/4dkrvovxvjklcfw5oj68204qfkzgzqkd.pdf> (дата обращения: 11.03.2026).

⁵ Развитие опорной сети железных дорог // Минтранс России : сайт. URL: <https://www.transport.gov.ru/national-project/razvitie-opornoy-seti-zheleznikh-dorog> (дата обращения: 11.03.2026).

⁶ О безопасности : Федер. закон № 390-ФЗ : принят Гос. Думой 7 декабря 2010 г. : одобрен Советом Федерации 15 декабря 2010 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 11.03.2026).

безопасности»)⁷. Транспортная безопасность – это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства.

Между тем, по мнению некоторых авторов, указанный перечень объектов защиты является достаточно узким и прямо не учитывает основного – обеспечения безопасности жизни и здоровья человека на транспорте [2, с. 164]. Однако, как представляется, данное упущение устраняется в определении понятия «акт незаконного вмешательства» (далее – АНВ), под которым, согласно вышеуказанному федеральному закону, понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

При анализе приведенных дефиниций становится очевидным, что в одном случае речь идет о защите «транспортной инфраструктуры и транспортных средств», а в другом – обо всем транспортном комплексе. Содержание данных понятий установлено законодателем, при этом очевидно, что понятие «транспортного комплекса» шире, так как в него, помимо объектов транспортной инфраструктуры, включены еще и ее субъекты, и транспортные средства. Соответственно, законодатель фактически сузил содержание транспортной безопасности, по сравнению с содержанием угрозы, которой она призвана противостоять, что противоречит правилам формальной логики [2, с. 165].

Кроме того, существует и неоднозначность толкования понятия АНВ как действия и бездействия. Некоторые ученые считают, что из всего многообразия АНВ часть из них может быть проявлена и в форме бездействия [3, с. 25; 4, с. 57]. Другая же часть исследователей [5, с. 17; 6, с. 195–199] утверждает о возможности вмешательства в деятельность транспортной системы только путем совершения активных действий. В этой связи возникает вопрос о том, что же считать АНВ. В Федеральном законе «О транспортной безопасности» не содержится регламентированного перечня действий, образующих АНВ, так же как отсутствует порядок определения угроз совершения АНВ.

В имеющемся приказе Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 марта 2010 г. «Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств»⁸ закреплено девять приоритетных для государства потенциальных угроз, совершаемых в форме действия, которые могут привести к незаконному вмешательству. При этом необходимо заметить, что восемь из таких угроз подпадают под признаки регламентированного в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) состава преступления –

⁷ О транспортной безопасности : Федер. закон № 16-ФЗ : принят Гос. Думой 19 января 2007 г. : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2007 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 11.03.2026).

⁸ Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств : Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12174831/> (дата обращения: 11.03.2026).

террористического акта. Иные угрозы в данном Перечне не указаны, хотя фактически их спектр обширен.

Неслучайно учеными предлагается заменить термин «акт незаконного вмешательства» на более широкое понятие «факт незаконного воздействия», позволяющее охватить весь спектр противоправных действий, угрожающих транспортной безопасности и нарушающих ее [3, с. 25].

Непосредственно безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта определяется Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»⁹, которая понимается как состояние защищенности процесса движения железнодорожного подвижного состава и самого железнодорожного подвижного состава, при котором отсутствует недопустимый риск возникновения транспортных происшествий и их последствий, влекущих за собой причинение вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, а также жизни или здоровью животных и растений.

Анализ данных положений показывает, что безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта касается технической надежности, а транспортная безопасность направлена на защиту от противоправных действий. Соответственно, субъекты юридической ответственности за транспортные правонарушения в этих сферах будут различны.

На современном этапе существуют несколько групп угроз транспортной безопасности. Одной из наиболее опасных и относительно распространенных является диверсионно-террористическая угроза, опасность которой с каждым годом возрастает из-за продолжающихся враждебных действий со стороны Украины и других западных стран, совершенствования взрывной техники и боеприпасов, возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, используемых не только для координации преступников, но и для осуществления дистанционного наблюдения и дистанционных взрывов.

Так, за последние пять лет (2021–2025гг), в том числе четыре года, прошедших с начала специальной военной операции (далее – СВО), количество преступлений террористической направленности на всей территории Российской Федерации увеличилось в 2,6 раза – с 2 136 преступлений, зарегистрированных в 2021 г., до 5 920 преступлений – в 2025 г.¹⁰ При этом абсолютные показатели преступлений, квалифицированных как террористический акт (ст. 205 УК РФ) за этот же период времени выросло в 4,5 раза: с 41 в 2021 г. до 1830 – в 2025 г.

При этом железнодорожный транспорт стал одним из наиболее распространенных объектов посягательств, что связано с большой протяженностью инфраструктуры, относительной доступностью ее ключевых элементов и сложностью охраны периметра.

⁹ О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : Федер. закон № 17-ФЗ : принят Гос. Думой 24 декабря 2002 г. : одобрен Советом Федерации 27 декабря 2002 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁰ Статистические данные о показателях преступности взяты авторами из отчетов ГИЦ МВД России о состоянии преступности за указанные периоды, при этом приведенные относительные показатели рассчитаны самостоятельно.

Так, если в 2021 г. из общего количества зарегистрированных в России терактов на железнодорожном транспорте совершалось только каждое 18 преступление (7 из 127), то в 2024 г. это было уже каждое 10-е преступление (111 из 1 191), а их уровень за исследуемый период увеличился в 16 раз.

За период специальной военной операции было зафиксировано более 220 случаев диверсий на железной дороге¹¹, при этом фактически каждый третий человек, совершающий такое преступление – несовершеннолетний.

Необходимо отметить, что до ноября 2025 года возраст привлечения к уголовной ответственности за диверсию составлял 16 лет. Однако Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹² возраст субъекта преступления был снижен и аналогично с составом «террористический акт» составил 14 лет. Таким образом, по степени общественной опасности диверсионная деятельность встала в один ряд с террористической.

Несмотря на наличие в научном сообществе дискуссии о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за диверсию¹³, представляется, что принятое решение является вынужденной, своевременной и адекватной мерой. Способность лица, достигшего 14 лет, осознавать общественную опасность и последствия своих действий при поджоге релейного шкафа или попытке подрыва железнодорожных путей не вызывает сомнений.

Учитывая масштаб диверсионной деятельности, особенно в условиях современной военно-политической обстановки, а также целенаправленное вовлечение подростков в совершение преступлений подобного рода, можно утверждать, что снижение возраста привлечения к уголовной ответственности является важным превентивным механизмом.

Преступления диверсионно-террористической направленности, как правило, совершаются классическими способами: поджоги, взрывы, использование смертников и т. д. Однако все чаще диверсионно-террористические группы используют не только классические способы совершения своих противоправных деяний на объектах инфраструктуры железнодорожного транспорта, но и применяют современные средства, новые тактические приемы, способы и методы, которые негативным образом воздействуют на транспортную безопасность.

В результате при совершении этих преступлений, не изменяя содержания, преступники фактически полностью поменяли способы как подготовки, так и их совершения. При этом особую опасность приобрело неправомерное использование

¹¹ С начала СВО в России совершены 184 диверсии на железной дороге // gosrf.ru : сайт. URL: <https://gosrf.ru/s-nachala-svo-v-rossii-soversheny-184-diversii-na-zheleznoj-doroge> (дата обращения: 11.03.2026)

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420 : принят Гос. Думой 11 ноября 2025 г. : одобрен Советом Федерации 12 ноября 2025 г. // Гарант.ру : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412956603/> (дата обращения: 11.03.2026).

¹³ Выступление Ю. П. Синельщикова в Госдуме по законопроекту о наказании для юных диверсантов // Коммунистическая партия Российской Федерации : сайт. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/238495.html> (дата обращения: 11.03.2026); В СПЧ раскритиковали идею снизить возрастной порог за совершение диверсий // News : сайт. URL: <https://news.ru/society/v-spch-raskritikovali-ideyu-snizit-vozrastnoj-porog-za-sovershenie-diversij> (дата обращения: 11.03.2026).

беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) для совершения диверсий и террористических актов.

Особенно опасно применение БПЛА на железной дороге в отношении подвижного состава, осуществляющего движение с пассажирами или опасными грузами, что, несомненно, является очередной современной угрозой безопасности открытой и протяженной инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Воздушный кодекс Российской Федерации (далее – ВК РФ) не содержит определения БПЛА. Его нормы дают понятие беспилотного воздушного судна (далее – БВС), которое закреплено в п. 5 ст. 32 ВК РФ. Согласно закону под БВС понимается «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)».

Сходное понятие беспилотным летательным аппаратам дается в п. п. 3.1.1 ГОСТ Р 57258-2016, где оно определяется как «воздушное судно, управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна, или выполняющее автономный полет по заданному предварительно маршруту»¹⁴.

Официальной статистики, фиксирующей случаи незаконного применения БПЛА на объектах железнодорожной инфраструктуры, не существует, что значительно осложняет анализ динамики состояния использования БПЛА для посягательств в указанной сфере. Однако, по данным открытых источников, в 2024–2026 годах фиксируются многочисленные инциденты с БПЛА на железной дороге.

Так, в результате атаки БПЛА 21 апреля 2026 г. была повреждена контактная сеть железнодорожного транспорта, в результате чего 24 поезда были остановлены на Северо-Кавказской железной дороге¹⁵. Атака БПЛА в городе Петров Вал в Волгоградской области в августе 2025 г. привела к задержке тринадцати пассажирских поездов¹⁶. В результате атаки БПЛА в июле 2025 г. на станции Песчанокопская Ростовской области была повреждена контактная сеть, задержаны 10 поездов¹⁷. Эти примеры многочисленны.

Помимо прямого физического воздействия на объекты инфраструктуры ОАО «РЖД», влекущие повреждение контактных сетей, железнодорожного полотна, подвижных составов и т. д., БПЛА способны «вести оптическую, электронную разведку и наблюдение, сопровождать поезда и воинские эшелоны в течение продолжительного времени, а также нести взрывчатые боевые части и взрывные устройства различного типа» [7, с. 119].

¹⁴ ГОСТ Р 57258-2016. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения, утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 ноября 2016 г. № 1674 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200141433> (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁵ Грищенко Н. Поезда вышли из графика: Что известно об атаке беспилотников на регионы России // rg.ru : сайт. URL: https://rg.ru/2026/04/21/reg-ufo/poezda-vyshli-iz-grafika-cto-izvestno-o-nalete-bpla-na-regiony-rf-21-aprelia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁶ В Волгоградской области задерживаются тринадцать поездов после атаки БПЛА // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250823/poezda-2037143760.html> (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁷ Куманев А. Новая реальность для туристов: беспилотники бьют по поездам и вокзалам на юге России // Новые Известия : сайт. URL: https://newizv.ru/news/2025-07-25/novaya-realnost-dlya-turistov-bespilotniki-byut-po-poezdam-i-vokzalam-na-yuge-rossii-437503?utm_source (дата обращения: 11.03.2026).

Таким образом, БПЛА представляют собой серьезную и динамично развивающуюся угрозу безопасности железнодорожного транспорта, поэтому необходимо стремиться к постоянному повышению уровня его защищенности.

Цифровизация транспортной отрасли в настоящее время является еще одним современным вызовом обеспечению безопасности в этой сфере. Внедрение новых информационных технологий в работу железнодорожного транспорта, с одной стороны, помогает автоматизировать процессы управления транспортом, сделав его более эффективным и безопасным, повысить комфорт пассажиров, а с другой - увеличивает риск компьютерных атак на его объекты критической информационной инфраструктуры (далее - объекты КИИ).

В ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры»¹⁸ дается определение компьютерной атаки, под которой понимается «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации». Кроме того, в данной норме раскрываются понятия как критической информационной инфраструктуры, так и ее объектов.

подавляющая часть объектов инфраструктуры железной дороги действует и управляется в автоматическом режиме; сервисы по продаже билетов также автоматизированы и содержат значительное количество персональных данных своих пассажиров.

Вместе с тем, согласно информации ОАО «РЖД», ежегодно отражается свыше 2,5 миллиона компьютерных атак на инфраструктуру ОАО «РЖД»¹⁹, в 2024 году данный показатель составил 2,7 миллиона²⁰. Такое количество атак свидетельствует, во-первых, о критической значимости железнодорожного транспорта как объекта поражения, во-вторых, о необходимости постоянного совершенствования систем кибербезопасности, в-третьих, о трансформации характера угроз, которые приобретают массовый автоматизированный характер.

Негативное влияние компьютерных атак на объекты КИИ невозможно оценить. Самым безобидным влиянием компьютерной атаки можно считать блокировку инфраструктурных сервисов и систем для пассажиров и невозможность их временного использования. Так, 1 апреля 2025 г. ОАО «РЖД» подверглось массовой DDoS-

¹⁸ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федер. закон № 187-ФЗ : принят Гос. Думой 12 июля 2017 г. : одобрен Советом Федерации 19 июля 2017 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/71730198/> (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁹ РЖД ежегодно отражают более 2,5 млн кибератак на инфраструктуру // Российские железные дороги : сайт. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?accessible=true&id=225596> (дата обращения: 11.03.2026).

²⁰ РЖД в 2024 году отразили 2,7 миллиона кибератак на инфраструктуру // РЖД-Партнер.ру : сайт. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/rzhd-v-2024-godu-otrazili-2-7-milliona-kiberatak-na-infrastrukturu/> (дата обращения: 11.03.2026)

атаке, в результате которой сайт и мобильное приложение прекратило свою работу на некоторое время²¹.

Кроме того, возможно хищение конфиденциальной информации пассажиров и работников транспорта. Дестабилизация оперативного управления перевозками может повлечь остановку движения транспорта, значительные экономические потери, подрыв репутации перевозчика, а самое главное – реальные катастрофы, такие как столкновение поездов, сход железнодорожного состава с рельсов.

Следует отметить, что результаты компьютерной атаки в отдельных случаях можно рассматривать как кибертерроризм или кибердиверсию в зависимости от цели их совершения. Данные понятия, как и способы их свершения, не закреплены законодателем. Однако ученые в целом согласны с их описанием [8, с. 171], чего не скажешь о позиции относительно необходимости выделения кибертерроризма и кибердиверсии в качестве самостоятельных составов преступлений.

Не секрет, что цифровая трансформация общества идет параллельно с аналогичными процессами в преступности. Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) повлекло массовое их использование при совершении преступлений, в том числе таких опасных, как терроризм и диверсия.

Вопрос выделения в отдельные составы преступлений, которые уже существуют в УК РФ, но совершаются с использованием ИКТ, в настоящее время является остро дискуссионным в целом и в частности, когда речь идет о рассматриваемых составах.

Так, некоторые ученые выступают за сохранение имеющейся регламентации, считая, что перечень действий, образующих составы преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ, открытый и, соответственно, кибертерроризм и кибердиверсия являются лишь способами их совершения [9, с. 7; 10, с. 724; 11, с. 551]. Другие высказываются о необходимости введения в УК РФ специализированных уголовно-правовых норм, отражающих специфику рассматриваемых деяний [12, с. 308–309; 8, с. 173; 13, с. 38; 14, с. 228].

Между тем необходимо выработать общие подходы к правовому регулированию традиционных преступлений, которые совершаются с использованием современных технологических решений, тем более что рассматриваемые составы не являются единственными, совершение которых возможно с использованием ИКТ. Неслучайно решение этих проблем предлагается через принятие цифрового уголовного кодекса, который бы регулировал ответственность за цифровые преступления [14].

Кроме того, для противодействия киберпреступлениям, особенно совершаемым на транспорте, необходимо понимать уровень их распространения по отрасли, видам транспорта и т. д., но анализировать динамику состояния совершения террористических актов и диверсий с применением информационно-телекоммуникационных технологий в принципе очень сложно, поскольку в Российской Федерации они не учитываются в массивах уголовной статистики.

Тем не менее развитие цифровой трансформации общественных процессов неуклонно ведет к изменению правового регулирования, в том числе и в сфере регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные

²¹ Сайт и мобильное приложение РЖД подверглись массовой DDoS-атаке // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23563827> (дата обращения: 11.03.2026).

с использованием ИКТ. Так, введение в правовой оборот понятий «компьютерная атака», совершение преступления с «использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»²², заложило фундамент для будущей детализации уголовной ответственности за деяния в киберпространстве.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что существующие угрозы безопасности функционирования железнодорожного транспорта имеют современный характер, поскольку они связаны с развитием техники и технологий, цифровизацией, текущей ситуацией на СВО. Решить эти проблемы радикально не получится, нужна системная сложная работа по обеспечению безопасности, в частности железнодорожного транспорта, включая его инфраструктуру, безопасность грузов и пассажиров.

Такой подход должен войти в приоритетные направления государственной транспортной политики, а пресечение и предупреждение противоправных деяний на железной дороге должно быть своевременным, соответствовать уровню существующих угроз и постоянно совершенствоваться с учетом технологического развития противоправных посягательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Землин А. И. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности в России на современном этапе // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается) : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 29–30 октября 2020 г.). Тамбов, 2021. С. 114–122.
2. Овечкин А. П. Сущность и содержание понятия «акты незаконного вмешательства» на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2022. № 1 (41). С. 162–168.
3. Дмитриев С. А. К вопросу о понятии «акт незаконного вмешательства» в законодательстве о транспортной безопасности // Транспортное право. 2009. № 1. С. 23–26.
4. Рязанов Н. С. Акты незаконного вмешательства как основная угроза транспортной безопасности Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14. № 1. С. 53–57.
5. Корякин В. М. Акт незаконного вмешательства в транспортную деятельность: вопросы юридической квалификации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 17–19.
6. Семенов С. А. К вопросу о защите объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 190–207.
7. Дрещинский В. А., Гречин С. В. Правовые основы защиты объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта от воздействия БПЛА. Проблемные вопросы, возможные пути их решения // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. 2025. № 1 (35). С. 118–124.
8. Турутина Е. Э. Угроза кибертерроризма: пути противодействия // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 170–174.

²² См., например: ст. 171²; 185³; 282 и др. статьи УК РФ.

9. Варфоломеев А. А. Кибердиверсия и кибертерроризм: пределы возможностей негосударственных субъектов на современном этапе // Военная мысль. 2012. № 12. С. 3–11.
10. Клебанов Л. Р., Полубинская С. В. Компьютерные технологии в совершении преступлений диверсионной и террористической направленности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 717–734.
11. Черданцев А. Ю. Кибердиверсии – новый вызов национальной безопасности России // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2025 г.). Новосибирск, 2025. С. 547–552.
12. Романовский В. Г. Перспективы криминализации кибертерроризма в России и за рубежом // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3. С. 302–311.
13. Капитонова Е. А. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 29–41.
14. Лебедев С. Я, Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право, М. : Проспект. 2024. 392 с.

REFERENCES

1. Zemlin A. I. [Legal issues of ensuring transport security in Russia at the present stage]. Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenij (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya) : sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. [Formation and Development of the Legal Profession: The Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Lawyers Who Served at the Front): Collection of scientific papers of the All-Russian scientific-practical conference. Tambov, 29–30 October 2020]. 2021, pp. 114–122. (In Russ.).
2. Ovechkin A. P. Sushchnost' i sodержание ponyatiya «akty nezakonnogo vmeshatel'stva» na transporte [The essence and content of the concept of “acts of unlawful interference” in transport]. Transportnoe pravo i bezopasnost' – Transport Law and Security, 2022, vol. 41, no. 1, pp. 162–168. (In Russ.).
3. Dmitriev S. A. K voprosu o ponyatii «akt nezakonnogo vmeshatel'stva» v zakonodatel'stve o transportnoj bezopasnosti [On the issue of the concept of “act of unlawful interference” in transport security legislation]. Transportnoe pravo – Transport Law, 2009, no. 1, pp. 23–26. (In Russ.).
4. Ryazanov N. S. Akty nezakonnogo vmeshatel'stva kak osnovnaya ugroza transportnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Acts of unlawful interference as the main threat to transport security of the Russian Federation]. Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Omsk Law Academy, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 53–57. (In Russ.).
5. Koryakin V. M. Akt nezakonnogo vmeshatel'stva v transportnuyu deyatel'nost': voprosy yuridicheskoy kvalifikacii [Act of unlawful interference in transport activities: issues of legal qualification]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and the State: Theory and Practice, 2019, vol. 179, no. 11, pp. 17–19. (In Russ.).
6. Semenov S. A. K voprosu o zashchite ob"ektov transportnoj infrastruktury i transportnyh sredstv ot aktov nezakonnogo vmeshatel'stva [On the issue of protecting transport

infrastructure facilities and vehicles from acts of unlawful interference]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* – Transport Law and Security, 2021, vol. 40, no. 4, pp. 190-207. (In Russ.).

7. Dreshchinsky V. A., Grechin S. V. *Pravovye osnovy zashchity ob"ektov infrastruktury zheleznodorozhnogo transporta ot vozdeystviya BPLA. Problemnye voprosy, vozmozhnye puti ih resheniya* [Legal framework for protecting railway transport infrastructure from UAV impact. Problematic issues and possible solutions]. *Nauchnye problemy material'no-tekhnicheskogo obespecheniya Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii* – Scientific Problems of Material and Technical Support of the Armed Forces of the Russian Federation, 2025, vol. 35, no. 1, pp. 118-124. (In Russ.).

8. Turutina E. E. *Ugroza kiberterrorizma: puti protivodeystviya* [The threat of cyberterrorism: ways of counteraction]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii* – Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2021, vol. 46, no. 4, pp. 170-174. (In Russ.).

9. Varfolomeev A. A. *Kiberdiversiya i kiberterrorizm: predely vozmozhnostej gosudarstvennyh sub"ektov na sovremennom etape* [Cyber-sabotage and cyberterrorism: the limits of the capabilities of non-state actors at the present stage]. *Voennaya mysl'* – Military Thought, 2012, no. 12, pp. 3-11. (In Russ.).

10. Klebanov L. R., Polubinskaya S. V. *Komp'yuternye tekhnologii v sovershenii prestuplenij diversionnoj i terroristicheskoy napravlenosti* [Computer technologies in the commission of sabotage and terrorist crimes]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 2020, vol. 24, no. 3, pp. 717-734. (In Russ.).

11. Cherdantsev A. Yu. [Cyber-sabotage – a new challenge to Russia's national security]. *Aktual'nye problemy protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape: sbornik nauchnyh statej IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Current Problems of Countering Extremism and Terrorism at the Present Stage: Collection of scientific articles of the IV All-Russian scientific-practical conference with international participation. 25-26 February 2025]. *Novosibirsk*, 2025, pp. 547-552. (In Russ.).

12. Romanovsky V. G. *Perspektivy kriminalizacii kiberterrorizma v Rossii i za rubezhom* [Prospects for criminalising cyberterrorism in Russia and abroad]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* – Academic Law Journal, 2022, vol. 23, no. 3, pp. 302-311. (In Russ.).

13. Kapitonova E. A. *Osobennosti kiberterrorizma kak novoj raznovidnosti terroristicheskogo akta* [Features of cyberterrorism as a new type of terrorist act]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* – News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences, 2015, vol. 34, no. 2, pp. 29-41. (In Russ.).

14. Lebedev S. Ya., Dzhaferli V. F. *Cifrovoe ugovnoe pravo* [Digital Criminal Law]. *Moscow, Prospekt*, 2024, 392 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репецкая Анна Леонидовна, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Иванова Анастасия Геннадьевна, адъюнкт. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna L. Repetskaya, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Anastasia G. Ivanova, postgraduate student. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 227–241.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 227-241.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.3

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕННЫХ В СПОРТЕ ВЕЩЕСТВ (СУБСТАНЦИЙ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реутская Елена Александровна¹, Бархатова Екатерина Николаевна²

¹Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, int@amia.by

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, solncevelvet@rambler.ru

Введение. В статье исследуются положения российского и белорусского законодательства, регулирующие вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот запрещенных для использования в спорте веществ. Анализ проводится с учетом международных антидопинговых стандартов, прежде всего Всемирного антидопингового кодекса. Особое внимание уделяется выявлению признаков криминализации незаконного оборота запрещенных для использования в спорте веществ, проблемам квалификации соответствующих деяний. Сделан вывод о фрагментарности уголовно-правового регулирования в Республике Беларусь, а также в Российской Федерации и обоснована необходимость его дальнейшего развития с учетом зарубежного опыта и международных обязательств.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи, нормы законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. В работе используются теоретико-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Результаты исследования позволили раскрыть особенности функционирования международно-правового и национального механизмов противодействия допингу в спорте, выявить специфику уголовно-правовой оценки незаконного оборота запрещенных в спорте веществ (субстанций) и методов в Республике Беларусь и Российской Федерации, различия в терминологическом аппарате и правовом значении антидопинговых перечней, а также определить пределы и условия применения норм уголовного законодательства к деяниям, связанным с оборотом запрещенных в спорте веществ (субстанций). В исследовании представлена классификация допинговых веществ (субстанций) с точки зрения их уголовно-правового статуса и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Выводы и заключения. Проведенный анализ свидетельствует о том, что антидопинговое регулирование в Республике Беларусь и Российской Федерации ориентировано преимущественно на дисциплинарное воздействие и реализацию международных обязательств, тогда как уголовно-правовое противодействие незаконному обороту допинга носит ограниченный и фрагментарный характер. Установлено, что уголовная ответственность за деяния, связанные с допингом, возможна лишь при совпадении запрещенных в спорте веществ с предметом преступлений, предусмотренных нормами о незаконном обороте наркотических, психотропных либо сильнодействующих веществ, что оставляет значительную часть допинговых практик вне сферы уголовно-правовой охраны. В связи с этим обосновывается целесообразность дальнейшего развития уголовного законодательства, направленного на обеспечение защиты здоровья спортсменов и честности спортивной конкуренции.

Ключевые слова: допинг, спорт, незаконный оборот, запрещенные субстанции, запрещенные вещества и методы, уголовная ответственность, антидопинговое законодательство

Для цитирования: Реутская Е. А. Бархатова Е. Н. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконный оборот запрещенных в спорте веществ (субстанций) в Республике Беларусь и Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 227–241.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLICIT TRAFFICKING OF SUBSTANCES PROHIBITED IN SPORTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Elena A. Reutskaya¹, Ekaterina N. Barkhatova²

¹Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, int@amia.by

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, solncevelvet@rambler.ru

Introduction. The article examines the provisions of the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation governing issues of criminal liability for the illicit trafficking of substances prohibited for use in sport. The analysis is carried out with due regard to international anti-doping standards, primarily the World Anti-Doping Code. Particular attention to identifying the features of criminalization of the illicit trafficking of substances prohibited for use in sport and to the problems of qualification of the relevant acts is paid. The study concludes that criminal law regulation in the Republic of Belarus and in the Russian Federation is fragmented and substantiates the need for its further development taking into account foreign experience and international obligations.

Materials and Methods. The research materials include scholarly articles, as well as legislative norms of the Republic of Belarus and the Russian Federation. The study employs theoretical legal, comparative legal, and formal legal methods.

The Results of the Study allowed us to reveal the specific features of the functioning of international legal and national mechanisms for combating doping in sports, to identify the specifics of the criminal-legal assessment of the illegal trafficking of substances (substances) and methods prohibited in sports in the Republic of Belarus and the Russian Federation, the differences in the terminology and legal significance of anti-doping lists, and to determine the limits and conditions for the application of criminal law to acts related to the trafficking of substances (substances) prohibited in sports. The study presents a classification of doping substances in terms of their criminal status and formulates proposals for improving legislation.

Findings and Conclusions. The analysis shows that anti-doping regulation in the Republic of Belarus and the Russian Federation is focused mainly on disciplinary measures and the implementation of international obligations, whereas criminal-law counteraction to the illicit trafficking of doping remains limited and fragmented. It has been established that criminal liability for acts related to doping arises only when substances prohibited in sport coincide with the subject matter of crimes provided for by legislation on the illicit trafficking of narcotic, psychotropic, or potent substances, which leaves a significant part of doping practices outside the scope of criminal-law protection. In this regard, the expediency of further development of criminal legislation aimed at protecting athletes health and ensuring the integrity of sporting competition is substantiated.

Keywords: doping; sport; illicit trafficking; prohibited substances; prohibited methods; criminal liability; anti-doping legislation

For citation: Reutskaya E. A. Barkhatova E. N. Sravnitel'no-pravovoj analiz ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnyj oborot zapreshchennyh v sporte veshchestv (substancij) v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii [Comparative Legal Analysis of Criminal Liability for Illicit Trafficking of Substances Prohibited in Sports in the Republic of Belarus and the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 227-241. (In Russ.).

Современный профессиональный спорт представляет собой не только сферу физической культуры, основанную на духе состязательности, но и сложный социально-экономический и правовой феномен, тесно связанный с государственными и коммерческими интересами, а также престижем на международном уровне. В этих условиях проблема оборота запрещенных для применения в спорте веществ и методов приобретает особую значимость. Допинг подрывает принципы честной конкуренции, угрожает здоровью спортсменов и снижает социальную ценность достижений в профессиональном спорте.

Международное сообщество в течение последних десятилетий последовательно выстраивает систему правовых механизмов противодействия допингу. Вместе с тем на национальном уровне зарубежные государства по-разному подходят к вопросу уголовно-правовой оценки оборота запрещенных в спорте веществ и методов, используя в качестве инструмента регулирования допинговых правоотношений дисциплинарную, административную и уголовную ответственность в различном сочетании, в связи с чем сравнительное исследование положений международного и национального законодательства представляется актуальным. Отдельно следует отметить некоторые различия в терминологии белорусского законодателя и зарубежных нормативных правовых актов. Так, в Республике Беларусь вместо термина «запрещенные для

применения в спорте субстанции» используется понятие «запрещенные в спорте вещества». В данной статье указанные понятия будут использованы как тождественные.

Правовое регулирование в сфере борьбы с допингом основывается на двух уровнях – международном и национальном. Обращаясь к международно-правовому регулированию, отметим в первую очередь Всемирный антидопинговый кодекс, разработанный Всемирным антидопинговым агентством (далее – WADA), который устанавливает единые стандарты определения запрещенных субстанций и методов, а также Международную конвенцию ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 года (далее – Конвенция). Указанная Конвенция возлагает на государства обязательства по приведению национального законодательства и практики в соответствие с международными антидопинговыми стандартами, включая принятие мер по ограничению незаконного оборота запрещенных для применения в спорте субстанций. Санкции, предусмотренные международными нормативными правовыми актами, носят преимущественно дисциплинарный характер и не содержат прямого императива о криминализации допинговых деяний, предоставляя государствам свободу усмотрения в выборе правовых средств противодействия допингу. По нашему мнению, это обоснованно, т. к. основная цель антидопинговых правил – сформировать определенные правила поведения участников спортивных мероприятий и ценностную парадигму спорта высоких достижений, в рамках которой допинг рассматривается в качестве социально опасного поведения, порицаемого сообществом и несовместимого с сущностью спорта, влекущего крайние формы реагирования в виде привлечения нарушителей к уголовной ответственности на национальном уровне.

Обращаясь к определению понятия «допинг», отметим, что на международном уровне предлагается следующая дефиниция: совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в ст. 2.1–2.11 Всемирного антидопингового Кодекса. Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию 16 июля 2008 г. Законом № 401-З «О присоединении Республики Беларусь к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте», а Российская Федерация – 27 декабря 2006 г. Федеральным законом № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте. В ст. 1 Конвенции под допингом понимается случай нарушения антидопингового правила. Однако указанное определение допинга дает лишь общее представление и не отражает его опасности для здоровья спортсменов, а также не обеспечивает четкой юридической дефиниции объективной стороны преступного деяния, т. к. допинг включает не только фармакологические вещества, но и наркотические средства, и несет риск для жизни и здоровья [1, с. 4; 2, с. 16].

Г. Ю. Сокольский предполагает, что уголовная ответственность за допинг в спорте должна охватывать следующие деяния:

1. Применение в отношении спортсмена запрещенных субстанций и (или) методов, применяемых в спорте.
2. Склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и (или) методов, применяемых в спорте.
3. Незаконный оборот запрещенных субстанций, применяемых в спорте.
4. Нарушение правил оборота запрещенных субстанций, применяемых в спорте, и оборудования для их изготовления или переработки [3, с. 148]. В рамках настоящей статьи интерес представляет деяние в виде незаконного оборота запрещенных субстанций, применяемых в спорте.

При проведении сравнительно-правового анализа понятия «допинг» в Республике Беларусь и Российской Федерации можно сделать вывод о схожести способов его определения с подходами, используемыми на международном уровне. Данное утверждение следует из положений гл. 2 Антидопинговых правил Республики Беларусь (утверждены Приказом директора учреждения «Национальное антидопинговое агентство» от 29 декабря 2020 г. № 275-од) и ст. 26 Федерального закона Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а также раздела IV Общероссийских антидопинговых правил (утверждены генеральным директором Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» 19 января 2026 г.). В Республике Беларусь имплементация международных антидопинговых стандартов осуществляется, в частности, посредством Указа Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 201 «О противодействии допингу в спорте» (далее – Указ № 201) и принятого во исполнение его положений постановления Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 8 ноября 2018 г. № 65 (далее – Постановление № 65), которым утвержден Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов. Данный перечень воспроизводит структуру и содержание запрещенного списка WADA, включая анаболические агенты, пептидные гормоны, диуретики и иные вещества. В Российской Федерации перечень запрещенных субстанций утверждается на уровне приказа Министерства спорта от 1 ноября 2025 г. № 899 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и по своей структуре практически полностью воспроизводит классификацию Всемирного антидопингового кодекса WADA. Изложенное свидетельствует о том, что как в международно-правовой практике, так и на национальном уровне допинг рассматривается не только сквозь призму сферы медицины, но и как комплексное явление, содержание которого раскрывается через систему антидопинговых правил и охватывает широкий круг действий, связанных с применением, содействием использованию и распространением запрещенных в спорте субстанций и методов.

На основании анализа положений Конвенции и Всемирного антидопингового Кодекса и определения «допинга» можно констатировать, что борьба с допингом сводится к минимизации нарушений антидопинговых правил. К нарушению антидопинговых правил отнесены, в числе прочих, «обладание запрещенными субстанциями или методами, распространение любой запрещенной субстанции или любого запрещенного метода» (ст. 1 Конвенции), что представляет собой содержание объективной стороны незаконного оборота запрещенных в спорте субстанций. Ст. 2.6–2.7 Антидопинговых правил Республики Беларусь относят аналогичные деяния к нарушениям антидопинговых правил. Однако содержание терминов «обладание» и «распространение» не разъясняются, лишь в общем виде сформулированы исключения из общего правила, которые не будут признаваться незаконным оборотом запрещенных веществ. Так, в соответствии с примечанием к ст. 2.6.1 и 2.6.2 Всемирного антидопингового кодекса, незаконным оборотом запрещенных веществ не является обладание указанными веществами для использования в острых и неотложных ситуациях (например, автоинъекция эпинефрина) или в терапевтических целях незадолго до подачи запроса на одобрение терапевтического использования запрещенной субстанции. Следовательно, возникает необходимость в рассмотрении содержания таких понятий, как «обладание» и «распространение».

Словарь С. И. Ожегова под обладанием понимает наличие «в собственности или в числе своих свойств»¹. По смыслу положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» обладание предполагает наличие предмета преступления у виновного лица в сочетании с реальной возможностью им распоряжаться по своему усмотрению (п. 33), в связи с чем обладание может быть криминализировано в белорусском уголовном кодексе посредством использования терминов «приобретение» и «хранение». В свою очередь, глагол «распространить» в толковом словаре С. И. Ожегова используется в значении «сделать более обширным, доступным, известным для многих»². Для понимания термина «распространение» следует обратиться к иным статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), которые его используют при описании объективной стороны. Так, ст. 129 УК РБ «Производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны» под распространением предлагает понимать перевозку, пересылку либо сбыт. Далее, в рамках ст. 222 УК РБ «Незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов» распространение реквизитов банковских платежных карточек следует трактовать как передачу таких сведений хотя бы одному лицу в нарушение установленного законодательством Республики Беларусь порядка [4]. Полагаем, что применительно к белорусской судебной-следственной практике синонимами понятия «распространение» в приведенной выше интерпретации могут быть следующие термины:

– сбыт, который предполагает передачу предмета преступления на возмездной или безвозмездной основе другим лицам путем купли-продажи, обмена, дарения, уплаты долга или путем совершения иных гражданско-правовых сделок, направленных на переход предмета преступления от одного лица к другому (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ»);

– перевозка;

– пересылка.

Рассмотрев содержание объективной стороны незаконного оборота запрещенных в спорте веществ, следует отметить, что констатация факта обладания или распространения запрещенного вещества признается допингом, но не предопределяет автоматическое применение конкретных мер юридической ответственности для спортсмена, тренера или иных виновных лиц, что обуславливает необходимость обращения к анализу норм УК РБ и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на предмет их соответствия положениям международного права и эффективности в сфере противодействия незаконному обороту запрещенных для применения в спорте субстанций.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // Толковый словарь Ожегова : сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17537> (дата обращения: 08.12.2025).

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // Толковый словарь Ожегова : сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26428> (дата обращения: 08.12.2025).

В Республике Беларусь уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия незаконному обороту допинга носит фрагментарный характер. Несмотря на наличие Указа № 201 и принятого в его исполнение Постановления № 65, нормы о запрете оборота допинговых средств как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не были инкорпорированы напрямую в уголовное законодательство Республики Беларусь. Так, УК РБ не содержит специальной нормы, устанавливающей ответственность за оборот указанных в Республиканском перечне веществ, утвержденном Постановлением № 65, запрещая лишь склонение спортсмена к использованию и использование в отношении спортсмена включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов (ст. 331¹–331² УК РБ), что в литературе часто обозначается через «незаконный оборот» допинговых веществ [5, с. 120–121], хотя не является точным, т. к. не охватывает случаи приобретения или сбыта.

Аналогичным образом ситуация складывается в Российской Федерации. В УК РФ присутствуют ст. 230¹ и 230², предусматривающие ответственность за склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и методов, а также за использование в отношении спортсмена таковых.

Полагаем, что уголовно-правовая оценка подобных действий в настоящее время осуществляется опосредованно по принадлежности к предмету преступления – через квалификацию как незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, а также наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В целях определения пределов применения уголовной ответственности за деяния, связанные с допингом, принципиальное значение приобретает классификация запрещенных для применения в спорте веществ как предмета преступления с точки зрения их уголовно-правового статуса, в связи с чем условно можно выделить три группы обозначенных веществ:

- вещества, которые одновременно включены в антидопинговый перечень и Республиканский перечень наркотических средств и психотропных веществ (утв. постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19). В Российской Федерации аналогом такого документа является перечень, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». Их характерной особенностью является высокий уровень общественной опасности, обусловленный способностью вызывать физическую и психическую зависимость, а также существенный вред здоровью человека (амфетамины, каннабиноиды и иные, использование которых не только признается допингом, но и запрещается уголовным законодательством). Режим их обращения определяется положениями ст. 328 УК РБ и ст. 228–228¹ УК РФ;

- вещества, которые одновременно включены в антидопинговый перечень и в Перечень сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 августа 2019 г. № 537). В Российской Федерации такой перечень утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации». К указанным веществам могут быть отнесены отдельные гормональные препараты и фармакологические средства, способные оказывать

выраженное воздействие на физиологические функции организма путем оптимизации или улучшения состояния здоровья. Их уголовно-правовой режим определяется положениями ст. 333 УК РБ и связан прежде всего с контролем за незаконным оборотом таких веществ вне медицинских и иных легальных целей. Аналогичная норма содержится и в УК РФ в ст. 234 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»;

– запрещенные в спорте вещества, которые не подпадают под действие уголовно-правовых запретов, поскольку не включены ни в перечень наркотических средств и психотропных веществ, ни в списки сильнодействующих или ядовитых веществ. К ним относятся, в частности, анаболические андрогенные стероиды, диуретики, бета-блокаторы и иные вещества. Незаконный оборот таких средств не влечет уголовной ответственности ни в Республике Беларусь, ни в Российской Федерации.

При этом верным представляется утверждение о том, что допинг не является «одной из разновидностей сильнодействующих веществ» [6, с. 173] или наркотиков. Несмотря на сходство нормативной природы общественной опасности незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также их аналогов и уголовно-правовых нарушений антидопинговых правил, ставить знак тождества между ними пока преждевременно [7, с. 92], в том числе потому что при нарушении антидопинговых правил само вещество не всегда признается предметом преступления в отличие от наркотиков и сильнодействующих веществ [8, с. 216]. Правильным будет полагать, что некоторые вещества из утвержденных перечней наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ одновременно включены в список запрещенных в спорте веществ (субстанций), хотя существуют и иные мнения. Так, авторы монографии «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта» полагают, что допинговые средства по своей сущностной природе являются наркотическими средствами, поскольку и те и другие стимулируют определенные действия (возможно, и бездействие) человека или образа жизнедеятельности. При этом использование допинговых средств предполагает наиболее активное поведение (систему действий), отличающееся от обычного и направленное на достижение определенного результата (например, пробежать какое-либо расстояние быстрее или поднять вес больше, чем в обычном состоянии и др.), что схоже с действием наркотиков [9, с. 126].

Обозначенная классификация предполагает последовательную уголовно-правовую характеристику первых двух групп веществ, которые направлены на охрану здоровья населения в целом, а не на защиту специфических общественных отношений в сфере спорта. В наибольшей степени это проявляется в рамках ст. 328 УК РБ. Указанная норма фактически реализует механизм реагирования на наиболее общественно опасные формы допинговых практик, связанные с использованием наркотических и психотропных веществ, хотя, как справедливо отмечается в научной литературе, «зачастую грань между допингом и действительно опасными веществами размывается» [10, с. 119]. Анализ состава указанного преступления и его место в системе норм Особенной части уголовного закона свидетельствуют о том, что объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения и установленный порядок обращения наркотических средств и психотропных веществ. Использование таких веществ в спортивной среде, включая их приобретение, хранение или сбыт, посягает на указанные отношения независимо от мотивов субъекта, направленных на повышение спортивных результатов на соревнованиях. Предметом преступления по ст. 328 УК РБ и по ст. 228–

228¹ УК РФ являются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры, включенные в соответствующие перечни наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим уголовно-правовое значение имеют лишь те запрещенные в спорте вещества, которые формально названы в указанных перечнях, что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за оборот иных запрещенных в спорте веществ, не обладающих таким статусом.

Объективная сторона преступления выражается в совершении одного или нескольких альтернативно обозначенных в законе деяний: изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт предмета преступления. В контексте нарушения антидопинговых правил наибольший интерес имеют случаи незаконного сбыта, приобретения и хранения наркотиков-стимуляторов спортсменами, тренерами, медицинским персоналом или иными лицами, вовлеченными в подготовку спортсменов. Субъект преступления является общим, в связи с чем специальный статус лица (спортсмен, тренер или врач) не влияет на квалификацию деяния, но может учитываться при назначении наказания либо при оценке обстоятельств, отягчающих ответственность. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, при котором лицо осознает незаконный характер оборота наркотического вещества и желает совершить соответствующие действия. При этом цель использования запрещенного вещества не имеет самостоятельного уголовно-правового значения и не влияет на наличие состава преступления. Полагаем, что отсутствие цели улучшения физических показателей при незаконном обороте наркотиков в спортивной деятельности приводит к утрате специфики допинга как самостоятельного социально опасного явления и затрудняет уголовно-правовую оценку таких деяний.

Анализ перечней наркотических средств и психотропных веществ, ст. 328 УК РФ и ст. 228–228¹ УК РФ позволяет сделать вывод о том, что лишь незначительная часть запрещенных в спорте веществ одновременно относится к предмету преступления, предусмотренного указанными статьями: стимуляторы амфетаминового ряда (амфетамин, метамфетамин и др.), катиноны и их аналоги, наркотические анальгетики (морфин, фентанил, героин и др.), каннабиноиды. При этом абсолютное большинство допинговых средств, к которым относятся анаболические стероиды, пептидные гормоны, факторы роста, метаболические модуляторы (мельдоний, триметазидин) и иные, не подпадают под действие ст. 328 УК РФ и ст. 228–228¹ УК РФ, поскольку не включены в списки наркотических и психотропных веществ либо не признаны их аналогами. Следовательно, значительная часть допинга, широко распространенного в профессиональном спорте, выходит за пределы действия данной нормы и требует обращения к иным уголовно-правовым механизмам, среди которых особое место занимает ст. 333 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (в Российской Федерации – ст. 234 УК РФ). В отличие от норм о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, данные нормы потенциально применимы к более широкому кругу веществ, используемых в процессе подготовки спортсменов к соревнованиям, включая отдельные гормональные препараты и синтетические стимуляторы, не признанные наркотическими, но обладающие выраженным физиологическим воздействием на организм спортсмена.

Уголовно-правовая характеристика норм о незаконном обороте сильнодействующих и ядовитых веществ схожа с ранее рассмотренными статьями о

незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, за исключением предмета и непосредственного объекта. Объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения и установленный порядок обращения сильнодействующих и ядовитых веществ, которые и образуют предмет преступления (в соответствии с ранее обозначенным перечнем). Список сильнодействующих веществ Республики Беларусь содержит 47 позиций, а список ядовитых веществ, в свою очередь, – 6 позиций. Следует отметить, что указанные списки не изменялись, тогда как в Российской Федерации список сильнодействующих веществ изменялся одиннадцать раз, а список ядовитых веществ единожды.

Объективная сторона незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ схожа с объективной стороной незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ и предполагает совершенные с целью сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт предмета преступления. Субъект и субъективная сторона также не учитывают специфику оборота допинга. Соотношение перечней сильнодействующих и ядовитых веществ с соответствующими статьями уголовного закона свидетельствует о том, что сильнодействующие вещества потенциально ближе к допинговым практикам по сравнению с наркотиками, однако выявляются проблемные аспекты. Прежде всего, уголовно-правовая значимость допинга в рамках данной статьи зависит от формального включения вещества в перечень сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Правительства Российской Федерации. Сам факт запрета вещества антидопинговыми правилами не имеет самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации и не может подменять собой нормативные критерии, закрепленные в уголовном законодательстве.

Кроме того, судебная практика по ст. 333 УК РБ в контексте спорта носит крайне ограниченный характер, что свидетельствует о слабой интеграции антидопингового регулирования и уголовного права. В большинстве случаев оборот допинговых средств, не подпадающих под действие ст. 328 и 333 УК РБ, остается в сфере дисциплинарной ответственности, даже при наличии потенциального вреда для здоровья спортсменов и общественных интересов. Так, приведем пример судебной практики. *11 апреля 2024 г. судом Ленинского района г. Бреста рассмотрено уголовное дело в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 333 УК РБ. Обвиняемый Ш., являясь участником организованной группы, действуя из корыстных побуждений по предварительному сговору, в период с апреля по август 2023 года, через интернет-магазины посредством мессенджера Telegram неоднократно приобретал спортивную фармакологию (препараты, анаболические стероиды), в том числе содержащую в своем составе сильнодействующие вещества, перевозил, хранил по месту своего жительства в г. Минске, а также разрешал иные вопросы по их реализации. В результате преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, обвиняемым Ш. получен преступный доход на общую сумму 11 950 рублей. Приговором суда обвиняемый Ш. признан виновным в незаконных с целью сбыта приобретении, хранении, перевозке, пересылке и сбыте сильнодействующих веществ, не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, совершенных группой лиц, и на основании ч. 2 ст. 333 УК РБ ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 года 6 месяцев*

*с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях усиленного режима со штрафом в доход государства в размере 300 базовых величин на сумму 12 000 рублей*³.

Для Российской Федерации практика применения ст. 234 УК РФ в целях защиты спорта также не обширна. Нами был обнаружен приговор за 2010 год. Гр-ну Н. вменена ст. 234 УК РФ за незаконный оборот метандростенолона (метандиенона) – синтетического анаболического стероида, структурно схожего с тестостероном, способствующего быстрому набору мышечной массы и увеличению силовых показателей⁴.

Проведенный анализ белорусского и российского законодательства позволяет сделать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ перечней запрещенных для использования в спорте веществ Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет констатировать их нормативную идентичность по содержанию, юридической технике закрепления и правовому значению.

2. Антидопинговое регулирование как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации в значительной степени ориентировано на реализацию международных обязательств и дисциплинарных мер в сфере спорта, при этом уголовно-правовой компонент противодействия допингу носит ограниченный и фрагментарный характер. Действующие перечни запрещенных в спорте веществ и методов, будучи гармонизированными с запрещенным списком WADA, не инкорпорированы системно в уголовном законе и не могут рассматриваться в качестве самостоятельных источников определения предмета преступления.

3. Сравнительный анализ российских и белорусских уголовно-правовых норм о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ и норм о незаконном обороте сильнодействующих и ядовитых веществ свидетельствует о том, что уголовная ответственность за оборот допинговых средств возможна лишь при их совпадении с наркотическими, психотропными либо официально признанными сильнодействующими веществами, тогда как значительная часть допинговых субстанций, представляющих потенциальную угрозу жизни и здоровью спортсменов, остается вне сферы уголовно-правовой охраны. В этом аспекте белорусская модель принципиально отличается от подходов, реализуемых в ряде государств Европейского союза, где сформированы специальные составы преступлений, направленные на пресечение незаконного оборота допинга.

4. Представляется целесообразным рассмотреть возможность дальнейшего развития уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации путем введения специальных уголовно-правовых норм, ориентированных на защиту здоровья спортсменов и обеспечение честности спортивной конкуренции. Такая модернизация позволила бы обеспечить системную согласованность антидопингового и

³ Судом Ленинского района г. Бреста постановлен приговор по уголовному делу о незаконном обороте спортивной фармакологии, в том числе содержащей в своем составе сильнодействующие вещества // Верховный Суд Республики Беларусь : офиц. сайт. URL: https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/b7c77ecbcfee4edb.html (дата обращения: 08.12.2025).

⁴ Приговор по ч. 3 ст. 234 УК РФ // Ошеров, Онисковец, Фадеев и партнеры : сайт. URL: <https://advokat-osherov.ru/info/prigovor-po-ch-3-st-234-uk-rf/> (дата обращения: 08.12.2025).

уголовного законодательства и повысить эффективность противодействия допингу с учетом современных фармакологических и биотехнологических вызовов.

5. Предлагается дополнить Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь ст. 17.7 (по аналогии со ст. 6.18 КоАП РФ) следующего содержания:

«Статья 17.7. Нарушение установленных правил обращения запрещенных в спорте веществ и методов:

Изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или распространение спортсменом, тренером или иным специалистом в области физической культуры и спорта запрещенных в спорте веществ и методов (за исключением случаев, если в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте осуществление указанных действий не является нарушением антидопинговых правил, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа в размере до двадцати базовых величин.».

6. Предлагается дополнить УК РБ ст. 333¹, а УК РФ – ст. 234³ следующего содержания:

«Статья 333¹ (234³). Незаконный оборот запрещенных в спорте веществ и методов:

1. Незаконные с целью сбыта изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт запрещенных в спорте веществ и методов, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов, совершенные с целью применения в спортивной деятельности или передачи спортсменам, при отсутствии признаков, предусмотренных статьями 328 (228–228¹) и 333 (234) настоящего Кодекса, совершенные в течение года после наложения административного взыскания,

наказывается штрафом, либо исправительными работами, либо ограничением свободы на срок до 2 лет.

2. То же деяние, совершенное повторно, группой лиц по предварительному сговору, из корыстных побуждений либо повлекшее серьезные последствия для здоровья спортсменов,

наказывается арестом либо ограничением свободы на срок до 3 лет, либо лишением свободы на срок до 4 лет.».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прохорова М. Л. Уголовно-правовое определение понятия «допинг» // Наркоконтроль. 2019. № 2. С. 3–7.

2. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова, Н. В. О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 15–20.

3. Сокольский Г. Ю. Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 138–151.

4. Ковальчук А. В. Научно-практический комментарий к главе 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»: актуально на 19 августа 2025 г. // elib.grsu.by : сайт. URL:

<https://elib.grsu.by/doc/129882> (дата обращения: 08.12.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

5. Казаринова Л. В. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота допинговых веществ в сфере физической культуры и спорта. В книге: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : мат-лы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 3–4 июня 2022 г.) / под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина, сост. Н. И. Кузнецова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 119–124.

6. Кухарук В. В. Проблемы предупреждения распространения допинга нормами уголовного и административного законодательств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 169–178.

7. Понятовская Т. Г. Основания уголовно-правового запрета допинга в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 90–100.

8. Сулимов М. А. Порядок подготовки и проведения спортивных соревнований: проблемные аспекты объективных признаков преступлений // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 2. С. 213–219.

9. Гельдибаев М. Х. Уголовная ответственность за совершение преступлений в сфере оборота допинговых (наркотических) средств. В книге: Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 125–157.

10. Сидоров А. В. Наркодилеры и спорт: что общего? Проблемы латентности наркопреступлений в периоды международных спортивных соревнований и криминализации допинга // Oeconomia et Jus. 2025. № 2. С. 110–123.

REFERENCES

1. Prokhorova M. L. Uголовno-pravovoe opredelenie ponyatiya «doping» [Criminal legal definition of the concept of «doping»]. Narkokontrol' – Narcocontrol. 2019, no. 2, pp. 3–7. (In Russ.).

2. Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V. O ponyatii «doping» i uголовnoj otvetstvennosti za ego primeneniye [On the concept of «doping» and criminal liability for its use]. YUrislingvistika – Jurislinguistics. 2022, no. 24, pp. 15–20. (In Russ.).

3. Sokol'skii G. Yu. Sovremennoe sostoyanie predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 234 UK RF, kak osnovaniye dlya sovershenstvovaniya uголовnogo zakonodatel'stva [The current state of the subject of the crime provided for in Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, as a basis for improving criminal legislation]. Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Law Journal. 2021, vol. 66, no. 4, pp. 138–151. (In Russ.).

4. Koval'chuk A. V. Nauchno-prakticheskii kommentarii k glave 25 Uголовnogo kodeksa Respubliki Belarus' «Prestupleniya protiv poryadka osushchestvleniya ekonomicheskoi deyatel'nosti» : aktual'no na 19 avg. 2025 g. [Scientific and practical commentary to Chapter 25 of the Criminal Code of the Republic of Belarus «Crimes against the procedure for carrying out economic activity»: current as of August 19, 2025]. elib.grsu.by : sajt. URL: <https://elib.grsu.by/doc/129882> [Accessed 23th January 2026]. Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol'zovatelej. (In Russ.).

5. Kazarinova L. V. [Criminal-legal assessment of the illegal trafficking of doping substances in the field of physical culture and sports]. Uголовное zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy ezhegodnoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 03–04 iyunya 2022 g. [Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow: materials of the annual all-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, June 3–4, 2022]. St. Petersburg , 2022, pp. 119–124. (In Russ.).

6. Kukharuk V. V. Problemy preduprezhdeniya rasprostraneniya dopinga normami uголовного i administrativnogo zakonodatel'stv [Problems of preventing the spread of doping by the norms of criminal and administrative legislation]. Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019, vol. 126, no. 1, pp. 169–178. (In Russ.).

7. Ponyatovskaya T. G. Osnovaniya uголовно-pravovogo zapreta dopinga v Rossii [Grounds for the criminal-legal ban on doping in Russia]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2018, vol. 8, no. 4 (29). pp. 90–100. (In Russ.).

8. Sulimov M. A. Poryadok podgotovki i provedeniya sportivnykh sorevnovanii: problemnye aspekty ob'ektivnykh priznakov prestuplenii [The procedure for preparing and conducting sports competitions: problematic aspects of objective signs of crimes]. Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2024, no. 2, pp. 213–219. (In Russ.).

9. Gel'dibaev M. Kh. Uголовnaya otvetstvennost' za sovershenie prestuplenii v sfere oborota dopingovykh (narkoticheskikh) sredstv [Criminal liability for crimes related to the circulation of doping (narcotic) substances]. Uголовно-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodeistviya prestupnosti v sfere sporta – In the book: Criminal-legal and criminological problems of combating crime in the field of sports. St. Petersburg : Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii «Asterion», 2022, pp. 125–157. (In Russ.).

10. Sidorov A. V. Narkodillery i sport: chto obshchego? Problemy latentnosti narkoprestuplenii v periody mezhdunarodnykh sportivnykh sorevnovanii i kriminalizatsii dopinga [Drug Dealers and Sports: What's the Common Ground? The Problems of Drug Crime Latency During International Sports Competitions and the Criminalization of Doping]. Oeconomia et Jus – Oeconomia et Jus. 2025, no. 2, pp. 110–123. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реутская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права. Академия МВД Республики Беларусь. 220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, 6А.

Бархатова Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Reutskaya Elena Aleksandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 6A Masherova Avenue. Minsk, Republic of Belarus, 220005.

Barkhatova Ekaterina Nikolaevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 242–252.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 242–252.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Усачева Екатерина Анатольевна¹, Усачев Сергей Игоревич²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, malykhina_ek@mail.ru

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, ysachef@list.ru

Введение. В связи с распространенностью мобильных телефонов как объектов, изымаемых в рамках расследования различных преступлений, практическая работа с ними в правоохранительных органах сопряжена с комплексом трудностей как правового, так и прикладного характера.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, приказы Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, различные ГОСТы и другие документы. Кроме того, методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод научного познания, общенаучные методы познания и некоторые частнонаучные методы: обобщение следственной и судебной практики, литературных и интернет-источников.

Результаты исследования. В статье проведен комплексный анализ актуальных теоретических и практических проблем, возникающих в процессе криминалистического исследования мобильных телефонов (смартфонов). Авторы систематизируют ключевые вызовы, связанные с динамичным развитием технологий, правовой неопределенностью и методической сложностью извлечения цифровых доказательств. На основе проведенного анализа предлагаются направления для развития методологической базы и совершенствования практики расследования. Делается вывод о необходимости формирования новой междисциплинарной парадигмы в рамках цифровой криминалистики.

Выводы и заключения. Сформулированы рекомендации по унификации понятийного аппарата и по разработке единых стандартных алгоритмов действий для правоохранительных органов. Данный комплексный подход позволит обеспечить полное и всестороннее криминалистическое исследование мобильных устройств и повысить эффективность расследования преступлений.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, мобильные устройства, смартфон, цифровые доказательства, проблемы изъятия, криптография, операционные системы, облачные данные, процессуальные нормы

Для цитирования: Усачева Е. А., Усачев С. И. Криминалистическое исследование мобильных телефонов: системный анализ проблем теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 242–252.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

FORENSIC EXAMINATION OF MOBILE PHONES: A SYSTEMATIC ANALYSIS OF PROBLEMS IN THEORY AND PRACTICE

Ekaterina A. Usacheva¹, Sergey I. Usachev²

¹Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, malykhina_ek@mail.ru

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, ysachef@list.ru

Introduction. Due to the prevalence of mobile phones as objects seized during the investigation of various crimes, practical work with them in law enforcement agencies is associated with a range of difficulties, both legal and applied in nature.

Materials and Methods. The research materials included regulatory legal acts of the Russian Federation, orders of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation, various State Standards (GOSTs), and other documents. Furthermore, the methodological framework of the study comprised the universal dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of cognition, and several specific scientific methods, including the generalization of investigative and judicial practice, as well as literary and online sources.

The Results of the Study. This article provides a comprehensive analysis of the current theoretical and practical issues encountered during the forensic examination of mobile phones (smartphones). The authors systematize the key challenges arising from rapid technological advancements, legal ambiguity, and methodological complexities in the extraction of digital evidence. Drawing on the findings of the analysis, the study proposes pathways for enhancing the methodological foundation and improving investigative practices. The authors conclude that a new interdisciplinary paradigm within digital forensics is required.

Findings and Conclusions. Recommendations have been formulated for the unification of conceptual apparatus and the development of uniform standard action algorithms for law enforcement agencies. This comprehensive approach will ensure a complete and comprehensive forensic examination of mobile devices and enhance the effectiveness of crime investigation.

Keywords: digital forensics, mobile devices, smartphone, digital evidence, problems of seizure, cryptography, operating systems, cloud data, procedural norms

For citation: Usacheva E. A., Usachev S. I. Kriminalisticheskoe issledovanie mobil'nykh telefonov: sistemnyy analiz problem teorii i praktiki [Forensic Investigation of Mobile Phones: A System Analysis of Problems in Theory and Practice]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 242-252. (In Russ.).

В настоящее время в рамках осуществления расследования разнообразных составов преступлений возникает необходимость изъятия и дальнейшего исследования различных технических устройств. В частности, одним из наиболее распространенных устройств можно считать мобильные телефоны. Их обнаружение, изъятие и дальнейшее исследование достаточно актуально в практической деятельности правоохранительных органов. Однако анализ судебно-следственной практики показал, что работа с мобильными телефонами зачастую сопряжена с целым рядом трудностей как правового, так и прикладного характера.

Любая познавательная деятельность, в том числе и следственная, включает в себя процессы накопления, систематизации информационных источников и в конечном счете их применения на практике [1, с. 83].

Решение этих проблем позволит сформировать определенные навыки применения в профессиональной деятельности основных алгоритмов раскрытия и расследования преступлений [2, с. 58], в рамках которых осуществляется деятельность по изъятию и исследованию мобильных телефонов.

В первую очередь необходимо решить проблему, связанную с терминологическими расхождениями как в нормативных документах, так и в материалах уголовных дел и приговоров судов.

Мобильный телефон, эволюционировав в мощный многофункциональный компьютер (смартфон), превратился в ключевой источник цифровых следов практически по любой категории уголовных дел. Однако скорость технологической трансформации существенно опережает развитие криминалистической теории и адаптацию следственной практики. Так, в теории отсутствует единое определение объекта. Термины «мобильный телефон», «сотовый телефон», «смартфон», «мобильное устройство» используются как синонимы, хотя они обозначают технически разные объекты с различным доказательственным потенциалом. Это приводит к общей разрозненности решения задач, направленных на раскрытие и расследование преступлений, в частности некорректному формулированию задач экспертизы и неполноте исследований.

Стоит отметить, что нормативного закрепления таких понятий, как «мобильный телефон», «смартфон», «сотовый телефон» в настоящее время нет.

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»¹ (далее – Федеральный закон «О связи») содержит понятие «радиоэлектронные средства», под которым подразумеваются технические средства, предназначенные для передачи и (или) приема радиоволн, состоящие из одного или нескольких передающих и (или) приемных устройств либо комбинации таких устройств и включающие в себя вспомогательное оборудование.

¹ О связи : Федер. закон № 126-ФЗ : принят Гос. Думой 18 июня 2003 г. : одобрен Советом Федерации 25 июня 2003 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 06.04.2026).

В постановлении Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 241 «О мерах по организации оказания универсальных услуг связи»² используется термин «подвижная радиотелефонная связь», при этом указывается, что при оказании универсальных услуг подвижной радиотелефонной связи применяются стандарты GSM, и (или) UMTS, и (или) LTE в соответствии с выданной оператору универсального обслуживания лицензией (лицензиями) на оказание услуг подвижной радиотелефонной связи.

В свою очередь, постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1994 «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте – физическом лице»³ содержит определение термина «абонентская станция» («абонентское устройство»), под которым понимается пользовательское (оконечное) оборудование, подключаемое к сети подвижной связи.

Стоит отметить, что в ГОСТ Р 702.5.009-2024 под термином «смартфон» понимается мобильный телефон с сенсорным экраном, дополненный функциональностью карманного персонального компьютера⁴. В свою очередь, мобильный телефон – портативное устройство, предназначенное для работы в сетях подвижной связи (мобильной, сотовой, спутниковой) и не привязанное к конкретной точке в пространстве. В бытовом и профессиональном лексиконе часто используется как синоним «сотового телефона».

Сотовый телефон – это узкий подвид мобильного телефона, основной задачей которого является голосовая связь и обмен SMS. Такие устройства (часто называемые «кнопочными» или «feature phones») хранят ограниченный набор данных (контакты, журналы вызовов, SMS), имеют простую файловую систему и, как правило, слабую защиту. Их исследование часто связано с анализом служебных данных оператора связи (детализация звонков, локация).

Таким образом, в настоящее время в правоприменительной деятельности чаще всего приходится сталкиваться именно со смартфонами, то есть по факту с мобильными телефонами с модулями сотовой связи, обладающими многозадачной операционной системой (iOS, Android и др.), возможностью установки сторонних приложений. Такие смартфоны рассчитаны на постоянное подключение к Интернету через различные каналы (сотовая сеть, Wi-Fi, Bluetooth). В этой связи при производстве следственных действий, а также при назначении и производстве судебных экспертиз и исследований необходимо учитывать, что данные объекты содержат большой массив цифровых следов, включая метаданные фото- и видеофайлов, истории геолокации и интернет-активности, а также данные из различных мессенджеров, электронной почты и приложений.

² О мерах по организации оказания универсальных услуг связи» (вместе с «Правилами оказания универсальных услуг связи») : постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 241 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53037/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 06.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте – физическом лице : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1994 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495347/ (дата обращения: 06.04.2026).

⁴ ГОСТ Р 702.5.009-2024. Мобильные приложения для смартфонов. Потребительские испытания. М. : Стандартинформ, 2024. 18 с.

Наличие у современных моделей смартфонов таких интерфейсов связи, как Bluetooth, Wi-Fi, GSM, UMTS, LTE и NFC, обуславливается рядом нормативных источников, среди которых приказ Минкомсвязи России «Об утверждении Правил применения оборудования радиодоступа»⁵, Приказ Минкомсвязи России от 14 сентября 2010 г. № 124 «Об утверждении Правил применения абонентских станций (абонентских радиостанций) сетей подвижной радиотелефонной связи стандарта GSM-900/1800 и Правил применения абонентских станций (абонентских радиостанций) сетей подвижной радиотелефонной связи стандарта UMTS с частотным дуплексным разносом и частотно-кодовым разделением радиоканалов, работающих в диапазоне 2000 МГц»⁶, Приказ Минкомсвязи России от 24 октября 2017 г. № 571 «Об утверждении Правил применения абонентских терминалов систем подвижной радиотелефонной связи стандарта UMTS с частотным дуплексным разносом и частотно-кодовым разделением радиоканалов, работающих в диапазоне частот 900 МГц»⁷.

В качестве наглядной иллюстрации разрозненности терминов, применяемых в рамках раскрытия и расследования преступлений, а также дальнейшего рассмотрения уголовных дел в судах, приведем несколько примеров – фрагментов приговоров судов. Так, «... в период с ДД.ММ.ГГГГ по 01 час 50 минут ДД.ММ.ГГГГ, более точное время не установлено, продолжая реализацию своего преступного умысла гр. Т. и гр. В., при помощи мобильного телефона определили точные географические координаты указанного выше тайника с наркотическим средством, сфотографировали его и посредством информационно-телекоммуникационных сети «Интернет» сообщили данную информацию неустановленным лицам, осуществляющим функции «организаторов и руководителей», с целью дальнейшего незаконного сбыта с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в составе организованной группы»⁸.

Еще один фрагмент приговора суда: «... гр. К. ДД.ММ.ГГГГ, в период времени с 05 часов 00 минут до 07 часов 00 минут, реализуя свой преступный умысел, из корыстных побуждений, действуя умышленно, заведомо осознавая противоправность своих действий и

⁵ Об утверждении Правил применения оборудования радиодоступа. Часть I. Правила применения оборудования радиодоступа для беспроводной передачи данных в диапазоне от 30 МГц до 66 ГГц : приказ Минкомсвязи России от 14 сентября 2010 г. № 124 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106503/ (дата обращения: 06.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁶ Об утверждении Правил применения абонентских станций (абонентских радиостанций) сетей подвижной радиотелефонной связи стандарта GSM-900/1800 и Правил применения абонентских станций (абонентских радиостанций) сетей подвижной радиотелефонной связи стандарта UMTS с частотным дуплексным разносом и частотно-кодовым разделением радиоканалов, работающих в диапазоне 2000 МГц : приказ Минкомсвязи России от 24 октября 2017 г. № 571 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290487/ (дата обращения: 06.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁷ Об утверждении Правил применения абонентских терминалов систем подвижной радиотелефонной связи стандарта UMTS с частотным дуплексным разносом и частотно-кодовым разделением радиоканалов, работающих в диапазоне частот 900 МГц : приказ Минкомсвязи России от 13 октября 2011 г. № 257 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121471/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 06.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁸ Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 20 июня 2023 г. по делу № 1-64/2023 // ЭПС «Система ГАРАНТ» : сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/336447465/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

желая совершить таковые, убедившись, что его действия остаются незамеченными для посторонних лиц, используя приисканный на месте преступления камень, разбил стекло в нижней части входной двери и через образовавшийся проем незаконно проник в помещение магазина «данные изъяты», откуда из салона связи «данные изъяты», расположенного в указанном магазине, тайно похитил: смартфон марки Realme C33 стоимостью 10 990 рублей 00 копеек; смартфон марки Realme C33 стоимостью 9 990 рублей 00 копеек и т. д.»⁹.

В другом приговоре суда используются такие формулировки: «...протокол осмотра предметов от ДД.ММ.ГГГГ, согласно которому осмотрены предметы, изъятые в ходе обыска по месту жительства Свидетель № 19, расположенного по адресу: «адрес», строение 4, «адрес», а именно сотовый телефон марки «Самсунг», сотовый телефон «Самсунг» в корпусе черного цвета...»¹⁰.

При этом формулировка «сотовый телефон» используется даже в случаях, когда модель телефона известна и однозначно относится к классу смартфонов: «...ФИО7 и ФИО12, ДД.ММ.ГГГГ, не позднее 10 часов 45 минут, точное время следствием не установлено, находясь по адресу: «адрес», «адрес», используя принадлежащий ФИО7 сотовый телефон марки Samsung Galaxy A10, с установленной в него сим-картой оператора сотовой связи МТС с абонентским номером 89187925802, в ходе переписки в интернет-мессенджере для мгновенного обмена сообщениями «Телеграм» с неустановленным следствием лицом, зарегистрированным под никнеймом Thomas Jefferson, умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества, осознавая общественно опасный и преступный характер своих действий, предвидя и желая наступления общественно опасных последствий своих действий в виде причинения имущественного ущерба собственнику имущества и желая этого, по предложению данного неустановленного лица вступили с ним в предварительный преступный сговор...»¹¹.

В связи с изложенным можно констатировать, что на сегодняшний день остро стоит проблема унификации понятийного аппарата, что приведет к правильному толкованию терминов, единообразному подходу к изъятию, осмотру, исследованию. Видится наиболее верным современные модели телефонов, имеющие мобильную операционную систему (и мобильный процессор, обеспечивающий ее работу), называть «смартфоны», иные же устройства, не обладающие перечисленным функционалом, обозначать как «мобильный телефон».

Помимо разрозненности в понятийном аппарате, еще более значимой проблемой следует признать существующие сложности в изъятии и дальнейшем исследовании указанных объектов.

⁹ Приговор Красноармейского районного суда Приморского края от 23 июля 2024 г. по делу № 1-85/2024 // ЭПС «Система ГАРАНТ» : сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/341212909/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁰ Приговор Советского районного суда г. Самары Самарской области от 29 сентября 2022 г. по делу № 1-23/2022 // ЭПС «Система ГАРАНТ» : сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/332647521/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹¹ Приговор Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 8 июля 2024 г. по делу № 1-128/2024 // ЭПС «Система ГАРАНТ» : сайт. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/341279570/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Изъятие телефонов может осуществляться в рамках различных следственных действий, включая обыск и выемку. При этом следует учитывать, что в момент изъятия телефон может быть как включен/выключен, так и разблокирован/заблокирован. Для каждого случая важно придерживаться разных алгоритмов. Так, включенный, но заблокированный телефон) следует перевести в автономный режим («авиарежим», режим «в самолете», «режим полета»), отключить Wi-Fi, отключить режимы передачи данных, Bluetooth, геопозиции, если для этого не требуется ключ блокировки. В противном случае необходимо извлечь SIM-карту. Если в мобильном телефоне установлена и активирована eSIM (цифровая сим-карта, о чем укажет соответствующий значок вверху экрана) и имеются данные о групповом характере совершенного преступления, и остальные фигуранты не установлены, то необходимо использовать сумку «Фарадея» для помещения в нее изъятых устройств. Кроме того, нельзя предпринимать самостоятельных попыток подбора ключа блокировки, поскольку при введении неправильного ключа определенное количество раз телефон может быть «сброшен до заводских настроек» или заблокирован.

При включенном и разблокированном телефоне дополнительно следует в настройках мобильного телефона в разделе «Экран»/«Отключение экрана» выбрать пункт «Не выключать» или увеличить «Тайм-аут» (обеспечить портативное зарядное устройство (Power Bank) или изменить настройки телефона «без пароля»), а также проверить, установлен/активен ли на смартфоне режим «Второе пространство»/«Защищенная папка»/«Личное»/«Личная папка»/«Скрытая папка»/«Скрытый альбом».

При производстве судебных экспертиз в процессе описания телефона в различных протоколах следственных действий и во всех иных процессуальных документах следует обращать особое внимание на описание объектов. Практика показывает, что часто в материалах уголовного дела наименование телефона, его марка, модель, конструктивные особенности, цвет и даже данные международного идентификатора мобильного оборудования (IMEI) различаются, что ведет к нежелательным последствиям, в некоторых случаях даже к отмене приговора суда. Так, при задержании у лица был изъят телефон, а в нем находились фото закладок и переписка. При изъятии телефон описан просто как «Айфон». В последующем телефон был осмотрен следователем и описан как «телефон серого цвета». Потом осмотрен еще раз и описан как «телефон черный с желтым цветом». К материалам дела приобщен как «Айфон» с конкретным номером IMEI без указания внешних признаков, в том числе и цвета. Из сказанного можно сделать вывод, что разное описание одного и того же телефона не позволяет идентифицировать его как одно устройство. В итоге апелляционный суд указал, что это нарушение правил собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 86, 87, 88 УПК РФ) и отменил приговор¹².

В настоящее время не придается должного значения такому следственному действию, как осмотр предметов/документов, где в качестве осматриваемого объекта выступают мобильные телефоны (смартфоны). Однако практика показывает, что всесторонний осмотр телефона, проведенный с участием специалиста, позволяет избежать дальнейшего назначения судебных компьютерных (компьютерно-технических экспертиз), ввиду того что все поставленные задачи перед органами расследования были решены посредством проведенного

¹² Апелляционное определение Мосгорсуда от 28 октября 2019 г., дело № 10-16047/2019 // Сайт Московского городского суда : сайт. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/2ff2bbc7-51c0-4eee-9b56-25c30d309051?caseNumber=10-16047%2F2019&courtInternalName=mgs&_cb=1779160969.8675 (дата обращения: 10.04.2026).

следственного действия. В этой связи вполне обоснованно можно сказать, что это одно из основных, наиболее содержательных первоначальных следственных действий [3, с. 234].

В этой связи считаем целесообразным обозначить основные аспекты, на которые необходимо обращать внимание при осмотре телефонов. В первую очередь это действительно единообразие в описании марки, модели и основных характеристик телефона. При этом важно это описание сверять с иными процессуальными и непроцессуальными документами, где в той или иной степени указывались данные о телефоне.

В последнее время все чаще преступники криминалистически значимую информацию хранят в защищенных, скрытых папках. В этой связи приоритетной частью осмотра будет их поиск и обнаружение. Для разных марок телефона производителями предусмотрены различные возможности и модификации таких скрытых, защищенных папок. Так, для марки Samsung это в первую очередь папка **KNOX – встроенная аппаратно-программная платформа безопасности**, которая создает на устройстве изолированную, зашифрованную среду, работающую параллельно с основной операционной системой Android¹³.

С научно-технической точки зрения KNOX представляет собой многоуровневую платформу безопасности, основанную на принципах TrustZone и Hardware Root of Trust, то есть на аппаратной изоляции процессов аутентификации и криптографии от основной операционной системы Android.

Согласно документации Samsung, Knox функционирует как автономная подсистема, имеющая собственный процессор, оперативную память (SRAM) и энергонезависимое хранилище, физически отделенное от основного процессора (SoC) и операционной системы Android¹⁴.

Защищенная папка создает в памяти телефона зашифрованный раздел (контейнер), изолированный от основной операционной системы. Если пользователь поместил в эту папку приложения, фото-, видеофайлы, документы или криптокошельки, в стандартном режиме работы телефона цифровые следы присутствия этих данных будут отсутствовать.

Для иных производителей мобильных телефонов также предусмотрены подобные папки, только их функционал может несколько различаться и места хранения в телефоне могут быть иными. Так, если речь идет о телефонах марки Xiaomi, то это, как правило, второе пространство, для Infinix/Tecno/itel – XHide/Сейф/Скрыть соответственно. В случаях с iPhone это Calculator+, который выступает в качестве скрытого сейфа.

Говоря о приложении Calculator+ (CalcPlus) для iPhone можно констатировать, что это стороннее приложение, разработанное Wildcatter LLC, позволяющее хранить информацию в скрытом виде. Его ключевая криминалистическая особенность – отсутствие видимых признаков наличия защищенного хранилища до момента ввода корректного кода. Обнаружение такого приложения требует выхода за рамки формального осмотра и перехода к тщательному анализу установленного программного обеспечения.

Указанное говорит о том, что при осмотре телефона необходимо проверять наличие данных папок и предпринимать меры к получению доступа к ним. Судебно-следственная практика подтверждает, что это может быть серьезным ресурсом в получении криминалистически значимой информации.

¹³ Что такое Knox и как он защищает ваши данные // Samsung : сайт. URL: <https://www.samsung.com/ru/explore/brand/wow-knox-defends-your-data/> (дата обращения: 06.04.2026).

¹⁴ Там же.

В настоящее время действующее уголовно-процессуальное законодательство уделяет достаточно внимания вопросам формирования такого информативного и востребованного доказательства, как судебная экспертиза [4, с. 22]. В частности, если речь идет об исследовании мобильных телефонов, то чаще всего возникает необходимость производства судебных компьютерных экспертиз. При их производстве нередко допускаются нарушения, которые могут негативно отразиться на исходе рассмотрения уголовного дела. Проведенный анализ материалов уголовных дел позволил выделить ряд наиболее часто встречающихся:

- подписка эксперта об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение и отказ от дачи показаний и даты начала производства экспертизы отличаются;
- экспертом проводится включение и исследование мобильного телефона без письменного разрешения от следователя на внесение изменений в его содержимое;
- в исследовательской части экспертизы сжато, неполно фиксируется описание объектов;
- отсутствует описание метода (более подробного алгоритма) исследования предоставленного объекта;
- некорректно поставленные вопросы, в некоторых случаях и вовсе носящие правовой характер.

При всем многообразии научного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в правоприменительной практике по-прежнему возникают трудности в расследовании преступлений [5, с. 153]. Проведенный анализ свидетельствует о наличии системной проблемы в правоприменительной практике при работе с мобильными устройствами в рамках уголовного судопроизводства. Проблема носит комплексный характер, охватывая как теоретическую (понятийную), так и практическую (тактико-криминалистическую и процессуальную) сферы.

Действующее законодательство, включая Федеральный закон «О связи» и подзаконные акты, оперируют такими понятиями, как «мобильный телефон», «смартфон» и «сотовый телефон», что порождает их синонимичное, но некорректное использование в процессуальных документах. Анализ практики показывает, что следователи не всегда учитывают технические особенности устройств. Отсутствие унифицированных алгоритмов действий при включенном/выключенном, заблокированном/разблокированном телефоне приводит к неполноценному сбору криминалистически значимой информации. Решением указанных проблем служит унификация понятийного аппарата, выработка единых стандартных алгоритмов действий для сотрудников правоохранительной сферы в целях полного и всестороннего исследования указанных объектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтеев Д. В. Информирование в криминалистическом обучении и практике расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 80–88. DOI: 10.33184/pravgos-2023.2.10. EDN: ZVZRZK.
2. Харисова З. И., Филиппов О. А., Нугаева Э. Д. Изъятие криминалистически важной информации с мобильных средств связи в рамках расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 1 (17). С. 57–64. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.7. EDN: AITJJI.

3. Вехов В. Б., Смушкин А. Б. Отдельные аспекты следственного осмотра некоторых электронных устройств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 230–236. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-230-236. EDN: INTQYU.

4. Грибунов О. П., Миллюс А. И. Применение специальных знаний и назначение судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18). С. 22–30. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-22-30. EDN: FPEGAN.

5. Грибунов О. П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 146–156. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-146-156. EDN: YTCERC.

REFERENCES

1. Bakhteev D. V. Informirovanie v kriminalisticheskom obuchenii i praktike rassledovaniya prestupleniy [Informing in forensic training and practice of crime investigation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika –The rule of law: theory and practice . 2023, vol. 72, no. 2, pp. 80-88. (In Russ.). DOI: 10.33184/pravgos-2023.2.10. EDN: ZVZRZK.

2. Kharisova Z. I., Filippov O. A., Nugaeva E. D. Iz'yatie kriminalisticheski vazhnoy informatsii s mobil'nykh sredstv svyazi v ramkakh rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Seizure of forensically important information from mobile communication devices in the investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies]. Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Institute of Law at Bashkir State University. 2023, vol. 17, no 1, pp. 57-64. (In Russ.). DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.7. EDN: AITJJI.

3. Vekhov V. B., Smushkin A. B. Otdel'nye aspekty sledstvennogo osmotra nekotorykh elektronnykh ustroystv [Certain aspects of the forensic examination of some electronic devices]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024, vol. 159, no. 4, pp. 230-236. (In Russ.). DOI: 10.24412/2227-7315-2024-4-230-236. EDN: INTQYU.

4. Gribunov O. P., Milyus A. I. Primenenie spetsial'nykh znaniy i naznachenie sudebnykh ekspertiz pri rassledovanii ugovolnykh del, svyazannykh s khishcheniyami nefi i nefteproduktov [Application of special knowledge and appointment of forensic examinations in the investigation of criminal cases related to theft of oil and petroleum products]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2021, vol. 18, no. 2, pp. 22-30. (In Russ.). DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-22-30. EDN: FPEGAN.

5. Gribunov O. P. K voprosu o neobkhodimosti razrabotki uzkospetsializirovannykh metodik rassledovaniya [On the need to develop highly specialized investigation techniques]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, vol. 96, no. 1, pp 146-156. (In Russ.). DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-146-156. EDN: YTCERC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усачева Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Усачев Сергей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Usacheva Ekaterina Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664074.

Usachev Sergey Igorevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 253–263.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 117, no. 2, pp. 253–263.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕНИЯ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Шумакова Екатерина Вадимовна

Восточно-Сибирский институт МВД России Иркутск, Российская Федерация,
E_V_Avdeeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>

Введение. В статье исследованы актуальные вопросы доктринального оформления учения о целях уголовного наказания, которые легли в основу действующего уголовного законодательства. Обозначены приоритетные направления в уголовно-правовой политике, требующие урегулирования на современном этапе с учетом достижения целей наказания, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Определена роль юридической доктрины в разработке целей уголовного наказания как правовой категории. Отражены особенности эволюции учения о целях наказания в уголовно-правовой доктрине. Показаны тенденции в развитии учения о целях наказания, получившие отражение в ходе последовательной модернизации уголовного законодательства. Исследованы современные доктринальные подходы к развитию учения о целях наказания, способствующие совершенствованию уголовно-правовой политики и повышению качества правотворческой деятельности при разработке норм, обеспечивающих уголовно-правовое воздействие.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, раскрывающие формирование научных основ регламентации целей уголовного наказания, в том числе логический метод, позволяющий установить свойства целей наказания как правовой категории; системно-структурный метод, способствующий определению закономерностей в развитии учения о целях наказания; алгоритмический метод, ориентированный на исследование оснований построения учения о целях наказания как юридической конструкции; сравнительно-правовой метод, на основе которого изучение о целях наказания предусматривает познание правовой реальности, влекущей трансформацию юридической доктрины.

Результаты исследования. Рассмотрена специфика целей уголовного наказания в условиях реализации современной уголовно-правовой политики; раскрыты доктринальные подходы к этимологическому понятию и содержанию таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений; определены актуальные направления развития учения о целях уголовного наказания в современных правовых реалиях.

Выводы и заключения. Сформулированы выводы о том, что одним из ключевых направлений в реализации уголовно-правовой политики, имеющих особую значимость на современном этапе, является установление целей наказания, определяющих его назначение и исполнение; в основу формирования действующей системы целей наказания была положена разработанная теория полезности возмездия и всеобщего страха перед наказанием; значимую роль в формировании учения о целях уголовного наказания играет разработанная теория предупреждения преступлений; восстановление социальной справедливости как цель наказания представляет собой компенсацию причиненного личности, обществу, государству преступлением вреда путем лишения или ограничения прав, соответствующего характеру, общественной опасности, обстоятельствам совершения деяния и личности виновного; цель исправления осужденного реализуется в правоприменительной деятельности путем устойчивого изменения сознания, воли и поведения лица к социальным и правовым нормам, исключающим вероятность рецидива преступлений; цель предупреждения совершения новых преступлений подлежит реализации в виде информационно-превентивного воздействия путем повышения качества законодательного оформления, адекватизации мер при назначении наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовая доктрина, учение о целях наказания, наказание, цели наказания, предупреждение преступлений, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, общая превенция, специальная превенция

Для цитирования: Шумакова Е. В. Доктринальные основы формирования учения о целях уголовного наказания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 253–263.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

DOCTRINAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF THE DOCTRINE OF THE GOALS OF CRIMINAL PUNISHMENT

Ekaterina V. Shumakova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
E_V_Avdeeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>

Introduction. This article examines current issues in the doctrinal formulation of the doctrine of the purposes of criminal punishment, which form the basis of current criminal legislation. Priority areas in criminal law policy requiring regulation at the present stage are identified, taking into account the achievement of the purposes of punishment stipulated by the Criminal Code of the Russian Federation. The role of legal doctrine in the development of the purposes of criminal punishment as a legal category is determined. The features of the evolution of the doctrine of the purposes of punishment in criminal law doctrine are reflected. Trends in the development of the doctrine of the purposes of punishment, reflected in the consistent modernization of criminal legislation, are shown. Modern doctrinal approaches to the development of the doctrine of the purposes of punishment are

examined, contributing to the improvement of criminal law policy and enhancing the quality of lawmaking in the development of norms ensuring criminal law impact.

Materials and Methods. The study utilized general and specific scientific methods to reveal the formation of the scientific foundations for regulating the purposes of criminal punishment, including: a logical method, which allows for the establishment of the properties of the purposes of punishment as a legal category; a systemic-structural method, which helps to identify patterns in the development of the doctrine of the purposes of punishment; an algorithmic method, which focuses on the study of the foundations for constructing the doctrine of the purposes of punishment as a legal construct; and a comparative legal method, which provides the basis for studying the purposes of punishment to understand the legal reality, leading to the transformation of legal doctrine.

The Results of the Study. The article examines the specifics of the goals of criminal punishment in the context of the implementation of modern criminal law policy; reveals doctrinal approaches to the etymological concept and content of such goals of punishment as the restoration of social justice, the correction of the convicted person, and the prevention of new crimes; and identifies current directions in the development of the doctrine of the goals of criminal punishment in modern legal realities.

Findings and Conclusions. The following conclusions have been formulated: one of the key areas in the implementation of criminal-legal policy, which is of particular importance at the present stage, is the establishment of the purposes of punishment that determine its appointment and execution; the developed theory of the usefulness of retribution and the general fear of punishment was taken as the basis for the formation of the current system of punishment purposes; the developed theory of crime prevention plays a significant role in the formation of the doctrine of the purposes of criminal punishment; the restoration of social justice as the purpose of punishment is compensation for the harm caused to an individual, society, and the state by a crime through deprivation or restriction of rights corresponding to the nature, social danger, circumstances of the act and the personality of the perpetrator; the goal of correction of a convicted person is realized in law enforcement activities through a sustainable change in consciousness, will and behavior of a person towards social and legal norms that exclude the likelihood of recidivism; the goal of preventing the commission of new crimes is subject to implementation in the form of informational and preventive influence by improving the quality of legislative design and adequacy of measures when assigning punishment.

Keywords: criminal law doctrine, the doctrine of the purposes of punishment, punishment, purposes of punishment, crime prevention, restoration of social justice, correction of the convicted person, general prevention, special prevention

For citation: Shumakova E. V. Doktrinal'nye osnovy formirovaniya ucheniya o celyah ugovnogo nakazaniya [Doctrinal Foundations for the Formation of the Doctrine of the Goals of Criminal Punishment]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 253-263. (In Russ.).

Наиболее значимым вектором, определяющим дальнейшее совершенствование уголовно-правовой политики Российской Федерации на современном этапе, является повышение качества юридической конструкции, обуславливающей цели уголовного наказания. В этой связи в настоящее время в условиях осуществляемого последовательного обновления норм уголовного законодательства, ориентированного на достижение целей уголовного закона с учетом локальных и глобальных вызовов и угроз, в правовом поле

пристального внимания как уполномоченных органов законодательной власти, так и правоприменительных органов, а также ученых и широких кругов общественности, заинтересованных в создании оптимального механизма уголовно-правового воздействия, находятся вопросы, связанные с оценкой учения о целях уголовного наказания и его влиянием на юридическую конструкцию, предусмотренную в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ).

В действующем уголовном законе законодатель определяет такие цели наказания, как: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение новых преступлений. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее – УИК РФ) целями исполнения наказания являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами.

В рамках темы данного исследования научный интерес представляет установление предпосылок формирования правовой доктрины, заложившей основы современного учения о целях наказания и способствующей совершенствованию уголовно-правовой политики, повышению качества правотворческой деятельности при разработке норм, обеспечивающих эффективность уголовно-правового воздействия.

Обращаясь к истокам формирования учения о целях уголовного наказания, стоит сосредоточить внимание на сложившиеся в античный период представления о функциях уголовного закона, обеспечивающих защиту вводимого на смену первобытной организации общества правового порядка. При этом общесоциальные и специально-юридические функции, присущие праву как регулятору общественных отношений обуславливают такие функции уголовного закона, как охранительную, восстановительную, компенсационную, информационно-просветительскую, социокультурную и др. В процессе осуществления правового регулирования закономерно актуализации подлежал вопрос о специфике уголовно-правового воздействия, обеспечивающего реализацию вышеуказанных функций.

В результате осмысления воззрений о пользе законов мыслители античного периода исходили из оценки последствий применения установленных государством норм. Философский подход к анализу пользы законов послужил основой для появления двух направлений, получивших по мере развития научных представлений обоснование в виде научных теорий. Аккумулирование достижений греческой (Протагор, Сократ, Платон, Аристотель) и римской правовой мысли предопределило создание: 1) теории полезности возмездия; 2) теории всеобщего страха перед наказанием. Согласно положениям данных научных теорий конечной целью наказания следует считать создание путем осуществления наказания впечатления, которое способно удержать: 1) преступника от дальнейших посягательств; 2) иных лиц – от подражания его примеру [1, с. 23]. В данном случае можно говорить, что в основу данных теорий о наказании положены идеи о достижении осуществлением наказания общей и специальной превенции.

Значение для развития учения о целях наказания имели труды Ч. Беккариа, который писал как о необходимости «нравственного воздаяния» за совершение противоправного деяния, так и о наказании как меры воздействия, позволяющей устранить в обществе беспорядок. Осмысливая цели наказания, предусмотренные в законе с появлением государства, мыслитель писал о значении: 1) воспрепятствования лицу совершать в дальнейшем преступные деяния; 2) ограждения общества от преступных лиц; 3) отклонения путем применения наказания иных лиц от совершения подобных деяний. В развитие данного

подхода Ч. Беккариа указывает еще на одну цель наказания, которая должна состоять в избрании законодателем средств, способных: 1) запечатлеться; 2) уравновесить силы, побуждающие к действию; 3) остановить воздействие личных страстей людей, идущих вразрез с общим благом. Разработанные ученым положения стали основой теории устрашения наказанием [2, с. 26–27].

В эпоху Просвещения в рамках христианско-телеологического подхода к предназначению права И. Кантом была разработана теория о нравственном и материальном возмездии наказанием за совершенное преступление. Возмездие рассматривалось как неизбежность наступления в отношении виновного лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, формальных и материальных ограничений и лишений. Как указывал В. Сергеевич, применение данных ограничений и лишений должно было повлечь страдания, несоизмеримые с причиненным преступлением вредом и нанесенным ущербом [3, с. 413–414].

В ходе развития учения о наказании научный интерес представляет созданная в рамках естественно-правового правопонимания теория социальной справедливости, которая способствовала с учетом восстановительной и компенсационной функций права созданию в уголовно-правовой доктрине теории восстановления социальной справедливости.

Ш. Монтескье («О духе законов»), раскрывая суть положения о восстановлении социальной справедливости, писал, что цели наказания, связанные с воспрепятствованием совершению преступлений, должны реализовываться путем двух составляющих, которыми выступали труд и болезненность. Под последней понималось причинение виновному нравственных и физических страданий [4, с. 125].

Следует отметить, что восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания не получило однозначного толкования в уголовно-правовой доктрине. Одни ученые отождествляют восстановление социальной справедливости с возмездием за совершенное преступление путем восстановления нарушенных ценностей и прав [5, с. 109]. Другие авторы высказывают позицию, согласно которой указанная цель не должна сводиться к каре, а наказание должно быть направлено на восстановление социальной справедливости в отношении потерпевших, общества, государства и лица, совершившего преступление [6, с. 7]. Третья группа авторов в своих научных трудах рассматривает реализацию социальной справедливости посредством возложения на субъектов уголовных правоотношений обязанностей, являющихся содержанием уголовно-правовых норм [7, с. 28]. Четвертая категория ученых считает, что восстановление социальной справедливости состоит в единстве таких критериев, как: 1) восстановление нарушенных в результате совершения преступления общественных отношений, прав и свобод потерпевших; 2) заглаживание виновным причиненного преступлением вреда и возмещение нанесенного ущерба; 3) назначение подсудимому справедливого наказания [8, с. 26].

Так, один из сторонников первого подхода – В. К. Дуюнов – идентифицирует восстановление социальной справедливости с карой, которая выражается в порицании деяния виновного и применении к лицу определенных ограничений и лишений [9, с. 11]. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, восстановление социальной справедливости включает в себя: 1) заглаживание причиненного вреда (ущерба); 2) соразмерность преступления и наказания; 3) запрет двойного наказания; 4) исключение в качестве цели наказания причинения физических страданий либо унижения человеческого достоинства [10, с. 19]. А. Э. Жалинский полагает, что справедливость как цель наказания восстанавливается путем защиты нарушенных преступлением прав и интересов [11, с. 376]. С. В. Полубинская, в свою очередь,

указывает, что достижение цели восстановления социальной справедливости осуществляется путем ограничения или лишения прав и свобод совершившего преступления лица. С точки зрения ученого, карательное содержание наказания превращается в уголовно-правовой способ восстановления социальной справедливости [12, с. 506]. Интерес представляет мнение В. А. Нерсисяна, который полагает, что наказание должно восстанавливать справедливость в глазах потерпевших и их близких, государственных и других органов и общества [13, с. 356].

Рассматривая доктринальные основы такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений, стоит рассмотреть точку зрения И. И. Карпеца, согласно которой предупреждение преступности обеспечивается путем законодательной регламентации наказания и лишения возможности совершения преступлений, например путем осуждения к лишению свободы [14, с. 112]. По мнению Б. А. Куринова, общее предупреждение – это содержащаяся в законе угроза уголовного наказания, способствующая нетерпимости преступных посягательств [15, с. 308–309].

Д. А. Шестаков отмечает, что общее предупреждение обращено к обществу, а специальное – к индивиду. Общее предупреждение осуществляется с момента опубликования закона. Специальное предупреждение заключается в применении к совершившему преступление лицу меры наказания, лишаящей физической возможности преступной деятельности. Н. Ф. Кузнецова подчеркивает, что указанная цель признается достигнутой при условии утраты лицом рецидивоопасности. Иной точки зрения придерживается А. Э. Жалинский, который считает, что общая превенция распространяется лишь на категорию лиц, к которым наказание не применялось. В. А. Нерсисян указывает, что закон не разграничивает общее и специальное предупреждение. Однако в теории имеют место отличия общего и специального предупреждения. Если общее предупреждение обращено к обществу, то специальное – к индивиду [16, с. 479].

Исходя из вышесказанного, следует, что достижение цели наказания – предупреждение преступлений – предполагает наличие следующих воздействующих на личность факторов, а именно: 1) психического и психологического давления с учетом норм уголовного закона, определяющих рамки дозволенного поведения под угрозой наказания; 2) назначения судом наказания. Законодательное закрепление наказания является общей превенцией совершения преступления. Однако в силу субъективных факторов и уровня правильности сформированности личностных позиций наблюдаются исключения. В данном случае единственным решением при достижении цели предупреждения преступлений выступает неотвратимость реализации наказания.

На страницах советской и современной юридической литературы ученые активно исследовали проблемы законодательной регламентации таких целей наказания, как исправление и перевоспитание осужденного. Согласно уголовно-правовой доктрине исправление осужденного как цель наказания предусматривает: 1) формирование уважительного отношения осужденных к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям общежития; 2) стимулирование правопослушного поведения. Для достижения цели наказания, связанной с исправлением, необходима правовая оценка: 1) средств, способствующих исправлению осужденного; 2) результатов исполнения наказания. Исправление – это непосредственно процесс формирования у осужденного лица качеств личности, содействующих ее ресоциализации, социальной адаптации и возвращению в условия гражданского общества, в силу которых поэтапно утрачивается общественная опасность лица и стимулируется устойчивое правопослушное поведение.

В основу теории исправления осужденного наказанием положены взгляды о том, что у человека на генотипном уровне заложены различные биологические показатели. Вместе с тем социальная среда, семья, общество и окружающий социум могут: 1) способствовать дальнейшему развитию негативных биологически заложенных данных; 2) выступить превентивной мерой в борьбе с их развитием. Социальная среда формирования личности с рождения определяет склонность лица к тому или иному типу поведения независимо от биологических предпосылок и может оказать на личность доминантное воздействие.

Указанное направление в уголовно-правовой доктрине послужило разработке концепции о разграничении юридического и морального подходов к исправлению осужденного. Так, И. С. Ной под юридическим исправлением предлагает понимать несовершение осужденным в определенный срок нового преступления. Моральное исправление, по мнению автора, означает несовершение нового преступления не из страха наказания, а в силу образования новых взглядов и убеждений [17, с. 41–44]. И. В. Шмаров считает, что исправление и перевоспитание означают достижение в процессе исполнения наказания качественных изменений навыков, привычек, убеждений, взглядов осужденного. Надежность исправления и перевоспитания предопределяет несовершение нового преступления не из боязни наказания, а вследствие привитых при исполнении наказания моральных принципов [18, с. 57–58]. М. Д. Шаргородский предлагает различать два вида достигнутых наказанием положительных результата. Внимания заслуживают несовершение отбывшим наказание лицом нового преступления в силу: 1) испытанного страха отбытого наказания, обеспечивающего специальное предупреждение; 2) осознания «упречности» ретроспективного поведения, свидетельствующего о специальном предупреждении и моральном исправлении [19, с. 12]. По мнению исследователей, доказанность осужденным исправления в период отбывания наказания подтверждается примерным поведением, честным отношением к труду и обучению. Внимания также заслуживает совокупность данных о соблюдении режима, качественных и количественных показателях выполняемой работы, повышении квалификации, участии в общественной деятельности и т. п.

Если рассматривать иной подход к пониманию исправления как цели наказания, то стоит привести мнение Н. Ф. Кузнецовой, которая отмечает, что цель исправления признается достигнутой при исключении рецидивоопасности осужденного. А. Э. Жалинский также предлагает ограничивать указанную цель наказания и отождествлять ее со специальной превенцией, достигаемой при несовершении осужденным новых преступлений. С. В. Полубинская определяет, что цель исправления считается достигнутой, если имеют место изменения личности осужденного, при которых он не сможет нарушить уголовный закон и будет уважать правила человеческого общежития. По мнению В. В. Лукьянова, исправление стоит считать достигнутым, когда осужденный становится безвредным, безопасным, не нарушающим законов гражданином [20, с. 729]. В. Н. Клочкив подчеркивает, что исправление должно превратить осужденного в законопослушного человека [21, с. 191]. А. И. Чучаева при этом отмечает, что цель наказания, предусматривающая исправление осужденного для исключения опасности данного лица для общества и привития ему желания «приносить обществу только пользу, обуславливает стремление государства принять меры, способствующие: 1) изменению выраженных в сознании и деятельности преступника искажений ценностно-нормативного характера; 2) изменению индивидуальных психологических особенностей личности [22, с. 194].

Примечательно, что исправление осужденного как цель наказания не получила законодательного закрепления в УК РФ. Вместе с тем в УИК РФ под исправлением осужденных понимается формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям общежития и стимулирование правопослушного поведения (ст. 9).

Наряду с доктринальной оценкой понятия «восстановление справедливости» как одной из целей уголовного наказания стоит обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в котором указано, что справедливое наказание состоит в его соответствии: 1) характеру общественной опасности преступления; 2) степени общественной опасности преступления; 3) обстоятельствам совершения преступления; 4) личности виновного¹.

На основании вышесказанного следует, что восстановление социальной справедливости как цель наказания означает компенсацию причиненного личности, обществу, государству преступлением вреда путем лишения или ограничения прав, соответствующих характеру, общественной опасности, обстоятельствам совершения деяния и личности виновного. Реализация восстановления социальной справедливости как цели наказания предусматривает: 1) вынесение судом в отношении виновного соразмерного и справедливого наказания; 2) компенсацию ущерба и заглаживание вреда, причиненных потерпевшему, обществу и государству; 3) защиту интересов общества от преступления; 4) восстановление правопорядка. Цель наказания, связанная с исправлением осужденного, означает достижение путем наказания устойчивых позитивных изменений в сознании и поведении лица, выраженных в отношении к социальным ценностям и правовым нормам, которое способствует исключению вероятности повторного совершения преступления. Цель наказания – предупреждение совершения новых преступлений – реализуется в виде информационно-превентивного воздействия путем законодательного оформления, назначения и исполнения наказания. Выделяя общую и специальную превенцию, необходимо подчеркнуть, что специальная превенция достигается за счет правильно назначенного наказания, соответствующего степени опасности и личности осужденного, благодаря которому происходит формирование в его сознании устойчивых морально-волевых и нравственно-психологических устоев, препятствующих совершению новых преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. СПб., 1878. 136 с.
3. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. 667 с.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. 800 с.
5. Флетчер Д., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. 511 с.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 08.12.2025).

6. Ширяев В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 27 с.
7. Козлов Н. Н., Курочка Е. В. Социальная справедливость в уголовном праве // Российский судья. 2001. № 2. С. 27–31.
8. Авдеев В. А. Уголовное право : курс лекций. Часть вторая. Иркутск, 2006. 337 с.
9. Дуюнов В. К. Проблемы наказания в новом уголовном праве России. Белгород, 1998. 54 с.
10. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999. 464 с.
11. Уголовное право России : учебник для вузов. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. М., 2000. 624 с.
12. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спарк, 2001. 767 с.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004. 560 с.
14. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 228 с.
15. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1981. 516 с.
16. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина, В. В. Орехова. СПб., 1992. 605 с.
17. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. 156 с.
18. Шмаров И. В. Критерии и показатели эффективности наказания // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 57–64.
19. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л. : Изд-во ЛГУ, 1970. 646 с.
20. Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. СПб., 1061 с.
21. Уголовное право России. Практический курс : учебник / под общ. науч. ред. А. В. Наумова, Р. А. Адельханян и др. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010. 773 с.
22. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 625 с.

REFERENCES

1. Shargorodskiy M. D. Nakazaniye, yego tseli i effektivnost' [Punishment, its goals and effectiveness]. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta, 1973, 160 p. (In Russ.).
2. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [On crimes and punishments]. St. Petersburg, 1878, 136 p. (In Russ.).
3. Sergeyevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg, 1910, 667 p. (In Russ.).

4. Tagantsev N. S. Russkoye ugovnoye parvo [Russian criminal law]. Tula, 2001, Vol. 1, 800 p. (In Russ.).
5. Fletcher D., Naumov A. V. Osnovnyye kontseptsii sovremennogo ugovnogo prava [Basic Concepts of Modern Criminal Law]. Moscow, 1998, 511 p. (In Russ.).
6. Shiryayev V. F. Nakazaniye v sisteme mer ugovno-pravovogo vozdeystviya: sodержaniye, problemy sovershenstvovaniya [Punishment in the System of Criminal-Law Measures: Content and Problems of Improvement] : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2001, 27 p. (In Russ.).
7. Kozlov N. N., Kurochka Ye. V. Sotsial'naya spravedlivost' v ugovnom prave [Social Justice in Criminal Law]. Rossiyskiy sud'ya. 2001, no. 2, pp. 27-31. (In Russ.).
8. Avdeyev V. A. Ugolovnoye pravo. Kurs lektsiy. Chast' vtoraya [Social Justice in Criminal Law]. Irkutsk, 2006, 337 p. (In Russ.).
9. Duyunov V. K. Problemy nakazaniya v novom ugovnom prave Rossii [Problems of Punishment in the New Criminal Law of Russia]. Belgorod, 1998, 54 p. (In Russ.).
10. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 2: Ucheniye o nakazanii : uchebnik dlya vuzov [Course of Criminal Law. General Part. Vol. 2: Theory of Punishment] / POD red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy. Moscow : Izd-vo ZERTSALO, 1999, 464 p. (In Russ.).
11. Ugolovnoye pravo Rossii : uchebnik dlya vuzov. V 2-kh tomakh. Vol. 1. Obshchaya chast' [Criminal Law of Russia. Textbook for Universities. In 2 volumes] / otv. red. A. N. Ignatov i Yu. A. Krasikov. Moscow, 2000, 624 p. (In Russ.).
12. Kurs rossiyskogo ugovnogo prava. Obshchaya chast' [Course of Russian Criminal Law. General Part] / pod red. V. N. Kudryavtseva, A. V. Naumova. Moscow : Spark, 2001, 767 p. (In Russ.).
13. Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast' : uchebnik [Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook] / pod red. L. V. Inogamovoy-Khegay, A. I. Raroga, A. I. Chuchayeva. Moscow : INFRA-M: KONTRAKT, 2004, 560 p. (In Russ.).
14. Karpets I. I. Nakazaniye. Sotsial'nyye, pravovyye i kriminologicheskiye problem [Punishment. Social, Legal, and Criminological Problems]. Moscow, 1973, 228 p. (In Russ.).
15. Sovetskoye ugovnoye pravo. Chast' obshchaya [Soviet Criminal Law. General Part] / pod red. G. A. Krigera, B. A. Kurinova, Yu. M. Tkachevskogo. Moscow, 1981, 516 p. (In Russ.).
16. Ugolovnoye pravo na sovremennom etape: problemy prestupleniya i nakazaniya [Criminal Law at the Present Stage: Problems of Crime and Punishment] / pod red. N. A. Belyayeva, V. K. Glistina, V. V. Orekhova. St. Petersburg, 1992, 605 p. (In Russ.).
17. Noy I. S. Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovnom prave [Issues of the Theory of Punishment in Soviet Criminal Law]. Saratov, 1962, 156 p. (In Russ.).
18. Shmarov I. V. Kriterii i pokazateli effektivnosti nakazaniya [Criteria and Indicators of the Effectiveness of Punishment]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1968, no. 6, pp. 57-64. (In Russ.).
19. Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Chast' Obshchaya. T. 2 [Course of Soviet Criminal Law. General Part] / otv. red. N. A. Belyayev, M. D. Shargorodskiy. Leningrad : Izd-vo LGU, 1970, 646 p. (In Russ.).
20. Ugolovnoye pravo Rossii: Obshchaya chast' : uchebnik [Criminal Law of Russia: General Part: Textbook] / pod red. N. M. Kropacheva, B. V. Volzhenkina, V. V. Orekhova. Izdatel'skiy dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta. St. Petersburg, 1061 p. (In Russ.).

21. Ugolovnoye pravo Rossii. Prakticheskiy kurs : uchebnik [Criminal Law of Russia. Practical Course: textbook] / pod obshch. nauch. red. A. V. Naumova, R. A. Adel'khanyan i dr. 4-ye izd., pererab. i dop. Moscow : Volters Kluver, 2010, 773 p. (In Russ.).

22. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook for bachelors [Ugolovnoye pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik dlya bakalavrov] / edited by Ed. A. I. Rarog. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : Prospect, 2017, 625 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумакова Екатерина Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664028, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ON AUTHOR

Shumakova Ekaterina Vadimovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure Department, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664028.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 09.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 09.01.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены

в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала заявки на опубликование лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта) редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале, о направлении рукописи автору на доработку, об отклонении.

25. О принятом решении об отклонении рукописи автор уведомляется посредством электронной почты или факсимильной связи.

26. В случае принятия решения о направлении рукописи автору на доработку к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: PT Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представляются как сканированное изображение.

В тексте научного материала отсылки заключают в квадратные скобки с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*). Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно **с указанием издающей организации (издательства) и полного количества страниц**). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (**нумерация сквозная**).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны быть отражены следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка

использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала <https://vestnikesiirk.ru>).

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта <https://vestnikesiirk.ru>.

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 2 (117) 2026

Редактор С. В. Капранова
Верстка: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

РИГ ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ДЛЯ ЗАМЕТОК

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ДЛЯ ЗАМЕТОК